

Международная археологическая конференция молодых исследователей
посвящается 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири 1722 г.

Археологические культуры Сибири

В КОНТЕКСТЕ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ В ЕВРАЗИИ

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

**Archaeological Cultures of Siberia
in the Context of Cross-Cultural Contacts
in Eurasia:
Dedicated to the 300th Anniversary of the First Scientific
Archaeological Excavations in Siberia (1722)**

**Proceedings
of the International Archaeological Conference
of Young Researchers “Archaeological Cultures of Siberia
in the Context of Cross-Cultural Contacts in Eurasia:
Dedicated to the 300th Anniversary of the First Scientific
Archaeological Excavations in Siberia (1722)”
(Novosibirsk, November 21–25, 2022)**

Editor-in-Chief
Academician RAS *V.I. Molodin*

Novosibirsk
IAET SB RAS Publishing
2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**Археологические культуры Сибири
в контексте кросс-культурных контактов
в Евразии:
к 300-летию первых научных
археологических раскопок в Сибири (1722 г.)**

**Материалы
Международной археологической конференции
молодых исследователей «Археологические культуры Сибири
в контексте кросс-культурных контактов в Евразии:
к 300-летию первых научных
археологических раскопок в Сибири (1722 г.)»
(Новосибирск, 21–25 ноября 2022 г.)**

Ответственный редактор
академик РАН *В.И. Молодин*

Новосибирск
Издательство ИАЭТ СО РАН
2022

УДК 902(4/5)(082)+903"63"(571.1/5)

ББК Т4(0)+Т4(2Р5)

А874

Утверждено к печати
Ученым советом ИАЭТ СО РАН

Р е д к о л л е г и я

академик РАН *В.И. Молодин*, канд. ист. наук *Д.В. Селин*, канд. ист. наук *М.А. Кудинова*

Конференция и сборник материалов подготовлены при финансовой поддержке фонда «История Отечества», проект № 24/2022/ФП-ММ от 27.04.2022 г.

А874 **Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии: к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.): материалы Международной археологической конференции молодых исследователей (Новосибирск, 21–25 ноября 2022 г.)** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – 292 с.

ISBN 978-5-7803-0330-5

Сборник содержит статьи участников Международной археологической конференции молодых исследователей «Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии: к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.)», которая была проведена 21–25 ноября 2022 г. на базе Института археологии и этнографии СО РАН. Авторами сборника стали ученые из ведущих научных учреждений России (Новосибирск, Санкт-Петербург, Омск, Тюмень, Владивосток, Абакан, Екатеринбург, Кемерово, Барнаул, Магадан), Китая (Пекин, Сиань, Цзинань), Кореи (Сеул, Тэджон), Казахстана (Алма-Ата), Узбекистана (Нукус). В статьях представлен современный уровень исследований проблем межкультурных связей в Евразии.

Издание адресовано археологам, антропологам, этнологам и историкам.

УДК 902(4/5)(082)+903"63"(571.1/5)

ББК Т4(0)+Т4(2Р5)

Archaeological Cultures of Siberia in the Context of Cross-Cultural Contacts in Eurasia: Dedicated to the 300th Anniversary of the First Scientific Archaeological Excavations in Siberia (1722): Proceedings of the International Archaeological Conference of Young Researchers (Novosibirsk, November 21–25, 2022) – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. – 292 p.

ISBN 978-5-7803-0330-5

The proceedings contain articles by participants of the International archaeological conference of young researchers “Archaeological Cultures of Siberia in the context of cross-cultural contacts in Eurasia: dedicated to the 300th anniversary of the first scientific archaeological excavations in Siberia (1722)”, which was held November 21–25, 2022 at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. The authors of the proceedings are scientists from leading scientific institutions of Russia (Novosibirsk, St. Petersburg, Omsk, Tyumen, Vladivostok, Abakan, Yekaterinburg, Kemerovo, Barnaul, Magadan), China (Beijing, Xi’an, Jinan), Korea (Seoul, Daejon), Kazakhstan (Almaty), Uzbekistan (Nukus). The articles present the current level of research on intercultural relations in Eurasia.

The publication is addressed to archaeologists, anthropologists, ethnologists and historians.

ISBN 978-5-7803-0330-5

© ИАЭТ СО РАН, 2022

© Коллектив авторов, 2022

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.005-011
УДК 902

Н.Е. Белоусова

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: consacrer@yandex.ru

Новая культурно-хронологическая последовательность стоянки Ануй-2: предварительные результаты

В результате переосмысления хронологии и культурной последовательности опорной археологической стоянки Ануй-2, расположенной в Северо-Западном Алтае, был получен новый фактический материал для изучения культурных процессов и компонентов определивших яркий и уникальный облик индустрий ранних этапов верхнего палеолита долины р. Ануй в целом, и ее наиболее значимых объектов, в частности. Результаты исследования структуры культурных отложений и индустрий стоянки позволили в более высоком разрешении, чем это было возможно ранее, проследить динамику культурной изменчивости ранних верхнепалеолитических технокомплексов Ануйской долины. Реализация нового этапа исследований, базирующегося на анализе пространственного распределения связей апплицирующихся артефактов и элементов сырьевых групп, позволила подтвердить наличие на памятнике стратифицированных в археологическом отношении участков, скорректировать предложенную ранее схему культурно-стратиграфического членения отложений, а также выявить потенциально более древние недатированные структуры. Установлено, что восточная часть памятника, локализованная выше по склону, сохранила наиболее полную последовательность литологических и археологических подразделений; здесь горизонты разделены прослоями относительно стерильных отложений. В западном направлении прослой частично редуцируются, вследствие чего нижние горизонты залегают в условиях палимпсеста.

Ключевые слова: Горный Алтай, начальный и ранний верхний палеолит, радиоуглеродная хронология, каменные индустрии, культурные отложения, планиграфический анализ.

N.E. Belousova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: consacrer@yandex.ru

New Cultural and Chronological Sequence of the Anui-2 site: Preliminary Results

In this article, we rethink the chronology and cultural sequence of the key archaeological site Anui-2, located in the Northwestern Altai. As a result of the study, we received new factual data

for the reconstruction of cultural processes and components that determined the bright and unique appearance of the most significant archaeological sites and assemblages of the early stages of the Upper Palaeolithic at the Anui River valley. Studies of the lithic assemblages and cultural deposits' structure made it possible to trace the dynamics of cultural variability of the Early Upper Palaeolithic technocomplexes of the Anui Valley at a higher resolution than was previously possible. At a new research stage, we analyzed the spatial distribution of the relationships between the refitted artefacts and elements of the raw material groups. As a result, we confirmed the presence of archaeologically stratified areas at the Anui-2 site, corrected the scheme of cultural-stratigraphic division of deposits proposed earlier, and also identified potentially older undated structures. We found that the eastern part of the site, located higher up the slope, preserved the most complete sequence of lithological and archaeological units. Here the horizons are separated by layers of relatively sterile deposits. In the western direction, the sublayers are partially reduced, which is why the lower horizons occur under palimpsest conditions.

Keywords: Gorny Altai, Initial and Early Upper Palaeolithic, radiocarbon chronology, lithic assemblages, cultural deposits, spatial analysis.

Верхнепалеолитическая стоянка Ануй-2 была обнаружена в 1987 г. на территории Солонешенского р-на Алтайского края. Местонахождение относится к объектам открытого типа и прямо соседствует с многослойной стоянкой Денисова пещера, расположенной на удалении 70 м. Оба объекта приурочены к правому борту долины р. Ануй и имеют выгодную юго-западную экспозицию. Ануй, сливаясь на расширенном участке долины с р. Каракол ниже по течению в месте расположения стоянок, переходит в узкий коридор между склонами гор Сосновая (1 112 м) и Каракол (1 315 м).

Полевые археологические работы на памятнике Ануй-2 осуществлялись в 1989 г. на участке у дороги площадью 35 м² (1 037 каменных артефактов) и в 1990–1991 гг. на смежном участке выше по склону общей площадью 79 м² (ок. 15 000 каменных артефактов). Исследования проводились под руководством А.П. Деревянко, С.В. Маркина, М.В. Шунькова и А.В. Постнова [Археология и палеоэкология..., 1990; Постнов, 1998; Природная среда..., 2003]. Согласно данным геохронологии и палеогеографии, в соответствии с результатами изучения каменных индустрий археологические комплексы стоянки были отнесены к среднему этапу верхнего палеолита.

Основой настоящей работы стали археологические коллекции раскопа 1990–1991 гг. На данном участке в ходе полевых работ в пределах отложений литологических слоев 8–13 было зафиксировано несколько горизонтов обитания древнего человека и следы активной производственной деятельности по расщеплению камня [Природная среда..., 2003, с. 311]. Отложения содержали следы кострищ с размытыми контурами, скопления дебитаж и, в меньшей степени, кости. Абсолютный возраст комплексов оценивался в пределах 27,9–21,2 тыс. ¹⁴С л.н. на основе нескольких измерений по углю и гуминовым кислотам из археологических горизонтов 3, 4, 6, 8 и 12 [Орлова, 1995, с. 216; Природная среда..., 2003, с. 309]. Результаты технико-типологического анализа позволили исследователям сделать вывод об однородном облике индустрий наиболее насыщенных археологических горизонтов 6–12 [Природная среда..., 2003, с. 315]. Было установлено, что

каменное сырье для производственных операций поступало главным образом из галечника р. Ануй; в качестве сырья использовались преимущественно афирмовые и порфиоровые разности эффузивных пород, песчаники, алевропесчаники и алевролиты [Природная среда..., 2003, с. 310].

Памятник Ануй-2, полагаемый до сегодняшнего дня ключевым в рамках изучения динамики культурных изменений на среднем этапе верхнего палеолита Алтая, содержит индустрии, демонстрирующие значительное сходство с местными ранневерхнепалеолитическими комплексами усть-каракольской традиции. Данное обстоятельство, наряду с очень близкой хронологией комплексов, ранее позволило предположить преемственность в развитии традиций раннего и среднего этапов верхнего палеолита алтайского региона [Деревянко, Шуньков, 2004, с. 33]. Новые исследования были призваны расширить фактологическую базу для оценки структуры культурных отложений объекта Ануй-2, его хронологии и культурного облика, а также получить новый материал для изучения природы его сходства с предшествующими ранневерхнепалеолитическими комплексами Алтая.

Целью исследования выступала реконструкция культурно-хронологической последовательности стоянки Ануй-2 на основе новых подходов к анализу археологического материала и его контекстов. Задачи исследования включали идентификацию отдельных культурных подразделений на основе анализа пространственного распределения находок и планиграфических структур, дифференциацию коллекций согласно полученной схеме археологической стратификации, сравнительный анализ технико-типологического облика каменных индустрий, корреляцию опубликованных ранее и новых данных абсолютной хронологии.

Данные о вещественном составе и стратиграфическом контексте археологических комплексов раскопа 1990–1991 гг. стоянки Ануй-2 в полной мере представлены в диссертационном исследовании А.В. Постнова «Поздний палеолит долины р. Ануй» 1998 г., а также в коллективной монографии «Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая» 2003 г. [Постнов, 1998; Природная среда..., 2003]. Согласно опубликованным данным, здесь в литологических слоях 8–14 было выявлено 12 горизонтов обитания палеолитического человека, чаще определяемые исследователями как «археологические горизонты» (далее сокращенно – арх. гор.). В результате раскопок из археологических подразделений 1–5 была получена незначительная по численности коллекция находок, состоящая из 109 каменных артефактов. Основной объем материала происходил из арх. гор. 6 (85 экз.), арх. гор. 7 (292 экз.), арх. гор. 8 (1 100 экз.), арх. гор. 9 (2 666 экз.), арх. гор. 10 (6 509 экз.), арх. гор. 11 (3 501 экз.), арх. гор. 12 (761 экз.).

Наше исследование базировалось на технологическом, сравнительно-типологическом, экспериментально-трасологическом методах [Гиря, 1997; Гиря, Брэдли, 1996]. Важными научными инструментами в контексте реконструкции технологий расщепления в целом, и отдельных операционных последовательностей в частности, выступили метод ремонтажа, метод сырьевых единиц и трансформационный анализ [Аксенов 2009; Белоусова, Федорченко, Славинский 2018]. Результаты ремонтажа и анализа сырьевых единиц, дополненные

стратиграфическими и планиграфическими данными, позволили установить связи между отдельными находками и скоплениями, получить данные о структуре культурных отложений и их тафономии. Посредством группирования артефактов с идентичными комбинациями микро- и макроскопически определяемых петрографических признаков из широкого технологического контекста каменных индустрий стоянки были выбраны продукты расщепления отдельных блоков сырья (80 сырьевых групп, до 100 артефактов в одной группе), реализована серия ремонтжей артефактов. Данные о составе сырьевых групп, ремонтжей и отдельных находках с признаками химического выветривания были интегрированы в электронную базу данных, что позволило выстроить с помощью GoldenSoftwareSurfer 15.5.382 планы локализации находок, структур, кострищных пятен.

В результате проведенных исследований была скорректирована предложенная ранее схема культурно-стратиграфического членения отложений стоянки Ануй-2. Выявлен ряд пространственных структур, демонстрирующих разную насыщенность, сохранность и хронологию – культурные горизонты А (преимущественно ему соответствуют материалы арх. гор. 3 и 4), В (на разных участках соответствуют арх. гор. 6/7 и 8/9), С (в разной степени соответствуют материалы арх. гор. 10 и 11), D (преимущественно соответствуют арх. гор. 11 и 12) и Е (преимущественно соответствуют арх. гор. 11 и 12). Установлено, что восточная часть памятника, локализованная выше по склону, сохранила наиболее полную последовательность литологических и археологических подразделений. Здесь горизонты разделены прослоями относительно стерильных отложений; в западном направлении (к речному руслу) они частично редуцируются, вследствие чего горизонты С, D и отчасти Е залегают в условиях палимпсеста.

Было установлено, что культурные отложения подвергались влиянию склоновых процессов – определенное смещение материала на запад происходило в период интенсивного формирования склона (горизонт А) и позже на этапе бытования относительно ровной площадки с легким уклоном (горизонты В и С). На этапе накопления отложений горизонта Е слабое смещение происходило как в западном, так и в восточном направлениях в соответствии с рельефом подстилающего пойменного аллювия. Единичные и типологически невыразительные артефакты горизонта А залегают в перемещенном состоянии, характерно отсутствие технологических скоплений. Структуры горизонта В испытали слабое воздействие склоновых процессов, сохранив серию технологических скоплений на северном и северо-западном участках; при этом, данные ремонтажа однозначно указывают на перемещение единичных артефактов на верхние и нижние стратиграфические уровни. Комплексы горизонтов С и D демонстрируют наименее отчетливую пространственную дифференциацию, граница между ними выражена относительно слабо даже на стратифицированных участках. Индустрия нижнего горизонта Е, судя по наличию технологических скоплений и ремонтжей, не подверглась существенному воздействию постдепозиционных процессов. Артефакты из отдельных типов осадочных пород демонстрируют признаки химического выветривания. Влияние биотурбаций на сохранность структур можно охарактеризо-

вать как слабое – отдельные связи свидетельствуют о перемещении единичных артефактов и костей на вышележащие уровни.

В нижнем комплексе горизонта Е зафиксированы циклы по производству пластин («призматических» и «псевдолеваллуазских») экземпляров в рамках необъемной концепции) и мелких пластинчатых сколов («нуклеусы-резцы» и подпризматические нуклеусы на сколах), серия импортных заготовок и орудий; характер инвентаря указывает на непродолжительную поселенческую активность. Индустрия вышележащего горизонта D свидетельствует о реализации объемного призматического пластинчатого производства, а также узконаправленной деятельности, при которой задействовалось большое число скребков на пластинах и отщепах. Выраженная поселенческая специфика также характерна для вышележащего и наиболее насыщенного находками комплекса горизонта С, где представлены свидетельства организации жилого пространства вокруг кострищ, зафиксированы множественные операции по производству отщеповых заготовок с радиальных нуклеусов, производство мелких пластинок, использование массивных скребел, стругов, скребков и резцов, свидетельства производства минеральных красителей и использования предметов персональной орнаментации.

В результате анализа индустрии горизонта В впервые для палеолита Алтая получена развернутая характеристика гомогенной индустрии усть-каракольской традиции, позволяющая скорректировать представления о культурной и типологической составляющей этой традиции. Установлено, что для горизонта В характерна поселенческая активность в сочетании с охотничьей деятельностью; в северо-западной части стоянки зафиксирована площадка по расщеплению кареноидных нуклеусов, скребки высокой формы, микроскребки, пластинки с ретушью и притупленным краем, острия на пластинках, применявшиеся в качестве элементов составных пазовых или метательных орудий.

Результаты исследования планиграфического контекста образцов угля, по которым в 1990-х гг. была получена серия радиоуглеродных определений в диапазоне от 27,9 до 20,3 тыс. ¹⁴С л.н. л.н., позволяют предположить, что материалы наиболее древнего горизонта Е могли остаться неохваченными анализом. В то же время, новые результаты AMS-датирования образцов кости в зоне кострища горизонта D свидетельствуют об их большей, чем полагалось ранее (арх. гор. 12, кв. Г–7/8, 26,8 тыс. ¹⁴С л.н.), древности – ок. 33 тыс. ¹⁴С л.н. Обозначенные факты являются основанием для пересмотра всей культурно-хронологической последовательности объекта в сторону его существенного удревления и переоценки атрибуции археологических комплексов.

Таким образом, реализация нового этапа исследований, основанного на анализе пространственного распределения связей апплицирующихся артефактов и элементов сырьевых групп, позволила подтвердить наличие на памятнике стратифицированных в археологическом отношении участков, а также выявить потенциально более древние недатированные комплексы. Переосмысление структуры культурных отложений стоянки стало в нашем исследовании основанием для корректировки предложенной ранее модели ее освоения. Согласно новым данным, заселение происходило как минимум в пять этапов. Наиболее древний

горизонт E представлен пластинчатой индустрией, тяготеющей по своему облику к ранним комплексам кара-бомовской культурной традиции начального верхнего палеолита. Горизонт D предварительно может быть отнесен к позднему этапу начального верхнего палеолита. Горизонты В и С, судя по имеющимся данным, представлены двумя индустриями усть-каракольской традиции раннего верхнего палеолита, включая классический этап, ассоциированный с ориньякоидными мелкопластинчатыми технологиями и типологически выразительными микролитами, и более ранний – с доминирующей отщеповой составляющей в первичном расщеплении и редуцированной мелкопластинчатостью.

Полученные результаты позволяют говорить о принципиальном значении дальнейшего пристального изучения хронологии и культурной атрибуции археологических комплексов стоянки Ануй-2. Данный памятник может стать ключом для понимания культурных процессов и компонентов, определивших яркий и уникальный облик верхнепалеолитических индустрий долины р. Ануй в целом и ее наиболее значимых объектов в частности (Денисова пещера и Усть-Каракол-1).

Благодарности

Исследование материалов стоянки Ануй-2 выполнено в рамках проекта РФФ № 20-78-10125 «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность». Региональные корреляционные исследования проводились при поддержке Проекта НИР № FWZG-2022-0003 «Северная Азия в каменном веке: культурная динамика и экологический контекст».

Список литературы

Аксенов М.П. Палеолит и мезолит верхней Лены: монография. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – 370 с.

Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая / Деревянко А.П., Гричан Ю.В., Дергачев М.И., Зенин А.Н., Лаухин С.А., Левковская Г.М., Малолетко А.М., Маркин С.В., Молодин В.И., Оводов Н.Д., Петрин В.Т., Шуньков М.В. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1990. – 158 с.

Белюсова Н.Е., Федорченко А.Ю., Славинский В.С. Анализ сырьевых единиц как способ изучения структуры культурных отложений и реконструкции систем мобильности и жизнеобеспечения // *Stratum plus. Культурная антропология и археология.* – 2018. – № 1. – С. 125–143.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий: методика микро- макроанализа древних орудий труда. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. – Ч. 2. – 198 с.

Гиря Е.Ю., Брэдли Б.А. Словарь Кроу Каньон: концепция технологического анализа каменных индустрий // *Археологический альманах.* – 1996. – № 5. – С. 13–22.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // *Археология, этнография и антропология Евразии.* – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // *Методы естественных наук в археологических реконструкциях.* Ч. II / отв. ред. А.П. Деревянко, Ю.П. Холошкин. – Новосибирск, 1995. – С. 205–232.

Постнов А.В. Поздний палеолит бассейна р. Ануй: автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1998. – 250 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

References

- Aksenov M.P.** Paleolit i mezolit verkhney Leny: monografiya. Irkutsk, 2009. 370 p. (In Russ.).
- Archaeology and paleoecology of the Palaeolithic of Gorny Altai** / Derevyanko A.P., GrichanYu.V., Dergachev M.I., Zenin A.N., Laukhin S.A., Levkovskaya G.M., Maloletko A.M., Markin S.V., Molodin V.I., Ovodov N.D., Petrin V.T., Shunkov M.V. Novosibirsk: IIFF SB AS USSR Publ., 1990. 158 p. (In Russ.).
- Belousova N.E., Fedorchenko A.Yu., Slavinskiy V.S.** Raw Material Unit Analysis as a Method of Studying the Structure of Cultural Deposits and Reconstruction of Mobility and Life Support Systems. *Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology*, 2018. N 1. P. 125–143. (In Russ.).
- Derevianko A.P., Shunkov M.V.** Formation of the Upper Palaeolithic Traditions in the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004. N 3. P. 12–40. (In Russ.).
- Girya E.Yu.** Tekhnologicheskii analiz kamennykh industriy: metodika mikro- makroanaliza drevnykh orudiy truda. Saint Petersburg: IHMC RAS, 1997. Part. 2. 198 p. (In Russ.).
- Girya E.Yu., Bradley B.A.** Slovar' Krou Kan'on: kontseptsiya tekhnologicheskogo analiza kamennykh industry. In *Arkheologicheskii al'manakh*, 1996. N 5. P. 13–22. (In Russ.).
- Orlova L.A.** Radiouglerodnoye datirovaniye arkheologicheskikh pamyatnikov. In *Sibiri i Dal'nego Vostoka. Metody yestestvennykh nauk v arkheologicheskikh rekonstruktsiyakh*. Vol. 2. Eds. A.P. Derevianko, Yu.P. Kholyushkin. Novosibirsk, 1995. P. 205–232. (In Russ.).
- Postnov A.V.** The Upper Palaeolithic of the Anui river basin: PhD Dissertation. Novosibirsk, 1998. 250 p. (In Russ.).
- Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaia** / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadjanian, G.F. Baryshnikov, E.M. Malayeva, V.A. Ulianov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoinin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. 448 p. (In Russ.).

Белуосова Н.Е. <https://orcid.org/0000-0001-7054-3738>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.012-017
УДК 903.05

Ван Пэн

*Институт археологии Академии общественных наук КНР
Пекин, Китай
E-mail: wp@cass.org*

Бронзовое копьё сейминско-турбинского типа из бассейна р. Янцзы в Китае и научная значимость этой находки

К настоящему моменту на территории Китая обнаружено десять сейминско-турбинских бронзовых копий. Особый интерес представляет копьё из Лоцзябайлин, обнаруженное в одном слое с изделиями из нефрита, относящимися к культуре поздней шицзяхэ. Согласно опубликованным рисункам, форма бронзового копья из Лоцзябайлин совпадает с формой бронзовых наконечников копий с памятников Шэньна и Сяванган. Судя по нефритовым изделиям культуры поздней шицзяхэ, найденным вместе с копьём, датировка бронзовых копий совпадает со временем поздней шицзяхэ, приблизительно 2200–1800 до н.э. Значение совместной находки сейминско-турбинских бронзовых копий и изделий из нефрита культуры поздней шицзяхэ заключается в том, что они способствуют лучшему пониманию культурных связей между луншаньской культурной общностью в Китае и культурами раннего бронзового века Южной Сибири в кон. 3 – нач. 2 тыс. до н. э. В искусстве этих культур обнаруживается множество схожих черт, что может быть результатом контактов между культурами луншаньской эпохи на территории Китая и культурами эпохи ранней бронзы Южной Сибири. Распространение сейминско-турбинских бронз на восток и юг от Алтая являлось предпосылкой этих процессов.

Ключевые слова: Китай, Южная Сибирь, эпоха бронзы, сейминско-турбинские копьё, шицзяхэ.

Wang Peng

*Institute of Archaeology Chinese Academy of Social Sciences
Beijing, China
E-mail: wp@cass.org*

A Seima-Turbino Bronze Spear Discovered in the Yangtze River Valley in China and Its Important Academic Significance

To date, ten Seima-Turbino bronze spearheads have been discovered in China. Of particular interest is the spear from Lojiabailing, found in the same layer with jade items belonging to the post-

Shijiahe culture. According to published drawings, the shape of the bronze spear from Luojiabailing coincides with the shape of the bronze spearheads from the Shenna and Xiawanggang sites. Judging by the jade items of the post-Shijiahe culture found together with the spear, the dating of the bronze spears coincides with the time of the post-Shijiahe, approximately 2200–1800 BC. The significance of the joint discovery of the Seima-Turbino bronze spears and jade products of the post-Shijiahe culture lies in the fact that they contribute to a better understanding of the cultural ties between the Longshan cultural community in China and the cultures of the early Bronze Age of Southern Siberia in the late 3rd – early 2nd millennium BC. There are many similarities in the art of these cultures, which may be the result of contacts between the cultures of the Longshan era in China and the cultures of the Early Bronze Age of Southern Siberia. The spread of the Seima-Turba bronzes to the east and south of the Altai was a prerequisite for these processes.

Keywords: China, Southern Siberia, Bronze Age, Seima-Turbino spears, Shijiahe.

Бронзовые изделия сейминско-турбинского типа – это одно из наиболее впечатляющих культурных явлений в археологии бронзового века Евразии. Исследования последних лет показывают, что бронзовые изделия сейминско-турбинского типа широко распространены не только в степях Евразии, но также найдены в Северном Китае и даже в бассейне р. Янцзы.

Согласно неполным статистическим данным, на сегодняшний день на территории Китая обнаружено десять типичных сейминско-турбинских бронзовых изделий, а именно, наконечников копий [Сайима-Туэрбиньно..., 2019]. Среди них наибольшего внимания археологов заслуживают пять изделий, обнаруженные во время академических археологических раскопок, в частности, одно копьё, обнаруженное на памятнике Шэньна на территории г. Синин, пров. Цинхай, (рис. 1, 5) [Ван Годао, 1995; Ван Юэ и др., 2022]. Четыре изделия найдены на памятнике Сяванган на территории уезда Сичуань пров. Хэнань (рис. 1, 6) [Сичуань..., 2020]. К сожалению, несмотря на то, что горизонт, в котором найдены эти бронзовые копьё, определен, эти изделия не были обнаружены вместе с другими находками, которые представляли бы научную ценность. В связи с этим точный возраст и соответствующий культурный фон для упомянутых бронзовых копий не могут быть точно определены. Следовательно, основываясь на обнаружении представленных бронзовых наконечников копий, невозможно говорить о культурных обменах того времени.

Среди бронзовых копий сейминско-турбинского типа, обнаруженных на территории Китая, копьё, найденное в 1950-е гг. на памятнике культуры шицзяхэ Лоцзябайлин на территории г. Тяньмэнь, пров. Хубэй, в прошлом оставалось без внимания научного сообщества. Это довольно крупное копьё листовидной формы, с ребром жесткости посередине, длиной ок. 29 см, шириной ок. 11 см. Авторы раскопок посчитали его «фрагментом меча», но его форма и размер полностью совпадают с листовидными копьями сейминско-турбинского типа, таким образом, очевидно, что это фрагмент сейминско-турбинского копья (рис. 1, 4).

Бронзовое копьё из Лоцзябайлин и изделия из нефрита, принадлежащие к культуре поздней шицзяхэ (рис. 1, 1–3), были обнаружены в одном слое, поэтому первоначально исследователи отнесли их к эпохе Чжоу [Чжан Юньпэн, 1956]. Позже с открытием стоянки Сяоцзяуцзи принадлежность данных пред-

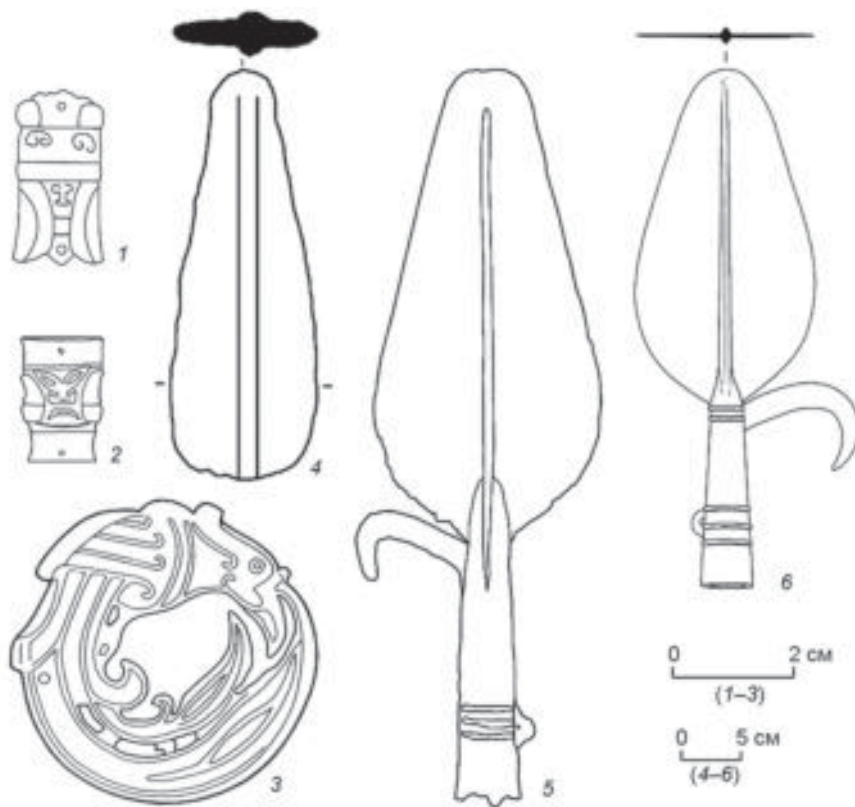

Рис. 1. Сейминско-турбинские бронзовые копья обнаруженные в ходе академических раскопок в Китае и связанные с ними предметы.

1–4 – памятник Лоцзябайлин; 5 – памятник Шэньна; 6 – памятник Сяванган; 1–3 – нефрит, 4–6 – бронза; 1–3 – по: [Шицзяхэ..., 2008]; 4 – по: [Чжан Юньпэн, 1956]; 5–6 – по: [Сайима-Туэрбиньно..., 2019].

метов из нефрита пересмотрели и отнесли к луншаньской культурной общности, однако копье упомянуто не было [Чжан Юньпэн, Ван Цзинь, 1994]. В связи с этим эта ценная находка на протяжении долгого времени не вызывала интереса в научном сообществе. Судя по опубликованным рисункам, форма бронзового копья из Лоцзябайлин в целом совпадает с формой бронзовых копий с памятников Шэньна и Сяванган. Судя по нефритовым изделиям культуры поздней шицзяхэ, найденным вместе с копьем, датировка бронзовых копий совпадает со временем поздней шицзяхэ, приблизительно 2200–1800 до н.э. [Чжан Хай, 2021].

Значение совместной находки сейминско-турбинских бронзовых копий и изделий из нефрита культуры поздней шицзяхэ заключается в том, что они способствуют лучшему пониманию культурных связей между луншаньской культурной общностью в Китае и культурами раннего бронзового века Южной Сибири в кон. 3 – нач. 2 тыс. до н. э. Например, между, почти совпадающим по времени, искусством культур шимао, поздней шицзяхэ и искусством окуневской культуры есть сходства (рис. 2; 3) [Шицзяхэ..., 2008; Чжан Яфэн, Чжоу Хуа, 2020; Сунь Чжоуюн и др., 2020; Сунь Чжоуюн, Шао Цзин Ди Нань, 2020; Вадецкая, Леонтьев,

Рис. 2. Сравнение искусства окуневской культуры и культуры поздней шицзяхэ.

1, 4, 6 – окуневская культура; 2, 3, 5, 7 – культура поздней шицзяхэ; 1, 4, 6 – камень; 2, 3, 5, 7 – нефрит; 1, 4, 6 – по: [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980]; 2, 3, 5 – по: [Шицзяхэ..., 2008]; 7 – по: [Чжан Яфэн, Чжоу Хуа, 2020].

Рис. 3. Сравнение искусства окуневской культуры и культуры Шимао.

1, 3, 4 – окуневская культура, 2, 5 – культура шимао; 1 – рог, 2–5 – камень; 1 – по: [Поляков, Есин, 2015]; 2 – по: [Сунь Чжоуюн и др., 2020]; 3, 4 – по: [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006]; 5 – по: [Сунь Чжоуюн, Шао Цзин Ди Нань, 2020].

Максименков, 1980; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006; Поляков, Есин, 2015], что явилось результатом контактов между культурами луншаньской эпохи на территории Китая и культурами эпохи ранней бронзы Южной Сибири. Предпосылкой этого культурного обмена, скорее всего, послужило распространение сейминско-турбинских бронз на восток и юг из центра в Алтайских горах.

Список литературы

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – 148 с.

Ван Годао. Сининши шэньна цицзя вэньхуа ичжи (Памятник культуры Цицзя на стоянке Шэньна в гор. Синин) // Чжунго каогусюэ няньцзянь (Ежегодник Археология Китая). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1995. – С. 260–261. (на кит. яз.).

Ван Юэ, Ли Гохуа, Цяо Хун, Чжан Цинмин, Фэн Сюэ. Сининши чэнбэйцхой шэньна ичжи 1992–1994 нянь фацзюэ цзяньбао (Стоянка Шэньна на территории района Чэнбэй, гор. Синин, отчет 1992–1994 гг.) // Каогу (Археология). – 2022. – № 5. – С. 3–23. (на кит. яз.).

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакасское книжн. изд-во, 2006. – 236 с.

Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 2. – С. 43–57.

Сайима-туэрбиньно вэньхуа юй шицзянь Сычоучжилу / Линь Мэйцунь чжубянь (Сейминско-турбинская культура и доисторический Шелковый путь / Гл. ред. Линь Мэйцунь). – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2019. – 336 с. (на кит. яз.).

Сичуань Сяванган: 2008–2010 нянь каогу фацзюэ баогао (цюань сань цэ) / Гао Цзянтао чжубянь (Памятник Сяванган в уезде Сичуань: отчет об археологических раскопках 2008–2010 гг.). В 3 т. / Гл. ред. Гао Цзянтао). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2020. – Т. 1. – 356 с. (на кит. яз.).

Сунь Чжоуюн, Шао Цзин, Ди Нань. Шимао ичжи хуанчэн тайди дянь 2016–2018 няньду каогу синьфасянь (Археологическое обнаружение руин фундамента императорских строений на стоянке Шимао в 2016–2018 гг.) // Каогу юй вэньу (Археология и памятники культуры). – 2020. – № 4. – С. 3–11. (на кит. яз.).

Сунь Чжоуюн, Шао Цзин, Ди Нань, Шао Аньдин, Ся Нань, Лю Хайли, Кан Нинъю. Шэньси шэньмуши шимао ичжи хуанчэн тайда тайцзи ицзи (Руины фундамента построек императорского города на памятнике Шимао в уезде Шэньму, пров. Шэньси) // Каогу (Археология). – 2020. – № 7. – С. 34–46 (на кит. яз.).

Чжан Хай. Хоушицзяхэ вэньхуа лайюаньдэ цзай таньтао (Еще раз об истоках поздней Шицзяхэ) // Цзянхань каогу (Археология Цзянхань). – 2021. – № 6. – С. 118–134. (на кит. яз.).

Чжан Юньпэн. Хубэй Цзиншань, Тяньмэнь каогу фацзюэ цзяньбао (Отчет об археологических раскопках на территории пров. Хубэй в уезде Цзиншань и гор. Тяньмэнь) // Каогу тунсюнь (Новости археологии). – 1956. – № 3. – С. 11–21, вкл. 1–4. (на кит. яз.).

Чжан Юньпэн, Ван Цзинь. Хубэй шицзяхэ лоцзябайлин синьшици шидай ичжи (Неолитические стоянки Шицзяхэ и Лоцзябайлин в пров. Хубэй) // Каогу сюэбао (Вестник археологии). – 1994. – № 2. – С. 191–229. (на кит. яз.).

Чжан Яфэн, Чжоу Хуа. Хунань Лисянь суньцзяган ичжи муди 2016–2018 нянь фацзюэ цзяньбао (Могильник Суньцзяган в пров. Хунань, уезд Лисянь, отчет 2016–2018 гг.) // Каогу (Археология). – 2020. – № 6. – С. 53–76 (на кит. яз.).

Шицзяхэ вэньхуа юйци (Нефритовые изделия культуры Шицзяхэ). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2008. – 188 с. (на кит. яз.).

References

- Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F., Esin Yu.N.** Izvayaniya i stely okunevskoi kul'tury, Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 236 p. (In Russ.).
- Polyakov A.V., Esin Yu.N.** Horn figurines from an Okunev burial on Lake Itkul, Khakassia, Southern Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2015. N 2. P. 43–57. (In Russ.).
- Saiyima-tuerbinnuo** wenhua yu shiqian Sichouzhilu / Lin Meicun zhubian [Lin Meicun (ed.) Seima-Turbino culture and Prehistoric Silk Road]. Shanghai: Shanghai Classics Publishing House, 2019. 336 p. (In Chin.).
- Shijiahe** wenhua yuqi [Jade products of the Shijiahe culture]. Beijing: Cultural Relics Publ., 2008. 188 p. (In Chin.).
- Sun Zhouyong, Shao Jing, Di Nan.** Shimao yizhi huangcheng taidi dian 2016–2018 niandu kaogu xinfaxian (Archaeological discovery of the ruins of the imperial buildings at the Shimao site in 2016–2018). *Kaogu yu Wenwu [Archaeology and Cultural Relics]*. 2020. N 4. P. 3–11. (In Chin.).
- Sun Zhouyong, Shao Jing, Di Nan, Shao Anding, Xia Nan, Liu Haili, Kang Ningwu.** Shaanxi Shenmu shi Shimao yizhi huangchengtai da taiji yiji [Ruins of the imperial buildings at the Shimao site in Shenmu County, Shaanxi Province]. *Kaogu [Archaeology]*, 2020. N 7. P. 34–46. (In Chin.).
- Vadetskaya E. B., Leont'ev N. V., Maksimenkov G. A.** Pamyatniki okunevskoi kul'tury, Leningrad: Nauka, 1980, 148 p. (In Russ.).
- Wang Guodao.** Xiningshi shenna qijia wenhua yizhi [Qijia cultural monument at the Shenna site in Xining]. In *Zhongguo kaoguxue nianjian [Chinese Archeology Yearbook]*. Beijing: Cultural Relics Publ., 1995. P. 260–261. (In Chin.).
- Wang Yue, Li Guohua, Qiao Hong, Zhang Qingmin, Feng Xue.** Xiningshi chengbei qu shenna yizhi 1992–1994 nian fajue jianbao (Shenna site in Chengbei district, Xining city, report 1992–1994). *Kaogu [Archaeology]*, 2022. N 5. P. 3–23. (In Chin.).
- Xichuan** Xiawanggang: 2008–2010 nian kaogu fajue baogao (quan san ce) / Gao Jiangtao zhubian [Gao Jiangtao (ed.) Xiawanggang Site in Xichuan. Report on Archaeological Excavations in 2008–2010]. Beijing: Science Press, 2020. Vol. 1. 356 p. (In Chin.).
- Zhang Hai.** Rethinking the Origin of «Post-Shijiahe Culture». *Jiangnan kaogu [Archaeology of Jiangnan]*, 2021. N 6. P. 118–134. (In Chin.).
- Zhang Yafeng, Zhou Hua.** Hunan lixian sunjiagang yizhi mudi 2016–2018 nian fajue jianbao (Excavation Report of the Sunjiagang burial ground in Li County, Hunan Province, 2016–2018). *Kaogu [Archaeology]*, 2020. N 6. P. 53–76. (In Chin.).
- Zhang Yunpeng.** Hubei Jingshan, Tianmen kaogu fajue jianbao (Report on archaeological excavations on the territory of Hubei Province in Jingshan County and Tianmen city). *Kaogu tongxun [News of archeology]*, 1956. N 3. P. 11–21, pl. 1–4. (In Chin.).
- Zhang Yunpeng, Wang Jin.** The Neolithic site at Luojiabailing, Shijiahe, Hubei. *Kaogu xuebao [Acta Archaeologica Sinica]*, 1994. N 2. P. 191–229. (In Chin.).

ВАН ПЭН. <https://orcid.org/0000-0002-4279-2267>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.018-026
УДК 902

Н.Н. Головченко

*Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия
E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru*

Историографический аспект изучения поликультурности населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа

В историографическом аспекте проанализирован текущий задел концепции поликультурности, применяющийся к анализу археологических материалов эпохи раннего железа Верхнего Приобья. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что вопрос интерпретации историко-культурной ситуации в Верхнеобском регионе во второй половине I тыс. до н.э. можно разделить на две проблемы. Первая связана с попытками этнической интерпретация транскультурного предметного комплекса и определения фактов «этносоциального доминирования» пришлых «саков» над местным населением Верхнеобского бассейна. Вторая заостряет внимание на выявлении механизмов интеграции транскультурного предметного комплекса в бытовую и обрядовую практики этнически разнородного населения региона.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, историография, поликультурность.

N.N. Golovchenko

*Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russia
E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru*

Historiographical Aspect of the Study of Policulturalism of the Population of the Upper Ob Basin of the Early Iron Age

In the historiographic aspect, the current research of the concept of multiculturalism applied to the analysis of archaeological materials of the Early Iron age of the Upper Ob region is analyzed. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the issue of interpretation of the historical and cultural situation in the Upper Ob region in the second half of the 1 millennium BC can be divided into two problems. The first is connected with attempts to ethnically interpret the transcultural subject complex and to determine the facts of the «ethnosocial dominance» of the newcomers «Saks» over the local population of the Upper

Ob basin. The second focuses on identifying the mechanisms of integration of the transcultural subject complex into the everyday and ritual practices of the ethnically diverse population of the region.

Keywords: *Upper Ob region, Early Iron Age, historiography, policulturalism.*

В эпоху раннего железа весь степной пояс Евразии, от западных границ Венгрии до Ордоса в Китае, был населен обществами, в среде которых сложились близкие по облику культуры, получившие среди исследователей общее название культур «скифо-сакского (скифо-сибирского) мира», одним из регионов этого «мира» был бассейн Верхней Оби.

Первая схема культурно-исторического развития населения Верхнего Приобья, периферийного по отношению к основному ареалу распространения культур скифо-сакского круга региона, была выработана трудами М.П. Грязнова [Грязнов, 1956, с. 44–99]. Уже в 1950-е гг. им был сделан вывод о сочетании нескольких культурных традиций, принявших участие в формировании большереченских комплексов [Грязнов, 1956, с. 72].

В ходе последующих исследований тезис о многокомпонентности этнического состава большереченской культурно-исторической общности возникал неоднократно: при анализе культурно-исторических процессов в регионе [Алехин, 1989, с. 83–86; Могильников, 1989, с. 125–129; Троицкая, Бородавский, 1994, с. 104], при интерпретации предметного комплекса [Могильников, 1997, с. 76], при атрибуции полевых материалов, полученных в ходе исследования курганных [Полосьмак, 1987, с. 108–111; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 78–80; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 180–181] и грунтовых некрополей [Фролов, 2008, с. 179–181], при анализе социальной структуры данной общности [Матвеева, 1998, с. 346–363], при реконструкции поясных наборов и конской фурнитуры [Шульга, 2003, с. 113–121; 2008, с. 107–115; 2016, с. 84–95], он был подтвержден результатами технико-технологического анализа керамического комплекса [Мыльникова, 2015, с. 369–384] и анализом антропологического материала [Багашев, 2017, с. 141–143, 179–180]. Однако различия исследовательских подходов предопределили разночтения как в определении понятия «многокомпонентность», так и в интерпретации отражаемых данной дефиницией процессов. За констатациями «многокомпонентности» и поисками точек влияния остался не замеченным сам феномен поликультурности археологического материала и исторические процессы синтеза и адаптации, в результате которых он сложился.

Гипотеза поликультурности населения Южной Сибири эпохи раннего железа, как самобытного явления, была сформулирована Д.Г. Савиновым и поддержана А.П. Бородавским и его учениками [Савинов, 2002, с. 155; Бородавский, 2016, с. 94–102; 2017, с. 229–240; 2018б, с. 230–243; Головченко, 2020, с. 73–92].

Первый отклик на предложения Д.Г. Савинова, применительно к большереченским материалам, был дан А.П. Бородавским уже в Искитимском томе 2002 г. в разделе посвященном публикации материалов Быстровского некрополя [Бородавский, 2002], после чего последовала целая серия статей в ведущих реферируе-

мых изданиях [Бородовский, 2003, с. 79–92; 2015, с. 87–96; 2016, с. 94–102; 2017, с. 229–240; 2018а, с. 123–132]. На широком материале автором были освещены проблемы взаимодействия саргатской, кулайской и большереченской культурных традиций в археологических памятниках Новосибирского Приобья, дана естественнонаучная датировка опорного некрополя – Быстровка-2. На конкретных примерах планиграфии курганных могильников [Бородовский, 2017, с. 229–240], керамического материала [Бородовский, 2015, с. 93], предметов вооружения [Бородовский, 2015, с. 92] показаны практики межкультурной интеграции и коммуникации. Особое рассмотрение получил транскультурный предметный комплекс и его адаптивные вариации [Бородовский, 2016, с. 94–102; 2018б, с. 230–243]. В русле обозначенной концепции под руководством А.П. Бородовского была защищена кандидатская диссертация по предметному комплексу одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа [Головченко, 2020; Головченко, 2022, с. 148–164].

Несмотря на то, что отдельные положения работ А.П. Бородовского нашли отражение в монографиях и статейных публикациях [Шульга, 2003; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; Евразия..., 2005; Кубарев, Шульга, 2007; Алексеев, Дьяконов, 2009, с. 26–40; Шульга, 2015; Гаркуша, 2019, с. 217–227; Головченко, 2020, с. 73–92], практика анализа археологического материала Верхнего Приобья с позиции поликультурности широкого отклика не получила. Более того, можно утверждать, что она была незаслуженно проигнорирована некоторыми региональными археологами.

Среди массы изданных в последнее время работ, посвященных археологии эпохи раннего железа Барнаульского Приобья, ссылка на издания А.П. Бородовского по поликультурности присутствует только в одной публикации, посвященной введению в научный оборот материалов исследования памятника Чумыш-Пережат [Фрибус, Грушин, Фролов., 2018, с. 194–202]. Повествуя о бытовании елочного орнамента на кувшиновидных и баночных сосудах, авторы отмечают, что данный тип орнаментации появляется в конце V в. до н.э. и широко распространяется в «каменных памятниках» с IV–III вв. до н.э. После чего высказывается предположение, что «в этот же период, одновременно с каменным, данный элемент декора появляется и в саргатском керамическом комплексе барабинских памятников». Фактически то же утверждает А.П. Бородовский в цитируемой публикации [Бородовский, 2015, с. 89]. Далее делается вывод о том, что «нельзя связывать распространение в каменном орнаментальном комплексе этой традиции исключительно с саргатским влиянием. Скорее следует говорить о сходном тренде, характерном как для саргатской, так и для каменной культур» [Фрибус, Грушин, Фролов., 2018, с. 200]. На данном примере отчетливо видно концептуальное непонимание предлагаемой идеи интерпретации конкретного археологического материала в свете его поликультурности. То, что авторы статьи именуют «сходным трендом», являет собой транскультурный комплекс. Речь идет не о том, чтобы дать ему этнообразную привязку, «каменный», «саргатский» или какой-либо еще, а о факте его существования и стоящих за ним процессах интеграции.

Не задействованными соображения о поликультурности оказались в вышедшей в 2020 г. монографии О.С. Лихачевой «Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.)», в которой проанализирован достаточно представительный комплекс находок с территории Верхнего Приобья [Лихачева, 2020]. Несмотря на то, что предметы вооружения традиционно входят в число элементов т.н. «скифской триады», т.е. являются транскультурным комплексом [Бородовский, 2016, с. 94–102].

Поиску явлений «этносоциального доминирования» «каменцев» над «староалейцами» и «большереченцами» посвящено историографическое наследие и других археологов алтайской школы [Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 88–115; Кирюшин, Кунгуров, 1996, с. 115–135; Фролов, 2007, с. 16–31; Погребальный обряд..., 2015; Фролов, 2016, с. 56–62; Степанова, Фролов, 2017, с. 71–85; Фролов, Тишкин, Иванов, 2017, с. 150–162; Фролов, 2017, с. 1083–1084; 2018, с. 207–214], общая миграционистская направленность которой базируется еще на трудах А.П. Уманского 1960-х гг.

В работе «Памятники культуры Алтая», приводя характеристику большереченской археологической культуры по работам М.П. Грязнова, А.П. Уманский высказывает идею о прекращении ее существования в связи с приходом (миграциями) кочевников из Евразийских степей [Уманский, 1952, с. 67]. Причинами данной миграций виделась исследователю и его последователям военные конфликты на просторах Средней Азии (завоевания державы Ахеменидов, восточный поход Александра).

Теоретические взгляды А.П. Уманского на ряд проблем археологии Алтая (идеи о появлении андроновского населения на территории Верхнего Приобья на заключительном этапе развития федоровской культуры, гипотезы о своеобразии памятников степной и лесостепной зон Алтайского края во второй половине I тыс. до н.э. [Демин, 2017, с. 196–202]) формировались в 1960-е годы под влиянием идей концепции миграционизма.

Л.С. Клейном для периода 1956–1964 гг. в отечественной историографии отмечено ослабление позиций концепций автохтонности археологических культур и популяризация миграционных идей: «Сперва в ассортимент гипотез вошли центростремительные миграции внутри современных границ страны, затем извне (с территории актуально дружественных стран) и, наконец, из любых дальних очагов» [Клейн, 2014, с. 79]. Обе отмеченные М.А. Деминим интерпретационные идеи А.П. Уманского укладываются в данное концептуальное направление.

Вместе с тем проблема определения культурной принадлежности памятников эпохи раннего железа, расположенных на территории Верхнеобского бассейна, во многом кроется в дискуссиях 70–90-х, развернувшихся между Т.Н. Троицкой, В.А. Могильниковым, А.П. Уманским и их последователями, пытавшимися выделить различные культуры эпохи раннего железа на территории Барнаульского и Новосибирского Приобья (так в разное время были выделены: каменная, большереченская, новосибирский вариант большереченской, староалейская, кижировская, новочекинская, быстринская культуры). В результате чего до сих пор

в литературе, в том числе и учебной, издающейся различными научными центрами, нет единства по данному вопросу.

Подводя итог необходимо отметить, что вопрос интерпретации историко-культурной ситуации в Верхнеобском регионе во второй половине I тыс. до н.э. можно разделить на две проблемы. Первая связана с попыткой этнической интерпретации транскультурного предметного комплекса (вещей «скифского/сакского» облика и т.п.) и определения фактов «этносоциального доминирования» пришлых «саков» над местным населением Верхнеобского бассейна. Вторая – с выявлением механизмов интеграции транскультурного предметного комплекса в бытовую и обрядовую практики этнически разнородного населения региона. В настоящее время концепция поликультурности представляется наиболее адекватно отвечающей требованиям научного исследования планиграфии крупных могильников, тафономии обнаруженного в них предметного комплекса, транскультурных, адаптивных и региональных черт населения Верхнеобского бассейна второй половины I тыс. до н.э.

Список литературы

Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 26–40.

Алехин Ю.П. К вопросу культурно-этнических связей, социальной организации и идеологии носителей большереченской культуры // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1989. – Ч. 1. – С. 83–86.

Багашев А.Н. Антропология Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 2017. – 408 с.

Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохр. ист.-культур. наследия Новосиб. обл., 2002. – 207 с.

Бородовский А.П. Вопросы реконструкции культурно-исторических процессов и их хронологии в лесостепном Приобье эпохи раннего железа (по материалам датирования Быстровского некрополя) // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2015. – Т.43. – № 2. – С. 87–96.

Бородовский А.П. Поликультурность эпохи раннего железа в лесостепном Приобье по материалу Быстровского некрополя // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – № 3. – С. 94–102.

Бородовский А.П. Погребальное пространство в контексте поликультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Археологические вести. – 2017. – № 23. – С. 229–240.

Бородовский А.П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. – Т. 47. – СПб., ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. 2018. – С. 123–132.

Бородовский А.П. Элитарные детские погребения эпохи раннего Средневековья на верхней Оби и транскультурный предметный комплекс // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории. Сб. к 70-летию акад. В.И. Молодина. – Новосибирск: Изд-во ИЭАТ СО РАН, 2018. – С. 230–243.

Бородовский А.П., Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Кристен Дж.А., Гаркуша Ю.Н., Бурр Дж.С., Джалл Э.Дж.Т. Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного

- методов (на примере курганной группы Быстровка-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 79–92.
- Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л.** Грунтовой могильник староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 88–115.
- Гаркуша Ю.Н.** Развитие дендрохронологических исследований археологических и архитектурных объектов в Западной Сибири // Баландинские чтения. – 2019. –Т. 14. – № 1. – С. 217–227.
- Головченко Н.Н.** Предметный комплекс одежды как маркер межкультурных коммуникаций на территории Верхнего Приобья в эпоху раннего железа // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2020. – № 3. – С. 73–92.
- Головченко Н.Н.** Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2022. – 374 с.
- Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка // МИА. – № 48. – М.; Л.: Наука, 1956. – 163 с.
- Демин М.А.** Археологические исследования А.П. Уманского на Алтае (1964-1972 гг.) // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2017. – № 5. – С. 196–202.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология** / Под ред. Г.И. Зайцева, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеева, К.В. Чугунова, Е.М. Скотт. – СПб: Теза, 2005. – 290 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.** Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 115–135.
- Клейн Л.С.** История российской археологии: учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время. – СПб.: Евразия, 2014. – 704 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И.** Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: ИАЭТ СО РАН, Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири, Федеральное агентство по образованию, Горно-Алтайск. гос. ун-т, 2007. – 282 с.
- Лихачева О.С.** Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). – Барнаул: Колмогоров, 2020. – 320 с.
- Матвеева Н.П.** Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепной и подтаежной зон): дисс. ... докт. ист. наук. – Тюмень, 1998. – 823 с.
- Могильников В.А.** Взаимоотношения лесного и лесостепного населения в эпоху перехода от бронзового века к железному // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1989. – Ч. 1. – С. 125–129.
- Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М.: Наука, 1997. – 195 с.
- Мыльникова Л.Н.** Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур.: дисс. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 2015. – 947 с.
- Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV** /Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Тур С.С., Пилипенко А.С., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – 209 с.
- Полосьмак Н.В.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 126 с.
- Савинов Д.Г.** Ранние кочевники Верхнего Енисея: археологические культуры и культурогенез. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 202 с.
- Степанова Н.Ф., Фролов Я.В.** Керамика с поселений раннего железного века лесостепного Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2017. – № 1. – С. 71–85.

- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большеереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
- Уманский А.П.** Памятники культуры Алтая. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1952. – 252 с.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И.** Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 204 с.
- Фрибус А.В., Грушин С.П., Фролов Я.В.** Могильник Чумыш-Пережат – новый памятник скифского времени на границе барнаульского Приобья и Присалаирья // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2018. – № 2. – С. 194–202.
- Фролов Я.В.** К вопросу о формировании староалейской культуры (по данным погребальной обрядности) // Теория и практика археологических исследований. – 2007. – № 3. – С. 16–31.
- Фролов Я.В.** Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э.–II в н.э. (по данным грунтовых могильников). – Барнаул: Азбука, 2008. – 479 с.
- Фролов Я.В.** Меч скифского времени – новая находка с территории лесостепного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44. – № 3. – С. 56–62.
- Фролов Я.В.** Ареал распространения каменной культуры и проблемы реконструкции межкультурных взаимодействий на территории юга Обь-Иртышского междуречья // V (XXI) Всерос. археолог. съезд: Сб. науч. трудов. – 2017. – С. 1083–1084.
- Фролов Я.В.** Бронзовые ножи с кольцевым навершием скифо-сакского времени с территории Барнаульского Приобья и юга Обь-Иртышского междуречья // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2018. – № 5. – С. 207–214.
- Фролов Я.В., Тишкин А.А., Иванов Г.Е.** Особенности изображений в скифо-сибирском зверином стиле на железных кинжалах юга Обь-Иртышского междуречья // КСИА. 2017. № 247. С. 150–162.
- Шульга П.И.** Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 204 с.
- Шульга П.И.** Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. – Барнаул: Азбука, 2008. – 276 с.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А.** Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – 329 с.
- Шульга П.И.** Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Часть II VI–III вв. до н.э. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2015. – 322 с.
- Шульга П.И.** Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2016. – 258 с.

References

- Alekhin Yu. P.** K voprosu kul'turno-etnicheskikh svyazei, sotsial'noi organizatsii i ideologii nositelei bol'sherechenskoj kul'tury. *Skifo-sibirskii mir. Iskusstvo i ideologiya*. Novosibirsk: Nauka, 1989. P. 83–86. (In Russ.).
- Alekseev A.N., D'yakonov V.M.** Radiouglerodnaya khronologiya kul'tur neolita i bronzovogo veka Yakutii. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2009. N 3. P. 26–40. (In Russ.).
- Bagashev A.N.** Antropologiya Zapadnoi Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 2017. 408 p. (In Russ.).
- Borodovskii A.P.** Arkheologicheskie pamyatniki Iskitimskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauch.-proizv. tsentrposokhr. ist.-kul'tur. Naslediya Novosib. obl., 2002. 207 p. (In Russ.).
- Borodovskii A.P.** Elitarnye detskie pogrebeniya epokhi rannego srednevekov'ya na verkhnei obi i transkul'turnyi predmetnyi kompleks. *Mul'tidistsiplinarnye aspekt izucheniya drevnei i srednevekovoi istorii*. Sbornik k 70-letiyu akad. V.I. Molodina. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. P. 230–243. (In Russ.).

Borodovskii A.P. Pogrebal'noe prostranstvo v kontekste polikul'turnosti (po materialam Bystrovskogo nekropolya epokhi rannego zhelezana Verkhnei Obi). *Arkheologicheskie vesti*, 2017. N 23. P. 229–240. (In Russ.).

Borodovskii A.P. Pogrebal'noe prostranstvo v kontekste politkul'turnosti (po materialam Bystrovskogo nekropolya epokhi rannego zheleza na Verkhnei Obi). *Drevnie nekropoli – pogrebal'no-pominal'naya obryadnost', pogrebal'naya arkhitektura i planirovka nekropolei*. Trudy IIMK RAS, Iss. 47. SPb., IIMK RAS, Gos. Ermitazh, 2018. P. 123–132. (In Russ.).

Borodovskii A.P. Polikul'turnost' epokhi rannego zheleza v lesostepnom Priob'e po materialam Bystrovskogo nekropolya. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2016. N 3. P. 94–102. (In Russ.).

Borodovskii A.P. Voprosy rekonstruktsii kul'turno-istoricheskikh protsessov i ikh khronologii v lesostepnom Priob'e epokhi rannego zheleza (po materialam datirovaniya Bystrovskogo nekropolya). *Arkheologiya, antropologiya i etnografiya Evrazii*, 2015. Iss. 43. N 2. P. 87–96. (In Russ.).

Borodovskii A.P., Slyusarenko I.Yu., Kuz'min Ya.V., Orlova L.A., Kristen Dzh.A., Garkusha Yu.N., Burr Dzh.S., Dzhalle Dzh.T. Khronologiya pogrebal'nykh kompleksov rannego zheleznoogo veka v Verkhnem Priob'e po dannym drevesno-kol'tsevogo i radiouglerodnogo metodov (na primere kurgannoigruppy Bystrovka-2). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2003. N 3. P. 79–92. (In Russ.).

Demin M.A. Arkheologicheskie issledovaniya A.P. Umanskogo na Altae (1964–1972 gg.). *Altai State Univ. Press*, 2017. N 5. P. 196–202. (In Russ.).

Fribus A.V., Grushin S.P., Frolov Ya.V. Mogil'nik Chumysh-Perekat – novyi pamyatnik skifskogo vremeni nagranitse barnaul'skogo Priob'ya i Prislalair'ya. *Altai State Univ. Press*, 2018. N 2. P. 194–202. (In Russ.).

Frolov Ya.V. Areal rasprostraneniya kamenskoi kul'turyi problem rekonstruktsii mezhkul'turnykh vzaimodeistvii na territorii yuga Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ya. *V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii s'ezd: sbornik nauchnykh trudov*, 2017. P. 1083–1084. (In Russ.).

Frolov Ya.V. Bronzovye nozhi s kol'tsevym navershiem skifo-sakskogo vremeni s territorii Barnaul'skogo Priob'ya i yuga Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ya. *Izvestiya Altai State Univ.*, 2018. N 5. P. 207–214. (In Russ.).

Frolov Ya.V. K voprosu o formirovanii staroaleiskoi kul'tury (po dannym pogrebal'noi obryadnosti). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2007. N 3. P. 16–31. (In Russ.).

Frolov Ya.V. Mech skifskogo vremeni – novaya nakhodka s territorii lesostepnogo Altaya. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2016. N 3. P. 56–62. (In Russ.).

Frolov Ya.V., Tishkin A.A., Ivanov G.E. Osobennosti izobrazhenii v skifo-sibirskom zverinom stile na zheleznykh kinzhalakh yuga Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ya. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 2017. N 247. P. 150–162. (In Russ.).

Frolov Ya.V. Pogrebal'nyi obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e.–II v n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov). Barnaul: Azbuka, 2008. 479 p. (In Russ.).

Garkusha Yu.N. Razvitie dendrokronologicheskikh issledovaniy i arkheologicheskikh i arkhitekturnykh ob'ektov v Zapadnoi Sibiri // Balandinskie chteniya, 2019. Iss. 14. N 1. P. 217–227. (In Russ.).

Golovchenko N.N. Predmetnyi kompleks odezhdy kak marker mezhkul'turnykh kommunikatsii na territorii Verkhnego Priob'ya v epokhu rannego zheleza. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*, 2020. N 3. P. 73–92. (In Russ.).

Golovchenko N.N. Predmetnyi kompleks odezhdy naseleniya Verkhneobskogo basseina epokhi rannego zheleza. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2022. 374 p. (In Russ.).

Gryaznov M.P. Istoriya drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shayarechka. *MIA*, No. 48. Moscow–Leningrad: Nauka, 1956, 163 p. (In Russ.).

Kiryushin Yu. F. (ed.). Pogrebal'nyi obryad drevnego naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya: materialy iz raskopok 2010–2011 gg. Gruntovogo mogil'nika Firsovo-XIV Barnaul: Altai State Univ. Press, 2015. 209 p. (In Russ.).

Kiryushin Yu. F., Kungurov A.L. Mogil'nik rannego zheleznoogo veka Staroaleika-2. *Pogrebal'nyi obryad drevnikh plemen Altaya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1996. P. 115–135. (In Russ.).

Klein L.S. Istoriya rossiiskoi arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti. Tom 1. Obschchii obzor i dorevolutsionnoe vremya. St. Petersburg: Evraziya, 2014. 704 p. (In Russ.).

Kubarev V.D., Shul'ga P.I. Pazyrykская культура (kurgany Chui i Ursula). Barnaul: IAET SB RAS, Barnaul'skaya laboratoriya arkheologii i etnografii Yuzhnoi Sibiri, Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu, Gorno-Altayskii State Univ., 2007. 282 p. (In Russ.).

Likhacheva O.S. Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Lesostepnogo Altaya v rannem zheleznom veke (VIII–I vv. do n.e.). Barnaul: IP Kolmogorov I.A., 2020. 320 p. (In Russ.).

Matveeva N.P. Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnego naseleniya Zapadnoi Sibiri (rannii zheleznyi vek lesostepnoi i podtaezhnoi zon): diss. ... dokt. ist. nauk. Iss., 1, 2. Tyumen', 1998. 823 p. (In Russ.).

Mogil'nikov V.A. Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroi polovine I tysyacheletiya do n.e. Moscow: Nauka, 1997. 195 p. (In Russ.).

Mogil'nikov V.A. Vzaimootnosheniya lesnogo i lesostepnogo naseleniya v epokhu perekhoda ot bronzovogo veka k zheleznomu. *Skifo-sibirskii mir. Iskusstvoideologiya*. Novosibirsk: Nauka, 1989. P. 125–129. (In Russ.).

Myl'nikova L.N. Keramika perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku lesostepnoi zony Zapadnoi Sibiri: dialog kul'tur.: diss. ... dokt. ist. nauk. Iss., 1, 2. Novosibirsk, 2015. 947 p. (In Russ.).

Polos'mak N.V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987, 126 p. (In Russ.).

Savinov D.G. Rannie kochevniki Verkhnego Eniseya: arkheologicheskie kul'tury i kul'turogenез. St. Petersburg: Saint-Petersburg State Univ. Press, 2002, 202 p. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Mogil'nik ranneskifskogo vremeni Gilevo-10 v predgor'yakh Altaya. Novosibirsk: IPTs NGU, 2016. 258 p. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2003. 204 p. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Snaryazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poyasa na Altae. Iss. I: Ranneskifskoe vremya. Barnaul: Azbuka, 2008. 276 p. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Snaryazhenie verkhovoi loshadi v Gornom Altaei Verkhnem Priob'e. Iss. II VI–III vv. do n.e. Novosibirsk: IPTs NGU, 2015. 322 p. (In Russ.).

Shul'ga P.I., Umanskii A.P., Mogil'nikov V.A. Novotroitskii nekropol'. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2009. 329 p. (In Russ.).

Stepanova N.F., Frolov Ya.V. Keramika s poselenii rannego zheleznoogo veka lesostepnogo Altaya. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2017. N 1. P. 71–85. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Borodovskii A.P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994. 184 p. (In Russ.).

Umanskii A.P. Pamyatniki kul'tury Altaya. Barnaul: Altayskoe knizhnoe Publ., 1952. 252 p. (In Russ.).

Umanskii A.P., Shamshin A.B., Shul'ga P.I. Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'e Obi. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005. 204 p. (In Russ.).

Vedyanin S.D., Kungurov A.L. Gruntovoi mogil'nik staroaleiskoi kul'tury Obskie Plesy 2. *Pogrebal'nyi obryad drevnikh plemen Altaya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1996. P. 88–115. (In Russ.).

Zaitseva G.I. (ed.). Evraziya v skifskuyu epokhu: radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya. St. Petersburg: Teza, 2005. 290 p. (In Russ.).

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.027-037
УДК 902/904

Н.Е. Горлышкин

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
Кемерово, Россия
E-mail: Gorlyshkin.nikita@yandex.ru

К проблеме соотношения археологических и исторических источников по ранним этапам русского освоения Кузнецкой котловины

В статье рассмотрены проблемы привлечения нарративных источников к археологическому изучению поселений, возникших на ранних этапах русского освоения Кузнецкой котловины. Дана краткая историография по изучению памятников русской археологии последних лет. В работе использованы методы археологической разведки, исторической и археологической картографии, общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция и дедукция, обобщение). Проанализирован уже имеющийся опыт привлечения письменных источников в рамках археологического исследования сел и деревень Кузнецкой котловины (деревни Корчуганово, Кемерово, Колпачково и др.). Предложена новая категория сельских населенных пунктов, «исчезнувших» на ранних этапах освоения региона и не нашедших отражения в источниках письменного характера. На сегодняшний день выявлено одно подобное поселение. В ходе археологических разведок 2020–2021 гг. в Промышленновском муниципальном округе был обнаружен поселенческий комплекс в урочище Захар-Дуброво (предварительная площадь 15000 м²), включающий пять частично сохранившихся жилых западин. На участках, разрушенных в результате деятельности «черных копателей», собраны фрагменты русской керамики и кости домашних животных. В 2022 г. исследования на памятнике были продолжены. Обнаружены четыре западины от землянок и полуземлянок. Проведена зачистка берегового обнажения, получены представления о стратиграфии поселения. Несмотря на большую площадь поселка, значительное количество жилищ, близость к другим старожильческим деревням (Корбелкино, Лебеди, Уфимцево), поселение не имеет упоминание ни в картографических, ни в других видах письменных источников. Этот факт делает поселенческий комплекс в урочище Захар-Дуброво уникальным среди других «исчезнувших» деревень XVII–XVIII вв. По мнению автора, применение археологических методов в изучении поселений, не имеющих упоминания в картографических и письменных источниках, открывает окно возможностей для специалистов-археологов занять главенствующую роль в исследовании отдельных аспектов ранних этапов русского освоения Кузнецкой котловины.

Ключевые слова: археология Нового времени, русское освоение Кузнецкой котловины, «исчезнувшие» деревни, поселение в Захар-Дуброво, перспективы археологического исследования сельских поселений XVII–XVIII вв.

To the Problem of Archaeological and Historical Sources Correlation During the Early Stages of the Russian Exploration of the Kuznetsk Basin

The article is devoted to the problem of involving narrative sources to the archaeological study of the Russian settlements of the 17th–18th centuries in the Kuznetsk Basin. A brief historiography on the study in recent years of the «Russian» archeology sites is given. The author uses the archaeological exploration, historical and archaeological cartography methods, analysis, synthesis, induction and deduction, generalization methods. The accumulated experience of involving written sources in the archaeological research of the Kuznetsk Basin villages (the Korchuganovo, Kemerovo, Kolpachkovo villages, etc.) is analyzed by author. A new category of rural settlements is proposed, which “disappeared” in 17th–18th centuries and were not mentioned in written sources. To date, one such settlement has been identified. A settlement, including 5 dwellings, was discovered in the Zakhar-Dubrovo tract in the Promyshlenny municipal district. Russian ceramics fragments and domestic animals bones have been collected in the areas destroyed as a result of “black diggers” activities. In 2022, research on the site was continued. 4 dwellings were found. The coastal outcrop works were carried out, we expanded our understanding of the stratigraphy of the settlement. Despite of the large area of the village, a significant number of dwellings, proximity to other old-timer villages, the settlement is not mentioned in any type of narrative sources. This fact makes the settlement in the Zakhar-Dubrovo tract unique among other “disappeared” villages. According to the author, the usage of archaeological methods in the study of «not mentioned» settlements open up an opportunity for archaeologists to take a leading position in the study of certain aspects of the the Kuznetsk Basin Russian exploration.

Keywords: archeology of Modern history, Russian exploration of the Kuznetsk basin, “disappeared” villages, settlement in Zakhar-Dubrovo, prospects for archaeological research of settlements of the 17th and 18th centuries.

В последние десятилетия наблюдается актуализация проблем, связанных с археологическим изучением ранних этапов освоения Сибири и Дальнего Востока. Не стала исключением и территория Кузнецкой котловины. Вышел ряд работ, посвященных историографии археологического изучения памятников Нового времени в регионе [Сизев, 2017], проблемам локализации и археологического изучения острогов [Ширин, 2017b; Марочкин и др., 2022], разведочным работам [Ширин, 2012, с. 11–22; Ширин, 2017a, с. 4–5, 11, 15, 18], а также раскопкам отдельных поселений XVIII – XIX вв. Особенно выделяется полевые археологические работы на ОАН «деревня Кемерово» [Марочкин и др., 2019; Юракова, Марочкин, Беляева, 2021]. Данные раскопки фактически дали начало новому направлению в исследовании памятников русского времени Кузнецкой котловины – изучению сельских поселений.

Несмотря на то, что села и деревни образуют наиболее репрезентативный массив поселений Нового времени в регионе как в количественном отношении,

так и в контексте потенциальных источников по реконструкции материальной культуры старожильческого населения, до недавнего времени сельские поселения были относительно слабо затронуты процессом археологического изучения. Исследование сельских населенных пунктов Нового времени невозможно без привлечения комплекса письменных источников, отражающих процесс селенообразования, географическую локализацию поселений. В данном случае нужно констатировать, что археология выступает в качестве вспомогательной дисциплины письменной истории отдельно взятой местности. Это характерно как для населенных пунктов, существующих и на настоящий момент, так и для тех, что прекратили свое существование на ранних этапах освоения региона.

Вопросы, связанные с взаимодействием специалистов-археологов и историков в деле изучения сельских населенных пунктов Кузнецкой котловины, уже получили освещение в историографии [Марочкин и др., 2020].

В этой связи, одним из перспективных направлений нам представляется изучение поселений ранних этапов освоения бассейнов рек Томи и Ини (XVII – XVIII вв.), обнаруженных путем проведения полевых археологических работ, существование и локализация которых не нашли отражения в источниках письменного характера. В данном случае археология выходит на «первый план», что позволяет географически и хронологически локализовать отдельно взятый населенный пункт, дать информацию о динамике движения населения в рассматриваемый период, материальной культуре местных жителей. Последнее дает нам ключ и к реконструкции этнического состава поселения.

На сегодняшний день в Кузнецкой котловине выявлено лишь одно сельское поселение Нового времени, чья хронологическая и пространственная локализация невозможна без привлечения археологических методов в связи с отсутствием упоминаний в источниках нарративного и картографического характера. Данное поселение было обнаружено в ходе полевых археологических работ в урочище Захар-Дуброво, вблизи с. Лебеди, Промышленновского муниципального округа Кемеровской обл. – Кузбасса.

Цель статьи – рассмотреть проблемы, связанные с привлечением комплекса нарративных и вещественных источников для реконструкции моделей освоения Кузнецкой котловины русским населением в XVII – XVIII вв.

Задачи работы:

1. Проанализировать имеющийся опыт привлечения комплекса письменных источников для изучения памятников «сельской» археологии Нового времени в регионе.

2. Рассмотреть на примере поселения в урочище Захар-Дуброво проблему идентификации поселений, не получивших отражения в источниках письменного и картографического характера.

3. Дать оценку перспективе использования археологических методов изучения ранних этапов русского освоения региона при дефиците источников нарративного характера.

В работе задействованы *методы*: а) метод археологической разведки, благодаря которому мы можем дать хронологическую и географическую локализацию

«исчезнувших» сел и деревень, особенности материальной культуры старожильского населения; б) метод исторической картографии. Привлекая материалы исторической картографии, мы имеем возможность уточнить хронологическую атрибуцию населенного пункта; в) археологической картографии; г) общенаучные методы исследования (синтез, анализ, дедукция, индукция, обобщение).

Опыт привлечения письменных источников в археологическом исследовании сел и деревень Нового времени в Кузнецкой котловине. Изучение сельских поселений XVII – XIX вв. с привлечением археологических методов на территории Кузнецкой котловины берет свое начало с 1960–1970-х гг. Долгое время археологическое изучение сел и деревень Нового времени носило побочный характер и ограничивалось проведением разведочных работ. Однако, несмотря на отсутствие полноценных раскопок, исследователи привлекали письменные источники (документального и картографического характера) для хронологической и топонимической атрибуции выявленных объектов археологии Нового времени.

Благодаря привлечению корпуса нарративных источников, Ю.В. Ширина удалось установить соответствие между обнаруженным памятником и рядом «исчезнувших» населенных пунктов Верхнего Притомья. Так, поселения Ильинская протока и Тихоново I соответствуют деревням Герасимово и Тиховново, располагавшихся на берегах Томи и исчезнувших в начале XVIII в. [Ширин, 1993, с. 12–13]. Поселение Глуховское II, расположенное на берегах р. Аба, вероятно, соответствует деревне Шарапская, исчезнувшей в результате набега кочевников в 1700 г. [Ширин, 2012, с. 19–20]. При установлении соотношения между объектами археологии и прекратившими существование населенными пунктами, Ю.В. Ширин опирался на «Чертежную книгу» С.У. Ремезова, отражавшую географическое распределение и топонимику сельских поселений Кузнецкой котловины на рубеже XVII – XVIII вв.

В 2017 г. коллективом Нижнетомского отряда Кузбасской археологической экспедиции было обнаружено поселение Кулаково III на территории Яшкинского р-на Кемеровской обл. Собранный подъемный материал позволяет отнести поселение к ранним этапам русского освоения региона. Привлечение материалов из «Чертежной книги» С.У. Ремезова и «Описания Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г.» Г.Ф. Миллера позволяют соотнести поселение Кулаково III с деревней Корчуганово, прекратившая свое существование в последней трети XVIII в. [Сизев, Ермоленко, Соловьев, 2018, с. 50, 51].

Полевые археологические работы, проведенные на территории бывшей деревни Кемерово в 2018–2020 гг., стали первыми крупными раскопками сельского населенного пункта на территории региона. В ходе проведения полевых работ, сотрудниками археологии ФИЦ УУХ СО РАН были привлечены данные картографии. В частности, хозяйственное назначение обнаруженных деревянных останков строения было определено путем изучения «Ситуационного плана верхотомской волости Д. Кемеровой». Привлечение данного планиграфического источника позволило установить, что останки строения принадлежали амбару (погребу) [Юракова, Марочкин, Беляева, 2021, с. 99, 100].

Привлечение дневниковых записей Д.Г. Мессершмидта позволило не только сопоставить ОАН «деревня Кемерово» с одноименным населенным пунктом, но дала дополнительные сведения для установления нижней хронологической рамки культуросодержащего слоя русского времени.

В 2021 г. в рамках археологической разведки на территории Юргинского р-на Кемеровской обл., сотрудниками лаборатории археологии ФИЦ УУХ СО РАН было выявлено поселения на берегу р. Лебяжья. Обнаруженный подъемный материал (фрагменты чернолощенной керамики, изделия из металла) хронологически атрибутируют поселения XVII – XVIII вв. Привлечение «Ландкарты Томского и Кузнецкого уездов Оби реки...» 1736 г. за авторством геодезиста Василия Шишкова позволила установить соответствие между выявленным объектом археологии и д. Колпачково, прекратившей свое существование во второй четверти XVIII в.

Можно констатировать, что на сегодняшний день исследователями накоплен определенный опыт привлечения источников нарративного характера с целью географической локализации объектов археологии Нового времени, установления хронологических рамок их существования, выявление соответствия между памятником археологии и сельским населенным пунктом, прекратившим свое существование на ранних этапах освоения региона.

Поселение в урочище Захар-Дуброво и проблема идентификации сел и деревень, не получивших отражение в комплексе нарративных источников. Как уже отмечалось в вводной части работы, особый интерес в контексте археологического изучения сельских поселений Нового времени представляют «исчезнувшие» деревни. Во многом именно для установления соответствия между выявленными объектами археологии и прекратившими существование поселениями, исследователь обращается к корпусу письменных источников.

Особую категорию «исчезнувших» сел образуют поселения, не нашедшие свое отражение в документах, картографических и планиграфических материалах, дневниковых записях исследователей Кузнецкой котловины и других категориях нарративных источников. Исследования подобных поселений возможно лишь археологическими методами.

На сегодняшний день, в данную категорию можно отнести лишь один выявленный объект археологии. В 2020–2021 гг. в Промышленновском р-не Кемеровской обл. – Кузбасса сотрудниками лаборатории археологии ФИЦ УУХ СО РАН при проведении сплошной разведки на мысовидном участке урочища Захар-Дуброво (левый берег среднего течения р. Иня) выявлен поселенческий комплекс (рис. 1). Предварительная площадь поселения – 15 тыс. м². Были обнаружены пять частично сохранившихся западин от землянок и полуземлянок. Значительная часть площади поселения спланирована специальной техникой. Разрушения, вероятно, были нанесены в ходе незаконного поиска археологических предметов т.н. «черными копателями». На спланированных участках поселенческого комплекса был обнаружен подъемный материал, представленный костями животных и русской лепной керамикой, дополнительно обработанной на гончарном круге.

Рис. 1. Общий вид мысовидного участка урочища Захар-Дуброво с выявленным русским поселением XVIII в.

Рис. 2. Артефакты, обнаруженные в ходе зачистки берегового обнажения.

1, 2 – фрагменты русской лепной керамики, обработанной на гончарном круге; 3 – кость животного.

Исследования поселенческого комплекса в урочище Захар-Дуброво продолжены в 2022 г. В ходе визуального осмотра территории памятника были обнаружены еще четыре западины от жилищ. Зачистка береговых обнажений дала нам представления о стратиграфии поселения (с учетом нарушения целостности культуросодержащего слоя «черными копателями»). Обнаружены фрагменты керамики и кости животных. (рис. 2, 1–3).

Обнаруженный подъемный материал, в первую очередь лепная керамическая посуда с подработкой на гончарном круге, позволяет дать хронологическую атрибуцию поселения XVIII – нач. XIX в. Нижняя хронологическая граница также обусловлена временем начала поземельного освоения верхнего и среднего течения р. Иня в первые десятилетия XVIII в. В пользу данной хронологической атрибуции говорит и расположение жилищных западин. Последние расположены в одну линию вдоль мысовидного берега. Сходная картина наблюдается и в соседних старожильческих деревнях. Подобный тип планировки поселения получил название линейного [Скрябина, 1997, с. 55] и характерен для поселений, основанных на ранних этапах освоения Кузнецкой котловины. Определение верхней хронологической границы затруднено отсутствием упоминания в письменных источниках.

Выявленный поселенческий комплекс располагается в центре условного «треугольника», состоящего из старожильческих сел и деревень – Лебеди, Корбелкино и Уфимцево, на расстоянии 3–4 км от каждой из них. Эти деревни образуются на ранних этапах освоения бассейна р. Ини и впервые отражены на Ландкарте Томского, Кузнецкого и Красноярского уезда В. Шишкова в 1736 г., они существуют по сей день на местах изначального появления (рис. 3). В то же время поселения из урочища Захар-Дуброво не нашло отражения на картогра-

Рис. 3. Выявленное поселение XVIII в. в урочище Захар-Дуброво в контексте картографически выявленных населенных пунктов – деревни Лебедева (совр. Лебеди), Белкина (Корбелкино), Уфимцова (Уфимцево) (Ландкарта В. Шишкова 1736 г.).

фических материалах XVIII – нач. XX в., материалах ревизий, академических экспедиций XVIII в.

Отсутствие упоминания поселения из урочища Захар-Дуброво в нарративных источниках выглядит странным. Площадь поселения и количество жилищ не дают нам оснований для интерпретации памятника как хутора, заимки, зимника или выселка из соседних деревень. Керамика, подработанная на гончарном круге, свидетельствует о наличии постоянного производства керамической посуды. Обнаруженные кости домашних животных подталкивают нас к выводу о существовании устойчивого животноводческого сектора хозяйства в поселении.

На наш взгляд, поселенческий комплекс урочища Захар-Дуброво является примером памятника, относящимся к периоду раннего освоения района бассейна р. Иня в первые десятилетия XVIII в., обусловленного исчезновением военно-политической угрозы после миграции телеутов в 1715 г. Об этом свидетельствуют и картографические материалы. Если в «Чертежной книге» С.У. Ремезова рубежа XVII – XVIII вв. в бассейне Ини отмечено существование одной русской деревни, то Ландкарта Чичагова 1725–1730 гг. отражает процесс формирования сети русских сельских населенных пунктов по берегам Ини.

В качестве гипотезы, отсутствие поселенческого комплекса Захар-Дуброво на картографических материалах начала XVIII в. может быть обусловлено тем, что поселение играло роль своеобразного «форпоста», обеспечивающего проникновения русского населения на оставленные телеутами пространства бассейна р. Иня. Возможно, просуществовав относительно недолгий срок (10–15 лет), поселение исчезло путем миграции жителей, которые, расселившись по окрестностям, основали новые населенные пункты. Тем самым, поселение в урочище Захар-Дуброво «исчезло» раньше, чем начался процесс академического изучения и картографирования районов вдоль течения Томи и Ини.

Перспектива использования археологических методов изучения ранних этапов русского освоения Кузнецкой котловины при дефиците источников нарративного характера. Проблема соответствия археологического комплекса в урочище Захар-Дуброво с конкретным историческим поселением ставит перед исследовательским сообществом вопрос о перспективности использования чисто археологических методов в изучении сел и деревень, прекративших свое существование на ранних этапах русского освоения региона. Вследствие роста интереса к археологическому изучению сельских поселений количество случаев, аналогичных поселению в Захар-Дуброво, может увеличиться, что обуславливает актуальность поставленной проблемы.

Безусловно, установление соответствия между памятником археологии и конкретным поселением без наличия источника нарративного характера, к сожалению, невозможна.

В то же время данный казус позволяет сосредоточиться специалистам на других аспектах. Исследуя материальную культуру подобных поселений, археологи получают возможность не только реконструировать последнюю, но и установить преемственность производственных традиций и бытовых практик с территорией прибытия переселенцев в Кузнецкую котловину. Данные исследования могут

стать основой для анализа стратегий и моделей поземельного освоения территорий Притомья и бассейна Ини. Открывается поле для реконструкции общественных процессов внутри локальных сообществ, изучения этнических составов поселений через призму археологических исследований.

Изучение поселений, не получивших отражения в источниках письменного характера, дает возможность сместить акценты с роли археологии в качестве вспомогательной дисциплины в контексте изучения процесса освоения Сибири. Отказ от научной цели установления соответствия между археологическим памятником и конкретным историческим поселением дают возможность сфокусироваться на чисто археологическом изучении поселения. Выделяясь из общего массива объектов археологии Нового времени, подобные поселения становятся в один ряд с памятниками иных эпох. Тем самым, археология занимает «непривычное» место главенствующей дисциплины в изучении отдельных аспектов ранних периодов русского освоения Кузнецкой котловины.

Растущий интерес специалистов к археологическому изучению русских сел и деревень Кузнецкой котловины актуализирует вопрос привлечения комплекса нарративных источников. Можно констатировать, что на сегодняшний день продолжается накопление опыта использования картографических и планиграфических источников, материалов ревизий, документов русской администрации в регионе, результатов академических экспедиций и других письменных источников в различных аспектах изучения памятников Нового времени. Особенно характерно привлечение данного вида источников при исследовании сел и деревень, «исчезнувших» на ранних этапах освоения региона.

Однако, результаты археологических разведок последних лет привели к выявлению новой категории поселенческих комплексов, не нашедших отражение в письменных источниках. На данный момент обнаружено лишь одно такое поселение, расположенное в урочище Захар-Дуброво. Обследованы 9 жилищных западин, собран подъемный материал на участках местности, разрушенных в результате деятельности т.н. «черных копателей».

Отсутствие известных картографических и нарративных сведений о поселении в Захар-Дуброво делает его уникальным среди других «исчезнувших» русских деревень XVII – XVIII вв. в Кузнецкой котловине (Жорчуганово, Колпачково и др.). Большие размеры поселка исключают его интерпретацию как хутора, заимки или выселка. Гипотетически, его можно интерпретировать как памятник первоначального проникновения русских в бассейн среднего течения р. Иня после устранения военной опасности со стороны телеутов в начале XVIII в.

Следовательно, актуализируется проблема дефицита известных исторических источников, и возрастает роль археологических методов в установлении динамики русского освоения внутренних районов Кузнецкой котловины в XVII – XVIII вв. Открывается поле возможности для становления археологии в качестве доминирующей дисциплины в контексте изучения сельских населенных пунктов Нового времени, не получивших отражения в нарративных источниках.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № 0286-2021-0011.

Список литературы

Марочкин А.Г., Сизев А.С., Ермолаев А.Н., Плац И.А. Топография и планиграфия Каштакского острога: опыт комплексного историко-археологического исследования // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. – 2022. – № 75. – С. 182–189.

Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Васютин С.А., Беляева Ю.С. Археологическая стратиграфия деревни Кемерово // Ученые записки музея заповедника «Томская писаница». – 2019. – Вып. 10. – С. 33–42.

Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Усков И.Ю., Васютин С.А., Сизев А.С., Плац И.А., Горлышкин Н.Е. Комплексное историко-археологическое изучение сельских населенных пунктов XVII – начала XX в. в Среднем Притомье // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2020. – Т. 22. – № 1. – С. 36–47.

Сизев А. С., Ермоленко Л. Н., Соловьев А. И. Коллекция нательных крестов из поселения Кулаково III в Нижнем Притомье // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2018. – № 2. – С. 50–59.

Сизев А. С. Русская археология Кузнецкого Притомья: история изучения, современное состояние и перспективы // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2017. – № 4. – С. 90–98.

Скрябина Л.А. Русские Притомья. Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX в.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 130 с.

Ширин Ю.В. Археологические памятники г. Новокузнецка // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1993. – Вып. 1. – С. 10–46.

Ширин Ю.В. Материалы археологических разведок в бассейне р. Ини // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк: Лотус-Пресс, 2017а. – Вып. 7. – С. 4–42.

Ширин Ю. В. О месте и условиях появления Мунгатского острога / Ю. В. Ширин // Вестн. Омск. гос. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2017б. – № 3. – С. 71–76.

Ширин Ю.В. Результаты археологических разведок в бассейне р. Аба // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк: Полиграфист, 2012. – Вып. 3. – С. 11–33.

Юракова А.Ю., Марочкин А.Г., Беляева Ю.С. Конструктивные особенности постройки XVIII – XIX вв. из раскопок русской деревни Кемерово // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: сб. науч. статей, Сургут, 08–13 ноября 2021 г. – Омск: Институт археологии Севера, 2021. – С. 97–100.

References

Jurakova A.Ju., Marochkin A.G., Beljaeva Ju.S. Konstruktivnyye osobennosti postrojki XVIII – XIX vv. iz raskopok russkoj derevni Kemerovo // In Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovanijah: arheologija Severa Rossii: sbornik nauchnyh statej, Surgut, 08–13 nojabrja 2021 goda. Omsk: Institut arheologii Severa, 2021. P. 97–100. (In Russ.).

Marochkin A.G., Jurakova A.Ju., Uskov I.Ju., Vasjutin S.A., Sizjov A.S., Plac I.A., Gorlyshkin N.E. Kompleksnoe istoriko-arheologicheskoe izuchenie sel'skikh naseleennykh punktov XVII – nachala XX v. v Srednem Pritom'e. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, Vol. 22. N 1. P. 36–47. (In Russ.).

Marochkin A.G., Jurakova A.Ju., Vasjutin S.A., Beljaeva Ju.S. Arheologicheskaja stratigrafija derevni Kemerovo. In *Uchennyye zapiski muzeja zapovednika «Tomskaja pisanica»*. 2019. Iss. 10. P. 33–42. (In Russ.).

Marochkin A.G., Sizev A.S., Ermolaev A.N., Plac I.A. Topografija i planigrafija Kashtakskogo ostroga: opyt kompleksnogo istoriko-arheologicheskogo issledovanija. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. 2022. N 75. P. 182–189. (In Russ.).

Shirin Ju.V. Arheologicheskie pamjatniki g. Novokuznecka. In *Kuzneckaja starina*. Novokuzneck: Kuzneckaja krepost' Publ., 1993. Iss. 1. P. 10–46. (In Russ.).

Shirin Ju.V. Materialy arheologicheskikh razvedok v bassejne r. Ini. In *Iz kuzneckoj stariny*. Novokuzneck: Lotus-Press Publ., 2017a. P. 4–42.

Shirin Ju.V. O meste i uslovijah pojavlenija Mungatskogo ostroga. In *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki»*, 2017b. P. 71–76. (In Russ.).

Shirin Ju.V. Rezul'taty arheologicheskikh razvedok v bassejne r. Aba // In *Iz kuzneckoj stariny*. Novokuzneck: Poligrafist Publ., 2012. Iss. 3 P. 11–33. (In Russ.).

Sizev A. S., Ermolenko L. N., Solov'ev A. I. Kollekcija natel'nyh krestov iz poselenija Kulakovo III v Nizhnem Pritom'e. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018. N 2. P. 50–59. (In Russ.).

Sizev A. S. Russkaja arheologija Kuzneckogo Pritom'ja: istorija izuchenija, sovremennoe sostojanie i perspektivy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017. N 4. P. 90–98. (In Russ.).

Skrjabina L.A. Russkie Pritom'ja. Istoriko-jetnograficheskie ocherki (XVII – nachalo XX v.). – Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1997. – 130 p. (In Russ.).

Горлышкин Н.Е. <https://orcid.org/0000-0002-1710-2877>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.038-043
УДК 902/904

П.С. Гребенюк

*Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский
институт им. Н.А. Шило ДВО РАН
Магадан, Россия
E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com*

Археологические памятники на мысе Братьев (Северное Приохотье): предварительные результаты комплексного изучения

Доклад посвящен результатам работы международного коллектива ученых по изучению группы археологических памятников на м. Братьев в Северном Приохотье (Магаданская обл.), позволившим получить новые данные о древнекорякской культуре и древнем населении региона. По итогам проведенных палеогенетических и антропологических исследований было установлено, что индивиды из коллективного погребения в каменной нише на м. Братьев могут быть предками современных коряков. Это было подтверждено и в результате археологических полевых исследований 2020–2021 гг. Результаты различных направлений исследований отразили кросс-культурные контакты древних жителей Северного Приохотья. Так палеогенетический анализ показал, что древние жители Северного Приохотья генетически являются предками коряков и ительменов, а антропологический анализ выявил их возможные популяционные контакты с древним населением о. Хоккайдо. Приведенные факты, наряду с материалами, полученными в ходе археологических раскопок, свидетельствуют о сложном процессе формирования древнекорякской культуры и смешанном характере древнекорякского населения. В рамках работ по гранту РНФ «Генезис древних культур Крайнего Северо-Востока Азии» научным коллективом в 2022–2024 гг. планируется продолжение полевых работ на м. Братьев, уточнение сведений о культурной хронологии памятников и расширение территорий разведок и полевых работ с целью поиска и исследования новых памятников в заливе Бабушкина.

Ключевые слова: Северное Приохотье, палеометалл, древнекорякская культура, палеогенетический анализ.

P. S. Grebenyuk

*North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS
Magadan, Russia
E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com*

Archaeological Sites at Cape Bratiev (Northern Priokhotye): Preliminary Results of a Comprehensive Study

This paper explore the results of the work of an international team of scientists on the study of a group of archaeological sites at Cape Bratyev in the Northern Priokhotye (Magadan Region), which made it possible to obtain new data on the Old Koryak culture and the ancient population of the region. Based on the results of paleogenetic and anthropological studies, it was found that individuals from a collective burial in a stone niche at Cape Bratyev may be the ancestors of modern Koryaks. This was also confirmed as a result of archaeological fieldwork in 2020–2021. The results of various research areas reflected the cross-cultural contacts of the ancient population of the Northern Okhotsk region. Thus, paleogenetic analysis showed that the ancient inhabitants of the Northern Okhotsk region are genetically the ancestors of the Koryaks and Itelmens, and anthropological analysis revealed their possible population contacts with the ancient population of Hokkaido. These facts, along with materials obtained during archaeological excavations, testify to the complex process of the formation of the Old Koryak culture and the mixed nature of the Old Koryak population. As part of the work under the Russian Science Foundation Grant «The genesis of the Ancient Cultures of the Extreme North-East of Asia» by the research team in 2022–2024 it is planned to continue field work at Cape Bratyev, clarify information about the cultural chronology of the sites and expand the territories of exploration and field work in order to search for and study new sites in Babushkin Bay.

Keywords: Northern Priokhotye, Paleometal, Old Koryak culture, paleogenetic analysis.

Настоящий доклад посвящен работе международного коллектива ученых по изучению группы археологических памятников на м. Братьев*, расположенной в заливе Бабушкина на побережье Охотского моря в 150 км к востоку от г. Магадан (59°5'22" с.ш. 153°20'12" в.д.) и состоящей из поселения с остатками жилищ, пещеры со следами обитания человека и погребений.

Пещера на м. Трех Братьев была исследована в 1946 г. К.А. Новиковой, поселение изучалось в 1954, 1955 и 1965 гг. В.Е. Липовским, Г.А. Пытляковым и Р.С. Васильевским [Пытляков, Беляева, 1957; Васильевский, 1971, с. 92–98]. Вместе с поселением в бухте Астрономической и МБА, пещера и поселение на м. Братьев были отнесены исследователями к группе древнекорякских памятников.

В 1955–1956 гг. на побережье залива Бабушкина также были обнаружены три могильника, включающих 34 погребения, в том числе восемь могильных сооружений на м. Братьев, пять могил в бухте Астрономической и погребения в бухте Средней. Однако этническая принадлежность могильников оставалась неясной. В могилах на м. Трех Братьев и в бухте Астрономической были найдены каменный и костяной наконечники, копья и каменные наконечники копий, навершие гарпуна из китовой кости, фрагмент керамики с «шахматным орнаментом» и три стеклянные матовые бусины синего цвета [Беляева, 1967].

*В научной литературе используется наименование мыс Трех Братьев [Васильевский, 1971, с. 92–98].

Известно, что черепа из одной могилы в бухте Астрономической, вскрытой в 1955 г., изучались сотрудником Института антропологии МГУ Н.Н. Мамоновой, которая определила половую и возрастную принадлежность шести черепов (седьмой череп был сильно разрушен) [Пытляков, Беляева, 1957, с. 10]. Один из авторов раскопок Н.А. Беляева отмечала: «По определению антропологов (Г.Ф. Дебеца, Н.Н. Мамоновой), обнаруженные в могилах черепа предположительно принадлежат юкагирам или ламутам. Для более точного определения этнической принадлежности могильников нужно продолжить их антропологическое исследование» [Беляева, 1967, с. 84].

В 1964 г. Р.С. Васильевский с целью выяснения этнической принадлежности исследовал могильник на м. Братьев, однако вещественные находки не были обнаружены ни в одном из погребений. Позже в монографии, посвященной происхождению и древней культуре коряков, исследователь интерпретировал погребения на м. Братьев и в бухте Астрономической в качестве тунгусских [Васильевский, 1971, с. 28].

В 1976 г. после сообщения сотрудников метеорологической станции о находке черепов на м. Братьев С.П. Ефимовым было зафиксировано и исследовано новое коллективное погребение [Ефимов, 1991]. Оно было совершено в каменной нише на высоте 8–10 м над уровнем моря, расстояние до моря по прямой составляло ок. 25 м. Снаружи был сооружен небольшой каменный вал шириной 50–60 см. По всей видимости, со временем часть камней с вала свалились вниз к морю, часть – в нишу, поэтому образовалась щель, которая позволила обнаружить погребение, содержащее фрагменты черепов и различных костей человека. Публикация этих материалов проходила уже через 15 лет по черновым записям. Немногочисленные артефакты, обнаруженные в процессе раскопок, не позволяли точно идентифицировать материал, тем не менее позволили С.П. Ефимову, с учетом мнения А.И. Лебединцева, готовившего материал к печати и изучившего имевшиеся артефакты, определить погребение как древнекорякское.

Однако ученым было известно, что коряки обычно сжигали своих мертвых, а представители токаревской культуры – предполагаемые предки коряков – также не имели могильников, они могли хоронить умерших в раковинных кучах. Учитывая немногочисленность и противоречивый характер находок, обнаруженных в погребениях в заливе Бабушкина, а также ранее высказанные мнения антропологов Г.Ф. Дебеца и Н.Н. Мамоновой, археолога Р.С. Васильевского, вопрос этнической принадлежности могильников на м. Трех Братьев и в бухте Астрономической нуждался в уточнении.

В 2016 г. П.С. Гребенюк и А.Ю. Федорченко описали коллекцию с мыса Братьев, хранящуюся в музее СВКНИИ. В 2017 г. совместно с сотрудниками Центра Геноетики Университета Копенгагена Констанцией де ла Фуэнте и Хью Макколом были отобраны образцы, подходящие для проведения палеогенетического анализа (височные кости и зубы). В 2018 г. младшим научным сотрудником ИАЭТ СО РАН М.С. Кишкурно были проведены измерения черепов с мыса Братьев по краниологической программе. Полученные данные были переданы в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) в г. Санкт-Петербурге,

где дальнейший анализ проводился под руководством антропологов В.Г. Моисеева и А.В. Зубовой. В 2019 г. с помощью гранта РФФИ к исследованию были привлечены серии охотской культуры, хранящиеся в Университете Хоккайдо.

Краниметрические характеристики серии с м. Братьев свидетельствовали о популяционных контактах между древними коряками и населением о-ва Хоккайдо. По мнению исследователей, следствием этих контактов является наличие достаточно выраженной эпидзёмонской специфики у двух индивидов из погребения на м. Братьев. Результаты позволили говорить о наличии общих эпизодов популяционной истории у группы с м. Братьев и носителей охотской культуры [Моисеев и др., 2021].

В полевых сезонах 2020–2021 гг. археологической экспедицией СВКНИИ под руководством А.И.Лебединцева и А.А.Прута были проведены исследования археологических памятников на м. Братьев [Лебединцев и др., 2020; 2021]. В ходе поисковых работ коллективное захоронение, найденное С.П. Ефимовым, обнаружить не удалось. Тем не менее, проведенная разведка и начатые работы позволили выявить и описать на данном участке серию других объектов, включая ранее неизвестные. Было обследовано пять могильников, четыре стоянки и одно местонахождение, определены точные координаты и границы новых и ранее выявленных памятников.

Исследователи отметили специфическую манеру захоронения, когда в расщелины скал помещались человеческие кости и черепа, огораживались каменными глыбами, между которыми укладывался умерший. Сверху погребение накрывалось деревянными жердями, которые засыпались камнями [Лебединцев и др., 2021]. Проведенные археологические работы позволили получить археологическую коллекцию, а также новый антропологический материал со стоянок древнекорякской культуры в заливе Бабушкина. Среди важных находок стеклянная бусина, фрагменты украшений из металла, изделия из дерева, орнаментированные костяные изделия и фрагменты керамики. Полученные материалы дополнили имевшиеся ранее сведения о каменной и костяной индустрии, традициях керамического производства приморских культур Северного Приохотья.

Особый интерес представляет уникальная находка стеклянной бусины. В 2021 г. опубликована статья, где описывались схожие бусины, найденные на неозскимосских памятниках Аляски. Ученые выяснили, что эти бусины были сделаны в Венеции, а на Аляску, по мнению авторов, попали путем культурного обмена в результате длинного континентального маршрута, проходящего через Ближний Восток, Среднюю Азию и Китай.

В 2017–2020 гг. в Центре Геогенетики Университета Копенгагена был проведен палеогенетический анализ антропологических материалов коллективного погребения на м. Братьев, показавший, что индивиды из погребения принадлежали гаплогруппам мтДНК G1b, C4b2 и Z1a2a мтДНК [Fuente, 2018]. Полногеномный анализ продемонстрировал сходство между индивидами из этого захоронения, носителями токаревской культуры, современными коряками и ительменами. Анализ индивидов с м. Братьев показал наличие у них гаплогрупп мнДНК, которые присутствуют в генофонде современных коряков и ительменов. Группа G1b

мтДНК выступает ключевой для древней палеосибирской популяции, представители которой жили в районах Колымы уже 10 тыс. лет назад.

Открытым оставался вопрос о возрасте коллективного погребения в каменной нише на м. Трех Братьев. По мнению Р.С. Васильевского, древнекорякские поселения в бухте Астрономической и поселения на м. Трех Братьев, существовали синхронно с поселением на Атаргане (X–XIII вв. н. э.) [Васильевский, 1971, с. 98]. Имеются предварительные результаты радиоуглеродного датирования, которые показывают, что захоронение в каменной нише и близлежащие могильники, изученные археологами в 2020–2021 гг. могут относиться к XII–XIII вв. Однако, были получены как более ранние, так и более поздние даты, следовательно потребуются провести серию датировок и дополнительных исследований с тем, чтобы уточнить хронологию памятников.

По итогам проведенных палеогенетических и антропологических исследований было установлено, что индивиды из коллективного погребения в каменной нише на м. Братьев могут быть предками современных коряков. Это было подтверждено и в результате археологических полевых исследований 2020–2021 гг. Результаты различных направлений исследований отразили кросс-культурные контакты древних жителей Северного Приохотья. Так палеогенетический анализ показал, что древние жители Северного Приохотья генетически являются предками коряков и ительменов, а антропологический анализ выявил их возможные популяционные контакты с древним населением о. Хоккайдо. Приведенные факты, наряду с материалами, полученными в ходе археологических раскопок, свидетельствуют о сложном процессе формирования древнекорякской культуры и смешанном характере древнекорякского населения.

В рамках работ по гранту РНФ «Генезис древних культур крайнего Северо-Востока Азии» научным коллективом в 2022–2024 гг. планируется продолжение полевых работ на мысе Братьев, уточнение сведений о культурной хронологии памятников и расширение территорий разведок и полевых работ с целью поиска и исследования новых памятников в заливе Бабушкина.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00319, *rscf.ru/project/22-18-00319/* (Руководитель – А.И. Лебединцев).

Список литературы

- Беляева А.В.** Древние погребения на Охотском побережье // История и культура народов Севера Дальнего Востока. – М.: Наука, 1967. – С. 80–84.
- Васильевский Р.С.** Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск: Наука, 1971. – 250 с.
- Ефимов С.П.** Остатки коллективного погребения на мысе Трех братьев – новый памятник древнекорякской культуры // Древние памятники Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1991. – С. 136–141.
- Лебединцев А.И., Макаров И.В., Прут А.А., Пташинский А.В., Федорченко А.Ю., Харитонов Р.М., Гребенюк П.С.** Результаты полевых исследований в Северном Приохотье

и на Камчатке в 2020 г.// Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26. – С. 148–154.

Лебединцев А.И., Прут А.А., Федорченко А.Ю., Харитонов Р.М., Пташинский А.В., Макаров И.В., Гребенюк П.С. Результаты полевых исследований в Северном Приохотье и на Камчатке в 2021 г.// Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 161–175.

Моисеев В.Г., Зубова А.В., Гребенюк П.С., Федорченко А.Ю., Лебединцев А.И., Мальярчук Б.А. Популяционные связи североохотского населения по материалам коллективного погребения на м. Трех Братьев (краниологические данные). // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – Т. 49. – № 2. – С.134–143.

Пытляков Г.А., Беляева А.В. Археологические работы на Охотском побережье // Краеведческие записки. – Вып. I. – Магадан: кн. изд-во, 1957. – С. 5–11.

Fuente C., de la. Recent population history of Siberia: PhD Dissertation. – Copenhagen: Univ. of Copenhagen, 2018. – 175 p.

References

Belyaeva A.V. Drevniye pogrebeniya na Okhotskom poberezh'e. In *Istoriya i kul'tura narodov Severa Dal'nego Vostoka*. Moscow: Nauka, 1967. P. 80–84. (In Russ.).

Efimov S.P. Ostatki kollektivnogo pogrebeniya na myse trekh brat'ev – novyi pamyatnik drevnekoryakskoi kul'tury. *Drevniye pamyatniki Severa Dal'nego Vostoka*. Magadan: NEISRI FESC AS USSR, 1991. P. 136–141. (In Russ.).

Fuente C., de la. Recent population history of Siberia: PhD Dissertation. – Copenhagen: Univ. of Copenhagen, 2018. 175 p.

Lebedintsev A.I., Makarov I.V., Prut A.A., Ptashinskiy A.V., Fedorchenko A.Yu., Kharitonov R.M., Grebenyuk P.S. Rezul'taty polevykh issledovaniy v Severnom Priokhot'e i na Kamchatke v 2020 godu. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Vol. 26. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. P. 148–154. (In Russ.).

Lebedintsev A.I., Prut A.A., Fedorchenko A.Yu., Kharitonov R.M., Ptashinskiy A.V., Makarov I.V., Grebenyuk P.S. Rezul'taty polevykh issledovaniy v Severnom Priokhot'e i na Kamchatke v 2021 godu. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 161–175. (In Russ.).

Moiseyev V.G., Zubova A.V., Grebenyuk P.S., Lebedintsev A.I., Malyarchuk B.A., Fedorchenko A. Yu. Population Affinities of the Ancient Northern Okhotsk People: Cranial Evidence from a Collective Burial in a Rock Niche on Cape Bratyeve, the Okhotsk Coast. // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2021. Vol. 49. N 2. P.134–143.

Pytlyakov G.A., Belyaeva A.V. Arkheologicheskiye raboty na Okhotskom poberezh'e. In *Kraevedcheskie zapiski Magadanskogo kraevedcheskogo muzeya*, 1957. Iss. 1. P. 5–11. (In Russ.).

Vasilyevsky R.S. Proiskhozhdenie i drevnyaya kul'tura koryakov. Novosibirsk: Nauka, 1971. 250 p. (In Russ.).

Гребенюк П.С. <https://orcid.org/0000-0001-9940-9962>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.044-054
УДК 902(5-191.2)

В.Л. Денисенко

*Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия
E-mail: valerialeontyevna@yandex.ru*

Погребальный обряд индо-скифов и кушан на территории Северной Индии

Статья посвящена анализу погребального обряда индо-скифов и кушан на территории Северной Индии на основе опубликованных данных. Цель данного исследования проследить постепенную ассимиляцию выходцев из кочевого общества Центральной Азии с оседлым населением Северной Индии, отраженную в погребальном обряде. На сегодняшний день культурное взаимодействие народов Центральной Азии и Северной Индии в эпоху раннего железного века остается малоизученной темой. Одной из основных проблем является крайняя малочисленность публикаций по погребальным памятникам, соотносимых с индо-скифами и кушанами на территории Северной Индии. Также важной проблемой является отсутствие данных о свойственной центральноазиатским кочевникам обрядности – курганным захоронениям. На данный момент известны только индо-буддийские погребальные памятники индо-скифов и кушан на территории Северной Индии. При этом погребальные практики являются одним из самых важных показателей степени взаимодействия различных народов. Основным методом исследования является комплексный подход, предполагающий привлечение данных других наук – эпиграфических, нумизматических и исторических. Хронологические рамки исследования – с I в. до н.э., когда саки появились на территории Северной Индии и основали Индо-скифское царство – по IV в. н.э., когда произошло падение Кушанской империи. На территории Северной Индии индо-скифы и кушаны переняли погребальные традиции местного индо-буддийского населения – сжигание умерших и помещение их праха в специальные ступы с различным сопроводительным инвентарем. Ваннапурн Риенджанг выделяет четыре этапа в практике использования ступ в этот период, отражающие постепенную ассимиляцию центральноазиатских народов в местную среду. Выявлено, что на первых двух этапах в ступах часто встречаются отдельные кости или целые скелеты, а также, начиная с индо-скифского периода, в ступы с другими реликвиями стали класть монеты. Начиная с третьего этапа, в ступах обнаруживают только реликварии с прахом. Решение одного из главных вопросов – насколько широко среди индо-скифов и кушан был распространен этот обряд, охватывал ли он все слои местного общества или только элиту – остается открытым.

Ключевые слова: ранний железный век, Северная Индия, погребальный обряд, индо-скифы, кушаны.

V.L. Denisenko

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russia
E-mail: valerialeontyevna@yandex.ru*

Funeral Rite of the Indo-Scythians and Kushans on the Territory of Northern India

The article is devoted to the analysis of the funeral rite of the Indo-Scythians and Kushans on the territory of Northern India, based on published data. The purpose of this study is to trace the gradual assimilation of immigrants from the nomadic society of Central Asia with the settled population of Northern India, reflected in the funeral rite. To the present day, the cultural interaction of the peoples of Central Asia and Northern India in the era of the Early Iron Age remains a little-studied topic. One of the main problems is the extreme lack of publications on funerary monuments correlated with the Indo-Scythians and Kushans in Northern India. Another important problem is the lack of data on the ritual characteristic of Central Asian nomads – burial mounds. At the moment, only Indo-Buddhist funerary monuments of the Indo-Scythians and Kushans in Northern India are known. At the same time, funeral practices are one of the most important indicators of the degree of interaction between different peoples. The main method of research is an integrated approach involving the use of data from other fields of knowledge – epigraphic, numismatic and historical. The chronological framework of the study is from the I century BC, when the Saks appeared on the territory of Northern India and founded the Indo-Scythian kingdom – to the IV century AD, when the Kushan Empire fell. On the territory of Northern India, the Indo-Scythians and Kushans adopted the funerary traditions of the local Indo-Buddhist population – the burning of the dead and placing their ashes in special stupas with various accompanying equipment. Wannapurn Rienjang identifies four stages in the practice of using stupas in the period from the I century BC – IV century AD, reflecting the gradual assimilation of Central Asian peoples into the local environment. It was revealed that at the first two stages individual bones or whole skeletons are often found in stupas, and also, starting from the Indo-Scythian period, coins began to be placed in stupas with other relics. Starting from the third stage, only reliquaries with ashes are found in stupas. The solution of one of the main questions – how widely was this rite spread among the Indo-Scythians and Kushans, whether it covered all layers of local society or only the elite – remains open.

Keywords: *early Iron Age, Northern India, funeral rite, Indo-Scythians, Kushans.*

Введение

Индо-скифы и кушаны – центральноазиатские народы, последовательно основывавшие на территории Северной Индии свои царства. В I в. до н.э. на данную территорию мигрировали племена памирских саков [Литвинский, 1972, с. 174–186; Пьянков, 2013, с. 520; Dani, 1989, p. 119]. Под властью Мауэса, основавшего Индо-скифское царство, и Азеса они постепенно оккупировали провинции в долине Инда, которыми правили индо-греки со времен Менандра. Индо-скифы унаследовали и продолжали использовать созданные индо-греками политические институты и культуру [Puri, 1994, p. 202]. Индо-скифское царство на протяжении своего существования в плане границ было аморфно, так как при каждой династии границы менялись вследствие активных военно-политических процессов на данной территории. До миграции на территорию Северной Индии погребальный обряд памирских саков (впоследствии именуемых индо-скифами) был традиционен для представителей центральноазиатских кочевников. Это были курганы с небольшой каменной насыпью, стенки которых иногда укрепляли деревом или перекрывали каменными плитами. Могильная яма овальной или подпрямо-

угольной формы имела глубину 0,5–1 м от дневной поверхности. Погребенного клали на дно ямы, иногда с травяной подстилкой и разнообразным сопроводительным инвентарем [Литвинский, 1972, с. 7–28; Бернштам, 1956, с. 127–128].

В I в. н.э. Кушанская империя начинает свое существование при правлении Куджулы Кадфиза. Данный период характеризуется политическим объединением части Центральной и Южной Азии в рамках одного обширного государства, сместив при этом Индо-скифское царство на южные территории. Будучи полиэтничным народом кушаны использовали различную погребальную обрядность. К примеру, в Бактрии со времен прибытия юэчжей был распространен курганный погребальный обряд, свойственный всем центральноазиатским кочевникам, а также зороастрийский, вероятно, использовавшийся автохтонным населением Бактрии [Мандельштам, 1975, с. 39; Ртвеладзе, 2019, с. 113]. Это одна из уникальных черт кушан – полиэтничность и толерантность. Данный факт наглядно иллюстрирует чеканка, т.к. на монетах представлены божества из различных религий и вероисповеданий.

Однозначно, что изменения в погребальной практике саков – индо-скифов и юэчжей-кушан, одна часть которых мигрировала в Бактрию, а другая – на территорию Северного Индостана, происходили постепенно. Это является одной из основных проблем, что на данный момент известны только индо-буддийские погребальные памятники, соотносимые с индо-скифами и кушанами на территории Северной Индии. Например, курганные погребения были обнаружены в XIX в. в горных долинах Северного Пакистана, на миграционном маршруте центральноазиатских кочевников. К сожалению, вследствие того что они не исследованы, невозможно установить их культурную принадлежность и дату создания [Dani, 1998, p. 159].

В связи с этим, в нашем исследовании мы будем руководствоваться источниками по индо-буддийской погребальной практике, посвященными тем или иным аспектам захоронениям в ступах. Ступе уделялось значительное внимание зарубежных ученых, а ее архитектурные, художественные и символические аспекты подробно обсуждались [Hawkes, 2009; Dallapiccola, 1980]. Грегори Шопен, Ваннапурн Риенджанг возглавили растущую группу ученых по исследованию реликвариев, хранящихся в ступах, и ритуалах, которые их окружали [Shopen, 1997; Rienjang, 2013; 2018].

Важным источником настоящей работы послужила глава Джулии Шау «Буддийские и небуддийские погребальные традиции в Древней Индии: прошлое, реликвии и археологический ландшафт» из коллективной монографии под редакцией Колина Ренфрю [Shaw, 2015]. К отдельным аспектам индо-скифской и кушанской погребальной обрядности, распространенной на территории северной части Индостана, обращались Е. Эррингтон., Д. Джонгевард, Р. Саломон, Х. Бэккер. Стоит отметить, что информация почти обо всех месторасположениях буддийских ступ в северной части Индостана, часть из которых принадлежала индо-скифам и кушанам, была получена из записей исследователей девятнадцатого века: Чарльза Массона (1800–1853), Джеймса Джерарда (1795–1835) и лейтенанта Роберта Пигу (1816–1841) [Errington, 1987, p. 210; 2017].

Результаты исследования

Одни из самых распространенных буддийских сооружений – это ступы, ряд из которых относится к погребальным сооружениям, типологически восходящие к могильным курганам [Буддизм, 1992, с. 104; Hawkes, 2009, р. 43]. Первые ступы в Индии относятся ко времени правления царя Ашоки, который построил их для погребения останков Будды [Dallapiccola, 1980, р. 21]. Согласно описанию в «Махадпариниббана сутре», когда Будду спросили, что делать с его останками, он сказал, что для начала его тело необходимо обернуть множеством слоев ткани и затем кремировать, после чего прах поместить в ступу. Точно так же следует обращаться с умершими учениками [Harvey, 1984, р. 68].

Относительно рассмотрения погребальной практики необходимо отметить конструкцию ступы, которая, как и свойственно архитектурным сооружениям, со временем изменялась. Первоначально ступы возводили в форме полусферы на круглом основании, а с индо-скифского периода – на квадратном. Благодаря проведенным исследованиям Д. Фаченны архитектурных особенностей ступ, наряду с анализом стратиграфических слоев и нумизматических находок, была создана первая хронологическая колонка для памятников от эпохи Маурьев до кушанской эпохи в долине Сват. На рисунке показана первоначальная форма Великой ступы из Буткары, Пакистан, созданная в эпоху Маурьев, и ее дальнейшие четыре этапа реконструкции (рис. 1).

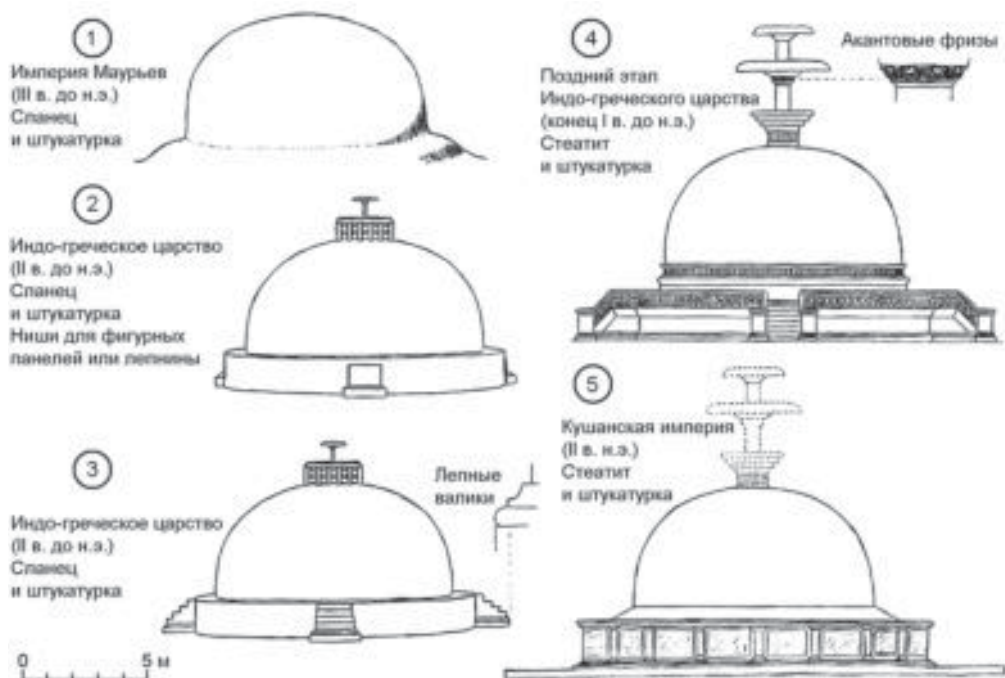

Рис. 1. Первоначальная форма Великой ступы из Буткары, Пакистан, созданная в эпоху Маурьев, и ее дальнейшие четыре этапа реконструкции. (по: [Faccenna, 1962, Pl. 12]).

В ступы помещали реликварий с прахом и другие реликвии, сверху увенчивали декоративными «зонтами» и обносили оградой с четырьмя воротами [Болганова, 2004, с. 5]. Часто реликварии с прахом повторяют форму ступы, также необходимо добавить, что ступы, особенно большие, перестраивались и продолжали служить по назначению долгое время после их основания [Marco, 1987, p. 230]. Таким образом, индо-буддийский погребальный обряд подразумевает не избавление от телесных останков, а скорее создание реликвий. Согласно буддийской традиции, реликвии – это не «просто» пепел, а преобразующие субстанции, подобные драгоценным камням [Strong, 2007, p. 45]. Перед помещением в ступу их помещают в реликварий, часто вместе с другими «реликвиями использования», такими как фрагменты ткани, драгоценные камни и монеты. Реликвии представляют собой «сущность» или «жизненную силу» умершего человека, что отчасти объединяет их с курганными погребальными комплексами [Shaw, 2015, p. 390].

Позднее ступы возводили на месте сожжения или в честь важных буддийских событий [Смирнов, 1997, с. 152]. Иногда в ступы замуровывались не пепел, а само тело умершего, который был мумифицирован с помощью соли или прожаривания в масле [Schopen, 1997, p. 39]. Например, на территории Северной Индии во время раскопок было обнаружено несколько ступ, содержащих целые скелеты. В Шахри-Бахлоле Х. В. Беллью исследовал ступу, в которой находился полный скелет [Bellew, 1864, p. 137]. Э. Эррингтон объясняет этот феномен как «погребальные обряды какой-то другой религии, включенные в буддийские погребальные комплексы» [Errington, 1987, p. 121].

Однозначно, что определенная часть саков/индо-скифов, юэчжей/кушан приняла новую погребальную практику. Начиная с индо-скифов, жертвоприношения в ступах стали включать в себя монеты – феномен, который ранее не использовался в индо-буддийской погребальной обрядности, но обнаруженный в Бактрии. В своем исследовании всех реликвариев и ступ из восточного Афганистана исследователи обнаружили, что треть включала монеты [Jongeward, Errington, Salomon, 2012, p. 130]. Эта практика, вероятно, началась с индо-скифского периода и продолжалась даже после эпохи кушан [Errington, 1998, p. 80].

В. Риенджанг выделяет четыре этапа в практике использования ступ в период с I в. до н.э. – IV в. н.э. [Rienjang, 2018, p. 97–98]. Первый этап – индо-скифский, когда телесные останки были обнаружены в виде фрагментов костей, а в нескольких случаях – пепла. Предметы, сопровождавшие погребенного, были представлены в основном бусами из различных материалов, включая драгоценные камни, жемчуг и слоновую кость. Тщательно продуманное расположение реликвий подтверждается их размещением внутри одного или двух реликвариев, изготовленных из драгоценных металлов (золота, серебра, меди) [Rienjang, 2018, p. 27]. Уникальным является серебряный реликварий с навершием в виде козерога и несколькими надписями на кхароштки и гандхари (рис. 2). Благодаря надписям известно, что он принадлежал индо-скифскому царю Хараосте, чьи монеты были найдены в Матхуре. Впоследствии он пере-

Рис. 2. Серебряный буддийский реликварий с надписями на кхароштки и гандхари, на вершине которого находится фигура козерога (кон. I в. до н.э. – нач. I в. н.э.). (по: <http://www.miho.or.jp/en/collection/s037/>).

шел во владение, возможно, в качестве подарка верному вассалу, Апраку Индраварману [Salomon, 1996, p. 433].

Второй этап – время правления первых двух кушанских царей, Куджулы Кадфиза и Вимы Такто (40–113 гг. н.э.). В целом практика использования ступ на данном этапе развивались таким же образом, как и на первом. Реликвии часто помещались в один или несколько реликвариев вместе с такими предметами, как различного вида украшения и монеты [Ibid]. По-прежнему фиксируется большое число фрагментов скелета в заполнении ступ. Две ступы в районе Дарунта, раскопанные Ч. Массоном, дают интересные данные о буддийских погребальных обрядах данного этапа. В центре ступы 7 была обнаружена большая камера, в которой находился скелет без черепа [Errington, 1998, p. 79], многочисленные фрагменты извести и лепных статуй Будды, львов и слонов. В ступе 2 полный череп был помещен выше реликвария из стеатита (рис.3). В ступе находились десять хрустальных бус, пепел, цветные камни, золотой брелок в форме шриуатса (индийская эмблема удачи) и пять небольших золотых шкатулок с фрагментами костей, а также шесть бронзовых монет с легендой Soter Megas, которые относятся к кушанскому царю Виме Такто [Errington, 1998, p. 81].

Третий этап охватывает период правления трех кушанских царей, Вимы Кадфиза, Канишки, Хувишки (113–190 гг. н.э.). На данном этапе наблюдается наибольшее разнообразие сопроводитель-

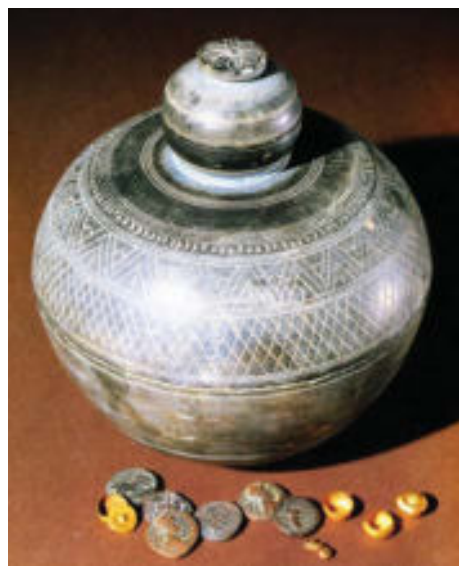

Рис. 3. Стеатитовый реликварий, амулет в форме шриуатсы, шесть бронзовых монет Soter Megas - Вимы Такто (ок. 90–113 гг. н.э.). Ступа 2 в Пассани, округ Дарунта, Юго-Восточный Афганистан. (по:[Errington, 1998, Fig.49]).

ного инвентаря, найденного в ступах. Телесные останки обнаружены в основном в виде пепла, помещенного в реликварии. Монеты этих трех кушанских правителей были найдены в ступах на большой территории северной части Индостана [Rienjang, p. 98]. Это указывает на то, что индо-буддийская погребальная практика на данной территории была широко распространена в периоды правления этих трех правителей. Ступы на Джелалабадской равнине и в окрестностях Кабула и Вардака кажутся немного более поздними по типу, чем памятники Дарунта, при этом наибольшее их количество датируется временами Хувишки (ок. 126–163 гг. н.э.). Одна из важных находок была сделана в районе Вардак в одной из ступ Кохват – бронзовый реликварий ныне известный как «Вардакская ваза» (высота 17 см). В ней находились разные реликвии и шестьдесят шесть медных монет, выпусков великих кушанских царей – Вима Кадфиза, Канишки и Хувишки (рис.4). На нижней части изделия на кхароштки написано название буддийской общины, ответственной за строительство ступы – Махасангхика. Это одна из самых ранних буддийских сект, которые были наиболее могущественными в Матхуре и южнее в Индии, и чьи доктрины, по-видимому, повлияли на развитие движения махаяны [Магсо, 1987, р. 218].

Четвертый этап охватывает период преемника Хувишки, Васудевы I (ок. 190–227 гг. н.э.), и поздних кушанских царей (ок. 230–350 гг. н.э.). Именно в этот период произошли явные изменения в практике использования ступ. Количество

Рис. 4. Бронзовый реликварий «Вардакская ваза» с надписью в честь кушанского царя Хувишки (ок. 126–163 гг. н.э.). Шестьдесят шесть бронзовых кушанских выпусков «Вима Кадфиза», «Канишка I» и «Хувишки». Ступа 1 из Вардака, юго-восток Кабула, Афганистан. (по: [Errington, 1998, Fig.53]).

сопроводительного инвентаря уменьшилось по сравнению с предшествующими периодами. Эта бедность проявляется в отсутствии различного рода реликвий, только монеты [Rienjang, 2018, p. 98].

Вывод

На территории Северной Индии индо-скифы и кушаны переняли погребальные традиции местного индо-буддийского населения – сжигание умерших и помещение их праха в специальные ступы с другими реликвиями. В. Риенджанг выделяет четыре этапа в практике использования ступ (I в. до н.э. – IV в. н.э.), которые наглядно иллюстрируют постепенную ассимиляцию центральноазиатских народов в местную среду. Выявлено, что начиная с первого этапа – индо-скифского периода правления (75 г. до н.э. – 40 г. н.э.), в ступы с другими реликвиями стали класть монеты. Также на первых двух этапах (75 г. до н.э. – 113 г. н.э.) в ступах часто встречаются отдельные кости или целые скелеты. Данная особенность демонстрирует привычную для выходцев из кочевого общества практику захоронения – погребение человека в кургане. Начиная с третьего этапа (113–190 гг. н.э.), в ступах обнаруживаются только прах в реликвариях. Вероятно, на данном этапе произошло полное растворение кушан в местную индо-буддийскую среду. Также на данный этап, при правлении Вимы Кадфиза, Канишки и Хувишки, приходится расцвет Кушанского царства, что находит отражение и в наибольшем разнообразии сопроводительного инвентаря, найденного в ступах. Четвертый этап (ок. 190–350 гг. н.э.) отражает упадок Кушанского царства. Уменьшилось количество сопроводительного инвентаря, более того, редко встречаются реликварии с прахом, только монеты с мелким номиналом.

Рассмотренные в ходе статьи погребения в ступах, вероятно, относятся к элитным, так как содержат большое количество статусных вещей. Вследствие этого на данный момент нельзя утверждать, был ли распространен данный погребальный обряд на все слои населения индо-скифов и кушан. В этой связи важно отметить, что индо-скифские и кушанские захоронения в курганных могильниках, характерные для Бактрии, не известны в Северной Индии, даже на таком значительном археологическом комплексе как Таксила [Ray, 2005, p. 184]. Однако, буддийские ступы – это вид памятного сооружения, восходящего к могильным курганам. Таким образом, трансформация погребального обряда центральноазиатских народов происходила плавно, постепенно подстраиваясь под местный погребальный обряд.

Как мы уже отметили, погребальные практики упомянутых народов трансформировались под культурным влиянием индо-буддийского населения. Тем не менее нельзя не согласиться, что погребальные памятники являются устойчивой традицией определенной культурной общности, поэтому должны были остаться следы прежней погребальной практики, возможно, они просто не изучены. В этой связи одним из перспективных направлений дальнейших исследований является открытие новых источников, в том числе и погребальных памятников.

Несомненно, что больше материалов, демонстрирующих связь с Центральной Азией, появится, когда будут раскопаны курганы, обнаруженные в XIX в. в горных долинах Северного Пакистана.

Список литературы

Буддизм: словарь / Л.Л. Абаева, В.П. Андросов, Э.П. Бакаева и др. – М.: Республика, 1992. – 287 с.

Бернштам А.Н. Саки Памира // ВДИ. – 1956. – № 1. – С. 121–134.

Болганова М.С. Архитектура буддийских памятников Средней Азии // SAN'AT. – Ташкент, 2004. – № 2. – С. 4–7.

Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира”. – М.: Наука, 1972. – 274 с.

Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. – Л., 1975. – Т. VII. – 228 с.

Пьянков И.В. Средняя Азия и Евразийская степь в древности. – СПб: Петербургское лингвистическое об-во, 2013. – 736 с.

Ртвеладзе Э.В. Кушанское царство. Династии, государство, народ, язык, письменность, религии. // Историческая библиотека. – Ташкент, 2019. – 133 с.

Смирнов Ю.А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. – М.: Восточная лит-ра РАН, 1997. – 279 с.

Bellew H.W. A General Report on The Yusufzais in Six Chapters with A Map. – Lahore: Government central press, 1864. – 265 p.

Dani A.H. Origin of the Dardic Culture: a new discovery in the Northern Areas of Pakistan // J. of Central Asia, 1998. – Vol. 21. – N 1. – P.158–170.

Dani A.H. History of Northern Areas of Pakistan. – Islamabad, 1989. – 532 p.

Dallapiccola A.L. The Stupa: Its religious, historical and architectural significance. – Wiesbaden: Steiner, 1980. – 359 p.

Errington E. Charles Masson and the Buddhist Sites of Afghanistan. Explorations, Excavations, Collections 1832–1835. – London: British Museum Press, 2017. – 250 p.

Errington E. Gandhara Stupa Deposits // Arts of Asia, 1998. – Vol. 28. – N 2. – P. 80–87.

Errington E. The Western Discovery of the Art of Gandhāra and the Finds of Jamālgarhī // School of Oriental and African Studies. – London, 1987. – P. 210–214.

Faccenna D. Reports on the Campaigns 1956-1958 in Swāt (Pakistan). Mingora: Site of Butkara I: Sculptures from the Sacred Area of Butkara I (Swāt, Pakistan). – Rome, 1962. – 361 p.

Harvey P. The Symbolism of the Early Stupa // The Journal of the International Association of Buddhist Studies, 1984. – Vol. 7. – N 2. – P. 67–93.

Hawkes J. Buddhist Stupas in South Asia: Recent Archaeological, Art-Historical, and Historical Perspectives. – New Delhi: Oxford University Press, 2009. – 346 p.

Jongeward D., Errington E., Salomon R. Reliquaries in the British Museum // Gandharan Buddhist Reliquaries. – Seattle: Early Buddhist Manuscripts Project, 2012. – 320 p.

Marco de G. The Stūpa as a Funerary Monument: New Iconographical Evidence // East and West, 1987. – Vol. 37 – N 4. – P. 191–246.

Puri B.N. The Sakas and the Indo-Parthians // HCCA, Vol. II. – Quetingy, UNESCO Publ., 1994. – P. 192–207.

Ray S. Scythian elements in early Indian art. Dis. Ph.D. University of Calcutta, 2005. – 266 p.

Rienjang W. The chronology of stūpa relic practice in Afghanistan and Dharmarājikā, Pakistan, and its implication for the rise in popularity of image cult // Problems of Chronology in Gandhāran Art, Proceedings of the First International Workshop of the Gandhāra Connections Project, University of Oxford, 23rd – 24th March, 2017. – Oxford, Archaeopress Archaeology, 2018. – P. 93–101.

Rienjang W. Bodily relics in Gandharan stupas // Gandharan Studies, 2013. – Vol. 7. – P. 1–10.

Schopen G. *Bones, Stones, and Buddhist Monks. Collected Papers on the Archaeology, Epigraphy, and Texts of Monastic Buddhism in India.* – Honolulu: University of Hawai'i Press, 1997. – 298 p.

Salomon R. An inscribed silver Buddhist reliquary of the time of king Kharosta and prince Indravarman // *JAOS*, 1996. – Vol. 116. – P. 418–452.

Shaw J. *Buddhist and Non-Buddhist Mortuary Traditions in Ancient India: Stūpas, Relics, and the Archaeological Landscape* // C. Renfrew, M. Boyd, & I. Morley (Eds.). *Death Rituals, Social Order and the Archaeology of Immortality in the Ancient World: Death Shall Have No Dominion.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. – P. 382–403.

Strong J. The Buddha's funeral, in *The Buddhist Dead: Practices, Discourses, Representations.* Honolulu: University of Hawaii Press. – 2007. – P. 32–59.

References

Bellew H.W. *A General Report on The Yusufzais in Six Chapters with A Map.* – Lahore: Government central press, 1864. 265 p.

Bernshtam A.N. *Saki Pamira* // *VDI*, 1956. N 1. P. 121–134. (In Russ.).

Bolganova M.S. *Arkhitektura buddiiskikh pamyatnikov Srednei Azii* // *SAN'AT*. Tashkent, 2004. N 2. P. 4–7. (In Russ.).

Buddizm: *Slovar'* / L.L. Abaeva., V.P. Androsov, E.P. Bakaeva et al. M.: Respublika, 1992. 287 p. (In Russ.).

Dallapiccola A.L. *The Stupa: Its religious, historical and architectural significance.* – Wiesbaden: Steiner, 1980, 359 p.

Dani A.H. *History of Northern Areas of Pakistan.* – Islamabad, 1989, 532 p.

Dani A.H. Origin of the Dardic Culture: a new discovery in the Northern Areas of Pakistan // *Journal of Central Asia*, 1998. – Vol. 21. N 1. P. 158–170.

Errington E. *Charles Masson and the Buddhist Sites of Afghanistan. Explorations, Excavations, Collections 1832-1835.* – London: British Museum Press, 2017, 250 p.

Errington E. *Gandhara Stupa Deposits* // *Arts of Asia*, 1998. – Vol. 28. N 2. P. 80–87.

Errington E. *The Western Discovery of the Art of Gandhāra and the Finds of Jamālgarhī* // *School of Oriental and African Studies.* – London, 1987. P. 210–214.

Facenna D. *Reports on the Campaigns 1956–1958 in Swāt (Pakistan). Mingora: Site of Butkara I: Sculptures from the Sacred Area of Butkara I (Swāt, Pakistan).* – Rome, 1962. 361 p.

Harvey P. *The Symbolism of the Early Stupa* // *The Journal of the International Association of Buddhist Studies*, 1984. Vol. 7. N 2. P. 67–93.

Hawkes J. *Buddhist Stupas in South Asia: Recent Archaeological, Art-Historical, and Historical Perspectives.* – New Delhi: Oxford University Press, 2009. 346 p.

Jongeward D., Errington E., Salomon R. *Reliquaries in the British Museum* // *Gandharan Buddhist Reliquaries.* – Seattle: Early Buddhist Manuscripts Project, 2012. 320 p.

Litvinskii B.A. *Drevnie kochevniki "Kryshi mira".* M.: Nauka, 1972. 274 p. (In Russ.).

Mandel'shtam A.M. *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoi Baktrii.* L.: 1975. Vol. VII. 228 p. (In Russ.).

Marco de G. *The Stūpa as a Funerary Monument: New Iconographical Evidence* // *East and West*, 1987. Vol. 37. N 4. P. 191–246.

P'yankov I.V. *Srednyaya Aziya i Evraziyskaya step' v drevnosti.* – SPb: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2013. 736 p. (In Russ.).

Puri B.N. *The Sakas and the Indo-Parthians* // *HCCA*, Vol. II. – Quetingy, UNESCO Publ., 1994. P. 192–207.

Ray S. *Scythian elements in early Indian art.* Dis. Ph.D. University of Calcutta, 2005. 266 p.

Rienjang W. *Bodily relics in Gandharan stupas* // *Gandharan Studies*, 2013. Vol. 7. P. 1–10.

Rienjang W. The chronology of stūpa relic practice in Afghanistan and Dharmarājikā, Pakistan, and its implication for the rise in popularity of image cult // *Problems of Chronology in Gandhāran Art, Proceedings of the First International Workshop of the Gandhāra Connections Project*, University of Oxford, 23rd – 24th March, 2017. – Oxford, Archaeopress Archaeology, 2018. P. 93–101.

Rtveladze E.V. Kushanskoe tsarstvo. Dinastii, gosudrstvo, narod, yazyk, pis'mennost', religii. Istoricheskaya biblioteka, Tashkent, 2019. 133 p. (In Russ.).

Salomon R. An inscribed silver Buddhist reliquary of the time of king kharosta and prince Indravarman // *JAOS*, 1996. Vol. 116. P. 418–452.

Schopen G. Bones, Stones, and Buddhist Monks. Collected Papers on the Archaeology, Epigraphy, and Texts of Monastic Buddhism in India. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 1997. 298 p.

Shaw J. Buddhist and Non-Buddhist Mortuary Traditions in Ancient India: Stūpas, Relics, and the Archaeological Landscape // C. Renfrew, M. Boyd, & I. Morley (Eds.). *Death Rituals, Social Order and the Archaeology of Immortality in the Ancient World: Death Shall Have No Dominion*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. P. 382–403.

Smirnov Yu.A. Labirint. Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya. M.: Vostochnaya literatura RAS, 1997. 279 p. (In Russ.).

Strong J. The Buddha's funeral, in *The Buddhist Dead: Practices, Discourses, Representations*. Honolulu: University of Hawaii Press. – 2007. P. 32–59.

Денисенко В.Л. <https://orcid.org/0000-0002-2642-1415>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.055-064
УДК 903/904

Кан Ин Ук

*Институт археологии и древней истории Кореи, Университет Кёнхи
Сеул, Республика Корея
E-mail: kanginuk@khu.ac.kr*

Полувековая истории изучения археологии Кореи в Новосибирске и личность Ю.М. Бутина

Изучение археологии и древней истории Кореи в Новосибирском научном центре было начато примерно 50 лет назад. Первым знаковым событием стал визит в 1974 г. делегации археологов из Новосибирска в Северную Корею. В ходе поездки ученые собрали многочисленные материалы по археологии Кореи и культуре первого корейского государства – Древнего Чосона. Последующий период развития корееведения в Новосибирске связан с деятельностью Ю.М. Бутина. Основная заслуга этого ученого – детальная реконструкция истории и культуры Древнего Чосона на базе оригинальных северокаорейских источников. Им также написана монография, характеризующая историю и культуру Корейского полуострова в период после падения Древнего Чосона. В 1986 г. Ю.М. Бутин защитил докторскую диссертацию, после чего его карьера в качестве специалиста по археологии и древней истории Кореи завершилась. Вместе с уходом Ю.М. Бутина из Института истории, филологии и философии СО АН СССР, прекратились и исследования, связанные с Древним Чосоном, равно как и научное сотрудничество с КНДР, завершившееся визитом сибирских археологов в 1988 году. В 1990-е гг. благодаря усилиям академиков А.П. Деревянко и В.И. Молодина, начинают налаживаться отношения между археологами Новосибирского научного центра и Республики Корея. Тематикой совместных исследований становятся актуальные для обеих сторон проблемы первобытной и средневековой археологии Евразии. В настоящее время назрела необходимость в осмыслении полученных за последние 50 лет результатов работы новосибирских корееведов, в числе которых был и Ю.М. Бутин. Это может стать началом нового этапа международного сотрудничества археологов в XXI в.

Ключевые слова: Северная Корея, Древний Чосон, археология, древняя история, корееведение, Новосибирский научный центр.

Kang In Uk

*Institute of Archaeology and Ancient History of Korea
Kyung Hee University
Seoul, Republic of Korea
E-mail: kanginuk@khu.ac.kr*

Half a Century of History of Studying the Archeology of Korea in Novosibirsk and the Role of Yu. M. Butin

The study of archaeology and ancient history of Korea at Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (IAET SB RAS as bellows) in Novosibirsk began about 50 years ago. The first significant event was the visit of a delegation of archaeologists from Novosibirsk to North Korea in 1974. During the trip, Siberian archaeologist, headed by A.P. Okladnikov, collected numerous materials on the archeology of Korea and the culture of the first Korean state – Ancient Joseon (a.k.a. Gojoseon). The subsequent period of development of Korean studies in Novosibirsk is associated with the activities of Yu.M. Butin. The main merit of this scholar is a detailed reconstruction of the history and culture of Ancient Joseon on the basis of original North Korean sources. After publication of his colossal work on Ancient Joseon, he also wrote a sequel monograph on the 4 Han prefectures and early three kingdom period of Korea. This way, he reconstructed whole ancient history of Korea in the first half of 1980's. Subsequently, Yu.M. Butin finished his career as a specialist in archeology and ancient history of Korea by defending his doctoral dissertation. After his departure from archaeological school of Novosibirsk, a follow-up visit of Siberian archaeologists has completed in 1988, but wholly cooperation with DPRK has ceased. In the 1990s thanks to the efforts of academicians A.P. Derevianko and V.I. Molodin, relations between IAE SBRAS and the Republic of Korea began to improve. The topic of joint research is the problems of prehistoric and medieval archeology of Eurasia that are relevant for both sides. At present, there is a need to comprehend the results of the work of Novosibirsk Korean scholars obtained over the past 50 years, including Yu.M. Butin. This may be the beginning of a new stage of international cooperation between archaeologists in the 21st century.

Keywords: North Korea, Ancient Joseon, archeology, ancient history, Korean studies, Novosibirsk Research Center.

За последние полвека тематика, связанная с государством Древний Чосон, приобрела особую актуальность для государств Восточной Азии. Большинство исследователей, в том числе российских и с территории государств постсоветского пространства, отстаивают позицию принадлежности Древнего Чосона к корейской истории. Одним из таких ученых являлся Ю.М. Бутин (1930–2002) (рис. 1), который, подобно комете, внезапно появился в Сибири 50 лет назад, защитил докторскую диссертацию по древней истории Кореи, после чего бесследно исчез с научных горизонтов. В 1970-е гг. он положил начало изучению корейской археологии и Древнего Чосона в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (в наст. вр. Институт археологии и этнографии СО РАН). В Республике Корея Ю.М. Бутин по праву считается ведущим российским специалистом по древней истории Кореи и инициатором изучения проблемы Древнего Чосона в русскоязычной историографии. Личность Ю.М. Бутина, который изучал Древний Чосон за железным занавесом, считается загадочной, но его вклад в сибирское и российское корееведение заслуживает внимания.

Начало систематическому изучению Древнего Чосона в КНДР было положено в 1974 г. и связано с визитом в эту страну А.П. Окладникова и В.Е. Ларичева [Ларичев, 2012; Kang In Uk, 2012]. Кажется странным, что Северная Корея, где в то время шло становление идеологии чучхе, открыла свои двери советским

Рис 1. Ю.М. Бутин в 2000 г., Иркутск. (фото Ким Чжон Рока).

ученым. Вероятно, секрет северокорейского «гостеприимства» кроется в сложившихся к тому времени разногласиях между КНР и КНДР по поводу политической принадлежности Древнего Чосона [Кан Ин Ук, 2015]. В КНДР изучение Древнего Чосона с целью обоснования государственной независимости было инициировано правительством сразу после Корейской войны. В 1957 г. для изучения Древнего Чосона в Пекинский университет был отправлен Ли Джирин. Параллельно между правительствами КНР и КНДР велись активные переговоры по вопросу международного сотрудничества в области науки. Эти переговоры оказались результативными: в июне 1963 г. делегация в составе 20 северокорейских ученых посетила Китай и встретились с Чжоу Эньлай; было подписано соглашение о проведении совместных исследованиях памятников древней истории Кореи на территории Маньчжурии. Цель этих исследований заключалась в обосновании принадлежности территории Маньчжурии к предмету истории Кореи в древности. В рамках указанного соглашения в 1963–1965 гг. в Маньчжурии были запланированы трехлетние совместные археологические раскопки, первые и последние в истории КНР совместные работы, направленные на изучение корейских древностей. Дело в том, что активный интерес к корейским древностям в Маньчжурии со стороны Северной Кореи вызвал беспокойство в правящих кругах Китая. Маньчжурия и так в 1931–1945 гг. была оккупирована японцами, поэтому интересы КНДР в Маньчжурии вызывали в Китае большие опасения по поводу дальнейшей судьбы этой территории. В результате основные совместные работы были свернуты фактически за два года, вместо трех, а руководитель работ с северокорейской стороны Ли Джирин был обвинен китайцами в международном шпионаже в пользу КНДР и в его отношении было возбуждено уголовное дело. В последующие годы китайским правительством

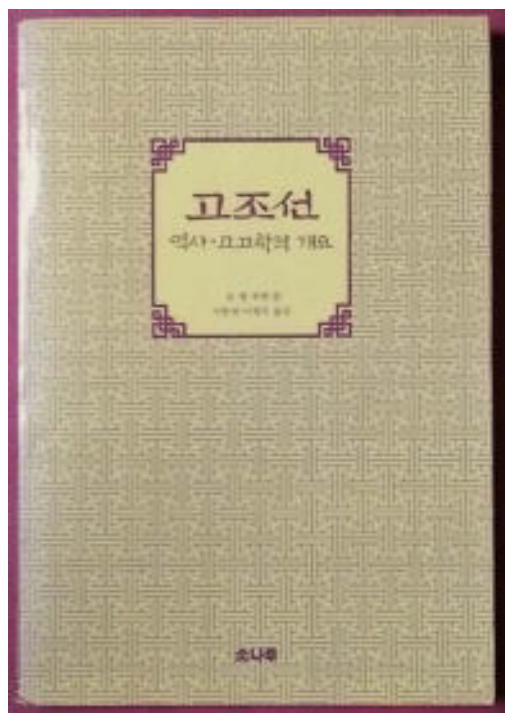

Рис 2. Корейский перевод Древнего Чосона.
Сеул: Соnamу, 1990.

была развернута «культурная революция», повлекшая за собой территориальные разногласия с СССР и изоляцию Китая от внешнего мира [Kang In Uk, 2022]. Все совместные исследования памятников археологии на территории КНР были прекращены, все культурное наследие провозглашено достоянием китайской истории, а само упоминание о совместных раскопках с северокорейскими учеными, равно как и название «Древний Чосон», вычеркнуто из китайской историографии. Но несмотря на все усилия китайского правительства, совместные китайско-северокорейские археологические работы 1960-х гг., имели большое значение для изучения культуры Древнего Чосона. С этого момента КНДР начинает активную борьбу за провозглашение Древнего Чосона достоянием корейской истории [Кан Ин Ук, 2015].

Охлаждение китайско-северокорейских отношений привело к сближению КНДР и СССР. Это дало возможность делегации советских ученых из новосибирского Академгородка в 1974 г. посетить Северную Корею. Надо сказать, что сибирские ученые были потрясены обликом Северной Кореи после провозглашения *чучхе*, особенно культом личности Ким Ир Сена, чьи портреты в Корею встречались там, где в СССР помещались изображения К. Маркса и В.И. Ленина. Что касается археологии, то нельзя было не отметить то, с какой гордостью корейские ученые подчеркивали, что первое корейское государство было создано именно на севере Корейского полуострова. Подробные записи впечатлений от поездки ученых из Сибири в КНДР были сделаны одним из членов советской делегации В.Е. Ларичевым (1932–2014). Однако в связи с тем, что его записки содержали критику в отношении КНДР и социализма, они не были опубликованы. К счастью, при сортировке архивов текст рукописи был обнаружен учеником В.Е. Ларичева, доцентом Новосибирского гос. университета С.В. Алкиным [Ларичев, 2012]. Путевой дневник В.Е. Ларичева увидел свет в 2012 г., незадолго до его ухода из жизни. Так, благодаря счастливой случайности, воспоминания об истории и исследователях Древнего Чосона получили вторую жизнь. Это была последняя работа великого ученого – востоковеда В.Е. Ларичева.

В результате поездки в КНДР советским ученым стали доступны материалы по археологии Древнего Чосона [Ларичев, 1978]. С этого момента начинает-

ся изучение культуры этого государства и корейской археологии в Новосибирском научном центре. Сибирское отделение Академии наук в то время являлось центром исследований по культуре не только Сибири, но также и Китая, Кореи и Центральной Азии. Однако никто из советских археологов не владел корейским языком, поэтому для своих исследований им приходилось привлекать переводчиков со стороны.

О жизни и деятельности Ю.М. Бутина практически ничего не известно ни в Корее, ни в России. Возможно, это связано с тем, что данные о нем засекречены органами государственной безопасности. Краткая биография Ю.М. Бутина сводится к следующему [Кузьмин, 2020; Кузьмин, Козырская, 2022]. Он служил военным переводчиком, в том числе и в Корее, где ему удалось в совершенстве освоить корейский язык. После демобилизации из рядов вооруженных сил работал экономистом. Возможно, что переломный момент в судьбе этого человека произошел тогда, когда сибирские ученые обратились к нему с просьбой перевести источники по корейской археологии. И вот в возрасте существенно за 40 лет, Ю.М. Бутин вплотную знакомится с северокорейской археологической литературой и его научным интересом становится история и культура Древнего Чосона. Круг источников для изучения этой темы в работах Ю.М. Бутина не ограничивался только литературой на корейском языке. Стремясь к наиболее полному раскрытию темы, он также активно использует материалы на китайском и японском языках. В 1982 г. выходит в свет фундаментальное сочинение Ю.М. Бутина под названием «Древний Чосон (историко-археологический очерк)». В ней автор обосновал существование государства Древний Чосон на территории современной китайской провинции Ляонин и на северо-западе Корейского полуострова и доказал, что основу материальной культуры Древнего Чосона составляла культура скрипковидных кинжалов. Возможно, в Южной Корее не все знают Ю.М. Бутина в качестве ученого, проделавшего колоссальную работу по реконструкции материальной культуры Древнего Чосона. Тем не менее в настоящее время наши знания по истории и культуре этого государства не сильно отличаются от тех выводов, к которым в свое время пришел Ю.М. Бутин. Он не стремился показать, что Древний Чосон был великой империей или фантомом, от которого нам осталось только название. В своих работах он характеризует Древний Чосон как типичное протогосударственное образование древности. Ведь основная цель его работы заключалась во введении в научный оборот результатов археологических исследований северокорейских ученых.

Таким образом, ранее никому не известное первое корейское государство Древний Чосон открылось советским ученым благодаря работам Ю.М. Бутина. Долгое время его книга «Древний Чосон» считалась уникальным примером реконструкции обширного периода древней истории Кореи не только в СССР, но и в мире. Эта работа оказала влияние на утверждение Древнего Чосона в качестве первого корейского государства не только в Корее, но и в России. Можно сказать, что миссия Ю.М. Бутина как ученого завершилась победой в исторической войне за Древний Чосон – государства, исчезнувшего где-то на дальней окраине Восточной Азии 2 тыс. л. н.

После начала своей деятельности в качестве археолога в 1974 г. Ю.М. Бутиным было издано немало трудов, в основу которых легли его собственные переводы корейских источников и литературы: «О погребениях Древнего Чосона» (1976), «Керамика Древнего Чосона» (1977), «Три статьи из законодательства Древнего Чосона» (1978), «Проблема Древнего Чосона» (1978), «Материальная культура Древнего Чосона» (1978) [Бутин, 1978] «К проблеме происхождения корейцев и маньчжур» [Бутин, 1984а] и т.д. Эти и другие работы легли в основу увидевшего свет в 1982 г. обобщающего монографического труда по истории и культуре Древнего Чосона «Древний Чосон (историко-археологический очерк)» [Бутин, 1982]. Эта работа представляет собой самостоятельное научное исследование, в основу которого положены труды по древней истории и археологии, изданные в КНДР в 1960–70-е гг. От северокорейской историографии его отличает лишь использование марксистско-ленинской теории, что, в общем-то, типично для советской исторической науки того периода.

Работа состоит из четырех глав. Первая глава «Территория и этнический состав» освещает вопросы происхождения топонима «Чосон» и населявших его этнических групп. Вторая глава «Древний Чосон в письменных источниках» освещает основные периоды истории Древнего Чосона: мифический (Чосон Тангуна), легендарный (Чосон Киджа) и, собственно, исторический – Чосон Ви Мана. Третья глава «Эпоха раннего металла на территории Южной Маньчжурии и Северной Кореи» посвящена сопоставлению письменных источников, приведенных во второй главе, с археологическими материалами с территории Северо-Восточного Китая и Северной Кореи. В четвертой главе «Общественно-экономический строй» приводится анализ устройства древнеchosонского общества, характеристика производственных сил и производственных отношений в нем. К сожалению, книга не содержит ни одной иллюстрации, поэтому она достаточно сложна для восприятия русскоязычной аудиторией. Монография обобщает в себе основные результаты северокорейской археологической науки за 1960–70-е гг., но изложенные в ней положения не утратили своей актуальности и по сей день.

Таким образом, охарактеризованная выше работа Ю.М. Бутина в достаточной мере отражает ситуацию с изучением Древнего Чосона в северокорейской и отчасти южнокорейской археологии того времени и представляет собой полноценное академическое исследование. Если учитывать то обстоятельство, что Ю.М. Бутин не получил специального образования в области археологии или древней истории и был вынужден самостоятельно анализировать доступные ему работы корейских историков и археологов, нельзя не преклоняться перед точностью описаний и корректностью сделанных им выводов.

В 1984 г. вышла в свет вторая монография Ю. М. Бутина, получившая название «Корея: от Чосона к Трем Государствам» [Бутин, 1984б]. Она посвящена периоду древнекорейской истории после падения Древнего Чосона. Возможно, что эта книга стала основой для будущей докторской диссертации Ю.М. Бутина. Работа построена совершенно не так, как предыдущая, которая освещала, преимущественно, точку зрения северокорейских ученых. В основу новой работы легли,

главным образом, письменные источники, а изложенная в ней историческая концепция практически полностью совпадает с той, которая широко использовалась в южнокорейских учебниках по истории Кореи того времени. Ниже приведены основные разделы монографии.

Глава I. Ханьские округа на территории Древнего Чосона: §1. Чинбон; §2. Имдун; §3. Хёндо; §4. Наннан.

Глава II. Южная Маньчжурия и Северная Корея: §1. Пуё; §2. Окчо и восточные е; §3. Когурё.

Глава III. Южная Корея: §1. Страна Чингук и Три Хан – Махан, Чинхан и Пенхан; §2. Пэкче; §3. Силла.

Переход Ю.М. Бутина от анализа археологических источников к письменным мог быть продиктован несколькими обстоятельствами. Во-первых, как отмечено в книге В.Е. Ларичева, северокорейская теория исторического процесса в этот период подверглась активной критике со стороны советских академических кругов, поэтому у автора не было возможности без существенных потерь использовать результаты исследований северокорейских ученых, как это было в предыдущей монографии, посвященной Древнему Чосону. Во-вторых, в распоряжении Ю.М. Бутина, вероятно, просто не было достаточного количества археологических материалов по периоду после падения Древнего Чосона. В КНР в то время отрицали даже само существование ханьских округов, а к южнокорейским археологическим материалам у автора просто не было доступа. Да и особых результатов археологического изучения протокорейских племен *пуё*, *окчо* и др. в то время еще не было достигнуто ни в Северной, ни в Южной Корее. Поэтому обращение Ю.М. Бутина в новой работе к данным исторических хроник было вынужденным и вполне оправданным.

В 1986 г. г. Ю.М. Бутин успешно защитил докторскую диссертацию по древней истории Кореи («Корея в эпоху ранних государств») в Ленинградском отделении Института востоковедения и стал доктором исторических наук [Бутин, 1986]. Нам удалось ознакомиться только с авторефератом. Можно прийти к выводу, что обе предшествующие монографии легли в основу диссертационного исследования. Работа состоит из четырех глав.

Глава I. Корея в эпоху овладения металлом: введение в научный оборот материалов по археологии бронзового и железного века Кореи.

Глава II. Первые государственные образования в регионе: систематизация истории Древнего Чосона.

Глава III. Ханьские округа на Дальнем Востоке.

Глава IV. Появление трех государств и ликвидация ханьских округов.

Продолжи Ю.М. Бутин жить и работать в Новосибирском научном центре, возможно, ему бы удалось сформировать свою школу корееведения с многочисленными учениками и последователями. Однако его работа не была никем продолжена, да и в России уже не так много людей, которые помнят его. Возможно, большая часть его биографии до сих пор находится под грифом «секретно». Последней работой Ю.М. Бутина по древней истории Кореи фактически является изданная в 1984 г. монография «Корея: от Чосона к Трем Государствам». Буду-

чи военным человеком, Ю.М. Бутин обладал замкнутым характером и не любил распространяться о подробностях своей жизни и деятельности, не оставил после себя мемуаров. В итоге в нашем распоряжении нет ни одного документа или фотографии, связанной с личностью этого ученого. Единственная фотография Ю.М. Бутина была обнаружена профессором Ю.В. Кузьминым в личном деле ученого, относящемся к периоду его работы в Иркутском гос. университете.

После завершения карьеры Ю.М. Бутина в качестве археолога прекратились и исследования культуры Древнего Чосона. В 1988 г. группа сибирских археологов в составе Е.И. Деревянко, А.И. Соловьева и А.В. Варенова вновь посетила КНДР [Варенов, 1988]. Однако эта поездка не дала ожидаемых результатов в виде плодотворного российско-северокорейского сотрудничества в области археологии, т.к. в это время Северная Корея находилась во власти серьезного экономического кризиса и археологические раскопки на территории страны не проводились. В дальнейшем после распада СССР и раскопок захоронения Тангуна, российско-северокорейские отношения окончательно сошли на нет.

С другой стороны, в 1990-е гг. благодаря усилиям академиков А.П. Деревянко и В.И. Молодина, начинают налаживаться отношения между археологами Новосибирского научного центра и Республики Корея. В частности, А.П. Деревянко опубликован ряд статей и монографий по корейской археологии. В их основу легли материалы, полученные им в 1974 г. в ходе первого визита советских археологов из Новосибирска в Северную Корею. Значение археологии Кореи в археологических исследованиях по зарубежной археологии в СССР того времени можно примерно оценить по опубликованной в 1986 г. книге «Археология зарубежной Азии», в написании которой участвовал и А.П. Деревянко [1986]. Территориальные рамки этой монографии охватывают обширный регион от Ближнего Востока до Юго-Восточной Азии и зарубежного Дальнего Востока. Книга состоит из 360 стр. Раздел по археологии Кореи занимает 15 стр., что намного меньше, чем раздел по Китаю (67 стр.), но с Японией (18 стр.) особой разницы по объему материала нет. Тем самым в 1980-е гг. корейская археология становится уже неотъемлемой частью исследований по археологии зарубежной Азии.

Первые специалисты в области корейской археологии появились в Новосибирске только в 2000-е гг. [Алкин, 2020]. Один из них – А.Л. Нестеркина (Субботина), окончила НГУ в 2002 г., Сеульский нац. Университет в 2005 г., в наст. вр. – научный сотрудник Сектора зарубежной археологии ИАЭТ СО РАН. В этот период научные интересы российских археологов сосредотачиваются на проблемах первобытной археологии и культуре государства Бохай и Окчо, поэтому изучение истории и культуры Древнего Чосона не ведется. Что касается Южной Кореи, то здесь история Древнего Чосона изучается в основном историками по материалам письменных источников и китайских археологов в Ляонине. Причина этому вполне очевидна: заключается она в отсутствии на юге Корейского полуострова археологических памятников Древнего Чосона.

Ю.М. Бутин написал свои основные труды еще до начала полноценного сотрудничества России с Кореей, поэтому он не был должным образом оценен. Тем не менее, нельзя недооценивать вклад этого ученого в развитие интереса уче-

ных к проблемам археологии и древней истории Кореи. Своей деятельностью Ю.М. Бутин доказал, что настоящим центром изучения археологии и древней истории Кореи в России является Новосибирский гос. университет и Сибирская академия наук. Осмысление полученных за последние 50 лет результатов работы новосибирских корееведов, в числе которых был и Ю.М. Бутин, может стать началом нового этапа международного сотрудничества археологов в XXI в.

Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность профессору Ю.В. Кузнецову за бесценную информацию о жизни и деятельности Ю.М. Бутина в Иркутске.

Данное исследование было выполнено при поддержке Министерства образования Республики Корея и Национального исследовательского фонда Кореи (NRF-2019S1A5C2A01083578).

Список литературы

Алкин С.В. Российско-корейское сотрудничество в изучении археологии Сибири и Корейского полуострова // Изв. Ирк. гос. ун-та. Сер.: История. – 2020. – № 34. – С. 39–49.

Бутин Ю.М. Древний Чосон (историкоархеологический очерк). – Новосибирск: Наука, 1982. – 330 с.

Бутин Ю.М. К проблеме происхождения корейцев и маньчжур // Проблемы реконструкции в этнографии. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1984. – С. 38–55.

Бутин Ю.М. Корея: от Чосона к трем государствам (II в. до н.э. – IV в.). – Новосибирск: Наука, 1984. – 256 с.

Бутин Ю.М. Корея в эпоху ранних государств, автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ленинград, 1986, – 35 с.

Бутин Ю.М. Материальная культура Древнего Чосона // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 119–154.

Варенов А.В. Командировка сибирских археологов в КНДР // Изв. СО АН СССР. – 1988. – № 16. – Вып. 3. – С. 63–64.

Деревянко А.П. Древние культуры Кореи // Археология зарубежной Азии. — М., 1986. – С. 320–334.

Кан Ин Ук. Ли Джирин-ый «Кочосон энгу»-ва чоджун кого пальгульдэ: Ко Хильган-ый чаре-рыль чунсим-ыйро («Исследования Древнего Чосона» Ли Джирин и совместная китайско-северокорейская археологическая экспедиция: по материалам Гу Цзегана // Сонва-ва кодэ (Первобытная история и древность). – 2015. – № 45. – С. 29–58 (на кор. яз.).

Кузьмин Ю.В. Профессор Юрий Михайлович Бутин – военный переводчик, востоковед, экономист и историк // Изв. Ирк. гос. ун-та. Сер.: История. – 2020. – Т. 34. – С. 65–72.

Кузьмин Ю.В., Козырская И.Е. Творческая биография российского востоковеда и корееведа Ю.М. Бутина (1931–2002): к 90-летию со дня рождения // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск: Изд-во Байкальского гос. ун-та, 2022. – С. 437–445.

Ларичев В.Е. Неолит и бронзовый век Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 88–118.

Ларичев В.Е. Путешествие археолога в Страну утренней свежести. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 234 с.

Kang In Uk. An Unique travel of Russian Archaeologist to the Nation of Morning Freshness - a book review on An Archaeologist's Travel to the Nation of Morning Freshness, by Vitali Epifanovich Larichev, Novosibirsk, Novosibirsk, Russia, 2012, 233 p. // Localities, Vol. 3. – Pusan: Pusan National Univ., 2012. – P. 227–232.

Kang In Uk. Undercurrents of Go'joseon Research Reflected in the Diaries: With a Focus on Gu Jiegang's Diary and An Zhimin's Diary // The Journal of Northeast Asian History. – 2022. – Vol. 18. – N 2. – P. 179–192.

References

Alkin S.V. Rossiysko-koreyskoe sotrudnichestvo v izuchenii arkheologii Sibiri i Koreyskogo poluostrova. // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, 2020. N 34. P. 39–49. (In Russ.).

Butin Yu.M. Drevnii Choson (istoriko-arkheologicheskii ocherk). Novosibirsk: Nauka, 1982. 330 p. (In Russ.).

Butin Yu.M. K probleme proiskhozhdeniya koreitsev i man'chzhur. In *Problemy rekonstruktsii v etnografii*. Novosibirsk: Institut istorii, filologii i filosofii SB AS USSR, 1984. P. 38–55. (In Russ.).

Butin Yu.M. Koreya: ot Chosona k trem gosudarstvam (II v. do n.e. – IV v.). Novosibirsk: Nauka, 1984. 256 p. (In Russ.).

Butin Yu.M. Koreya v epokhu rannikh gosudarstv, avtoreferat dis. na soiskanie doktora ist. nauk. Leningrad, 1986. 35 p. (In Russ.).

Butin Yu.M. Material'naya kul'tura Drevnego Chosona. In *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v drevnosti: neolit i epokha metalla*. Novosibirsk: Nauka, 1978. P. 119–154. (In Russ.).

Derevyanko A.P. Drevnie kultury Korei // Arkheologiya zarubezhnoy Azii. M., 1986. P. 320–334. (In Russ.).

Kan In Uk. Lee Ji-rin-ui Gojoseon yeongu-wa jojung gogo balguldae: Go Hilgang jaryo-reul junsim-euro [Reexamination of role and significance of Lee Ji-Rin's study on Old Joseon and Korea-Chinese joint excavation on North-Eastern Part of China in 1963–1965 years]. Seonsa-wa godae [Prehistoric and ancient studies], 2015. N 45. P. 29–58. (In Kor.).

Kang In Uk. An Unique travel of Russian Archaeologist to the Nation of Morning Freshness – a book review on An Archaeologist's Travel to the Nation of Morning Freshness, by Vitali Epifanovich Larichev, Novosibirsk, Russia, 2012, 233 p. In *Localities*, Vol. 3. Pusan: Pusan National Univ., 2012. P. 227–232.

Kang In Uk. Undercurrents of Go'joseon Research Reflected in the Diaries: With a Focus on Gu Jiegang's Diary and An Zhimin's Diary. The Journal of Northeast Asian History, 2022. Vol. 18. N 2. P. 179–192.

Kuz'min Yu.V. Professor Yurii Mikhailovich Butin – voennyi perevodchik, vostokoved, ekonomist i istorik. In *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Istoriya*, 2020, Vol. 34. P. 65–72. (In Russ.).

Kuz'min Yu.V., Kozyrskaya I.E. Tvorcheskaya biografiya rossiiskogo vostokoveda i koreevedu Yu.M. Butina (1931–2002): k 90-letiyu so dnya rozhdeniya. In *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*. Irkutsk: Baikal'skii Gosudarstvennyi Univ. Press, 2022. P. 437–445. (In Russ.).

Larichev V.E. Neolit i bronzovyi vek Korei. In *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v drevnosti: neolit i epokha metalla*. Novosibirsk: Nauka, 1978. P. 88–118. (In Russ.).

Larichev V.E. Puteshestvie arkheologa v Stranu utrennei svezhesti. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. 234 p. (In Russ.).

Varenov A.V. Komandirovka sibirskikh arkheologov v KNDR. Izvestiya SB AS USSR, 1988. N 1. Iss. 3. P. 63–64. (In Russ.).

Кан Ин Ук <https://orcid.org/0000-0002-4549-1267>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.065-076
УДК 904.25-032.42(510)

М.А. Кудинова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: maria-kudinova@yandex.ru*

Золотые украшения одежды и головного убора в «степном» стиле из элитных погребений эпохи Западная Хань

В статье рассматриваются находки золотых украшений, выполненных в нехарактерной для ханьского Китая манере, стилистически близкой к ювелирным изделиям кочевников степного пояса Евразии позднескифского времени. Изучены материалы восьми погребений эпохи Западная Хань, принадлежавших представителям высшей аристократии (правитель царства Наньюэ, правители-ваны удельных княжеств) и высокопоставленным чиновникам, расположенных в разных регионах Китая. Все рассмотренные погребальные комплексы датируются в пределах II в. до н.э. Выделены три наиболее часто встречающиеся категории украшений: штампованные из золотого листа нашивки с изображением парных голов баранов и грифоньей головки, выпуклые полусферические бляшки с инкрустацией, изделия в виде диска с цилиндрической втулкой в центре. Предполагается, что эти предметы представляли собой украшения одежды и головного убора. Высокая степень стандартизации данных изделий свидетельствует в пользу того, что они были изготовлены в нескольких производственных центрах, наиболее вероятно – в центральных или региональных казенных мастерских Западной Хань. Образцами при этом служили изделия более раннего времени (кон. IV – сер. III в. до н.э.), изготавливавшиеся в периферийных китайских княжествах эпохи Чжаньго (Цинь, Янь) под влиянием изобразительных традиций и технологий, заимствованных у кочевых народов (отмечается, в частности, влияние пазырыкского искусства). Возможно, золотые изделия или предметы гардероба, которые они украшали, являлись показателями ранга, которые были пожалованы императорским двором Ранней Хань удельным князьям и правителям царства Наньюэ (после признания сюзеренитета Хань).

Ключевые слова: Китай, ранний железный век, Западная Хань, погребальные комплексы, золотые украшения, межкультурные взаимодействия.

М.А. Kudinova

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: maria-kudinova@yandex.ru*

Golden Decorations of Clothes and Headdress in the “Steppe” Style from the Elite Tombs of Western Han Epoch

The article deals with the finds of gold jewelry made in a manner uncharacteristic for Han China, stylistically close to the jewelry of the nomads of the Eurasian steppe belt of the late Scythian time. Materials of eight burials of the Western Han epoch, which belonged to representatives of the highest aristocracy (the king of the Nanyue kingdom, the kings of principalities) and high-ranking officials located in different regions of China, were studied. All considered burial complexes date back to the 2nd century BC. Three most common categories of adornments are distinguished: plaques stamped from gold leaf with the paired ram heads and a griffin head ornament, hemispherical plaques with inlay, items in the form of a disk with a cylindrical socket in the center. It is assumed that these items were ornaments of clothing and headgear. The high degree of standardization of these products indicates that they were manufactured in several production centers, most likely in the central or regional government workshops of the Western Han. Products of an earlier time (late 4th – mid. 3rd centuries BC) made in the peripheral Chinese kingdoms of the Zhangguo period (Qin, Yan) under the influence of traditions and technologies borrowed from nomadic peoples (in particular, under the influence of Pazyryk art) served as samples. It is possible that the gold items or items of clothing that they decorated were the rank indicators that were granted by the imperial court of the Western Han to the princes and rulers of the Nanyue kingdom (after the recognition of Han suzerainty).

Keywords: China, Early Iron Age, Western Han, burial complexes, golden ornaments, crosscultural interactions.

В ряде элитных погребений эпохи Западная Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.) найдены золотые изделия нехарактерного для Китая облика, созданные, вероятно, под влиянием культур степного пояса Евразии. Устойчивый набор включал штампованные наклейки из золотой фольги с изображением парных голов баранов и грифоньей головки, выпуклые золотые бляшки с инкрустацией, изделия в виде тисненого диска с вертикально вставленной в него втулкой. Предположительно, эти предметы представляют собой детали декора головных уборов и одежды. Вопросы происхождения и путей распространения этих изделий в настоящее время не решены окончательно.

К настоящему моменту известны следующие находки.

1. Ханьское погребение М1 в Маньчэне.

В погребении М1 на горе Линшань в уезде Маньчэн (территория совр. р-на Маньчэн городского округа Баодин пров. Хэбэй) найдено пять золотых бляшек с тисненым изображением пары голов баранов, показанных в профиль, и головки грифона над ними. Все изделия сходны по форме и декору, среди них одна наклейка высотой 3,9 см, шириной 3,7 см толщиной 0,3 мм (рис. 1, 1). Остальные четыре высотой 4,7 см, шириной 4,3 см, толщиной 0,2 мм (рис. 1, 2). По краям всех изделий имеются отверстия для крепления. Также в погребении найдено два золотых дисковидных изделия со втулкой. Основание изделия представляет собой ажурный диск, вырезанный из золотого листа, основная его часть заполнена стилизованным зооморфным орнаментом, по краю изделия проходит пояс-косич-

Рис. 1. Украшения из погребения в Маньчэне.

1, 2 – бляшки с парными головками баранов и головкой грифона; 3, 4 – дисковидные украшения с цилиндрической втулкой. По: [Маньчэн, 1980, с. 117–118].

ка из золотой проволоки, а внутри него расположены четыре пары отверстий для крепления. В центре диска имеется уставленный вертикально золотой цилиндр, также украшенный проволочным пояском-косичкой, пирамидками из шариков зерни и каплевидными гнездами с вставками бирюзы и агата. Диаметр одного из них 4,4 см, высота цилиндра 2 см, диаметр цилиндра 1 см (рис. 1, 3). Диаметр второго 4 см, высота цилиндра 1,4 см, диаметр цилиндра 1 см (рис. 1, 4) [Маньчэн..., 1980, с. 117–118]. Все украшения были найдены в центральной камере гробницы, но точное их расположение не зафиксировано в отчете о раскопках. В гробнице похоронен Лю Шэн (?–113 гг. до н.э.) – сын императора Цзин-ди, носивший титул Цзин-вана удельного княжества Чжуншань [Маньчэн..., 1980, с. 336, 337].

2. Погребение в западной части сталелитейного комбината в г. Ханьдань, пров. Хэбэй.

В погребении найдено пять нашивок с парным изображением бараньих голов и одно дисковидное золотое украшение. Поскольку отчет о раскопках не опубли-

Рис. 2. Украшения из погребения в горах Фулайшань.

1 – бляшка с парными головками баранов и головкой грифона; 2 – выпуклая бляшка с гнездами для инкрустации и пирамидками зерна. По: [Лю Юньтао, 2015, с. 31].

Все четыре экземпляра практически идентичны и лишь незначительно различаются размерами: высота 4,9–5 см, ширина 4,7–4,8 см (рис. 2, 1). Выпуклые бляшки идентичны по размерам и декору. Диаметр составляет 1,2 см, высота 0,5 см. Поверхность украшена вставками бирюзы (сохранились частично): в центре круглая, вокруг нее – каплевидные. Между вставками камней припаяны по две-три гранулы зерна. По краю бляшки – орнамент из золотой проволоки. С внутренней стороны есть ушко для крепления (рис. 2, 2). Все украшения находились внутри гроба, в его южной части. Судя по месту находки, бляшки, возможно, служили украшениями одежды и/или головного убора. По мнению автора раскопок, могила могла принадлежать одному из высокопоставленных чиновников удельного княжества Чэньян и должна датироваться началом среднего периода Западной Хань (конец II в. до н.э.) [Лю Юньтао, 2015, с. 28, 30–32].

4. Гробница чуского вана на горе Шицзышань.

Гробница находится на западном склоне горы Шицзышань в районе Юньлун городского округа Суйчжоу, пров. Цзянсу. В западной боковой камере 3 (W3), представляющей собой хранилище оружия, доспехов и повседневных принадлежностей покойного, найдены две нашивные бляшки треугольной формы со скругленными углами с изображением головы барана (высота – 3,8 см, ширина – 4 см), стилистически сходные с вышеописанным образцами, украшенными парными головками баранов (рис. 3, 1) [Шицзышань..., 2010, с. 96, 97]. В западной боковой камере 4 (W4), в которой помещались официальные печати и ювелирные украшения, найдено не менее трех полусферических бляшек с гнездами для инкрустации диаметром 1,2 см (рис. 3, 2) [Шицзышань..., с. 106]. Установлено, что погребение принадлежало одному из правителей удельного княжества Чу эпохи Западная Хань. Точная дата создания гробницы остается дискуссионной, однако наиболее вероятно, что она относится к периоду 175–154 гг. до н.э. [Ван Кай, Цю Юншэн, 1998, с. 29–31].

кован, детальная информация о положении предметов в погребении недоступна [Хо Юйфэн, 2020, с. 65].

3. Ханьское погребение в горах Фулайшань.

Погребение расположено в уезде Цзюйсянь городского округа Жичжао, пров. Шаньдун. В могиле найдено четыре накладки с головами баранов и четыре выпуклые бляшки. Накладки пятиугольной формы со скругленными углами, украшены парным изображением голов баранов и головки хищной птицы над ними. По краям имеются небольшие отверстия для крепления.

Рис. 3. Украшения из погребения чуского вана на горе Шицзышань.

1 – бляшка с изображением головы барана; 2–4 – выпуклые бляшки с со вставками бирюзы. По: [Шицзышань..., 2010, с. 97, 106].

5. Погребение М1 на холме Даюньшань.

Погребение расположено на вершине холма Даюньшань у дер. Юньшаньцунь пос. Маба уезда Сюйи городского округа Хуайань, пров. Цзянсу. В грабительском лазе было найдено 22 золотых украшения, которые были нашиты на некое изделие из красного шелка, однако текстиль не сохранился, поэтому восстановить первоначальный вид вещи и ее положение внутри погребения не представляется возможным. Среди них – два дисковидных изделия из тисненой золотой фольги с отверстием и вертикальной цилиндрической втулкой в центре. Дисковидная часть изделий украшена тисненными зооморфными изображениями, по краю она опоясана двумя рядами перекрученной золотой проволоки, между которыми чередуясь расположены парные отверстия для крепления, заключенные в овальную рамку, и пирамидки из трех шариков зерни. Цилиндрическая втулка также украшена золотой проволокой, пирамидками из зерни и гнездами для инкрустации каплевидной формы. Размеры этих украшений одинаковы: диаметр – 4,3 см, высота втулки – 1,4 см, диаметр втулки – 0,9 см (рис. 4, 1). Здесь же найдены 16 бляшек с парным изображением бараньих голов и стилизованной головки грифона, среди которых можно выделить изделия двух типов, имеющих незначительные различия в общих пропорциях: нашивки 1-го типа высотой 2,6 см, шириной 2,5 см; 2-го типа – высотой 4,4 см, шириной 4,1 см. По краю они опоясаны двумя рядами перекрученной золотой проволоки, между которыми расположены пирамидки зерни и парные отверстия для крепления (рис. 4, 2). В состав комплекта входит также выпуклая полусферическая бляшка диаметром 1,3 см, высотой 0,5 см. На внешней поверхности расположены выемки для инкрустации: в центре – круглое, вокруг него – три каплевидной формы, между ними – украшения в виде пирамидок из зерни, по краю проходит орнамент из золотой проволоки (рис. 4, 3). С внутренней стороны имеется ушко для крепления. Остальные украшения (4 шт.) – это выпуклые бляшки пирамидальной формы с ушком для крепления на оборотной стороне [Ли Цзэбинь, Чэнь Ган, 2013, с. 39–41].

Погребение представляет собой мавзолей первого правителя удельного княжества Цзянду Лю Фэя, носившего титул И-вана, и датируется 128 г. до н.э. [Ли Цзэбинь, Чэнь Ган, 2013, с. 67].

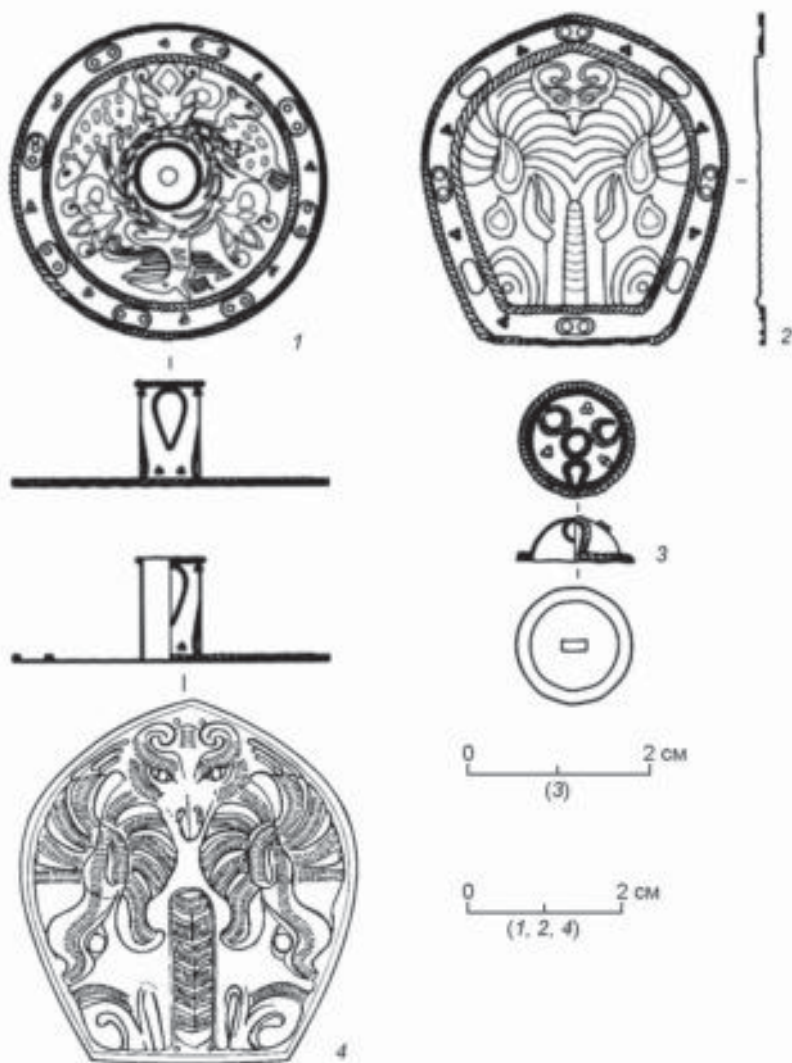

Рис. 4. Украшения из погребения М1 на холме Даюньшань и погребения Лю Учжи.

1 – дисковидное украшение с цилиндрической втулкой из погребения на холме Даюньшань; 2 – бляшка с парными головками баранов и головкой грифона из погребения на холме Даюньшань; 3 – выпуклая бляшка с гнездами для инкрустации и пирамидками зерна из погребения на холме Даюньшань; 4 – бляшка с парными головками баранов и головкой грифона из погребения Лю Учжи. 1–3 – По: [Ли Цзэбинь, Чэнь Ган, 2013, с. 40]; 4 – По: [Шу Цзяпин, Сюэ Бинхун, 2010, с. 33].

6. Погребение Лю Учжи в Янчжоу.

Погребение расположено на территории дер. Янмяоцунь пос. Янмяо р-на Ханьцзян городского округа Янчжоу, пров. Цзянсу. В нем найдена одна накладка с изображением пары голов баранов и грифоньей головки над ними. По краям имеются две пары отверстий для крепления. Размеры изделия: высота – 4,8 см, ширина – 4,5 см (рис. 4, 4). Могила была ограблена, поэтому не ясно, сколько подобных изделий могло быть в погребении изначально и где конкретно они были

размещены. Благодаря находке нефритовой именной печати и некоторым другим имеющимся в погребении надписям было установлено, что могила принадлежала некому Лю Учжи – родственнику правителя удельного княжества У Лю Пи – племянника императора Гао-цзу. Погребение относится к периоду 199–154 гг. до н.э. [Шу Цзяпин, Сюэ Бинхун, 2010, с. 33–35].

7. Гробница вана Наньюэ.

Мавзолей расположен в центральной части г. Гуанчжоу, пров. Гуандун. В погребении найдено 8 экз. накладок с парными головами баранов и головкой грифона. В верхней и нижней части украшений расположены две пары отверстий для крепления. Высота изделий 4,6–4,7 см, ширина – 4,3–4,4 см (рис. 5, 1, 2). Все они были обнаружены в центральной погребальной камере внутри гроба на нефритовом одеянии покойного в области головы. Как отмечается в отчете о раскопках, бляшки, вероятно, были нашиты на специальное погребальное покрывало, закрывавшее лицо покойного (*ми му*). Под ними на нефритовом саване были уложены различные нефритовые украшения [Си Хань..., 1991, с. 156, 207, 208].

В гробнице наньюэского вана было найдено 39 выпуклых полусферической формы нашивных бляшек. Диаметр изделий – 1,1 см, высота – 0,42–0,5 см. С вну-

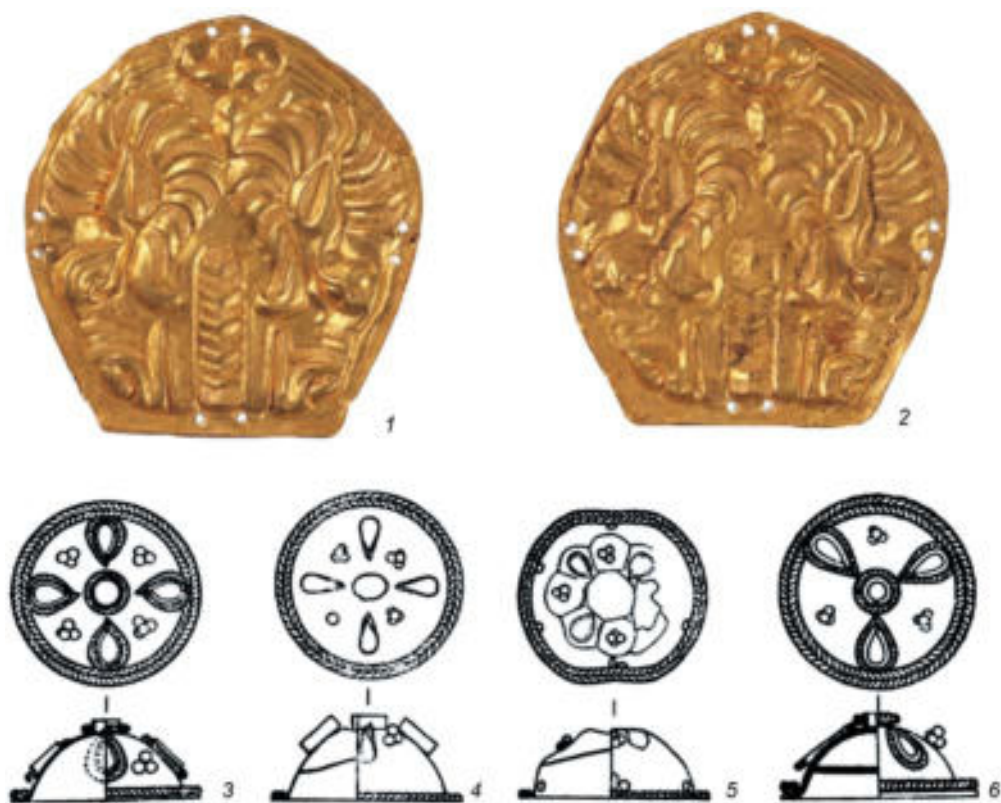

Рис. 5. Украшения из погребения вана царства Наньюэ.

1, 2 – бляшки с парными головками баранов и головкой грифона; 3–6 – выпуклые бляшки разных видов. По: [Ху Тяньтянь, 2017, с. 32–33].

тренней стороны припаяно ушко для крепления. Узор на внешней стороне бляшек различался по числу гнезд для вставок камней и их оформлению (рис. 5, 3–6). В центре – вставка круглой формы, вокруг нее – три или четыре гнезда каплевидной формы, между которыми напаяны украшения в виде пирамидок из шариков зерни. Вставки бирюзы сохранились частично лишь на четырех экземплярах. Из них 32 бляшки были найдены внутри гроба на нефритовом саване в районе груди покойного. На оборотной стороне бляшек сохранились остатки шелковых нитей. Вероятно, они вместе с бусинами из голубого стекла (шарообразными и в форме раковин) и золотыми, серебряными и бронзовыми с позолотой бляшками (всего более 150 изделий) служили украшениями посмертного одеяния вана *чжужу*, служившего таким же неотъемлемым элементом погребального обряда, как и нефритовые одежды [Си Хань..., 1991, с. 158, 213, 214]. Кроме того, две бляшки были найдены в передней западной боковой камере вместе с другими золотыми нашивными бляшками различных форм и размеров (всего более 100 шт.) [Си Хань..., 1991, с. 132]. Еще пять экземпляров найдены в восточной задней боковой камере, где были похоронены жены правителя, точное место находки в отчете не указано [Си Хань..., 1991, с. 220, 250]. Боковые камеры гробницы многократно затапливались, поэтому сопроводительный инвентарь в них, вероятно, обнаружен не *in situ*.

Мавзоль, предположительно, служил усыпальницей второго вана Наньюэ Чжао Мо и датируется ок. 122 г. до н.э. [Си Хань..., 1991, с. 325].

8. Погребение М1 в Цзиньчжуне.

Погребение расположено у дер. Цзиньчжунцунь городского округа Хэчжоу Гуанси-Чжуанского автономного района. Здесь была обнаружена одна бляшка с парным изображением баранов. В отчете о раскопках информация об этой находке отсутствует [Лань Жиюн, Цинь Ишэн, Цинь Гуанжун, 1986]. В настоящее время изделие хранится в коллекции Музея городского округа Хэчжоу. По сообщениям директора музея, этот предмет был передан в музей в числе вещей, полученных в ходе грабительских раскопок и возвращенных государству [Хо Юйфэн, 2020, с. 65, 66]. Могила представляла собой парное супружеское погребение. Судя по найденным здесь нефритовым печатям, в могиле были похоронены представители высшей аристократии царства Наньюэ. Авторы раскопок предполагают, что погребение можно датировать поздним периодом существования царства Наньюэ (т.е. второй пол. II в. до н.э.) [Лань Жиюн, Цинь Ишэн, Цинь Гуанжун, 1986, с. 224, 228, 229].

Кроме того, четыре нашивки с изображениями голов баранов были обнаружены в погребении эпохи Северных династий в р-не Линьтун г. Сиань, пров. Шэньси. Еще четыре подобных накладки хранятся в частной коллекции Мувань Тан в Гонконге, их происхождение неизвестно [Хо Юйфэн, 2020, с. 66].

Внешний облик и технология изготовления рассматриваемых изделий не характерны для ханьской культурной традиции. Техники штамповки, грануляции, филиграни, при помощи которых изготовлены украшения, были широко распространены на всем протяжении степного пояса в скифское время [Liu, 2017, p. 1593–1595]. Наиболее близкой аналогией для бляшек с изображениями парных

голов баранов служат находки из погр. 30 у Нижней столицы царства Янь в Синьчжуантоу, уезд Исянь, пров. Хэбэй (ок. 300–222 гг. до н.э.). Здесь обнаружены тисненая накладка из золотой фольги пентагональной формы со скругленными углами, с изображением пары голов баранов, а также еще несколько накладок разных форм с изображениями одиночных бараньих головок [Ковалев, 2015, с. 234, рис. 3]. По китайским надписям, нанесенным на поверхность изделий, известно, что золотые украшения, найденные в этом комплексе, были изготовлены китайскими мастерами [Ковалев, 2015, с. 234, 235]. При этом в целом облик нашивок с бараньими головками обнаруживает значительное сходство с украшениями головного убора пазырыкской культуры IV–III вв. до н.э. (см., напр.: [Дашковский, Усова, 2011, с. 81, рис. 7, 15–21]).

Что касается полусферических бляшек, украшенных зернью и инкрустацией, то вопрос о том, каким путем эти изделия попали в Китай – по северному (степному) маршруту Шелкового пути или морским путем – долгое время оставался дискуссионным. Поскольку погребения с бляшками расположены в восточных, приморских районах, мы вслед за китайскими специалистами считали более вероятным морской маршрут распространения [Бай Юньсян, 2010, с. 152; Ху Тяньтянь, 2017, с. 32, 33; Кудинова, 2021]. Однако в 2021 г. аналогичное изделие (выпуклая бляшка диаметром 1,1 см, высотой 0,4 см, изготовлена из чистого золота) было обнаружено в циньском погр. М5 у дер. Таэрпо близ г. Сяньян, пров. Шэньси [Комиссаров, Соловьев, 2022, с. 57, рис. 2, 2]. Погребение предварительно датировано поздним периодом Чжаньго – периодом империи Цинь (кон. IV – нач. III в. до н.э.). Авторы раскопок предполагают, что золотые украшения из погребения в Таэрпо были выполнены циньскими ремесленниками, подражавшими ювелирным изделиям кочевников и использовавшими заимствованные у них технологии [Се Гаовэнь, Чжао Сюйян, У Хай, 2021]. Царство Цинь имело тесные связи с кочевниками (*жунами* и *ди*) и испытало значительное влияние степной культуры, известны и другие примеры изготовления предметов в «степном» стиле в циньских мастерских (см.: [Вэй Чжэн, 2018, с. 258, 259]).

Таким образом, уже в конце эпохи Борющихся царств китайские ремесленники овладели техниками производства золотых украшений, выдержанных в русле «степной» изобразительной традиции. Вероятно, с объединением Китая под властью империи Цинь, а затем и Хань изготовление подобных изделий было налажено в центральных (императорских) и местных казенных мастерских, чем объясняется высокая степень стандартизации изделий, обнаруженных в западноханьских погребениях [Liu, 2017, p. 1598, 1599].

Датировки погребений, в которых найдены эти изделия, достаточно близки и относятся ко II в. до н.э., причем большая их часть (за исключением мавзолея чуского вана в Шицзышань и могилы Лю Учжи, которые, предположительно, датированы периодом до 154 г. до н.э.) датируются второй пол. II в. до н.э. Погребения в Гуандуне и Гуанси принадлежали правителю и одному из высокопоставленных чиновников царства Наньюэ (Намвьет) соответственно, остальные гробницы – представителям высшей аристократии империи Хань, большинство из которых были членами правящего клана. Можно предположить, что золотые изделия или

же предметы гардероба, которые они украшали, были пожалованы императорским двором удельным князьям и правителям царства Наньюэ (после того, как его основатель Чжао То формально признал сюзеренитет Хань в 179 г. до н.э.) как показатели ранга и социального статуса. Примечательно также использование золотых украшений в качестве элементов ритуального погребального одеяния (наряду с нефритовым саваном, также представлявшим собой «ранговые одежды», и другими нефритовыми ритуальными изделиями) в мавзолее вана Наньюэ.

Таким образом, по всей видимости, золотые украшения в «степном» стиле, обнаруженные в элитных погребальных комплексах II в. до н.э. на территории Китая были изготовлены в казенных мастерских и переданы местным правителям в дар от императоров Ранней Хань как показатели аристократического статуса наряду с нефритом и бронзой. Контекст этих находок и аналогии из культур степного пояса позволяют предположить что они служили украшениями одежды и головного убора. Технологии изготовления подобных ювелирных изделий и художественное оформление были заимствованы из позднескифских культур еще в эпоху Чжаньго через полукитайские-полуварварские княжества северной и северо-западной периферии (Цинь, Янь), поддерживавшие тесные контакты с кочевым миром. Причины популярности золотых украшений в «степном» стиле среди западноханьских элит требуют дальнейшего изучения.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121/>.

Список литературы

Бай Юньсян. Линнань дицюй фасяньдэ ханьдай болай цзиньиньци шулунь (Об импортных золотых и серебряных изделиях эпохи Хань, обнаруженных в районе Линнань) // Си Хань Наньюэго каогу юй хань вэньхуа (Археология царства Наньюэ эпохи Западная Хань и ханьская культура). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2010. – С. 149–163. (на кит. яз.).

Ван Кай, Цю Юншэн. Сюйчжоу Шицзышань Си Хань Чу ван лин фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках мавзолея чуского вана похи Западная Хань на горе Шицзышань в Сюйчжоу) // Вэньу (Памятники культуры). – 1998. – № 8. – С. 4–33. (на кит. яз.).

Вэй Чжэн. Находки предметов иностранного происхождения и предметов в «степном» стиле в погребениях эпохи Хань на территории провинции Шаньдун и северной части провинции Цзянсу (Китай) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. – Вып. 2. – С. 256–262.

Дашковский П.К., Усова И.А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол (северо-западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3. – С. 78–84.

Ковалев А.А. Синьчжуантоу М30 – погребение знатного представителя пазырыкцев-«лоуфаней» на службе вана китайского царства Янь (середина III в. до н.э.) // КСИА. – 2015. – Вып. 238. – С. 229–241.

Комиссаров С.А., Соловьев А.И. След золотого верблюда близ Мавзолея Цинь Шихуанди // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2022. – Т. 21. – № 4: Востоковедение. – С. 50–61.

Кудинова М.А. Находки золотых бляшек с бирюзой из погребений эпохи Западная Хань как свидетельство о торговле по Морскому Шелковому пути // Исторические наследие и кросс-культурные связи на Великом Шелковом пути. Сб. тез. Междунар. науч.-практ. конф. (1–2 ноября 2021 г.) III Междунар. науч. форума «Наследие». – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. – С. 28–29.

Лань Жиюн, Цинь Ишэн, Цинь Гуанжун. Гуанси Хэсянь Цзиньчжун ихао Хань му (Ханьское погребение № 1 в Цзиньчжун, уезд Хэсянь, Гуанси) // Каогу (Археология). – 1986. – № 3. – С. 221–229, вкл. 1. (на кит. яз.).

Ли Цзэбинь, Чэнь Ган. Цзянсу Сюйи сянь Даюньшань Си Хань Цзянду-ван лин ихао му (Погребение № 1 мавзолея Цзянду-вана эпохи Западная Хань в Даюньшань, уезд Сюйи, Цзянсу) // Каогу (Археология). – 2013. – № 10. – С. 3–68. (на кит. яз.).

Лю Юньтао. Шаньдун Цзюйсянь Фулайшань Си Хань Чэньянго муцзан фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках погребения удельного княжества Чэньян Западной Хань в горах Фулайшань в уезде Цзюйсянь, Шаньдун) // Дуньнань вэньхуа (Культура юго-востока). – 2015. – № 4. – С. 28–33. (на кит. яз.).

Маньчэн хань му фацзюэ баогао (Отчет о раскопках ханьских погребений в Маньчэне). В 2 т. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1980. – Т. 1. – 451 с. (на кит. яз.).

Се Гаовэнь, Чжао Сюйян, У Хай. Шэньси Таэрпо Чжаньго Цинь му синь фасянь цзинь шипинь цзяньчжэн Чжун-Си вэньхуа цзяолло (Недавно обнаруженные золотые украшения из циньского погребения периода Сражающихся царств в Таэрпо, Шэньси, свидетельствующие о культурном обмене между Китаем и Западом) [Электронный ресурс] // Вэньбо Чжунго (Культурные и музейные ценности Китая). 23.11.2021. – URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/T98TibOVQhv5AOE8n3WrfQ#> (дата обращения: 9.09.2022) (на кит. яз.).

Си Хань Наньюэ ван му (Мавзолей вана Наньюэ эпохи Западная Хань). В 2 т. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1991. – Т. 1. – 530 с. (на кит. яз.).

Хо Юйфэн. Ю бэй эр лайдэ дуйянвэнь цзинь шипянь (Золотые накладки с парными изображениями баранов, пришедшие с севера) // Вэньу тяньди. – 2020. – № 6. – С. 64–70 (на кит. яз.).

Ху Тяньтянь. Наньюэ ван му чутудэ цзинь хуапао (Полусферические золотые бляшки, найденные в погребении вана Наньюэ) // Вэньу тяньди (Мир памятников культуры). – 2017. – № 10. – С. 31–34. (на кит. яз.).

Шицзышань Чу ван лин (Мавзолей чуского вана на горе Шицзышань). – Нанкин: Наньцин чубаньшэ, 2010. – 228 с. (на кит. яз.).

Шу Цзяпин, Сюэ Бинхун. Цзянсу Янчжоу Си Хань Лю Учжи му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могилы Лю Учжи эпохи Западная Хань в Янчжоу, Цзянсу) // Вэньу (Памятники культуры). – 2010. – № 3. – С. 19–36. (на кит. яз.).

Liu Y. Exotica as prestige technology: The production of luxury gold in Western Han society // *Antiquity*. – 2017. – № 91. – P. 1588–1602.

References

Bai Yunxiang. Lingnan diqu faxiande handai bolai jinyinqi shulun [On imported gold and silver objects in Lingnan region in Han epoch]. In *Xi Han Nanyueguo kaogu yu han wenhua [Western Han Nanyue state and Han culture]*. Beijing: Science Publ., 2010. P. 149–163. (In Chin.).

Dashkovskiy P.K., Usova I.A. Pazyryk burial at Khankarinsky Dol in the northwestern Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2011. N. 3. P. 78–84.

Hu Tiantian. Nanyue wang mu chutude jin huapao [Semi-spherical golden plaques unearthed from the Nanyue King's Tomb]. *Wenwu tiandi [Cultural relics world]*, 2017. Vol. 10. P. 31–34. (In Chin.).

Huo Yufeng. You bei er laide duiyangwen jin shipian [Gold plaques with paired images of rams that came from the north]. *Wenwu tiandi [Cultural Relics World]*. 2020. N 6. P. 64–70. (In Chin.).

Komissarov S.A., Solovyev A.I. Footprints of a Golden Camel Near Qin Shihuangdi's Mausoleum. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022. Vol. 21. N 4: *Orien. Studies*. P. 50–61. (In Russ.).

Kovalev A.A. The tomb Xinzhuangtou M30 – burial of the member of elite of Loufan tribe (kindered to Pazyryk culture people) in Yan kingdom's service (middle 3 century BC). *Brief communications of the Institute of Archaeology*, 2015. Iss. 238. P. 229–241. (In Russ.).

Kudinova M.A. Nakhodki zolotykh blyashek s biryuzoi iz pogrebenii epokhi Zapadnaya Khan' kak svidetel'stvo o torgovle po Morskomu Shelkovomu puti. In *Istoricheskie nasledie i kross-kul'turnye svyazi na Velikom Shelkovom puti. Sbornik tezisov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (1–2 noyabrya 2021 goda) III Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma «Nasledie»*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2021. P. 28–29. (In Russ.).

Lan Riyong, Qin Yisheng, Qin Guangrong. Guangxi Hexian Jinzhong yihao Han mu [Han tomb no. 1 in Jinzhong, He County, Guangxi]. *Kaogu [Archaeology]*, 1986. N 3. P. 221–229, pl. 1. (In Chin.).

Li Zebin, Chen Gang. Jiangsu Xuyi xian Dayunshan Jiangdu wang ling yihao mu [Tomb No. 1 of the Jiangdu King Mausoleum of the West Han in Dayun Mountain, Xuyi County, Jiangsu]. *Kaogu [Archaeology]*, 2013. Vol. 10. P. 3–68. (In Chin.).

Liu Y. Exotica as prestige technology: The production of luxury gold in Western Han society. *Antiquity*, 2017. N 91. P. 1588–1602.

Liu Yuntao. Excavation Report of the Western Han Tomb on Mount Fulai in Juxian, Shandong Province. *Dongnan wenhua [Southeast culture]*, 2015. Vol. 4. P. 28–33. (In Chin.).

Mancheng Han mu fajue baogao [Excavation of the Han tombs at Mancheng]. Beijing: Cultural Relics Publishing house, 1990. Vol. 1, 451 p. (In Chin.).

Nanyue King's Tomb of the Western Han. Beijing: Cultural Relics Publishing house, 1991. Vol. 1. 530 p. (In Chin.).

Shizishan Chu King's Mausoleum. Nanjing: Nanjing Press, 2010. 228 p. (In Chin.).

Shu Jiaping, Xue Binghong. Tomb of Liu Wuzhi of the Western Han in Yangzhou, Jiangsu. *Wenwu [Cultural Relics]*, 2010. N 3. P. 19–36. (In Chin.).

Wang Kai, Qiu Yongsheng. Excavation of an Imperial Tomb of Chu at Shizishan near Xuzhou. *Wenwu [Cultural Relics]*, 1998. N 8. P. 4–33. (In Chin.).

Wei Zheng. Steppe-stylistic and foreign cultural relics unearthed from Han tombs in Shandong Province and northern part of Jiangsu Province (China). In *Sovremennyye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii: sbornik nauchnykh statei*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2018. Iss. 2. P. 256–262. (In Russ.).

Xie Gaowen, Zhao Xuyang, Wu Hai. Shaanxi Ta'erpo Zhanguo Qin mu xin faxian jin shipin jianzheng Zhong-Xi wenhua jiaoliu [Newly discovered gold ornaments from the Qin Tomb in the Warring States Period in Ta'erpo, Shaanxi, witnessing the cultural exchange between China and the West]. In *Wenbo Zhongguo (Wenbo China)*. 23.11.2021. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/T98TibOBQhv5AOE8n3WrfQ#> (Accessed: 9.09.2022). (In Chin.).

Кудинова М.А. <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.077-084
УДК 902/904

А.Р. Лада[✉], А.А. Бессуднов

*Институт истории материальной культуры РАН
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: an7on1ada@gmail.com*

Техника первичного расщепления древнейших пластинчатых комплексов верхнего палеолита Восточной Европы

В статье рассматривается техника первичного расщепления древнейших комплексов ранней поры верхнего палеолита с пластинчатым расщеплением – стоянок Костенки 14/IVb, Костенки 14/IVw, Костенки 17/II, Сюрень I/горизонты H, G, Берегово I. Анализ техники первичного расщепления позволил сделать вывод, что техника первичного расщепления в древнейших пластинчатых индустриях верхнего палеолита демонстрирует значительную степень вариабельности, что не позволяет рассматривать их в качестве единой индустрии. Тем не менее «нейтральный» характер комплексов этого изохрона отличает их от приходящих им на смену памятников раннего ориньяка.

Ключевые слова: ранняя пора верхнего палеолита, протоориньяк, ориньяк, Восточная Европа, Костенки, Сюрень, Берегово.

A.R. Lada[✉], A.A. Bessudnov

*Institute for the history of material culture RAS
St. Petersburg, Russia
E-mail: an7on1ada@gmail.com*

Knapping Technology of the Earliest Blade Industries of the Eastern Europe

Current article presents the results of brief comparison of the knapping technology of earliest truly Upper Paleolithic industries of the Eastern Europe – Kostenki 14/IVb, Kostenki 14/IVw, Kostenki 17/II, SiurenI/units H, G, Berehovo I. The comparison has led to conclusion, that the examined sites do not share enough common technological features to be seen as one industry. However, technologically “neutral” appearances of the sites can also be diagnostic when used for differentiating them from the postdating Early Aurignacian.

Keywords: Early Upper Paleolithic, Protoaurignacian, Aurignacian, Eastern Europe, Kostenki, SiurenI, Berehove I.

Изучение индустрий верхнего палеолита, характеризующихся пластинчатым расщеплением, – одна из опорных точек, необходимых для понимания процессов перехода к верхнему палеолиту в Восточной Европе и формированию современного поведения (*behavioral modernity*). Именно с этими комплексами связывается первоначальное распространение человека современного физического облика *Homo sapiens sapiens* с Ближнего Востока. Согласно традиционным представлениям, эта первая волна заселения Европы нашла свое выражение в различных проявлениях ориньякского технокомплекса (протоориньяк, ориньяк). В последние годы при изучении индустрий начала ранней поры верхнего палеолита и ориньяка *sensu lato* значительное внимание уделяется технологическому анализу и анализу редуccionных цепочек (*chaîne opératoire*). Значение этого аспекта индустрий начала ранней поры верхнего палеолита было впервые убедительно показано Ф. Боном и Ж.-Г. Бордесом на материалах памятников Юго-Запада Франции [Bon, 2002; Bordes, 2006], в дальнейшем этот подход был апробирован на данных других регионов вплоть до Алтая [Рыбин и др., 2022; Zwyns, 2021]. Несмотря на рост интереса к синхронным восточноевропейским индустриям, техника первичного расщепления опорных комплексов изучена слабо, что в совокупности с различиями в описании техники первичного расщепления ограничивает возможности для сопоставления.

В связи с ограниченностью источниковой базы и сложным контекстом, особое значение приобретают хорошо стратифицированные комплексы, обеспеченные естественно-научными данными. На Восточно-Европейской равнине первые комплексы с объемным пластинчатым расщеплением появляются ок. 37–34.3 тыс. ¹⁴С л. н.*, что приблизительно соответствует времени GS 11–GI 9 и предшествует выпадению вулканического пепла извержения Кампинийских игнимбритов [Banks, d’Errico, Zilhão, 2013; Dinnis et al., 2019]. К сожалению, такие стратифицированные памятники представлены только в трех удаленных друг от друга регионах Восточной Европы – с. Костенки Воронежской обл., Крыму (Сюрень I) и Карпатах (Берегово I) (см. рисунок).

В Карпатской обл. Украины в Берегово-Мужиево выявлен целый кластер протоориньякских памятников различного функционального назначения [Demidenko, Rácz, Nemergut, 2020; Demidenko et al., 2021]. Среди памятников региона наиболее выразительный материал был получен при раскопках стоянки Берегово I [Усик, 2008]. Единственный культурный слой стоянки вероятнее всего связан с витачевской палеопочвой, залегающей под отложениями с палеомагнитным экскурсом Лашамп – Каргаполово, что позволяет определить его возраст в 37–36 тыс. ¹⁴С л. н. [Laj, Gouillou, Kissel, 2014]. Первичное расщепление стоянки основывалось на объемной технике получения пластин, пластинок и микропластин с «подклиновидных», торцовых, одно- и двуплощадочных нуклеусов. Расщепление, как правило, начиналось с подготовки бифасиального ребра, а поддержание нуклеуса осуществлялось путем снятия/удаления сколов подправки площадки – таблеток [Усик, 2008]. Как на нуклеусах, так и на про-

*Здесь и далее приводится некалиброванный радиоуглеродный возраст памятников.

Карта древнейших пластинчатых комплексов раннего верхнего палеолита.

дуктах расщепления наиболее многочисленны негативы однонаправленных снятий. Целью первичного расщепления в индустрии Берегово I было получение пластинок и микропластин, которое в основном осуществлялось в рамках одной длинной технологической цепочки, о чем свидетельствуют примеры ремонта пластинок и микропластин. Также в коллекции представлены кареноидные нуклеусы для микропластин – скребки и резцы, но их связь с изготовлением микропластин на текущем этапе исследователями памятника ставится под сомнение [Там же].

Опорным памятником ориньяка Восточной Европы является расположенный в Крыму навес Сюрень I. Памятник был открыт еще в 1879–80 гг. М.К. Мережковским. Позже, в 1920-е годы раскопки в гроте проводил Г.А. Бонч-Осмоловский [Demidenko, Otte, 2000–2001]. В 1994 г. раскопки в гроте были возобновлены экспедицией под руководством Е.Ю. Демиденко и за три года раскопок автор пересмотрел стратиграфию, в результате чего вместо трех культурных слоев Г.А. Бонч-Осмоловского были выделены 7 горизонтов*. Из трех ориньякских *sensu lato* горизонтов (H, G, F) к начальному этапу ранней поры верхнего палеолита относятся два нижних горизонта – H и G, которые по интерпретации Ю.Э. Демиденко отражают «один индустриально гомогенный комплекс находок» [Demidenko, 2012]. Несмотря на то, что по имеющимся радиоуглеродным

*Далее в тексте будут рассматриваться только материалы из раскопок 1994–1997 гг.

датам возраст нижних горизонтов Сюрени I определяется в 31–28 тыс. ^{14}C л. н., низкое содержание коллагена в образцах в совокупности с инверсиями позволяет считать имеющиеся радиоуглеродные датировки омоложенными, а нижние горизонты Сюрени I относить ко времени до события Хайнриха 4 – более 34.3 тыс. ^{14}C л. н. [Demidenko, Noiret, 2012].

Техника первичного расщепления горизонтов H и G Сюрени I следовала общей стратегии, целью которой было получение пластинок и микропластин. Пластины в основной массе получались на начальных стадиях оформления и эксплуатации нуклеусов для пластин и при их подправке и переоформлении. В нижних горизонтах Сюрени I прослеживаются две технологические цепочки. Первая направлена на получение пластинок и подспудно пластин с пирамидальных/подклиновидных, торцовых одно- и двуплощадочных нуклеусов, вторая – на получение микропластин с кареноидных нуклеусов для микропластин и атипичных кареноидных скребков [Demidenko, 2012]. В обеих технологических цепочках расщепление начиналось с формирования бифасиального ребра, поддержание угла между поверхностью скалывания и ударной площадкой и переоформление нуклеусов достигалось снятием сколов подправки площадки. Основные целевые продукты расщепления – пластинки и микропластины – имели схожую морфологию: параллельную огранку, прямой профиль, трапецевидное сечение и конвергенцию краев в дистальной части. На контрасте с пластинками и микропластинами Сюрени I пластины часто могли иметь изогнутый профиль, нерегулярную огранку, сохраняли следы корки на дорсальной поверхности.

В опорном для всего верхнего палеолита Восточной Европы Костенковско-Борщевском регионе представлены сразу три стратифицированных комплекса начала ранней поры верхнего палеолита с пластинчатым расщеплением – это стоянки Костенки 14/IVb, Костенки 14/IVw и Костенки 17/II. Наиболее самобытно среди костенковских стоянок начала ранней поры верхнего палеолита выглядят материалы нижнего культурного слоя Костенок 17. Технология первичного расщепления была направлена на получение двух видов заготовок – крупных пластин (11–13 см) и микропластинок (2–3,5 см) [Лада и др., 2021]. Хотя контекст изготовления крупных пластин на стоянке не зафиксирован (наиболее вероятно крупные пластины были получены за пределами стоянки), выводы о технике получения пластин могут быть сделаны на основании анализа их морфологии [Там же, с. 186–187]. Параллельная огранка и нередко изогнутый профиль крупных пластин в совокупности с соотношением длины и ширины от 3,5–4:1 и выше дают основание полагать, что они были получены с одноплощадочных торцовых и подпризматических нуклеусов. При этом несколько крупных пластин в дистальной части сохранили негативы встречных снятий, что может указывать на наличие второй ударной площадки, которая могла использоваться для исправления ошибок расщепления по аналогии с памятниками восточного граветта. Расщепление начиналось с создания бифасиального ребра и тщательной подготовки ударной площадки, которые включали в себя пришлифовку и изолирование. В свою очередь получение микропластин осу-

ществлялось исключительно со специфических ретушных резцов-нуклеусов «спицынского типа» [Лада и др., 2021]. Отличительной чертой получавшихся в рамках этой техники изделий являлся намеренно скрученный профиль микропластин.

Иначе выглядит техника первичного расщепления Костенок 14/IVb и Костенок 14/IVw. Здесь нужно отметить, что эти культурные слои прослежены в разных раскопах и в текущий момент вопрос их соотношения остается нерешенным [Синицын и др., 2017]. В культурном слое IVb целевыми продуктами расщепления служили небольшая пластина-пластинка (5–8 см), и крупная микропластина (2,5–3 см). Пластины и пластинки получались в основном с одноплощадочных торцовых и подпризматических нуклеусов, микропластины – в рамках отдельной технологической цепочки с кареноидных резцов, кареноидных нуклеусов для микропластин и кареноидных скребков [Лада и др., 2021]. Несмотря на то, что отдельного исследования пока не проводилось, сходство морфологии пластин, пластинок и микропластин в совокупности с размерами негативов последних снятий на нуклеусах могут указывать на получение всех видов пластинчатых заготовок в рамках одной технологической цепочки. Получение и пластин, и пластинок, и микропластин начиналось с формирования бифасиального ребра, при этом подправка площадки осуществлялась редко – даже сработанные нуклеусы имеют единичные негативы ее подправки.

В коллекции Костенок 14/IVw представлены два вида заготовок – небольшие и широкие (4–7 см) пластины-пластинки и микропластинки (1,5–2,5 см). Пластины и микропластины на стоянке были получены в рамках двух технологических цепочек. Пластины получены с находившихся на поздней стадии эксплуатации подпризматических нуклеусов (на это указывают углы между ударной площадкой и поверхностью скалывания, разбитые ударные площадки и наличие изъязцев), микропластины получены с вторичных нуклеусов, среди которых встречаются «торцовые» нуклеусы на массивных технических сколах, двуплощадочный нуклеус и преформа кареноидного скребка.

Краткое рассмотрение техники первичного расщепления основных непереходных индустрий начала ранней поры верхнего палеолита позволяет сопоставить их в общем виде. Расщепление всех рассмотренных стоянок объемное и носит типично верхнепалеолитический характер, наибольшее сходство прослеживается между горизонтами H и G Сюрени I и Берегово I (см. *таблицу*). В обоих комплексах основной целью расщепления были пластинки и микропластины, получавшиеся с торцовых и клиновидных нуклеусов, в том числе в рамках одной технологической цепочки. Морфология пластинчатых сколов, методы оформления нуклеусов и поддержания эксплуатации нуклеусов позволяют рассматривать эти комплексы как проявления протоориньяка [Усик, 2008; Demidenko, 2012].

Материалы костенковских стоянок более вариабельны как внутри своей группы, так и по отношению к Сюрени и Берегово (см. *таблицу*). Наибольшее сходство с протоориньякскими памятниками Восточной Европы имеет культурный слой IVb Костенок 14, где целевыми продуктами расщепления служили небольшие пластины, пластинки и крупные микропластины, которые могли

Технологические характеристики древнейших пластинчатых индустрий Восточной Европы

	Нуклеусы для пластин	Нуклеусы для микропластин	Целевые продукты расщепления
Костенки 14/IVb	торцовые, подпризматические	кареноидные резцы, кареноидные нуклеусы для микропластин	небольшая пластина (5–8 см), пластинка и микропластина
Костенки 14/IVw	подпризматические	«торцовые» на технических сколах	пластина (4–7 см) и крупная микропластинка (1,5–2,5 см)
Костенки 17/II	торцовые, подпризматические	ретушные резцы «спицынского» типа	крупная пластина (до 13 см) и микропластинка (2–3,5 см)
Берегово I	подклиновидные, торцовые	подклиновидные, торцовые, кареноидные резцы и скребки?	пластинка и крупная микропластинка
Сюрень I	Подпирамидальные, подклиновидные, торцовые нуклеусы	кареноидные нуклеусы, кареноидные скребки	пластинка и крупная микропластинка

быть получены в том числе и в рамках одной технологической цепочки. Индустрия культурного слоя IVw сходна с Сюренью, Берегово и Костенками 14/IVb только в размере целевых сколов. Однако учитывая редуцированный характер индустрии [Синицын и др., 2017], на это сходство нужно смотреть с осторожностью. В свою очередь материалам Костенок 17/II трудно найти прямые аналогии не только в Восточной Европе, но и за ее пределами [Dinnis et al., 2019].

Несмотря на то, что рассмотренные памятники не представляют собой гомогенную в технологическом отношении группу, они достаточно четко отделяются от приходящих им на смену после 34.3 тыс. ¹⁴C л. н. ориньякских *sensu stricto* индустрий, представленных в Костенках (Костенки 14/горизонт «в пепле», Костенки 1/III) и Крыму (Сюрень 1/горизонт F). Таким образом, главным маркером комплексов начала ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы можно считать относительно «нейтральный» облик при отсутствии черт, присущих хронологически более поздним памятникам. Данная картина вполне согласуется с материалами западноевропейских стоянок этого времени, где внутригрупповая вариабельность протоориньякских памятников значительно выше, чем у стоянок шательперрона и раннего ориньяка [Dinnis et al., 2019].

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №20-78-10151 «Палеолит Костенок в общеевропейском контексте: развитие культуры в свете новой хронологии».

Список литературы

Лада А.Р., Бессуднов А.А., Диннис Р., Синицын А.А. Технология получения микропластин в индустриях ранней поры верхнего палеолита Костенок // Рогачевские чтения: труды музея-заповедника «Костенки». Вып. 1. – Воронеж: Пресс-Бургер, 2021. – С. 182–187.

Рыбин Е.П., Антонова Ю.Е., Ташак В.И., Кобылкин Д.В., Хаценович А.М., Гунчинсурен Б. Ранние стадии верхнего палеолита бассейна Селенги: варибельность каменной технологии, жизнеобеспечение и поселенческие системы // *Stratumplus*. – 2022. – № 1. – С. 285–328.

Синицын А.А., Синицына Г.В., Бессуднов А.А., Артюшенко А.А. Раскопки нижнего культурного слоя Костенок 14 (Маркина Гора) на западном участке памятника // АО 2015 года. М.: ИА РАН, 2017. – С. 194–196.

Усик В. Верхний палеолит Закарпатья: хронология и культурная принадлежность ориньяка Берегово I // *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. – 2008. – Вип. 12. – С. 49–67.

Banks W.E., d’Errico F., Zilhão J. Upper Paleolithic: testing the hypothesis of an adaptive shift between the Proto-Aurignacian and the Early Aurignacian // *J. of Human Evol.* – 2013. – Vol. 64. – N 3. – P. 39–55.

Bordes J.-G. News from the West: a reevaluation of the classical Aurignacian sequence of the Périgord // *Towards a definition of the Aurignacian*. – Lisbonne: Instituto Portuguese de Arqueologia, 2006. – P. 133–142.

Bon F. L’Aurignacien entre mer et océan: Réflexion sur l’unité des phases anciennes de l’Aurignacien dans le sud de la France. – Paris: Maison de la Recherche, 2002. – 253 p.

Demidenko Yu.E., Otte M. Siuren-I (Crimea) in the context of a European Aurignacian // *European Prehistory*. – 2000–2001. – Vol. 16–17. – P. 133–146.

Demidenko Y.E. Inter-unit and inter-level comparisons of assemblages from the 1990s units H, G and F // Siuren 1 rock-shelter. From Late Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic to Epi-Paleolithic in Crimea. – Liège: ERAUL, 2012. – Vol. 129. – P. 287–303.

Demidenko Y. E., Noiret P. Radiocarbon dates // Siuren 1 rock-shelter. From Late Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic to Epi-Paleolithic in Crimea. – Liège: ERAUL, 2012. – Vol. 129. – P. 49–53.

Demidenko Yu. E., Rácz B., Nemergut A. Proto-aurignacian unique Site cluster in Europe: Logistic Settlement Pattern with a Base Camp and a Series of Supply Chain Loci at Raw Material Outcrops in Transcarpathia (Ukraine) // *Slovenská archeológia*. – 2020. – T. LXVIII. – N 2. – P. 193–218.

Demidenko Yu.E., Skrdla P., Rácz B., Nemergut A., Béres S. The Aurignacian in the Carpathian basin of Eastern Central Europe and its proto-aurignacian industry type // *Materialeși Cercetări Arheologice. Serie nouă, supplementum I. – Târgoviște: Cetatea de scaun*, 2021. – P. 141–181.

Dinnis R., Bessudnov A.A., Reynolds N., Devière T., Pate A., Sablin M.V., Sinitsyn A.A., Higham T. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // *J. of Human Evol.* – 2019. – Vol. 127. – P. 21–40.

Laj C., Guillou H., Kissel C. Dynamics of the earth magnetic field in the 10–75 kyr period comprising the Laschamp and Mono Lake excursions: New results from the French Chaîne des Puys in a global perspective // *Earth and Planetary Science Letters*. – 2014. – Vol. 387. – P. 184–197.

Zwyns N. The Initial Upper Paleolithic in Central and East Asia: Blade Technology, Cultural Transmission, and Implications for Human Dispersals // *J. of Paleolithic Archaeology*. – 2021. – Vol.4. – URL: <https://doi.org/10.1007/s41982-021-00085-6>.

References

Banks W.E., d'Errico F., Zilhão J. Upper Paleolithic: testing the hypothesis of an adaptive shift between the Proto-Aurignacian and the Early Aurignacian // *J. of Human Evol.* 2013. Vol. 64. N 3. P. 39–55.

Bon F. L'Aurignacien entre mer et océan: Réflexion sur l'unité des phases anciennes de l'Aurignacien dans le sud de la France. Paris: Maison de la Recherche, 2002. 253 p.

Bordes J.-G. News from the West: a reevaluation of the classical Aurignacian sequence of the Périgord // Towards a definition of the Aurignacian. – Lisbonne: Instituto Portugues de Arqueologia, 2006. P. 133–142.

Demidenko Y.E. Inter-unit and inter-level comparisons of assemblages from the the 1990s units H, G and F // Siuren 1 rock-shelter. From Late Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic to Epi-Paleolithic in Crimea. – Liège: ERAUL, 2012. Vol. 129. P. 287–303.

Demidenko Y.E., Noiret P. Radiocarbon dates // Siuren 1 rock-shelter. From Late Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic to Epi-Paleolithic in Crimea. Liège: ERAUL, 2012. Vol. 129. P. 49–53.

Demidenko Yu.E. Otte M. Siuren-I (Crimea) in the context of a European Aurignacian // *European Prehistory.* 2000–2001. Vol. 16–17. P. 133–146.

Demidenko Yu.E., Rácz B., Nemergut A. Proto-aurignacian unique Site cluster in Europe: Logistic Settlement Pattern with a Base Camp and a Series of Supply Chain Loci at Raw Material Outcrops in Transcarpathia (Ukraine) // *Slovenská archeológia.* 2020. Vol. LXVIII. N 2. P. 193–218.

Demidenko Yu.E., Skrdla P., Rácz B., Nemergut A., Béres S. The Aurignacian in the Carpathian basin of Eastern Central Europe and its Proto-aurignacian industry type // *Materialeși Cercetări Arheologice. Serie nouă, supplementum I.* – Târgoviște: Cetatea de scaun, 2021. P. 141–181.

Dinnis R., Bessudnov A.A., Reynolds N., Devière T., Pate A., Sablin M.V., Sinitsyn A. A., Higham T. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // *J. of Human Evol.* 2019. Vol. 127. P. 21–40.

Lada A.R., Bessudnov A.A., Dinnis R., Sinitsyn A.A. Tekhnologiya polucheniya mikroplastin v industriyakh rannei pory verkhnego paleolita Kostenok. In *Rogachevskiechteniya: trudy muzeya-zapovednika «Kostenki».* Voronezh: Press-Burger, 2021. P. 182–187 (In Russ.).

Laj C., Guillou H., Kissel C. Dynamics of the earth magnetic field in the 10–75 kyr period comprising the Laschamp and Mono Lake excursions: New results from the French Chaîne des Puy in a global perspective // *Earth and Planetary Science Letters.* 2014. Vol. 387. P. 184–197.

Rybin E.P., Antonova Yu.E., Tashak V.I., Kobylkin D.V., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B. Rannie stadia verkhnego paleolita basseina Selengi: variabel'nost' kamennoi tekhnologii, zhizneobespechenie i poselcheskie sistemy. *Stratumplus*, 2022, N 1. P. 285–328. (In Russ.).

Sinitsyn A.A., Sinitsyna G.V., Bessudnov A.A., Artyushenko A.A. Raskopki nizhnego kul'turnogo sloya Kostenok 14 (Markina Gora) na zapadnom uchastke pamyatnika. *Arkheologicheskie otkrytiya.* 2015 god, Moscow: IA RAS, 2017. P. 194–196. (In Russ.).

Usik V. The Upper Paleolithic of Transcarpathian: chronology and cultural determination of Aurignacian of Beregovo I site. *Materiali i doslidzhennya z arkeologii Prikarpattya i Volini*, 2008. Iss. 12, P. 49–67. (In Russ.).

Zwyns N. The Initial Upper Paleolithic in Central and East Asia: Blade Technology, Cultural Transmission, and Implications for Human Dispersals // *J. of Paleolithic Archaeology.* 2021. Vol.4. – URL: <https://doi.org/10.1007/s41982-021-00085-6>.

Лада А.Р. <https://orcid.org/0000-0002-2066-5224>
Бессуднов А.А. <https://orcid.org/0000-0002-3785-6342>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.085-102
УДК 902/903.01

Е.В. Левина^{1,2}, А.Ю. Федорченко¹✉

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Основные этапы экспериментально-трасологических исследований в палеолитоведении Алтая

Экспериментально-трасологическое направление занимает особое место в исследованиях каменных и костяных индустрий Российского Алтая. Использование трасологического метода позволяет детально реконструировать технологию производства и способы использования древних артефактов, определять функциональность отдельных участков памятников или археологических объектов в целом. Трасологические исследования проводятся на материалах данного региона свыше тридцати лет, тем не менее история становления этого научного направления остается слабо изученной вплоть до настоящего времени. Цель данной работы состояла в систематизации и анализе научных результатов, методических разработок, теоретических и практических проблем, накопленных в результате экспериментально-трасологического анализа комплексов верхнего и среднего палеолита Алтая. Осмысление опыта применения трасологического метода позволило выделить три этапа в истории исследований. Первый из них охватывает период с 1986 по 2000 гг. и характеризуется становлением экспериментально-трасологического направления в изучении материалов алтайских памятников. Второй этап (2001–2015 гг.) отличается активизацией функциональных изысканий, расширением источниковой базы и дальнейшим развитием трасологической методики, ее включением в контекст технологического анализа каменных индустрий. Третий этап соответствует периоду с 2016 г. по настоящее время. В практику функционального анализа палеолитических комплексов Российского Алтая массово внедряются цифровая макро- и микрофотография, 3D-моделирование, предоставившие исследователям качественно новую базу для наблюдения, анализа и визуализации следов износа и обработки.

Ключевые слова: Российский Алтай, верхний палеолит, средний палеолит, технологии производства, экспериментально-трасологический анализ.

E.V. Levina^{1,2}, A.Yu. Fedorchenko¹✉

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Main Stages of Experimental Traceological Analysis in Altai Palaeolithic Studies

The experimental traceological line of research plays a pivotal role in the studies of the stone and bone assemblages from the Russian Altai. The traceological analysis reconstructs in detail the technology of production and methods of using ancient artefacts and determines archaeological sites' functionality. The history of traceological studies of the Altai Palaeolithic has been more than thirty years, however, it remains poorly studied up to the present time. Here we systematize and analyze scientific results, methodological developments, and theoretical and practical problems accumulated as a result of experimental and traceological analysis of Upper and Middle Palaeolithic Altai complexes. We analyzed the experience of traceological studies and identified three stages in their history. The first one covers the period from 1986 to 2000 and is characterized by the formation of an experimental traceological line of research in the study of Altai complexes. The second stage (2001–2015) is distinguished by the activation of functional research, the expansion of the source base, the further development of the traceological method, and its inclusion in the context of the technological analysis of stone assemblages. The third stage corresponds to the period from 2016 to the present. Digital macro- and microphotography, 3D-modeling are massively introduced into the practice of functional analysis of the Palaeolithic complexes of the Russian Altai. It provided researchers with a qualitatively new basis for observing, analyzing and visualizing use-wear and treatment traces.

Keywords: *Russian Altai, Upper Palaeolithic, Middle Palaeolithic, Production Technologies, Experimental Traceological analysis.*

Многослойные палеолитические памятники Российского Алтая являются ключевым источником для определения хронологии и путей освоения Евразийских пространств представителями различных подвидов рода *Homo* – денисовцами, неандертальцами и людьми современного анатомического типа [Slon et al., 2018; Kolobova et al., 2020; Zavala et al., 2021]. Реконструкция динамики заселения региона, систем жизнеобеспечения, процессов культурного обмена между этими популяциями приобретают в последние годы особую значимость. Важную роль в современных исследованиях алтайского палеолита играют результаты функционального изучения каменных и костяных индустрий, реализуемые на базе экспериментально-трасологического метода [Belousova et al., 2020; Shunkov et al., 2020; Baumann et al., 2020]. Главная задача археологической трасологии как специфического направления научного поиска состоит в анализе следов обработки и утилизации на артефактах [Гиря, 2015]. В совокупности с данными экспериментов и естественных наук, использование трасологического метода позволяет детально реконструировать способы производства и использования конкретных древних изделий, определять функциональность различных участков археологических объектов или памятников в целом.

Трасологические исследования комплексов среднего и верхнего палеолита Алтая ведутся свыше тридцати лет, тем не менее история становления обсуждаемого научного направления в палеолитоведении региона остается практически не изученной вплоть до настоящего времени. В настоящий момент накопленный массив данных нуждается в обобщении и систематизации, имеющиеся методические наработки, теоретические и практические проблемы, а также перспекти-

вы использования трасологического метода в археологических исследованиях алтайского палеолита требуют своего осмысления. Цель данной работы состояла в анализе научных достижений, проблем и идей, полученных в результате экспериментально-трасологического изучения средне- и верхнепалеолитических комплексов Российского Алтая.

В качестве источников к настоящему исследованию привлекались опубликованные материалы, рукописи диссертаций, содержащие основные сведения о результатах экспериментально-трасологических изысканий каменных и костяных индустрий памятников среднего и верхнего палеолита Российского Алтая. Анализ опубликованных данных дополнен кратким обзором современных тенденций и направлений в трасологических исследованиях, осуществляемых по материалам опорных палеолитических памятников Алтая.

Весь период трасологических исследований в палеолитоведении Алтая можно разделить на три этапа, различаемых по характеру проанализированных археологических источников, подходам к выявлению и изучению выявляемых следов, а также визуализации полученных результатов.

Первый этап (1986–2000 гг.). Начало экспериментально-трасологического изучения палеолитических комплексов на территории Алтая было положено в середине 1980-х гг. В рассматриваемые годы археологические материалы с первых многослойных палеолитических объектов региона только начинают активно вводиться в научный оборот. Впервые трасологический метод был применен Н.А. Кононенко (ИИАЭН ДВ ДВО АН СССР) в 1986–1988 гг. при работе с материалами стоянки Усть-Каракол-1 и пещеры им. Окладникова [Кононенко, 1990; Деревянко, Маркин, 1992]. Анализ коллекции каменных артефактов из раскопок 1986 г. стоянки Усть-Каракол-1 выявил 129 орудий со следами износа, указывающими на операции по выделке шкур и разделке туш животных, обработке дерева, рога и кости. Проведенное исследование позволило определить сезонный характер памятника – ключевая роль в хозяйстве обитателей стоянки отводилась охоте и массовой обработке шкур животных. Результаты работы Н.А. Кононенко показывали, что большинство орудийных форм, представленных в среднепалеолитических комплексах пещеры им. Окладникова, использовалось в качестве скребел и ножей для обработки мягких органических материалов, реже – проколов, скобелей, сверл и пилок. Полученные данные позволили связать хозяйственную деятельность населения памятника с охотой на крупных животных и переработкой продуктов охоты.

Дальнейшие экспериментально-трасологические изыскания, проводимые в рассматриваемые годы на материалах палеолитических памятников Российского Алтая, были связаны с работами П.В. Волкова (ИАЭТ СО РАН). Важную роль в развитии трасологического направления в палеолитоведении региона послужило открытие в 1993 г. «Экспериментального археологического полигона», организованного на базе научно-исследовательского стационара ИАЭТ СО РАН «Денисова пещера» [Волков, 1995]. Результаты работы позволили существенно продвинуться в создании коллекции экспериментальных эталонов, учитывающих специфику местных сырьевых ресурсов [Волков, 1999]. Помимо широкого привлечения экспериментальных данных, важной особенностью методики, приме-

няемой в рассматриваемые годы, стало использование широкой приборной базы: стереомикроскопов МБС-2, -9 и МСПЭ-1, а также металлографического микроскопа OlympusВНТ-М с увеличением от 100 до 500 крат.

В середине 1990-х гг. было проведено функционально-планиграфическое исследование археологических материалов литологического слоя 10 стоянки Усть-Каракол-1, полученных в результате полевых работ 1993–1995 гг. [Волков, 1997, 2007]. Исходя из трасологических данных и сведений о концентрации каменных орудий в скоплениях, П.В. Волковым было выделено три планиграфических участка, имеющих функциональную специфику: зона разделки охотничьей добычи, «комфортная» и «некомфортная» зоны обитания. Предметом другого трасологического исследования послужили артефакты разновременных верхне- и среднепалеолитических комплексов центрального зала Денисовой пещеры из раскопок 1994–1995 гг. [Волков, 1998а]. Изученная коллекция представляла собой выборку из материалов литологических слоев 9–21 и насчитывала 2 840 каменных артефактов. В результате была охарактеризована сохранность поверхности артефактов, пригодность последних для проведения трасологического анализа, выработан типлист инструментария. По характеру выявленных следов износа все артефакты были распределены на три категории: орудия добычи и заготовки; орудия обработки; орудия потребления. Полученные данные позволили отметить тенденции в использовании каменных орудий различных типов, характерные для основных эпизодов обитания Денисовой пещеры. В результате экспериментально-трасологического анализа в рассматриваемые годы была также определена функциональная специфика многослойного памятника Кара-Бом [Волков, 1998б]. В качестве источника исследования послужили материалы среднепалеолитических и верхнепалеолитических уровней обитания, полученные на участке раскопа 4 стоянки в 1992–1993 гг. Было установлено, что преобладающими видами хозяйственной деятельности здесь выступали разделка туш промысловых животных и первичная подготовка мяса для последующего хранения или потребления человеком.

Конец первого этапа был ознаменован выходом первого монографического исследования, посвященного в т.ч. осмыслению методического опыта, накопленного при анализе каменных индустрий алтайских памятников [Волков, 1999]. Полученные результаты экспериментально-трасологических изысканий нашли свое отражение в докторской диссертации П.В. Волкова, защищенной в ИАЭТ СО РАН в 2000 г. [Волков, 2000].

Второй этап (2001–2015 гг.). 2000-е – середина 2010-х гг. характеризуются дальнейшей активизацией экспериментально-трасологических изысканий в палеолитоведении Алтая. В рассматриваемые годы предмет функционального анализа был расширен за счет включения новых категорий археологических источников; изучение следов износа и обработки в региональной археологии осуществлялось на основе методических принципов и подходов и с использованием приборной базы, апробированных на прежнем этапе изысканий.

В начале 2000-х гг. проведенный анализ позволил реконструировать технологию производства костяных украшений начала верхнего палеолита со стоянки

Кара-Бом [Деревянко, Рыбин, 2003]. В результате исследования было установлено, что для производства подвесок из костей и зубов млекопитающих обитателями памятника применялись техники строгания, резания, шлифовки и бикоического сверления. Одна из подвесок несла признаки орнаментации серией поперечных параллельных нарезок, другая – практически полностью покрыта красным минеральным пигментом. В едином контексте с этими изделиями и скоплением красной охры был зафиксирован каменный инструмент, интерпретированный по данным трасологического анализа как шпатель для растирания краски. В рамках другой работы была проанализирована коллекция ударно-абразивных инструментов средне- и верхнепалеолитических горизонтов стоянки Кара-Бом [Деревянко, Волков, Петрин, 2002]. Результаты ее изучения позволили выделить несколько типов каменного инструментария, а также соотнести характер ретуши на каменных орудиях с использованием различных способов ретуширования.

В середине 2000-х гг. П.В. Волковым был проведен трасологический анализ отдельных артефактов из коллекции персональных украшений слоя 11 Денисовой пещеры. Предварительное обследование уникальной находки – браслета из темно-зеленого хлоритолита – выявило на поверхности изделия следы воздействия различных обрабатывающих инструментов, признаки утилизации и разрушения [Деревянко и др., 2005]. В результате более детального трасологического и технологического изучения браслета было установлено, что при его изготовлении использовались различные приемы обработки камня: шлифовка посредством абразивов, полировка кожей и шкурой, сверление и расточка. Высокий уровень технологии производства браслета продемонстрировал высокое развитие трудовых навыков и устойчивость традиций изготовления подобных украшений среди обитателей Денисовой пещеры на ранней стадии верхнего палеолита [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008]. Трасологический анализ другой уникальной находки – кольца из белого мрамора – выявил следы воздействия обрабатывающих инструментов и признаки утилизации в виде заполировки на внутренней поверхности предмета, указывающие на продолжительный контакт с мягким органическим материалом [Деревянко и др., 2008]. Особенности локализации следов износа позволили предположить, что кольцо крепилось на кожаном ремешке и служило подвеской составного украшения.

Предметом отдельного трасологического исследования в рассматриваемый период послужила коллекция из 122 артефактов, происходящая из слоев 13, 14а и 14б пещеры Каминная [Волков, 2007б; Деревянко, Волков, Маркин, 2009]. В результате анализа было установлено преобладание в инструментарии верхнепалеолитических обитателей памятника орудий, связанных с процессом охоты и первичной обработкой ее продуктов: мяса, шкур и рога. Фиксируемая картина отражала общую направленность экономики населения на добычу крупных копытных, рог которых, вероятно, широко использовался для различных хозяйственных целей. Конец изучаемого периода был отмечен выходом серии монографических работ, посвященных обобщению имеющихся результатов экспериментально-трасологических, функционально-планиграфических и технологических исследований [Волков, 2007а; 2013].

Третий этап (2016 г. – настоящее время). Современный этап экспериментально-трасологических исследований в алтайском палеолитоведении отличается окончательным оформлением и дальнейшим развитием нескольких самостоятельных направлений научного поиска: изучение каменных, формальных и слабомодифицированных костяных орудий, комплексным анализом персональных украшений и ударно-абразивных орудий. Поиск, выявление и анализ признаков утилизации и обработки при малом и среднем увеличениях в современных трасологических исследованиях осуществляется посредством использования стереомикроскопов, более детальное изучение следов – с использованием металлографического микроскопа, оснащенного осветителем проходящего света и линзами дифференциально интерференционного контраста (DIC). На данном этапе исследований для визуализации выявляемых следов массово используется макро- и микрофотография, реализуемая с использованием зеркальных фотокамер, макрообъективов и оптики микроскопов, с возможностью управления и съемки через ПК. В последние годы в качестве самостоятельного исследовательского инструмента, используемого в функциональных исследованиях, выступает трехмерное сканирование [Колобова и др., 2019].

Начиная с 2016 г. практически ежегодно изучаются коллекции украшений комплексов начала верхнего палеолита Денисовой пещеры [Шуныков и др., 2016; Шуныков, Федорченко, Козликин, 2017; 2018; 2019; 2021; Shunkov et al., 2020]. Реализованные исследования позволили реконструировать технологии изготовления изделий персональной орнаментации, определить основные способы их употребления, а также зафиксировать примеры переоформления артефактов для употребления в новой функции. Было установлено, что технология производства украшений предполагала реализацию относительно коротких или более длинных последовательностей действий. Получаемые бусины, подвески, браслеты и диадемы использовались верхнепалеолитическими обитателями Денисовой пещеры в составе композиций для орнаментации одежды или в качестве индивидуальных носимых или нашивных украшений. В 2018 г. было проведено комплексное исследование планиграфического и стратиграфического контекста, технологии производства и функций изделий из серпентина-антигорита, обнаруженных на стоянке Усть-Каракол-1 [Федорченко и др., 2020]. Было установлено, что процесс изготовления изделий происходил непосредственно на памятнике в рамках единого процесса производственной деятельности и включал получение заготовок, биконическое сверление и шлифовку.

В 2016 г. проведен трасологический и технологический анализ коллекции формальных костяных орудий, полученной из раскопок в центральном зале Денисовой пещеры: целой иглы, двух наконечников и игольников [Деревянко и др., 2016; Шуныков и др., 2016]. В последующие годы находки верхнепалеолитических орудий из кости этого памятника неоднократно становились объектом трасологических исследований [Шуныков, Федорченко, Козликин, 2017; Боман и др., 2018; Шуныков, Федорченко, Козликин, 2019; Shunkov et al., 2020; Шуныков, Козликин, Федорченко, 2021]. Изучение костяного инвентаря позволило выявить инструменты различного назначения: орудия охоты (наконечники); инструмен-

ты, применявшиеся на различных стадиях кожевенного производства и пошива одежды (лощила, шилья, проколки и иглы); детали одежды (булавки). Были реконструированы операционные последовательности производства изделий, на каждом из них зафиксирован характерный набор признаков износа, указывающий на долговременное использование орудий на памятнике. В 2018 г. были представлены данные экспериментально-трасологического изучения двух игл, полученных из пещеры Страшной: выделены этапы изготовления и переоформления, установлено вторичное использование одного из орудий [Шалагина и др., 2018]. В этом же году был проведен комплексный анализ первого формального орудия со стоянки Кара-Бом – наконечника из рога [Belousova et al., 2020]. Применение трасологического и технологического анализов, 3D-моделирования и масс-спектрометрической пептидной дактилоскопии (ZooMS) позволило реконструировать основные этапы производства и особенности использования артефакта. В результате были получены новые данные относительно технологии обработки кости и хозяйственной деятельности носителей кара-бомовской культурной традиции.

Параллельно с анализом формальных костяных орудий в палеолитоведении Российского Алтая в последний годы активно изучаются т.н. слабомодифицированные изделия. В результате анализа фаунистических коллекций плейстоценовых отложений Денисовой пещеры впервые на памятнике были выявлены и описаны слабомодифицированные орудия: ретушеры, шилья, посредники и ножи [Боман и др., 2017; 2018; Козликин и др., 2020]. Характер локализации и степени выраженности следов износа позволил установить, что эти изделия применялись в процессе обработки твердых и мягких материалов органического происхождения. Функциональный анализ костяных ретушеров Денисовой пещеры выявил признаки формообразующей обработки на этапе подготовки заготовок. В ходе исследования было показано, что помимо нанесения ретуши ударом указанные костяные инструменты верхнепалеолитических комплексов памятника активно использовались для нанесения ретуши отжимом [Козликин и др., 2019; Шуньков, Козликин, Федорченко, 2021]. В настоящее время самостоятельная программа исследований слабомодифицированных костяных орудий проводится на материалах Чагырской пещеры [Baumann et al., 2020]. В серии опубликованных работ рассмотрены результаты комплексных исследований костяных ретушеров, направленных на реконструкцию технологии их производства и использования [Колобова и др., 2016; 2020; Федорченко и др., 2017; Селецкий и др., 2019; Колясникова, Чистяков, Колясникова, 2021], включая манеру удержания инструментов в процессе работы [Kolobova et al., 2022].

Особое место в новейших исследованиях палеолитических комплексов Алтая занимает экспериментально-трасологический анализ каменных ударно-абразивных орудий. В результате изучения коллекций памятников Кара-Бом и Усть-Каракол-1 был выделен и описан специфический прием подготовки зоны расщепления нуклеусов пикетажем, характерный для индустрий начального верхнего палеолита Алтая и смежных территорий Северной части Центральной Азии и юга Сибири, а также инструменты, применявшиеся для подобной под-

правки [Славинский и др., 2017]. Исследования средне- и верхнепалеолитических индустрий пещер Денисова и Чагырская, стоянок открытого типа Кара-Бом и Усть-Каракол-1 так же позволили выявить новые разнообразные типы каменного инструментария и определить их функциональные различия [Селецкий, Федорченко, Белоусова, 2020; Селецкий и др., 2021; Белоусова и др., 2021]. Изучение иных категорий каменных артефактов на настоящем этапе экспериментально-трасологических изысканий осуществляется, как правило, лишь на основе единичных выразительных находок или небольших выборок изделий. Так, на основе анализа признаков износа и последовательности оформления листовидного бифаса со стоянки Кара-Бом было подтверждено использование этого орудия в качестве наконечника [Белоусова и др., 2019]. Исследование конвергентных скребел и ретушированных остроконечников из Чагырской пещеры позволило идентифицировать среди них разделочные ножи, проколки и орудия охоты [Волков и др., 2018; Харевич и др., 2022].

Изучение следов износа и обработки – важнейший элемент комплексного анализа каменных и костяных индустрий, позволяющий получать обоснованные и доказательные выводы о функциональном назначении древних орудий. Внедрение в практику археологических изысканий экспериментально-трасологического метода значительно расширяет познавательные возможности исследователя, создавая предпосылки для выхода на качественно иной уровень научной реконструкции. В этом отношении многотысячные коллекции артефактов палеолитических памятников Алтая, имеющие стратиграфическую и хронологическую привязку, представляют собой информативный, но по-прежнему слабо изученный с точки зрения охвата источник для реконструкции особенностей производственной и хозяйственной жизни древнейших обитателей этого региона на основе трасологии (см. *таблицу*).

Осмысление опыта применения экспериментально-трасологического метода в процессе научного изучения материалов среднего и верхнего палеолита Российского Алтая позволило выделить три основных этапа в истории исследований. Каждый из этапов становления трасологического подхода в палеолитоведении региона напрямую коррелировал с уровнем развития методики функционального анализа в отечественной и мировой археологии, отличаясь характером привлекаемых источников, используемого оптического и фотографического оборудования, а также степенью вовлеченности в процесс исследования цифровых технологий.

Первый этап трасологических исследований охватывает период с 1986 по 2000 гг. и характеризуется становлением экспериментально-трасологического направления в изучении материалов палеолитических памятников Российского Алтая. Основное внимание исследователей на данном этапе работ уделялось коллекциям каменных орудий опорных комплексов среднего и верхнего палеолита региона. В рассматриваемые годы в практике трасологического анализа привлекались преимущественно бинокулярные стереомикроскопы, позволявшие выявлять и анализировать следы утилизации при малом и среднем увеличении; получаемые функциональные определения в ряде случаев подтверждались данными оригинальных экспериментов. Визуализация результатов трасологических

Результаты экспериментально-трассологических исследований палеолитических комплексов Алтая (1980–2020-е)

Функциональные категории	Типы артефактов	Функциональное определение	Памятники	Годы исследований
1	2	3	4	5
<i>Орудия добычи и заготовки</i>				
Орудия охоты	Отщепы, бифасиально обработанные изделия, пластины	Разделочные мясные ножи, наконечники	1. Усть-Каракол-1, раскоп 1, слои 3–4; 2. Пещера им. Окладникова; 3. Кара-Бом, слои СП2, ВП2; 4. Пещера Каминная, слои 14б, 14а, 13	1986–1988 1998 2008 2019
<i>Орудия обработки</i>				
Орудия обработки камня	Каменные и костяные ретушеры, каменные отбойники	Инструменты для расщепления камня, ретуширования заготовок	1. Чагырская пещера, слои 5-6в\2; 2. Денисова пещера, восточная и южная галереи; 3. Кара-Бом, ВП2; 4. Усть-Каракол-1, раскоп 1, слои 3–4	2017–2021
Орудия обработки дерева	Конвергентные скребла, резцы, зубчато-выемчатые изделия, отщепы и пластины с ретушью	Скобели, Пилки по дереву	1. Усть-Каракол-1, раскоп 1, слои 3–4; 2. Пещера им. Окладникова	1986–1988 2017
Орудия обработки рога	Сколы, отщепы	Ножи для резки, стесывания, скребления и строгания рога, резчики по рогу	1. Усть-Каракол-1, раскоп 1, слои 3–4; 2. Пещера Каминная, слои 14б, 14а, 13	1986–1988 2008

1	2	3	4	5
Орудия обработ- ки кости	Отбойники, отщепы, скребла	Отбойники для расщеп- ления кости, пилки по кости	1. Усть-Каракол-1, раскоп 1, слои 3–4; 2. Пещера им. Окладникова 3. Чагырская пещера, слои 5–6в\2	1986–1988 2021
Орудия обработ- ки шкуры и кожи	Ретушированные остро- конечники, скребки, от- щепы, острия, пластины, костяные иглы, лощила, шилья и проколки	Проколки, скребки по шкуре, резчики, иглы, лощила, ножи	1. Усть-Каракол-1, раскоп 1, слои 3–4; 2. Чагырская пещера, слои 6в/1 и 6в/2; 3. Кара-Бом, слои СП2, ВП2; 4. Денисова пещера	1986–1988 1998 2016–2020
<i>Орудия потребления</i>				
Орудия потре- бления мяса	Конвергентные скребла, отщепы, отщепы с рету- шью, ретушированные пластины	Ножи по мясу	1. Усть-Каракол-1, раскоп 1, слои 3–4; 2. Кара-Бом, СП2, ВП2; 3. Чагырская пещера, слои 6в/1 и 6в/2; 4. Пещера Каминная, слои 14б, 14а, 13	1986–1988 1998 2008 2018–2022
<i>Изделия неутилитарного назначения</i>				
Бусины, пронизки, демы и браслеты	Бляшки, подвески, диа- демы и браслеты	Персональные украшения	1. Денисова пещера, слой 11; 2. Кара-Бом, ВП2; 3. Усть-Каракол-1, раскоп 2, слои 9–11	2003 2005 2008 2016–2022

исследований осуществлялась в виде таблиц и графиков, реже – графических схем; фотофиксация следов утилизации и обработки на эталонах и артефактах на данном этапе не применялась.

Второй этап – с 2001 по 2015 гг. – характеризуется активизацией функциональных исследований в палеолитоведении Алтая, дальнейшим развитием трасологической методики, ее включением в контекст технологического анализа каменных индустрий. С целью увеличения доказательности получаемых выводов в функциональных исследованиях этого периода начинает эпизодически использоваться макрофотография выявляемых следов обработки и износа. На данном этапе была существенно расширена источниковая база экспериментально-трасологических исследований. В качестве отдельного объекта впервые выступают ударно-абразивные инструменты, каменные и костяные украшения комплексов верхнего палеолита Алтая.

Третий этап соответствует периоду с 2016 г. по настоящее время. На современном этапе в практике трасологического анализа палеолитических комплексов Российского Алтая массово внедряются цифровая макро- и микрофотография, трехмерное моделирование, предоставившие исследователям качественно новую базу для наблюдения, анализа и визуализации следов износа и обработки. В данное время в качестве самостоятельных направлений научного поиска окончательно выделились и закрепились функциональные исследования формальных и слабомодифицированных костяных орудий, персональных украшений, ударно-абразивных каменных инструментов. Фокусирование усилий на отдельных категориях археологических источников позволило исследователям выйти на уровень более глубоких реконструкций производственной и хозяйственной деятельности средне- и верхнепалеолитических обитателей Алтая.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 20-78-10125 «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность».

Список литературы

Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю., Кулик Н.А. Листовидный бифас начала верхнего палеолита со стоянки Кара-Бом: технология, функция, контекст // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 36–43.

Белоусова Н.Е., Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Кулик Н.А. Каменные ударно-абразивные орудия верхнего палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (по материалам раскопа 1986 г.) // Новые материалы и методы археологического исследования. Матер. VI конф. мол. ученых. – М.: Изд-во ИА РАН, 2021. – С. 9–11.

Бомани М., Козликин М.Б., Плиссон Х., Шуньков М.В. Слабомодифицированные костяные орудия раннего верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 23. – С. 50–54.

Боманин М., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Плиссон Х., Шуньков М.В. Костяные орудия среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. 24. – С. 32–36.

Волков П.В. Вариант реконструкции человеческой активности на памятнике Усть-Каракол-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 24–28.

Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 416 с.

Волков П.В. Предварительные результаты функционального анализа материалов памятника Денисова пещера // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: В 2 т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998а. – Т. 1. – С. 59–77.

Волков П.В. Специфика износа каменного инструментария палеолитических слоев пещеры Каминная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007б. – Т. 13. – С. 33–36.

Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 192 с.

Волков П.В. Функциональный анализ инструментария стоянки Кара-Бом // Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998б. – С. 263–271.

Волков П.В. Экспериментальная археология на Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – С. 18–20.

Волков П.В. Экспериментальная археология при планиграфических исследованиях: Учеб.-метод. пособие – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007а. – 82 с.

Волков П.В. Экспериментально-трасологические и технологические исследования палеолита Северной, Центральной и Средней Азии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук в виде науч. докл. – Новосибирск, 2000. – 58 с.

Волков П.В., Шалагина А.В., Колобова К.А., Маркин С.В. Предварительные результаты трасологического анализа конвергентных скребел и ретушированных остроконечников из Чагырской пещеры // Изв. Ирк. гос. ун-та. – 2018. – Т. 24. – С. 23–38.

Гирия Е.Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского. – СПб: ИИМК РАН, 2015. – С. 232–268.

Деревянко А.П., Волков П.В., Маркин С.В. Эволюция хозяйственной деятельности палеолитического населения Северо-Западного Алтая в сартанское время (по материалам пещеры Каминная) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Ист., филология. – 2009. – Т. 8. – № 3. – С. 34–45.

Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т. Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня (опыт экспериментальных исследований и технологического анализа материалов памятника Кара-Бом). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 170 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности древнего человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 27–50.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 13–26.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В., Ульянов В.А., Черников И.С. Исследования в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антро-

пологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11, ч. 1. – С. 100–105.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Павленок Г.Д., Белоусова Н.Е. Костяная игла начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры (по материалам раскопок 2016 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 72–75.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Волков П.В. Изучение верхнепалеолитических слоев в Восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 14. – С. 60–66.

Козликин М.Б., Михиенко В.А., Францева Е.А., Шуньков М.В. Костяные ретушеры из Денисовой пещеры: новые материалы // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 4. – С. 7–14.

Козликин М.Б., Рандю У., Плиссон Х., Боманн М., Шуньков М.В. Слабомодифицированные костяные орудия из Денисовой пещеры на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – № 1. – С. 16–28.

Колобова К.А., Колясникова А.С., Чабай В.П., Чистяков П.В., Боманн М., Маркин С.В., Кривошапкин А.И. Среднепалеолитические костяные ретушеры: размер или пропорции // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – № 4. – С. 14–26.

Колобова К.А., Маркин С.В., Чабай В.П. Костяные ретушеры в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 4. – С. 37–42.

Колясникова Анастасия С., Чистяков П.В., Колясникова Анна С. Исследование следов на костяных ретушерах из Чагырской пещеры с использованием профилометра // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 154–160.

Кононенко Н.А. Функциональная диагностика палеолитической индустрии местонахождения Усть-Каракол // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН, 1990. – С. 43–47.

Селецкий М.В., Колясникова А.С., Харевич В.М., Колобова К.А. Экспериментальное моделирование расщепления кости по материалам сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 238–244.

Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е. Опыт функционального исследования ударно-абразивных орудий палеолитических комплексов Горного Алтая // Актуальная археология 5. Мат. междунар. науч. конф. мол. ученых. – СПб.: Невская Типогр., 2020. – С. 161–164.

Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Чистяков П.В., Маркин С.В., Колобова К.А. Ударно-абразивные каменные орудия из Чагырской пещеры: Результаты функционального анализа // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – № 2. – С. 23–31.

Славинский В.С., Рыбин Е.П., Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Хаценович А.М., Анойкин А.А. Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2017. – № 1. – С. 221–244.

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е., Кулик Н.А., Шуньков М.В. Украшения из серпентина ранней стадии верхнего палеолита со стоянки Усть-Каракол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – № 1. – С. 3–15.

Федорченко А.Ю., Селецкий М.В., Боманн М., Колобова К.А. Экспериментальное исследование технологий среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 23. – С. 214–217.

Харевич В.М., Зоткина Л.В., Харевич А.В., Колобова К.А. Предварительные результаты экспериментальных исследований охотничьего вооружения неандертальцев из Чагырской пещеры // Сибирские исторические исследования. – 2022. – № 1. – С. 156–169.

Шалагина А.В., Боманн М., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Костяные иглы из верхнепалеолитических комплексов Страшной пещеры (Северо-Западный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – № 1. – С. 89–98.

Шуныков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю. Орудия из кости в комплексах среднего и верхнего палеолита Денисовой пещеры: материалы 2021 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 355–361.

Шуныков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Верхнепалеолитические украшения из южной галереи Денисовой пещеры: коллекция 2021 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 27. – С. 362–368.

Шуныков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные изделия верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2017 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 23. – С. 259–262.

Шуныков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные орудия и персональные украшения начала верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2019 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 306–312.

Шуныков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Персональные украшения ранней стадии верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. 24. – С. 198–202.

Шуныков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Павленок Г.Д. Костяные орудия и украшения раннего палеолита из Центрального зала Денисовой пещеры: коллекция 2016 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 22. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. – С. 221–224.

Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K. The Neandertal bone industry at Chagyrskaya cave, Altai Region, Russia // Quatern. Intern. 2020. – Vol. 559. – P. 68–88.

Belousova N.E., Fedorchenko A.Yu., Rybin E.P., Seletskiy M.V., Brown S., Douka K., Higham T. The Early Upper Palaeolithic bone industry of the Central Altai, Russia: new evidence from the Kara-Bom site // Antiquity. 2020. Vol. 84. – Iss. – 377. 26 p.

Kolobova K., Kharevich V., Chistyakov P., Kolyasnikova A., Kharevich A., Baumann M., Markin S., Olsen J.W., Krivoshapkin A. How Neanderthals gripped retouchers: experimental reconstruction of the manipulation of bone retouchers by Neanderthal stone knappers // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2022. – Vol. 14. – Article number 26.

Kolobova K., Roberts R., Chabai V., Jacobs Z., Krajcarz M., Shalagina A., Krivoshapkin A., Li B., Uthmeier T., Markin S., Morley M., O’Gorman K., Rudaya N., Talamo S., Viola B., Derevianko A. Archaeological Evidence for Two Separate Dispersals of Neanderthals into Southern Siberia // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2020. – Vol. 117. – P. 2879–2885.

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // Quatern. Intern. – 2020. – Vol. 559. – P. 47–67.

Slon V., Hopfe C., Weiß C.L., Mafessoni F., de la Rasilla M., Lalueza-Fox C., Rosas A., Soressi M., Knul M.V., Miller R., Stewart J.R., Derevianko A.P., Jacobs Z., Li B., Roberts R.G., Shunkov M.V., de Lumley H., Perrenoud C., Gušić I., Kučan Ž., Rudan P., Aximu-Petri A., Essel E., Nagel S., Nickel B., Schmidt A., Prüfer K., Kelso J., Burbano H.A., Pääbo S., Meyer.

M. Neandertal and Denisovan DNA from Pleistocene sediments // Science. – 2017. – Vol. 356. – P. 605–608.

Zavala E.I., Jacobs Z., Vernot B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P., Essel E., de Filippo C., Nagel S., Richter J., Romagné F., Schmidt A., Li B., O’Gorman K., Slon V., Kelso J., Pääbo S., Roberts R.G., Meyer M. Pleistocene sediment DNA reveals hominin and faunal turnovers at Denisova Cave // Nature. – 2021. – Vol. 595. – Iss. 7867. – P. 399–403.

References

Baumann M., Kozlikin M.B., Plisson H., Shunkov M.V. Early Upper Paleolithic Unshaped Bone Tools from the Southern Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 50–54. (In Russ.).

Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K. The Neandertal bone industry at Chagyrskaya cave, Altai Region, Russia. *Quatern. Intern*, 2020. Vol. 559. P. 68–88.

Belousova N.E., Fedorchenko A.Yu., Rybin E.P., Seletskiy M.V., Brown S., Douka K., Higham T. The Early Upper Palaeolithic bone industry of the Central Altai, Russia: new evidence from the Kara-Bom site. *Antiquity*, 2020. Vol. 84. N 377. E 26.

Belousova N.E., Rybin E.P., Fedorchenko A.Yu., Kulik N.A. Initial Upper Paleolithic Leaf-Shaped Biface from the Kara-Bom Site: Technology, Function, and Context. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 36–43. (In Russ.).

Belousova N.E., Seletskiy M.V., Fedorchenko A.Yu., Kulik N.A. Kamennyye udarno-abrazivnyye rudiya verkhnegopaleolitastoyanki Ust'-Karakol-1 (po materialam raskopa 1986 g.). In *Novyye materialy i metody arkhologicheskogo issledovaniya*. Moscow: IA RAS Publ., 2021. P. 9–11. (In Russ.).

Bomann M., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Plisson H., Shunkov M.V. The Middle and Upper Paleolithic Bone Tools from South Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. 24. P. 32–36. (In Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V. *Must'ye Gornogo Altaya (po materialam peshchery im. Okladnikov)*. Novosibirsk: Nauka, 1992. 224 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Rybin E.P. The earliest representations of symbolic behavior by Palaeolithic humans in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2003. Vol. 3. P. 27–50. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Volkov P.V. A Palaeolithic Bracelet from Denisova Cave. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008. Vol. 34. P. 13–25. (In Russ.).

Derevianko A.P., Volkov P.V., Markin S.V. Evolyutsiya khozyaystvennoy deyatelnosti paleoliticheskogo naseleniya Severo-Zapadnogo Altaya v sartanskoye vremya (po materialam peshchery Kaminnaya). *Vestnik Novosib. State Univ.*. Ser.: Istoriya, filologiya, 2009. Vol. 8. N 3. P. 34–45. (In Russ.).

Derevianko A.P., Volkov P.V., Petrin V.T. *Zarozhdeniye mikroplastinchatoy tekhniki rasshchepleniya kamnya* (opyt eksperimental'nykh issledovaniy i tekhnologicheskogo analiza materialov pamyatnika Kara-Bom). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002. 170 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Pavlenok G.D., Belousova N.E. Early Upper Paleolithic Bone Needle from the Main Chamber of Denisova Cave (Based on Research Data from the 2016 Excavations). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 72–75. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Tsybankov A.A., Ulyanov V.A., Volkov P.V. Izucheniye verkhnegopaleoliticheskikh sloyev v Vostochnoy galereye Denisovoy peshchery. In *Problems of*

Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008. Vol. 14. P. 60–66. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Shunkov M.V., Volkov P.V., Ulyanov V.A., Chernikov I.S. Issledovaniya v vostochnoy galereye Denisovoy peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. Vol. 11, part 1. P. 100–105. (In Russ.).

Fedorchenko A.Y., Belousova N.E., Kulik N.A., Shunkov M.V. Early Upper Paleolithic serpentine ornaments from Ust-Karakol, Northwestern Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2020. Vol. 48. N 1. P. 3–15. (In Russ.).

Fedorchenko A.Yu., Seletsky M.V., Baumann M., Kolobova K.A. Experimental Study of the Middle Paleolithic Technique from the Chagyrskaya Cave Assemblages in 2017. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 214–217. (In Russ.).

Girya E. Yu. Traces as type of archaeological sources (abstract of unpublished lectures). In *Sledy v istorii*. K 75-letiyu Vyacheslava Yevgen'yevicha Shchelinskogo. Saint Petersburg IHMC RAS, 2015. P. 232–268. (In Russ.).

Kharevich V.M., Zotkina L.V., Kharevich A.V., Kolobova K.A. Preliminary results of experimental study of Neanderthal's hunting weapons from Chagyrskaya Cave. *Sibirskiy istoricheskiy issledovaniya*, 2022. N 1. P. 156–169. (In Russ.).

Koliasnikova A.S., Chistiakov P.V., Kolyasnikova A.S. Morphometric study of traces on bone retouchers from the Chagyrskaya cave using a profilometer. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 154–160. (In Russ.).

Kolobova K., Kharevich V., Chistyakov P., Kolyasnikova A., Kharevich A., Baumann M., Markin S., Olsen J.W., Krivoshapkin A. How Neanderthals gripped retouchers: experimental reconstruction of the manipulation of bone retouchers by Neanderthal stone knappers. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2022. Vol. 14. N 26.

Kolobova K., Roberts R., Chabai V., Jacobs Z., Krajcarz M., Shalagina A., Krivoshapkin A., Li B., Uthmeier T., Markin S., Morley M., O'Gorman K., Rudaya N., Talamo S., Viola B., Derevianko A. Archaeological Evidence for Two Separate Dispersals of Neanderthals into Southern Siberia. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2020. Vol. 117. P. 2879–2885.

Kolobova K.A., Kolyasnikova A.S., Chabai V.P., Chistyakov P.V., Baumann M., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Middle Paleolithic bone retouchers: size or proportions. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2020. Vol. 48. N 4. P. 14–26. (In Russ.).

Kolobova K.A., Markin S.V., Chabay V.P. Bone retouchers in the Middle Paleolithic complexes of the Chagyrskaya cave. *Theory and practice of archaeological research*, 2016. N 4. P. 37–42. (In Russ.).

Kononenko N.A. Funktsional'naya diagnostika paleoliticheskoy industrii mestonakhozhdeniya Ust'-Karakol. In *Kompleksnyye issledovaniya paleoliticheskikh ob'yektov basseyna r. Anuy*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1990. P. 43–47. (In Russ.).

Kozlikin M.B., Mikhienko V.A., Frantseva E.A., Shunkov M.V. Bone retouchers from Denisova cave: new materials. *Theory and practice of archaeological research*, 2019. N 4. P. 7–14. (In Russ.).

Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Rendu W., Plisson H., Baumann M. Unshaped bone tools from Denisova cave, Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2020. Vol. 48. N 1. P. 16–28. (In Russ.).

Seletsky M.V., Fedorchenko A.Y., Chistyakov P.V., Markin S.V., Kolobova K.A. Percussive-abrasive stone tools from Chagyrskaya cave: results of functional analysis. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2021. Vol. 49. N 2. P. 23–31. (In Russ.).

Seletsky M.V., Fedorchenko A.Yu., Belousova N.E. Opyt funktsional'nogo issledovaniya udarno-abrazivnykh orudiy paleoliticheskikh kompleksov Gornogo Altaya. In *Aktual'naya arkhologiya* 5. Saint Petersburg: Nevskaya Tipografiya, 2020. P. 161–164. (In Russ.).

Seletsky M.V., Kolyasnikova A.S., Kharevich V.M., Kolobova K.A. Experimental Modelling of Bone Splitting Based on the Evidence of the Sibiryachikha Variant of the Altai Middle Paleolithic. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 238–244. (In Russ.).

Shalagina A.V., Baumann M., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. Bone needles from the Upper Palaeolithic complexes of the Strashnaya Cave (North-Western Altai). *Theory and practice of archaeological research*, 2018. N 1. P. 89–98. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Upper Paleolithic Ornaments from the South Chamber of Denisova Cave: 2021 Collection. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 362–368. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Belousova N.E., Pavlenok G.D. Bone Tools and Ornaments from the Early Upper Paleolithic Deposits in the Main Chamber of Denisova Cave: 2016 Collection. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 22. P. 221–224. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai. *Quatern. Intern.*, 2020. Vol. 559. P. 47–67.

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu. Bone Tools in the Middle and Upper Paleolithic Complexes of Denisova Cave: 2021 Materials. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 27. P. 355–361. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Bone Tools and Personal Adornments of the Early Upper Paleolithic from the South Chamber of Denisova Cave (Collection of 2019). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 306–312. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Early Upper Paleolithic Objects of Bone from the South Chamber of Denisova Cave (Collection of 2017). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. 23. P. 259–262. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. The Early Upper Palaeolithic Personal Ornaments from the Southern Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. 24. P. 198–202. (In Russ.).

Slavinskiy V.S., Rybin E.P., Belousova N.E., Fedorchenko A.Yu., Khatsenovich A.M., Anoin A.A. Specific Technique of Core Platform Preparation in the Initial Upper Palaeolithic of South Siberia and Central Asia. *Stratum plus*, 2017. N 1. P. 221–244. (In Russ.).

Slon V., Hopfe C., Weiß C.L., Mafessoni F., de la Rasilla M., Lalueza-Fox C., Rosas A., Soressi M., Knul M.V., Miller R., Stewart J.R., Derevianko A.P., Jacobs Z., Li B., Roberts R.G., Shunkov M.V., de Lumley H., Perrenoud C., Gušić I., Kučan Ž., Rudan P., Aximu-Petri A., Essel E., Nagel S., Nickel B., Schmidt A., Prüfer K., Kelso J., Burbano H.A., Pääbo S., Meyer M. Neandertal and Denisovan DNA from Pleistocene sediments. *Science*, 2017. Vol. 356. P. 605–608.

Volkov P.V. Eksperimental'naya arkhologiya na Altaye. In *Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya*. Barnaul: Altai State Univ., 1995. P. 18–20. (In Russ.).

Volkov P.V. Eksperimental'naya arkhologiya pri planigraficheskikh issledovaniyakh. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007a. 82 p. (In Russ.).

Volkov P.V. Funktsional'nyy analiz instrumentariya stoyanki Kara-Bom. In *Paleoliticheskiye komplekсы stratifitsirovannoy chaste stoyanki Kara-Bom* (must'ye – verkhniy paleolit). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998b. P. 263–271. (In Russ.).

Volkov P.V. *Opyt eksperimenta v arkheologii*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. 416 p. (In Russ.).

Volkov P.V. Predvaritel'nyye rezul'taty funktsional'nogo analiza materialov pamyatnika Denisova peshchera. In *Paleo ekologiya pleystotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoy Azii i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998a. Vol. 1. P. 59–77. (In Russ.).

Volkov P.V. Spetsifika iznosa kamennogo instrumentariya paleoliticheskikh sloyev peshchery Kaminnaya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007b. Vol. 13. P. 33–36. (In Russ.).

Volkov P.V. *Trasologicheskiye issledovaniya v arkheologii Severnoy Azii*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999. 192 p. (In Russ.).

Volkov P.V., Shalagina A.V., Kolobova K.A., Markin S.V. Preliminary Results of the Use-wear Analysis of Convergent Scrapers and Retouched Points from Chagyrskaya Cave Assemblages. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018. Vol. 24. P. 23–38. (In Russ.).

Volkov P.V. Variant rekonstruktsii chelovecheskoy aktivnosti na pamyatnike Ust'-Karakol-I. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997. Vol. 3. P. 24–28. (In Russ.).

Volkov P.V. Eksperimental'no-trasologicheskiye i tekhnologicheskiye issledovaniya paleolita Severnoy, Tsentral'noy i SredneyAzii: dissertation. Novosibirsk, 2000. 58 p. (In Russ.).

Zavala E.I., Jacobs Z., Vernot B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Derevianko A.P., Essel E., de Filippo C., Nagel S., Richter J., Romagné F., Schmidt A., Li B., O'Gorman K., Slon V., Kelso J., Pääbo S., Roberts R.G., Meyer M. Pleistocene sediment DNA reveals hominin and faunal turnovers at Denisova Cave. *Nature*, 2021. Vol. 595. N 7867. P. 399–403.

Левина Е.В. <https://orcid.org/0000-0001-6616-5754>
Федорченко А.Ю. <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.103-115
УДК 902/904

Ли Еюй

Новосибирский Государственный Университет
Новосибирск, Россия
E-mail: keilynlee1383@gmail.com

Происхождение населения культуры Сяохэ

Культурой Сяохэ называют археологическую культуру бронзового века, расположенную в бассейне р. Тарим, Синьцзян. Ее возраст составляет около 2000–1500 лет до н.э., она является самой ранней археологической культурой, обнаруженной в бассейне Тарима. Изучение культуры Сяохэ не только поможет восстановить состав населения Синьцзяна в доисторические времена, но и прояснит глубину влияния евразийской степной культуры раннего бронзового века в бассейне Джунгар и Таримском бассейне. В последние годы в археологии все чаще используются новые технологии секвенирования древней ДНК, предоставляющие убедительные доказательства по вопросу происхождения населения той или иной культуры. Новейшие ДНК-исследования внесли значительную ясность в проблему происхождения населения культуры Сяохэ.

Ключевые слова: Археологическая культура бронзового века Синьцзян-Таримского бассейна, культура Сяохэ, кладбище Сяохэ, кладбище Гумугоу, древняя ДНК.

Li Yeyu

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: keilynlee1383@gmail.com

Origin of the Xiaohé Culture Population

The Xiaohé culture is an archaeological culture of the Bronze Age, located in the Tarim River basin, Xinjiang. Its age is about 2000–1500 years BC, it is the earliest archaeological culture discovered in the Tarim basin. The study of the Xiaohé culture will not only help to restore the composition of the population of Xinjiang in prehistoric times, but also clarify the depth of the influence of the Eurasian steppe culture of the early Bronze Age in the Dzungarian basin and the Tarim basin. In recent years, new technologies for sequencing ancient DNA have been increasingly used in archaeology, providing convincing evidence on the origin of the population of a particular culture. The latest DNA studies have brought considerable clarity to the problem of the origin of the population of the Xiaohé culture.

Keywords: Archaeological culture of the Bronze Age of the Xinjiang Tarim basin, Xiaohé culture, Xiaohé Cemetery, Gumugou Cemetery, ancient DNA.

Открытие культуры Сяохэ неотделимо от имен двух шведских исследователей – географа С. Хедина (Гедина) и археолога Ф. Бергмана. В 1900 г. Хедин впервые посетил район Лобнора, чтобы исследовать древний оазис Лулан. В 1920-х годах Хедин создал совместную китайско-шведскую экспедиционную группу для исследования Северо-Западного Китая. В 1934 г., Хедин услышал от местного охотника по имени Алдек, который и ранее сопровождал его и в предыдущей экспедиции, о «месте с тысячей гробов». Хедин отправил Ф. Бергмана в компании Алдека на поиски этого места. Преодолев трудности пути они обнаружили кладбище Сяохэ. Бергман раскопал 12 захоронений и, вернувшись в Швецию, изложил детали экспедиции в отчете «*Archaeological Researches in Sinkiang*» (1939). Бергман описывает кладбище как расположенное на высокой песчаной дюне, а высокие деревья, стоя на песчаных дюнах, издалека выглядят как сухой тополиный лес [Идрис Абдурасул, 2019].

После экспедиции Бергмана, ни одна исследовательская команда не проникала в район Лобнора для проведения археологических исследований в течение сорока пяти лет. В 1979 г. для съемок документального фильма «Шелковый путь» Лобнор посетила совместная съемочная группа Центрального телевидения Китая и японского телеканала NHK в сопровождении команды Ван Бинхуа, тогдашнего директора Синьцзянского института археологии. План съемок был одобрен высшими руководителями тогдашнего китайского центрального правительства. В ходе инспекционного процесса важную поддержку археологам оказала Народно-освободительная армия. По подсказке одного из служащих с военной базы Ушэньталамалань (на ней в основном занимались материально-техническим обеспечением ядерных испытаний), экспедиционная группа успешно обнаружила кладбище Гумугоу и раскопала его. Песчаные дюны, где находится кладбище, расположены на открытой ровной местности в долине р. Кончедарья, где преобладает северо-восточный ветер, а ветви гребенщика ветвистого, покрывающие дюны, были наклонены к юго-западу. На предполагаемой территории кладбища были хорошо видны деревянные кольшки, слегка выступающие над поверхностью дюн, либо образовывали круги, либо были расположены друг напротив друга. Согласно Бергману, после обнаружения китайцами кладбища Сяохэ, он хотел снарядить еще одну экспедицию вокруг кладбища Сяохэ, но в силу нехватки времени и материальных трудностей замысел не осуществился [Идрис Абдурасул, 2019; Ван Бинхуа, 2014].

В 2001 г. Ван Бинхуа также сопровождал хунаньскую телевизионную команду в район кладбища Сяохэ, но этот визит был кратковременным – отсняв необходимый материал, группа покинула кладбище [Идрис Абдурасул, 2019]. В 2002 г., оформив официальное разрешение Государственного управления по культурному наследию, Синьцзянский институт культурных реликвий и археологии сформировал Археологическую группу кладбища Сяохэ во главе с Идрисом Абдурасулом, и на кладбище Сяохэ и прилегающих территориях были проведены научные археологические раскопки, которые длились месяц. Это были первые раскопки на кладбище Сяохэ, проведенные Синьцзянским институтом культурных реликвий и археологии. Четыре раскопанные могилы

впервые проиллюстрировали культурный облик кладбища Сяохэ. В декабре 2003 г. раскопки на кладбище возобновились, и в общей сложности было раскопано 33 могилы. С сентября 2004 г. по март 2005 г. исследователи из Синьцзянского института культурных реликвий и археологии в сотрудничестве с Пограничным центром археологических исследований Цзилиньского университета раскопали 130 могил и завершили раскопки всего кладбища. За весь период исследований на кладбище Сяохэ суммарно было раскопано 167 захоронений, были обнаружены тысячи ценных культурных реликвий [Идрис Абдурасул, Ли Вэньин, Ху Синцзюнь, 2007; Синь цзян..., 2005; Идрис Абдурасул, Лю Гожуй, Ли Вэньин, 2004; Синь цзян..., 2004].

Исследование культуры Сяохэ в основном можно разделить на три этапа.

Первый этап. С 1934 по 1980-е гг. основными достижениями этого этапа были открытие кладбища Сяохэ и кладбища Гумугоу. В 1934 г. Бергман впервые обнаружил кладбище Сяохэ и раскопал двенадцать могил. Его отчет был очень важен для более поздних раскопок; в 1979 г. под руководством Ван Бинхуа было раскопано кладбище Гумугоу. Хотя данные, полученные этими исследователями, были относительно скудны, благодаря их работе было впервые получено общее представление о культуре Сяохэ [Идрис Абдурасул, 2019; Ван Бинхуа, 2014].

Второй этап. С 1980-х гг. до начала XXI в. На этом этапе начали проводить предварительные исследования результатов раскопок могильника Гумугоу. После исчерпывающих раскопок на кладбище Сяохэ понимание культуры стало более глубоким и всеобъемлющим. На этом этапе исследовательские команды стали систематизировать полученные данные и публиковать краткие отчеты о проведенных раскопках. Кроме того, была проведена элементарная физическая антропологическая идентификация найденных останков. В начале нового столетия также был проведен анализ стабильных изотопов в извлеченных костях. С 2002 по 2005 гг. под руководством Синьцзянского института культурных реликвий и археологии были завершены все раскопки кладбища Сяохэ. Информация о раскопках за 2002–2003 гг. была опубликована в виде кратких отчетов. Исследователи опубликовали статьи с кратким изложением результатов раскопок с 2004 по 2005 год. На данном этапе было получено полное представление о форме могил, погребальных обрядах и характеристиках погребального инвентаря культуры Сяохэ [Идрис Абдурасул, Ли Вэньин, Ху Синцзюнь, 2007; Синь цзян..., 2005; Идрис Абдурасул, Лю Гожуй, Ли Вэньин; Синь цзян..., 2004].

Третий этап. С начала XXI в. по настоящее время исследования культуры Сяохэ вышли на более глубокий уровень. На данный момент многих исследователей интересует, откуда именно в регион Лобнора пришли носители культуры Сяохэ. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо исследовать антропогенные, растительные и животные останки, найденные в этом регионе, и сравнить полученные генетические данные с данными других обитателей евразийской степи раннего бронзового века и древнее. К настоящему времени мы в основном сформировали общее представление о культурных и социальных аспектах культуры Сяохэ [Ли Чунсян, Жохуэй, 2016; Лян Имин и др., 2012; Хе Летянь и др., 2014;

Чжан Итанчао, Чжу Хун, Цзинь Хайянь, 2006; Ли Чунсян, 2010; Zhang et al., 2021; Flad et al., 2010; Gao et al., 2015; Lee et al., 2007; Lu et al., 2009; Wang et al., 2021; Xie et al., 2016; Yang R. et al., 2014; Yang Y. et al., 2014].

Основные данные о культуре Сяохэ

Основными памятниками культуры Сяохэ являются кладбище Гумугоу рядом с древним руслом р. Кончедарья и кладбище Сяохэ рядом с руслом р. Сяохэ. Согласно результатам анализа углерода-14, кладбища Гумугоу и Сяохэ датируются примерно 2000–1500 гг. до н.э. [Идрис Абдурасул, Ли Вэньин, Ху Синцзюнь, 2007; Чжан Итанчао, Чжу Хун, Цзинь Хайянь, 2006; Flad et al., 2010; Идрис Абдурасул, Лю Гожуй, Ли Вэньин, 2004].

Оба кладбища расположены в районе Лобнора (Синьцзян), который в настоящее время представляет собой необитаемую пустынную местность. К северу от Лобнора находится гора Куруктаг (уйг., монг. «засушливая гора») в поножии гор Тяньшань, а к югу находится хребет Алтынтаг, а точнее – гора Астентаг (уйг. «пылающая гора») и гора Кумтаг (уйг. означает «песчаная гора»). Лобнор – в переводе с монгольского означает «озеро, где собирается много воды». На самом деле Лобнор – это бессточное озеро. В результате геологической активности район озера превратился в самую низкую впадину восточной части Таримского бассейна, к которой сходятся почти все внутренние реки Таримского бассейна: реки Тарим, Кончедарья, Черчен, Жоцян (Чарклык) и Миран (Миланьхэ) впадали в Лобнор. Активная эксплуатация водных ресурсов региона в 1960-е гг., в том числе перекрытие р. Тарим, в конечном итоге привела к высыханию оз. Лобнор и превращению его в пустыню. Только в отдельных низменных местах в руслах некоторых рек есть небольшие оазисы, в которых произрастает тростник, пышно растут евфратский тополь, гребенщик ветвистый и другие растения [Ван Бинхуа, 2014]. Кладбище Гумугоу расположено к северо-западу от оз. Лобнор и древнего города Лоулань, на северном берегу р. Кончедарья, координаты: 88°56'08,2" в. д. и 40°40'41,2" с. ш. Сяохэ – это приток, впадающий в р. Кончедарья с юга. Кладбище Сяохэ расположено примерно в 4 км к востоку от старого русла р. Сяохэ и примерно в 102 км к востоку от древнего города Лоулань, координаты: 88°40'20,3" в. д. и 40°20'11" с. ш. [Идрис Абдурасул, Ли Вэньин, Ху Синцзюнь, 2007; Идрис Абдурасул, Лю Гожуй, Ли Вэньин, 2004; Ван Бинхуа, 2014].

На данный момент уже существует относительно полное представление о культурных особенностях культуры Сяохэ, таких как форма могил, погребальные обряды и инвентарь.

1. Умерший лежит на спине с вытянутыми конечностями в деревянном гробу без дна. Гроб помещают в прямоугольную песчаную яму, вырытую заранее. Голова умершего обращена на восток. Обычно в деревянном гробу находятся останки только одного человека. В верхнем и нижнем краях устанавливаются деревянные столбы. Деревянный столб ной-инь (символ женских гениталий) устанавливается перед могилой умершего мужчины, а деревянный столб наньгэнь (символ мужского полового органа) устанавливается, если умершая – женщина.

2. На голове покойника (или деревянного изображения умершего) фетровый головной убор, как правило, украшенный красными шерстяными веревками, шурами ласки и украшениями из перьев; на ногах – кожаные сапоги с коротким голенищем; труп завернут в шерстяной плащ, который скрепляется деревянными булавками. Край плаща обвязан небольшими мешочками, в которых находятся веточки эфедры, зерна пшеницы или проса. Большинство умерших наряжены в ожерелья и браслеты; снаружи плаща с правой стороны помещается соломенная корзина, а на покойного кладутся веточки эфедры, кончики ушей быка (овцы), сухожилия и веревки, а также несколько стрел из перьев и веревки из красных перьев. Можно сказать, что этот инвентарь являлся предметами первой необходимости владельца захоронения при его жизни.

3. В некоторых захоронениях были найдены погребальные предметы, подчеркивающие статус умершего либо играющие какую-то роль в культе плодородия, такие как спутанные нити, пучки щетины, заостренные деревянные стержнеобразные предметы с вырезанными человеческими лицами (обычно их находят в мужских погребениях, богатых погребальным инвентарем), также копытообразные деревянные предметы с каменными вставками, змеевидные деревянные шесты, стрелы с оперением в кожаных чехлах, расписные деревянные таблички и т.д. В некоторых мужских и женских могилах были обнаружены маленькие деревянные статуэтки с человеческими лицами, завернутые в красную кожу, а также большие резные бычьи головы.

Многочисленные исследования показали, что климат в районе Лобнора был относительно сухим с раннего голоцена. Китайско-американское палинологическое исследование показало, что представители культуры Сяохэ жили в оазисе, окруженном обширной пустыней. Растительность в оазисе в основном представлена евфратским тополем, тростником, рогозом и другими водными растениями; в пустыне рядом с оазисом есть некоторые распространенные засухоустойчивые растения, такие как эфедра, гребенщик, полынь и маревые. Эти растения обычно встречались на кладбищах Гумугоу и Сяохэ и использовались для изготовления погребального инвентаря [Сюньчэн др., 2008; Yang R. et al., 2014].

Судя по результатам археологических исследований, носители культуры Сяохэ занимались животноводством: разводили крупный рогатый скот и овец, а также овладели технологией переработки и ферментации молочных продуктов. Они также выращивали чумизу, просо и пшеницу, которые в том числе использовали в качестве корма для скота. Кроме того, они также занимались охотой и рыбной ловлей, чтобы добыть больше мяса в пищу, а также меха и перья для изготовления одежды и украшений.

Большое количество коровьих и овечьих шкур и ушей, коровьих голов и рогов и даже говядины и баранины было обнаружено в могильниках Гумугоу и Сяохэ. Кроме того, было найдено много кожаных сапог, а во многих могилах были обнаружены соломенные корзины заполненные сухими молочными продуктами. Тела умерших смазывали молочной кашицей и обкладывали кусочками какого-то твердого молочного продукта. Эти находки иллюстрируют высокий уровень развития животноводства у носителей культуры Сяохэ.

В 2014 г. китайские и немецкие исследователи обнаружили, что молочно-белые комочки, которые помещали в районе груди и шеи умершего и клали в соломенные корзины, были разновидностью сыра, изготовленного из молочно-кислых бактерий и дрожжей, «кефира»; исследования показали, что это самый ранний искусственно произведенный сыр, который был найден в мире [Yang Y. et al., 2014]. В 2016 г. исследователи опубликовали результаты анализа, который показал, что органический осадок в соломенных корзинах из могильника Гумугоу был отфильтрованным йогуртом [Xie et al., 2016].

Согласно последним исследованиям, даже самые ранние захороненные в могильнике Сяохэ носители культуры уже употребляли молочные продукты, но ни у одного из них не было генетически стойкого присутствия лактозы [Zhang et al., 2021]. Основываясь на приведенных выше результатах исследований, мы можем сделать четкий вывод: носители культуры Сяохэ имели непереносимость лактозы, поэтому они использовали различные методы обработки коровьего либо козьего молока, чтобы получить возможность усвоить все необходимые питательные вещества, не причиняя вреда организму; более того, они овладели технологией ферментации твердых молочных продуктов, что позитивно сказалось на возможности передвигаться на дальние расстояния и легче адаптироваться к различным природным условиям.

Заслуживает упоминания и тот факт, что анализ мтДНК родословной крупного рогатого скота, чьи останки были обнаружены на кладбище Сяохэ, показал, что данные особи генетически наиболее похожи на западноевропейский скот, в основном распространенный на Ближнем Востоке и в Европе, однако также встречающийся и в Восточной Азии [Ли Чунсян, 2010].

Как уже было упомянуто ранее, одновременно с животноводством носители культуры Сяохэ занимались и культивацией растений – чумизы, проса, пшеницы, которые в том числе использовались в качестве корма для скота. Следы этих культур найдены в могилах: зерном посыпали тело умершего, иногда им наполняли маленькие мешочки, повязанные на шерстяных плащах, и соломенные корзины [Идрис Абдурасул, Ли Вэньин, Ху Синцзюнь, 2007; Идрис Абдурасул, Лю Гожуй, Ли Вэньин, 2004; Ван Бинхуа, 2014]. Исследования показали, что просо, обнаруженное на кладбище Сяохэ, имеет те же генетические характеристики, что и просо из Китая, и сильно отличается от проса с Ближнего Востока или Европы. Таким образом, мы можем констатировать, что просо и чумиза, которые культивировали носители культуры Сяохэ, попали к ним из Восточной Азии [Ли Чунсян, 2010].

Кроме того, было обнаружено много злака рода полевица (*Eragrostis* sp.). Это растение считается сорняком, но на самом деле оно богато аминокислотами, белками, минералами и клетчаткой, имеет короткий цикл роста (2–3 месяца) и очень устойчиво к засухе. В Эфиопии из муки этого растения готовят хлеб на закваске – *инджера* (инджера). В захоронении мог. 32 (могильник Сяохэ) были найдены жареные зерна *Eragrostis* sp., похожие на современный попкорн. Кроме того, зерна *Eragrostis* sp. были также найдены в коровьем навозе, раскопанном в могильнике Сяохэ. Следовательно, мы можем сделать вывод, что

носители этой археологической культуры также культивировали злак *Eragrostis* sp. [Yang R. et al., 2014].

Охота также являлась важной частью экономической жизни носителей культуры Сяохэ. В мужских захоронениях культуры Сяохэ в качестве погребального инвентаря обычно используются луки и стрелы. Хотя все найденные луки являются «луками династии Мин», что означает, что эти луки были не настоящим оружием, а ритуальным инвентарем, специально использовавшимся для погребения умершего. Формально они представляют собой имитацию меньшего размера и более низкого качества, чем настоящие луки. Кроме того, фетровые шляпы на захороненных часто украшены шкурками ласок или птичьими перьями [Идрис Абдурасул, Ли Вэньин, Ху Синцзюнь, 2007; Идрис Абдурасул, Лю Гожуй, Ли Вэньин, 2004; Ван Бинхуа, 2014]. Поэтому разумно предположить, что носители культуры Сяохэ занимались охотой, чтобы добыть мех и перья диких животных для использования их как в декоративных, так и в продовольственных целях.

Кроме того, люди культуры Сяохэ жили недалеко от реки и могли заниматься рыбной ловлей. Хотя никаких орудий лова обнаружено не было, согласно анализу микроэлементов в человеческих костях с кладбища Гумугоу, можно определить, что рыба также является важным элементом рациона обитателей этого региона [Чжан Итанчао, Чжу Хун, Цзинь Хайянь, 2006].

Погребальный обряд может в определенной степени отражать структуру общества, такую как гендерные различия, социальную стратификацию и разделение труда и т. д. По распределению захоронений на кладбище Сяохэ, различиям в погребальном инвентаре погребений и результатам исследований по физической антропологии и молекулярной генетики останков, можно в определенной степени восстановить основную структуру общества носителей культуры Сяохэ.

По результатам исследований, захоронения 4-го и 5-го слоев в южной части кладбища Сяохэ и могилы в северной части (в основном их датировки совпадают с могилами 4-го слоя с южной части кладбища) можно отнести к раннему, а остальные захоронения, с 1-го по 3-й слои в южной части кладбища – к позднему периоду. Из предыдущего описания могильника Сяохэ видно, что ранние захоронения были разбросаны вокруг «покрытых глиной деревянных гробов» на каждом уровне. Отмечено, что в захоронения рядом с этими «покрытыми глиной деревянными гробами» были богатыми, независимо от половой принадлежности захороненного. Все четыре захоронения с «покрытыми глиной деревянными гробами» женские. Погребальный инвентарь в этих захоронениях богатый, кроме того, вокруг каждого захоронения установлены по шесть деревянных столбов. Перед могилами уложено более сотни жертвенных голов крупного рогатого скота и овец. Генетические исследования показали, что ранние популяции культуры Сяохэ обычно несли гаплотипы женщин, захороненных в 4-м и 5-м слоях «покрытых глиной деревянных гробов» в южной части кладбища, и между захороненными в 4-м и 5-м слоях существовала относительно тесная родственная связь по материнской линии. Женщины из двух «покрытых глиной деревянных

гробов» в северной части кладбища также были генетически связаны с захороненными в южной части, но остальные представители популяции были носителями разных материнских генов, и между ними происходил генетический обмен. Таким образом, мы можем подтвердить, что на ранней стадии культуры Сяохэ социальный статус женщин был достаточно высоким, важную роль в этом обществе играл культ плодородия. Матрилинейная семья продолжала расширяться, и появлялись новые семьи, независимые от предыдущих [Синь цзян... 2005; Ли Чунсян, 2010; Синь цзян ..., 2004].

Поздние могилы были расположены более плотно и хаотично, среди них не было ни могил с «покрытыми глиной деревянными гробами», ни женских захоронений с необычайно обильным и изысканным погребальным инвентарем. Результаты молекулярных исследований человеческих останков показывают, что генетический состав поздней популяции очень сложен и больше не имеет характеристик семейного захоронения. Можно предположить, что в поздней культуре Сяохэ женщины больше не имели более высокого статуса, генетический обмен с населением близлежащих районов продолжался, в регион даже пришло инородное население [Ли Чунсян, 2010].

Подводя итог, можно сказать, что культура Сяохэ в основном развивалась из матрилинейной семьи, и изначально женщины имели высокий статус; в процессе развития представители этой культуры общались и смешивались с представителями соседствующих культур, население росло. Хотя на поздней стадии развития культуры женщины не занимали более высокого статуса, высокая важность роли культа плодородия была характерна для культуры Сяохэ на всем протяжении ее существования.

Происхождение населения культуры Сяохэ

Вскоре после раскопок на кладбище Гумугоу было проведено физическое антропологическое исследование найденных человеческих костей. Антрополог Хань Кансинь считает, что по черепам захороненных в Гумугоу можно установить их принадлежность к примитивной европеоидной расе, их черепа похожи на черепа бронзового века из Южной Сибири, Казахстана, Волжской степи и черепа с побережья Аральского моря. Некоторые из этих черепов по типу близки к афанасьевским [Хан Кансинь, 1986]. В дискуссии о происхождении населения культуры Сяохэ важным открытием является роль западного фактора. Ученые попытались выяснить, как предки населения культуры Сяохэ прибыли в бассейн Тарима. На этот счет есть три основные гипотезы.

Гипотеза 1 Ямной/Афанасьевой степи [Di Cosmo, 2002]: имел место генетический обмен между населением района Саяно-Алтая с населением афанасьевской культуры, а ок. 2000 г. до н.э. гены афанасьевцев попали в район Лобнора, и к ним генетически восходит население культуры Сяохэ.

Гипотеза 2 Бактрийского оазиса [Chen, Hiebert, 1995]: культура Сяохэ была первоначально создана иммигрантами из пустынных оазисов Афганистана, с территории Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (англ. Bactria-

Margiana Archaeological Complex). Обоснованием для этой гипотезы является то, что оба региона имеют схожую природную среду, схожий тип сельского хозяйства в пустынных оазисах и ирригационные системы, кроме того, в обоих культурах используется много эфедры.

Гипотеза 3 Внутреннеазиатского горного коридора (Inner Asian Mountain Corridor) [Betts, 2019]. Эта гипотеза предполагает, что самое раннее население культуры Сяохэ пришло из горных районов Центральной Азии, контактировало с земледельцами и скотоводами на западе и севере Тарима, и, наконец, достигло Лобнора.

Однако последние исследования в определенной степени опровергли все три гипотезы. С помощью секвенирования генома исследователи обнаружили, что ранняя популяция культуры Сяохэ происходила из изолированного генофонда, который был широко распространен в Джунгарской котловине, на территории Внутреннеазиатского горного коридора и в Южной Сибири. На самом деле, этот генофонд тесно связан с генами древнего населения Северной Евразии (ANE) [Zhang et al., 2021; He Ин и др., 2020].

Иными словами, западноевропейский расовый фактор населения культуры Сяохэ происходят от плейстоценовых палеарктических генов (ANE), а не от афанасьевского населения, прибывшего в Джунгарский бассейн на севере Синьцзяна ок. 3000 г. до н.э. из афганских оазисов или Центральной Азии. Можно сказать, что последние результаты анализа секвенирования древней ДНК больше склоняются к тому, что население культуры Сяохэ – это какой-то коренной народ, живущий в бассейне Тарима, но никаких следов их предыдущей жизни там обнаружено не было. Возможно, изучение палеолитической стоянки Тунтяндун, раскопанной в уезде Зимунай, округ Алтай (Синьцзян) в 2016–2017 гг., предоставит больше информации о миграции и контактах древнего населения Синьцзяна, что поможет установить предков населения культуры Сяохэ [Ян Цзэнсинь и др., 2018].

Хотя предки населения Сяохэ происходили не из всех мест вдоль Внутреннеазиатского горного коридора, он действительно служил каналом для региональных культурных и технологических взаимодействий, соединяющим различные культуры от 3000 до 2000 гг. до н. э. [Zhang et al., 2021; Kumar et al., 2022; Li, 2021]. Исследования показали, что бронзовые изделия культуры Сяохэ в основном представляют собой оловянную бронзу, различные металлические материалы используются вместе, что показывает, что у жителей кладбища Сяохэ есть разные каналы для получения различного металлического сырья. Наглядно демонстрируют связь между культурой Сяохэ и евразийской степной культурой золотые серьги [Мэй Цзяньцзюнь и др., 2013].

Согласно последним исследованиям ДНК населения культуры Сяохэ, не только обладало генами популяций Северной Азии, но также имело гены популяций ди и цянов, которые мигрировали из Ганьсу и Цинхя в восточный Синьцзян в раннем бронзовом веке [Ли Чунсян, 2010; Zhang et al., 2021; Gao et al., 2015] (представлен памятником Тяньшань бэйлу [Чжан Юй Чжун, 2002; Yang Z., 2018]). Важную роль в этом обмене сыграл коридор Хэси. Кроме того, у позд-

него населения культуры Сяохэ появилось материнское наследство из Южной Азии (Индия) [Zhang et al., 2021]. Можно предположить, что уже в бронзовом веке существовало несколько маршрутов, соединяющих север Китая, Южную, Центральную Азию и Северную Азию, и культура Сяохэ находилась на пересечении этих проходов.

Хотя предки населения культуры Сяохэ пока доподлинно не установлены, можно с уверенностью сказать, что они начали жить в бассейне Тарима очень рано. С постепенным открытием различных каналов, культура Сяохэ осуществляла культурные и технологические обмены с населением Центральной в Северной Азии и даже обитателями евразийских степей, а также регионом Ганьсу-Цинхай в Северном Китае и Индией.

Список литературы

- Ван Бинхуа.** Гомугоу. – Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 2014. (на кит. яз.).
- Идрис Абдурасул.** Шэньмай цзай ша мо чжун из сяохэ му из ши ру хэ би фа сянь из (Как было обнаружено кладбище крик, похороненное глубоко в пустыне) // Си бу да каэ фа. – 2019. – № 12. – С. 146–151. (на кит. яз.).
- Идрис Абдурасул, Ли Вэнью, Ху Синцзюнь.** Синь цзян ло бу по сяо хэ му ди 2003 нянь фа цзюэ цзянь бао (Краткий отчет о раскопках кладбища Сяохэ в Лобноре, Синьцзян, в 2003 году) // Вэнью, 2007. – № 10. – С. 4–42. (на кит. яз.).
- Идрис Абдурасул, Лю Гожуй, Ли Вэньин.** 2002 Нянь сяохэ му дяо гу дяо ча ю фа цзюэ бао гао (Отчет об археологических исследованиях и раскопках кладбища Сяохэ за 2002 год) // Бянь цзян као гу янь цзю. – 2004. – № 00. – С. 338–398, 401–411. (на кит. яз.).
- Ли Чунсян, Жоухуэй.** Сяо хэ му ди чу ту рен лэй и хай де му се ий чуань дуо ян син ян цзю (Материнское генетическое разнообразие человеческих останков, обнаруженных на кладбище Сяохэ) // Сиюй яньцзю. – 2016. – № 01. – С. 50–55, 148, 149. (на кит. яз.).
- Ли Чунсян.** Сяо хэ му ди гу шэн ву и хай де фэнь цзы и чуань сюэ янь цзю (Молекулярная генетика древних биологических останков на кладбище Сяохэ): Бо ши . цзи линь да сюэ. – 2010. (на кит. яз.).
- Лян Имин** и др. Сяо хэ му ди чу ту цао лу кан лю ву де дан бай чжи цзю сюэ фэнь си (Протеомный анализ остатков Корзинок с травой, обнаруженных на кладбище Сяохэ) // Вэнь ю баоху юй каогусюэ. – 2012. – Т. 24. – № 04. – С. 81–85. (на кит. яз.).
- Мэй Цзяньцзюнь** и др. Синь цзян сяо хэ му ди чу ту бу фэнь цзинь шу ци Де Чу Бу Фэнь Си (Предварительный анализ некоторых металлических артефактов, обнаруженных на кладбище Сяохэ в Синьцзяне) // Сиюй яньцзю. – 2013. – № 01. – С. 39–49, 141. (на кит. яз.).
- Не Ин** и др. Сяо хэ му ди гу дай жэнь цюнь лу гу де жэнь лэй сюэ те чжэн (Антропологические характеристики древних человеческих черепов на кладбище Сяохэ) // Сиюй яньцзю. – 2020. – № 03. – С. 115–125, 172. (на кит. яз.).
- Синь цзян** ло бу по сяо хэ му ди итан миан фа цзюэ хо цзе дуань син чжун яо чэн го (Комплексные раскопки на кладбище Сяохэ в Лобноре, Синьцзян, поэтапно дали важные результаты) // Чжунго вэнью бао. – 2004. (на кит. яз.).
- Синь цзян** ло бу по сяо хэ му ди эван миан фа цзюэ юань ман цзе шу (Комплексные раскопки на кладбище Сяохэ в Лобноре, Синьцзян, успешно завершены) // Чжунго вэнью бао. – 2005. – С. 001. (на кит. яз.).
- Сюньчэн** и др. Ло бу по ху синь ку цзинь ди бяо сенг вэй лян юань су фен бу цзи ци хуан цзин яй ей (Распределение микроэлементов в приповерхностном слое озера Лоб-Нур и его экологическое значение) // Гань хан ку цзы юань юань цзин. – 2008. – № 10. – С. 137–141. (на кит. яз.).

Хан Кансинь. Синь цзян конг цюэ хэ гу му гоу ди жэнь гу янь цзю (Исследование человеческих костей на кладбище группы древних гробниц на реке Конгкуэхэ, Синьцзян) // Каогу сюэбао. – 1986. – № 3. – С. 361–384, 401–404. (на кит. яз.).

Хэ Летянь и др. Синь цзян ло бу по сяо хэ му ди мин де коу цян цзянь кан юй инь ши (Здоровье полости рта и диета жителей кладбища Сяохэ в Лобноре, Синьцзян) // Жэньлэй сюэсюэбао. – 2014. – Т. 33. – № 04. – С. 497–509. (на кит. яз.).

Чжан Итанчао, Чжу Хун, Цзинь Хайянь. Синь цзян ло бу нао эр гу му гоу цин тун ши дай жэнь гу вэй лян юань су де чу бу янь цзю (Предварительное исследование микроэлементов человеческих костей бронзового века в долине Древних гробниц Луобуур, Синьцзян) // Каогу юй вэнью. – 2006. – № 6. – С. 99–103. (на кит. яз.).

Чжан Юйчжун. Синь цзян као гу шу люэ (Обзор археологии Синьцзяна) // Каогу, 2002. – № 6. – С. 3–13. (на кит. яз.).

Ян Цзэнсинь и др. Синь цзян цзи му най сянь тун тянь донг и чжи (Пещера Тунтянь, уезд Джимунай, Синьцзян) // Каогу, 2018. – № 7. – С. 3–14. (на кит. яз.).

Betts A. A new hypothesis for early Bronze Age cultural diversity in Xinjiang, China // *Archaeological Research in Asia*. 2019. – Vol. 17. – P. 204–213.

Chen K.-tzuu, Fredrik T. Hiebert. The late prehistory of xinjiang in relation to its neighbors // *J. World Prehist.* 1995. – Vol. 9. – N 2. – P. 243–300.

Di Cosmo N. The Tarim Mummies: Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West // *J. of Anthropological Research*. 2002. – Vol. 58. – N 2. – P. 279–281.

Flad R. et al. Early wheat in China: Results from new studies at Donghuishan in the Hexi Corridor // *The Holocene*. SAGE Publications Ltd, 2010. – Vol. 20. – N 6. – P. 955–965.

Gao S.-Z. et al. Ancient DNA reveals a migration of the ancient Di-qiang populations into Xinjiang as early as the early Bronze Age // *American Journal of Physical Anthropology*. 2015. – Vol. 157. – N 1. – P. 71–80.

Kumar V. et al. Bronze and Iron Age population movements underlie Xinjiang population history // *Science*. 2022. – Vol. 376. – N 6588. – P. 62–69.

Lee G.-A. et al. Plants and people from the Early Neolithic to Shang periods in North China // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. 2007. – Vol. 104. – N 3. – P. 1087–1092.

Li Y. Agriculture and palaeoeconomy in prehistoric Xinjiang, China (3000–200 bc) // *Veget Hist Archaeobot*. 2021. – Vol. 30. – N 2. – P. 287–303.

Lu H. et al. Earliest domestication of common millet (*Panicum miliaceum*) in East Asia extended to 10,000 years ago // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA*. 2009. – Vol. 106. – N 18. – P. 7367–7372.

Wang C.-C. et al. Genomic insights into the formation of human populations in East Asia // *Nature*. 2021. – Vol. 591. – N 7850. – P. 413–419.

Xie M. et al. Identification of a dairy product in the grass woven basket from Gumugou Cemetery (3800 BP, northwestern China) // *Quatern. Intern.* 2016. – Vol. 426. – P. 158–165.

Yang R. et al. Investigation of cereal remains at the Xiaohe Cemetery in Xinjiang, China // *J. of Archaeological Sci.* 2014. – Vol. 49. – P. 42–47.

Yang Y. et al. Proteomics evidence for kefir dairy in Early Bronze Age China // *J. of Archaeological Sci.* 2014. – Vol. 45. – P. 178–186.

Yang Zengxin. Scientific Analysis of Bronze Artifacts Unearthed from Tianshan North Road Cemetery in Hami: Master. North-western Univ., 2018.

Zhang F. et al. The genomic origins of the Bronze Age Tarim Basin mummies // *Nature*. 2021. – Vol. 599. – N 7884. – P. 256–261.

References

Betts A. A new hypothesis for early Bronze Age cultural diversity in Xinjiang, China // *Archaeological Research in Asia*. 2019. Vol. 17. P. 204–213.

- Chen K. -tzuu, Hiebert F.T.** The late prehistory of xinjiang in relation to its neighbors // *J. World Prehist.* 1995. Vol. 9. N 2. P. 243–300.
- Di Cosmo N.** The Tarim Mummies: Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West // *J. of Anthropological Research.* 2002. Vol. 58. N 2. P. 279–281.
- Flad R.** et al. Early wheat in China: Results from new studies at Donghuishan in the Hexi Corridor // *The Holocene.* SAGE Publications Ltd, 2010. Vol. 20. N 6. P. 955–965.
- Gao S.-Z.** et al. Ancient DNA reveals a migration of the ancient Di-qiang populations into Xinjiang as early as the early Bronze Age // *American J. of Physical Anthropology.* 2015. Vol. 157. N 1. P. 71–80.
- Han Kangxin.** Research on Human Bones from Tombgou Cemetery of Kongquehe River in Xinjiang // *J. of Archaeology.* 1986. N 3. P. 361–384, 401–404. (In Chin.).
- He Letian** et al. Oral health and diet of residents of Xiaohe Cemetery in Lop Nur, Xinjiang // *Journal of Anthropology.* 2014. Vol. 33. N 04. P. 497–509. (In Chin.).
- Idris Adburusul, Li Wenying, Hu Xingjun.** Brief report on the excavation of Xiaohe Cemetery in Lop Nur, Xinjiang in 2003 // *Cultural Relics.* 2007. N 10. P. 4–42. (In Chin.).
- Idris Adburusul, Liu Guorui, Li Wenying.** 2002 Archaeological Survey and Excavation Report of Xiaohe Cemetery // *Frontier Archaeological Research.* 2004. N 00. P. 338–398, 401–411. (In Chin.).
- Idris Adburusul.** How the creek cemetery buried deep in the desert was discovered // *Western Development.* 2019. N 12. P. 146–151. (In Chin.).
- Kumar V.** et al. Bronze and Iron Age population movements underlie Xinjiang population history // *Science.* 2022. Vol. 376. N 6588. P. 62–69.
- Lee G.-A.** et al. Plants and people from the Early Neolithic to Shang periods in North China // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA.* 2007. Vol. 104. N 3. P. 1087–1092.
- Li Chunxiang, Zhou Hui.** Maternal genetic diversity of human remains unearthed from Xiaohe Cemetery // *Western Regions Research.* 2016. N 01. P. 50–55, 148, 149. (In Chin.).
- Li Chunxiang.** Molecular Genetics of Ancient Biological Remains in Xiaohe Cemetery: Ph.D. Jilin Univ., 2010. (In Chin.).
- Li Y.** Agriculture and palaeoeconomy in prehistoric Xinjiang, China (3000–200 bc) // *Veget Hist Archaeobot.* 2021. Vol. 30. N 2. P. 287–303.
- Liang Yiming** et al. Proteomic Analysis of Grass Basket Residues Unearthed in Xiaohe Cemetery // *Cultural Relics Conservation and Archaeological Science.* 2012. Vol. 24. N 04. P. 81–85. (In Chin.).
- Lu H.** et al. Earliest domestication of common millet (*Panicum miliaceum*) in East Asia extended to 10,000 years ago // *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.* 2009. Vol. 106. N 18. P. 7367–7372.
- Mei Jianjun** et al. Preliminary analysis of some metal artifacts unearthed from the Xiaohe cemetery in Xinjiang // *Research in the Western Regions.* 2013. N 01. P. 39–49, 141. (In Chin.).
- Nie Ying** et al. Anthropological characteristics of ancient human skulls in Xiaohe Cemetery // *Western Regions Research.* 2020. N 03. P. 115–125, 172. (In Chin.).
- The comprehensive** excavation of the Xiaohe cemetery in Lop Nur, Xinjiang has obtained important results in stages // *Cultural Relics News in China.* 2004. (In Chin.).
- The comprehensive** Excavation of Xiaohe Cemetery in Lop Nur, Xinjiang Completed Successfully // *China Cultural Relics News.* 2005. P. 001. (In Chin.).
- Wang Binghua.** Gu Mu Gou.: Xinjiang People’s Publishing House, 2014. (In Chin.).
- Wang C.-C.** et al. Genomic insights into the formation of human populations in East Asia // *Nature.* 2021. Vol. 591. N 7850. P. 413–419.
- Xia Xuncheng** et al. The distribution of trace elements in the near surface layer of Lop Nur Lake and its environmental significance // *Resources and Environment in Arid Regions.* 2008. N 10. P. 137–141. (In Chin.).

- Xie M.** et al. Identification of a dairy product in the grass woven basket from Gumugou Cemetery (3800 BP, northwestern China) // *Quatern. Intern.* 2016. Vol. 426. P. 158–165.
- Yang R.** et al. Investigation of cereal remains at the Xiaohe Cemetery in Xinjiang, China // *J. of Archaeological Sci.* 2014. Vol. 49. P. 42–47.
- Yang Y.** et al. Proteomics evidence for kefir dairy in Early Bronze Age China // *J. of Archaeological Sci.* 2014. Vol. 45. P. 178–186.
- Yang Zengxin.** Scientific Analysis of Bronze Artifacts Unearthed from Tianshan North Road Cemetery in Hami: Master. North-western Univ., 2018. (In Chin.).
- Yu Jianjun** et al. Tongtian Cave Site in Jimunai County, Xinjiang // *Archaeology.* 2018. N 7. P. 3–14. (In Chin.).
- Zhang F.** et al. The genomic origins of the Bronze Age Tarim Basin mummies // *Nature.* 2021. Vol. 599. N 7884. P. 256–261.
- Zhang Quanchao, Zhu Hong, Jin Haiyan.** A Preliminary Study on Trace Elements of Bronze Age Human Bones in the Ancient Tomb Valley of Luobuur, Xinjiang // *Archaeology and Cultural Relics.* 2006. N 6. P. 99–103. (In Chin.).
- Zhang Yuzhong.** Overview of Xinjiang Archaeology // *Archaeology.* 2002. N 6. C. 3–13. (In Chin.).

Ли Еюй. <https://orcid.org/0000-0001-6877-9960>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.116-124
УДК 903.2 (903.21)

Б.Ж. Мадреймов

*Каракалпакский государственный университет имени Бердаха
Нукус, Каракалпакстан, Узбекистан
E-mail: bmadreymov@inbox.ru*

Палеолитические камнеобрабатывающие мастерские Устюрта (Новые данные о мастерской Есен 2)

Статья посвящена новой интерпретации камнеобрабатывающей мастерской Есен 2, расположенной на берегу впадины Барса-Келмес Устюртского плато (Каракалпакстан). Единственная имеющаяся классификация разработана М.Р. Касымовым и Л.Я. Крижевской в 70-годы XX столетия. В связи с появлением новых типологических и технологических методик изучения каменных изделий, а также открытием новых мастерских каменного века на территории Узбекистана, появились возможности выработки новых культурно-хронологических привязок памятников подобного рода. Данная статья знакомит с историей изучения кремнеобрабатывающих мастерских Средней Азии, новой культурно-хронологической классификацией и интерпретацией мастерской Есен 2. В статье приводятся доказательства того, что мастерская Есен 2 не является «мастерской в собственном смысле слова», как отмечали авторы, а «специализированной мастерской для выделки бифасов». Это удревяет на несколько сотен тыс. лет появление специализированных мастерских не только на территории Узбекистана, но и во всей Средней Азии. Но палеолитические специализированные мастерские, в отличие от неолитических, служили не для товарооборота, а ограничивались потребностями одного производящего общества.

Ключевые слова: Палеолит, кремнеобрабатывающая мастерская, Есен-2, специализированная мастерская, бифас, нуклеус, кливеры (каменные топоры), миграционная волна.

B.J. Madreymov

*Karakalpak State University named after Berdakh
Nukus, Karakalpakstan, Uzbekistan
E-mail: bmadreymov@inbox.ru*

Paleolithic Stone-Working Workshops of Ustyurt (New Data on the Esen 2 Workshop)

The article is devoted to a new interpretation of the stone-working workshop Esen 2, located on the banks of the Barsa-Kelmes trench of the Ustyurt plateau (Karakalpakstan). The only available

classification was developed by M.R. Kasymov and L.Ya. Krizhevskaya in the 70s of the twentieth century. Due to the emergence of new typological and technological methods for the study of stone products, as well as the opening of new Stone Age workshops on the territory of Uzbekistan, there are opportunities to develop new cultural and chronological links of monuments of this kind. This article is devoted to the history of the study of the flintworking workshops of Central Asia, as well as the new cultural and chronological classification and interpretation of the Esen 2 workshop. The article provides evidence that the Esen workshop is not a "workshop in the proper sense of the word", as the authors noted, but a "specialized workshop for making beef." This is a few hundred thousand years older than the appearance of specialized workshops not only on the territory of Uzbekistan, but also throughout Central Asia. But Paleolithic specialized workshops, unlike Neolithic ones, did not serve for commodity turnover, but were limited to the needs of one producing society.

Keywords: Paleolithic, flint-working workshop, Esen-2, specialized workshop, biface, nucleus, cleavers (stone axes), migration wave.

Широко распространенные сухие русла рек и озер в пустынных зонах Средней Азии и массовый археологический материал, обнаруживаемых вокруг этих русел, указывают на то, что в древности климат здесь был благоприятным для жизни первобытных популяций.

Устюрт – это обширное аридно-денудационное плато, генетически единое с Мангышлакским, но отделенное от последнего замкнутой котловиной Карынжарык. На востоке оно выходит к Аральскому морю, на северо-западе – к Прикаспийской низменности, на юго-западе – к Кара-Богаз-Голу. Со всех сторон плато ограничено вертикальными, часто нависающими чинками. Характерным элементом равнинного в целом рельефа Устюрта являются бессточные впадины (Барса-Кельмес, Ассак-Аудан и др.). С этими впадинами и связаны практически все, открытые до сих пор на Устюрте, палеолитические местонахождения [Вишняцкий 1996, с. 32].

Устюрт – один из регионов, богатых памятниками разных этапов каменного века. Присутствующие здесь палеоэкологические условия способствовали развитию человечества, а также созданию различных культур с раннего палеолита. Здесь были обнаружены и изучены Есен-2, Каракудук, Шахпакты и другие памятники древнего каменного века. Но прошло почти полвека с тех пор, как эти памятники были введены в оборот. Теперь, с появлением новых методов исследования, появилась возможность заново изучить существующие археологические материалы, получить новые сведения о них и одновременно поднять изучение периода палеолита в Каракалпакстане на новый современный уровень.

В 1977 г. в Каракалпакской части Устюрта были обнаружены верхнепалеолитические поселения Есен 2, Каракудук и Шахпакты. Особенно важным и заслуживающим внимания первым палеолитическим открытием был Есен 2, самый известный палеолитический памятник на Устюрте [Бижанов 1979, с. 68–72]. Памятник открыли Е.Б. Бижанов и А.В. Виноградов [Виноградов, Бижанов 1978, с. 522]. Расположение соответствует ровной поверхности невысокого холма 90 × 40 м². Археологические находки определили этапы заселения этой обширной территории периода палеолита, который до сих пор был неизвестен в верх-

нем палеолите Устюрта – археологической карте Евразии. Наконец, можно восполнить хронологический пробел в памятниках каменного века Устюрта.

Изучение камнеобрабатывающих мастерских древнекаменного века позволяет выявить жизненные условия, быт и хозяйства древнейших предков, а также уровень палеоэкономических, технических, минералогических знаний и т.п. важнейших жизненных актов первобытнообщинного строя.

Регион Средней Азии – одна из стран, богатых камнеобрабатывающими мастерскими каменного века. Большинство этих мастерских расположены в Узбекистане. Открытие и изучение камнеобрабатывающих мастерских в нашей стране относится к 60–70-м годам XX в. [Касымов, 1962, с. 18; Касымов, 1972, с. 1–160; Окладников, Касымов, Конопля, 1965, с. 5–11; Касымов, 1966, с. 28–34; Касымов, 1963, с. 239–250; Касымов, 1961, с. 62–64; Касымов, 1964, с. 12. Касымов, 1965, с. 30–39; Касымов, 1970, с. 143–145; Касымов, 1962, с. 19–27; Касымов, 1967, с. 57–58; Касымов, 1968, с. 52; Окладников, 1966, с. 40; Касымов, Ростовцев, 1969, с. 8; Касымов, Крижевская, 1969, с. 265–268; Касымов, 1962, с. 17]. На этих землях обнаружены мастерские раннего, среднего и позднего палеолита и неолита. Такая ситуация позволяет наблюдать эволюцию мастерских каменного века.

Известно, что памятники каменного века делятся на две большие группы: стоянки и камнеобрабатывающие мастерские. Находки представляют собой очаги (иногда остатки домов), кухонные отходы, каменные и костяные предметы и т. д.

Классификация среднеазиатских камнеобрабатывающих мастерских первоначально была составлена М.Р. Касимовым и Л.Я. Крижевской [Касымов, Крижевская, 1969, с. 265–268]. Классифицируя камнеобрабатывающие мастерские, они предсказывали, что «эта классификация не вечна и что дальнейшие исследования в среднеазиатских районах могут внести изменения и уточнения» [Там же]. Ниже мы сочли необходимым привести классификацию среднеазиатских мастерских, разработанную М.Р. Касимовым и Л.Я. Крижевской. Они разделили каменные мастерские на два типа: стоянки-мастерские и собственно мастерские. В свою очередь стоянки мастерские делятся на две группы.

К первой группе относятся стоянки, расположенные в непосредственной близости от горных выработок. Занятие жителей таких мастерских состояло, главным образом, в добыче сырья, первичной и частично вторичной обработке камней.

Вторая группа стоянок-мастерских отличается от первой удаленностью от месторождений сырья. Жители таких мастерских привозили сырье в места обитания издалека и здесь полностью обрабатывали его.

Характерным признаком обеих групп стоянок является наличие в них наряду с первично обработанными камнями предметов бытового назначения, свидетельствующих о сезонном или постоянном заселении этих мест людьми.

Для собственно мастерских в буквальном смысле характерно наличие в них только предметов, связанных с изготовлением орудия. Признаков того, что человек долгое время жил в этих местах, не встречается. Такие мастерские обычно располагались рядом с определенными месторождениями камня, пригодными

для изготовления орудий. Эти мастерские по характеру производственной деятельности людей делятся на два типа.

Первый тип – это собственно мастерские – места первичной грубой обработки камней. Добыча сырья на этих землях в эпоху палеолита и неолита осуществлялась простым или открытым способом. Однако со времен неолита сырье начали добывать методом выемки руд, колодцев и шахт.

В отличие от мастерских первого типа, в мастерской второго типа производилась не только первичная обработка камней, но и изготавливались специализированные виды орудия. По характеру производства определенных типов орудий они делятся на несколько типов мастерских (производящих топоры, скребки, наконечники копий и т. д.).

По мнению авторов, такая «специализация» характерна для эпохи неолита. В эпоху палеолита таких мастерских еще не было. Такое положение объясняется не тем, что палеолитические мастерские мало изучены, а тем, что степень общественного разделения труда в эпоху палеолита находилась еще в зачаточном состоянии. [Там же].

В эпоху неолита существовала большая дифференциация производства, связанная с более распределенным и улучшенным разделением труда. Эта ситуация находит отражение в различных категориях памятников.

Стоянки-мастерские в период палеолита, предположительно, были мастерскими, «домашними» мастерскими или «мастерскими особого значения» [Там же]. Хотя В.П. Любин предположил, что такие мастерские могли существовать и в период мустье [Любин, 1965, с. 55–56].

К эпохе неолита ярко проявляются мастерские со всеми вытекающими из них социальными последствиями производственных процессов в виде интенсивного разделения труда. Это находит отражение в обмене, который, в свою очередь, ведет к дальнейшему развитию производительных сил.

Памятник Есен 2 расположен на южной границе Барса-Кельмесской котловины Устюрта. Он открыт Е.Б. Бижановым [Бижанов, 1979, с. 48] и А.В. Виноградовыми в 1977 г. [Виноградов, Бижанов, 1977, с. 522]. Площадь памятника составляет $90 \times 40 \text{ м}^2$, он расположен на невысоком плоском холме Есен. Имеются эродированные залежи сильно окремненного известняка. Среди разбросанных обломков этой скалы собрана каменная коллекция из 200 предметов. Ок. 15 образцов из этой коллекции представляют собой фрагменты природного камня, остальные – безошибочно узнаваемые артефакты.

Индустрия мастерской Есен 2 была подробно изучена А.В. Виноградовым и опубликована в его монографии «Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья». Большинство из 15 готовых каменных орудий, найденных в мастерской Есен 2, представляют собой двусторонне обработанные крупные и утонченные миндалевидные изделия – бифасы. Большинство из них представляют собой фрагменты бифаса, и это обстоятельство определяет характер памятника, которым является мастерская Есен 2. Их форму и размеры можно представить, взглянув на единственный сохранившийся среди собранных материалов 1977 г. неповрежденный бифас (высота 14,6 см, ширина 7,7 см, тол-

щина до 3 см). По исходным данным материалы Есен 2 условно датируются периодом позднего палеолита [Виноградов, Бижанов, 1977]. Такая датировка основана на сопоставлении с материалами Центрального Казахстана. Но эти материалы из Центрального Казахстана недостаточно опубликованы и не позволяют провести с ними полноценное сравнение. Е.Б. Бижанов в своих более поздних статьях датировал материалы Есен 2 концом раннего палеолита или началом среднего палеолита на основании приведенных выше сравнительных данных [Бижанов, 1979, рис. 3, 5]. Таким образом, Есен 2 и сопоставимые Казахстанские материалы также требуют тщательного повторного изучения [Виноградов, 1981, с. 56].

А.В. Виноградов проделал большую работу по изучению материалов Есен 2. Датировка, предложенная Е.Б. Бижановым для коллекции Есен 2, основана на сопоставлении с памятниками Южного Казахстана (Борыказган, Танырказган и др.). Следует отметить, что между материалами сравниваемых выше памятников больше различий, чем сходства, а Южный Казахстан, особенно Каратагский р-н, характеризуется совершенно разными культурно-техническими традициями [Алпысбаев, 1979, с. 189, 190]. Бифасы или ручные рубила не играют в этом существенной роли. В статьях А.А. Алпысбаева из находок периода раннего палеолита здесь можно привести только одно ручное орудие (найденное в районе Акколь), и только это орудие можно сопоставить с бифасами Есен 2. Другие материалы из Южного Казахстана типологически ближе к рубящему или двустороннему пластинчатому оружию.

Резюмируя вышеизложенное, А.В. Виноградов предлагает датировать материалы Есен 2 не ашельским или ашельско-мустьерским периодом, а концом среднего палеолита или началом позднего палеолита [Виноградов, 1981, с. 57].

Опубликованные материалы памятника Есен 2 были тщательно проанализированы Л.Б. Вишняцким [Вишняцкий, 1996]. По его мнению, в коллекционных материалах Есен 2 не имеется настоящих нуклеусов и артефакты представляют собой осколки кремня без какой-либо системы. Почти половина коллекции Есен 2 состоит из отщепов и их фрагментов. В основном это отщепы небольшого размера с естественной плоской ударной площадкой и неравномерно зачесанными спинками. Ок. 15 отщепов набора имеют пластинчатый характер и в среднем их высота составляет 5–7 см, а ширина 1,5–2 см. Почти все они треугольные в поперечном сечении, в 50 % случаев полупервичных пластин всего 3 [Виноградов, 1981, рис. 14, 2, 5]. Ни один из отщепов сбора не был ретуширован, подретушировано лишь несколько каменных фрагментов. Также найдено 2–3 скребка и 2 резных орудия. Один из них – ретушированный анкош, а другой – дульное орудие, сформированное из двух обычных анкошей [Бижанов, 1979, с. 71].

Представительной группой изделий в индустрии Есен 2 являются бифасы. Они составляют почти треть всей коллекции. Среди них имеются бифасы в начальной стадии обработки – ок. 20 экз. и завершенные или близкие к завершению – 42 экз. Последние представлены в основном обломками: в 16 случаях сохранились лишь дистальные части, в 10 – проксимальные (основания) и в 6 –

медиальные и боковые фрагменты. Есть редкие целые экземпляры [Виноградов, 1981, с. 55]. Но есть и целые их копии. Эти бифасы сделаны из обломков горных пород. По немногочисленным почти целым и целым бифасам памятника Есен 2 и их довольно крупным фрагментам можно сказать, что они были максимально тонкими, но широкими и крупными (не менее 10–12 см в высоту). В некоторых случаях эти бифасы сглажены ретушью по всему периметру, но чаще всего они формируются с помощью горючих материалов, полностью или частично покрывающих их поверхность.

Что касается классификации Среднеазиатских мастерских, то следует отметить работу О.Т. Эргашева по изучению мастерских Кукаез 1–8. Он доказал, что мастерские Кукаез являются специализированными мастерскими эпохи энеолита в «широком смысле» [Эргашев, 2013]. Ниже мы ссылаемся на таблицу, отражающую классификацию типов камнеобрабатывающих мастерских среднеазиатского палеолита и функциональное положение в ней мастерской Есен 2.

Как видно из таблицы, в Средней Азии существовали три основных вида камнеобрабатывающих мастерских каменного века (добыча сырья открытым способом) и два вида добычи сырья способом раскапывания ям и шахт.

Таким образом, каменную мастерскую Есен 2 можно считать мастерской, специализирующейся на изготовлении бифасов, а не мастерской *sensu lato*, как утверждают авторы. Ведь в Есен 2 внимание производителей сосредоточено на производстве полных бифасов. Остальные предметы в комплекте можно считать отходами производства этого орудия. Можно утверждать, что деятельность в Есен 2 была сосредоточена только на производстве бифасов. Относительно даты памятника можно сказать, что, согласно нашим современным технико-типологическим исследованиям, некоторые кливеры (каменные топоры) встречаются в коллекции Есен 2 наряду с бифасами (новое технико-типологическое исследование каменных предметов Есен является предметом другой статьи). Такое положение, а также техника обработки материалов и уровень сохранности свидетельствуют о принадлежности комплекса Есен 2 к чисто ашельской культуре раннего палеолита, а не к мустье.

Классификация камнеобрабатывающих мастерских среднеазиатского каменного века

Мастерские в собственном смысле	Специализированные мастерские	Стоянки-мастерские	Шахты, ямы
Капчигай, Ахангаранские мастерские (Кызылалма 1-4, Джарсай, Гыштсай, Уваксай), Каратуские мастерские (Учтут, Иджонт, Вауш), Султан-Увайстау, Кокча	Есен 2, Шахпахты, Каракудук («ограниченные»); Кукаяз 1-8 («в широком смысле»)	Самаркандская стоянка, Кызылкир	Учтут, Гыштсай 2
Ранний палеолит-неолит	Средний-поздний палеолит	Поздний палеолит- неолит	Неолит

На основании исследований А.П. Деревянко [2017], можно сказать, что сообщества Есен 2 относятся ко второй волне миграции из Африки (после первой миграции древних) или первой волне ашельской культуры. Отсутствие леваллуазских технологий в технокомплексе Есен 2 подтверждает такую точку зрения. Известно, что после прихода представителей этой миграционной волны в Евразию ок. 1,5 млн л. н. у них было два пути развития: во-первых, путь культурного развития вперемежку с общинами местной родовой культуры; во-вторых, самостоятельный путь с сохранением ашелских традиций. Материалы из Есен 2 могут быть примером самостоятельно развившейся ашельской культуры второго из названных путей, т. е. без копейного оружия. Таким образом, на наш взгляд, Есен 2 представляет собой мастерскую, специализирующуюся на производстве бифасного оружия, которое, в отличие от неолитических мастерских этого типа, можно отнести к разряду «ограниченных» потребностями производственного сообщества, а не для обмена.

Список литературы

- Алпысбаев Х.А.** Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана (О древнейшем заселении Казахстана первобытным человеком). – Алма-Ата: Наука, 1979. – 208 с.
- Бижанов Е.Б.** Находки памятников палеолита на юго-восточном Устюрте // Вестн. КФАН УзбССР. – Ташкент, 1979. – № 3. – С. 48–71.
- Виноградов А.В.** Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. – М., 1981. – 176 с.
- Виноградов А.В., Бижанов Е.Б.** Первые палеолитические находки с Юго-Восточного Устюрта // АО 1977 года. – М., 1978. – С. 522.
- Вишняцкий Л.Б.** Палеолит Средней Азии. – СПб., 1996. – 213 с.
- Деревянко А.П.** Три глобальные миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2017. – Т. II. Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. – 877 с.
- Касымов М.Р.** Кремнеобрабатывающие мастерские каменного века в Средней Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1962. – 18 с.
- Касымов М.Р.** Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. – Ташкент: ФАН, 1972. – 160 с.
- Касымов М.Р.** Новые исследования по палеолиту Ферганской долины в 1964 г. // ИМКУ. – Ташкент: ФАН. 1966. – Вып. 7. – С. 28–34.
- Касымов М.Р.** Кремневая мастерская у кишлака Учтут в районе Каратау Бухарской области // Научные работы и сообщения. – Ташкент: Изд-во АН РУз. 1963. – Т. 6. – С. 239–250.
- Касымов М.Р.** Кремневая мастерская близ кишлака Иджонт // ОНУ. – Ташкент. 1961. – № 8. – С. 62–64.
- Касымов М.Р.** Новые данные о мастерских каменного века в районе Каратау // ИМКУ – Ташкент: ФАН, 1964. – Вып. 5. – С. 12.
- Касымов М.Р.** Новые данные о Каратауских кремнеобрабатывающих мастерских каменного века в Бухарской области // ИМКУ. – Ташкент: ФАН, 1964. – Вып. 6. – С. 30–39.
- Касымов М.Р.** Древнейшие шахты по добыче камня в Узбекистане // Сб. Actes du VII Congres International des Sciences Prehistoriques Pragus 21–27 aout 1966. – Praha. 1970. – P. 143–145.
- Касымов М.Р.** Кызыкырская стоянка каменного века в окрестностях г. Бухары // ИМКУ. – Ташкент, 1962. – Вып. 3. – С. 19–27.

- Касымов М.Р.** Памятники каменного века в долине Ангрена // ОНУ. –Ташкент, 1967. – № 2. – С. 57–58.
- Касымов М.Р.** Об итогах исследования памятников каменного века на территории Узбекистана в 1965–1967 гг. // ОНУ. – Ташкент, 1968. – № 3. – С. 52.
- Касымов М.Р., Ростовцев О.М.** Мастерские каменного века в долине Ангрена // ИМКУ – Ташкент: ФАН, 1969. – Вып. 8. – С. 8.
- Касымов М.Р., Крижевская Л.Я.** О классификации кремнеобрабатывающих мастерских // СА. – М., 1969. – № 1. – С. 265–268.
- Любин В.П.** К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // МИА. – М., 1965. – № 131. – С. 55–56.
- Окладников А.П.** Мустьерские каменоломни. // Сб. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.; Л., 1966. – С. 40.
- Окладников А.П., Касымов М.Р., Конопля П.Т.** Капчигайская палеолитическая мастерская // ИМКУ. – Ташкент: Изд-во АН РУз., 1965. – Вып. 5. – С. 5–11.
- Эргашев О.Т.** Кўкаез ботиғининг тошга ишлов бериш устaxonалари.– Тошкент: ЎЗР ФАН, 2013. – Б. 162 (на узб. яз.).

References

- Alpysbaev Kh.A.** Monuments of the Lower Paleolithic of Southern Kazakhstan (On the ancient settlement of Kazakhstan by primitive man). Alma-Ata: Science, 1979. P. 189–190. (In Russ.).
- Bijanov E.B.** Finds of Paleolithic sites in the southeastern Ustyurt // Bulletin of the KFAN of the Uzbek SSR, Tashkent, 1979. N 3. P. 48–71. (In Russ.).
- Bijanov E.B.** Finds of Paleolithic sites in the southeastern Ustyurt // Bulletin of the KFAN of the Uzbek SSR, Tashkent, 1979. N 3. Fig. 3, 5. (In Russ.).
- Derevyanko A.P.** Three global human migrations in Eurasia. Volume II. Initial human settlement of Northern, Central and Central Asia // IAET SB RAS. Novosibirsk, 2017. 877 p. (In Russ.).
- Ergashev O.T.** Stone processing workshops of the Kukayoz basin. Tashkent: UzR FAN Publ., 2013. B. 162. (In Uzbek.).
- Kasymov M.R.** Flint workshop near the village of Idzhont // ONU. Tashkent. 1961. N 8. P. 62–64. (In Russ.).
- Kasymov M.R.** Flint workshop near the village Will be taken into account in the Karatau region of the Bukhara region // Scientific works and reports, book. 6. Tashkent: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 1963. P. 239–250. (In Russ.).
- Kasymov M.R.** Flint-processing mothers of the Stone Age in Central Asia // Avtoref. Diss. on the competition for Ph.D. Leningrad, 1962. 18 p. (In Russ.).
- Kasymov M.R.** Flint-processing workshops and mines of the Stone Age of Central Asia. Tashkent: FAN, 1972. P.1–160. (In Russ.).
- Kasymov M.R.** Kyzykyr site of the Stone Age near Bukhara // IMKU. Tashkent, 1962. Vol. 3. P.19–27. (In Russ.).
- Kasymov M.R.** Monuments of the Stone Age in the Angren Valley // ONU. Tashkent, 1967. N 2. P. 57–58. (In Russ.).
- Kasymov M.R.** New data on the Karatau flint-working workshops of the Stone Age in the Bukhara region // IMKU, Tashkent: FAN RUz. Publ. 1965. Vol. 6. P. 30–39. (In Russ.).
- Kasymov M.R.** New data on the Stone Age workshops in the Karatau region // IMKU. Tashkent: FAN Ruz Publ. 1964. N 5. 12 p. (In Russ.).
- Kasymov M.R.** New studies on the Paleolithic of the Ferghana Valley in 1964 // IMKU, Tashkent: Publishing house FAN RUz. 1966. Vol. 7. P. 28–34. (In Russ.).
- Kasymov M.R.** On the results of the study of Stone Age monuments on the territory of Uzbekistan in 1965–1967. // ONU. Tashkent, 1968. N 3. 52 p. (In Russ.).

Kasymov M.R. The oldest stone mines in Uzbekistan // Sb. Actes du VII Congres International des Sciences Prehistoriques Pragus 21–27 aut. 1966, Praha, 1970. P. 143–145. (In Russ.).

Kasymov M.R., Krizhevskaya L.Ya. On the classification of flint-working workshops // SA. Moscow, 1969. N 1. P. 265–268. (In Russ.).

Kasymov M.R., Rostovtsev O.M. Workshops of the Stone Age in the Angren Valley // IMKU. Tashkent: FAN Ruz Publ., 1969. Vol. 8. P. 8. (In Russ.).

Lyubin V.P. On the question of the methodology for studying the Lower Paleolithic stone tools // MIA. Moscow, 1965. N 131. P. 55–56. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Mousterian quarries. // Sat. Central Asia in the Stone and Bronze Age. Moscow; Leningrad, 1966. 40 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Kasymov M.R., Konoplya P.T. Kapchigai Paleolithic workshop // IMKU. AS Ruz Publ., Tashkent, 1965. Vol. 5. P. 5–11. (In Russ.).

Vinogradov A.V. Ancient hunters and fishermen of the Central Asian interfluvium. Moscow, 1981. P. 56–57. (In Russ.).

Vinogradov A.V. Ancient hunters and fishermen of the Central Asian interfluvium. Moscow, 1981. Fig. 14. (In Russ.).

Vinogradov A.V., Bijanov E.B. The first Paleolithic finds from the South-Eastern Ustyurt // AO, 1977. Moscow, 1978. 522 p. (In Russ.).

Vishnyatsky L.B. Paleolithic of Central Asia. St. Petersburg, 1996. 213 p. (In Russ.).

Madreymov B.J. <https://orcid.org/0000-0001-5725-6363>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.125-135
УДК 902

Цзиньшань Му

*Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
E-mail: mujinshan@mail.ru*

Пазырыкская культура в Восточном Синьцзяне: Сигоу курган 1

Рассматриваются материалы кургана 1, раскопанного на памятнике Сигоу ичжи в восточной части Синьцзяна. Указанный археологический комплекс расположен на территории летнего пастбища у северного подножия горы Баркули в Баркель-Казахском автономном уезде Синьцзян-Уйгурского автономного р-на КНР. В 2012 г. Центр защиты культурного наследия и археологических исследований Шелкового пути Северо-Западного университета провел аварийные раскопки в сотрудничестве с Управлением по вопросам культурного наследия округа Хами и Управлением по вопросам культурного наследия Баркель-Казахского автономного уезда. Полученные результаты китайские археологи сопоставили с материалами раннего железного века в Восточном Синьцзяне. Они считают, что курган 1 памятника Сигоу Ичжи относится к местным археологическим типам (Жижэньцзыгоу), датируемым поздним периодом Чжаньго до начала династии Западной Хань (вероятно, второй половины IV–III в. до н.э.). На наш взгляд, указанный погребальный объект относится к пазырыкской культуре. Зафиксированы следующие основные признаки объекта: в северной части могилы была захоронена лошадь, а в южной помещался деревянный сруб (в котором было найдено нарушенное захоронение). Всего было обнаружено 279 артефактов.

Ключевые слова: курган, пазырыкская культура, Жижэньцзыгоу, Северо-Западный университет, Восточный Синьцзян.

Jinshan Mu

*Altai State University
Barnaul, Russia
E-mail: mujinshan@mail.ru*

Pazyryk Culture in Eastern Xinjiang: Xigou Site, Mound 1

The article examines the mound 1 materials excavated at the Xigou site in the eastern part of Xinjiang. This archaeological site is located on a summer pasture at the northern foot of Mount Barkuli in the Barkel-Kazakh Autonomous County in Xinjiang Uygur Autonomous Region of China. In 2012, the Northwestern University Alliance of the Silk Road Cultural Heritage Protection and

Inheritance conducted emergency excavations in cooperation with the Department of Cultural Heritage of Khami District and the Department of Cultural Heritage of Barkel-Kazakh Autonomous County. Chinese archaeologists compared the results with the finds from the Early Iron Age in Eastern Xinjiang. They believe that the mound 1 of the Xigou site belongs to local archaeological type (Shirenzigou), dating from the late Zhanguo period to the beginning of the Western Han Dynasty (probably the second half of the IV– III centuries BC). In our opinion, this burial site belongs to the Pazyryk culture. The following peculiarities of the site were recorded: a horse was buried in the northern part of the grave, and there was a timberwork in the southern part (in which a disturbed burial was found). A total of 279 artifacts were discovered.

Keywords: *Kurgan, Pazyryk culture, Shirenzigou, Northwestern University, Eastern Xinjiang.*

Пазырыкская культура – одна из самых известных археологических культур раннего железного века в евразийской степи. В 1865 г. В.В. Радлов раскопал знаменитые Большой Катандинский и Большой Берельский курганы, давшие начало исследованиям пазырыкской культуры. С тех пор в раскопках и исследованиях пазырыкской культуры доминируют ученые из СССР и России. В конце XX – начале XXI в., помимо России, памятники пазырыкской культуры были найдены также в Казахстане [Самашев, 2011] и Монголии [Молодин, Парцингер, Цэвэндорж, 2012]. Материалы были полностью опубликованы на русском языке и единогласно признаны научным сообществом.

Особое значение в настоящее время имеет изучение памятников пазырыкской культуры в Китае. С 2006 г. в связи с масштабным строительством в Синьцзяне китайские археологи раскопали большое количество курганов пазырыкской культуры, которые в основном распространены в округе Алтай Синьцзяна, а также в более дальних Или-Казахском автономном округе и округе Хами [Му, 2020, с. 138–147]. Соответствующий материал кратко представлен в нескольких статьях на русском языке [Шульга, Шульга, 2017, с. 24–29; Му, 2020, с. 138–147]. Однако по поводу этих материалов возникают разногласия, особенно это касается материалов из округа Хами [Полосьмак, 2021, с. 43–56], расположенного далеко от Алтайских гор. Причины разногласий могут быть следующими: материалы раскопок в Китае не были полностью опубликованы; опубликованные материалы не были всесторонне сопоставлены (виды погребальных камер, погребальных обрядов и сочетания сопроводительного инвентаря); органические артефакты (деревянные изделия, костюмы, мумии и т.д.) редко сохраняются. В связи с этим данная статья содержит попытку подробного представления материалов кург. 1 памятника Сигоу в округе Хами Синьцзяна с целью определения свойств и особенностей этого кургана.

Курган 1 памятника Сигоу расположен у северного подножия горы Баркули в Баркель-Казахском автономном уезде, округа Хами, Синьцзян-Уйгурского автономного района, где летом простирается пышное пастбище, подходящее для развития кочевого образа жизни. Поскольку курган был разграблен, с августа по сентябрь 2012 г. Северо-Западный ун-т вместе с Управлением по вопросам культурного наследия округа Хами и Управлением по вопросам культурного наследия Баркель-Казахского автономного уезда провели спасательные раскоп-

ки. Материалы раскопок опубликованы в виде краткого отчета [Сибэйдасюэ..., 2016, с. 79–91]. На их основании в данной статье обобщены и представлены три аспекта: виды погребальных камер, погребальный обряд и сочетания сопроводительного инвентаря.

Виды погребальных камер. Курган разделен на две части: наземную и подземную (рис. 1). Наземная часть представляет собой насыпь, с круговой плоскостью

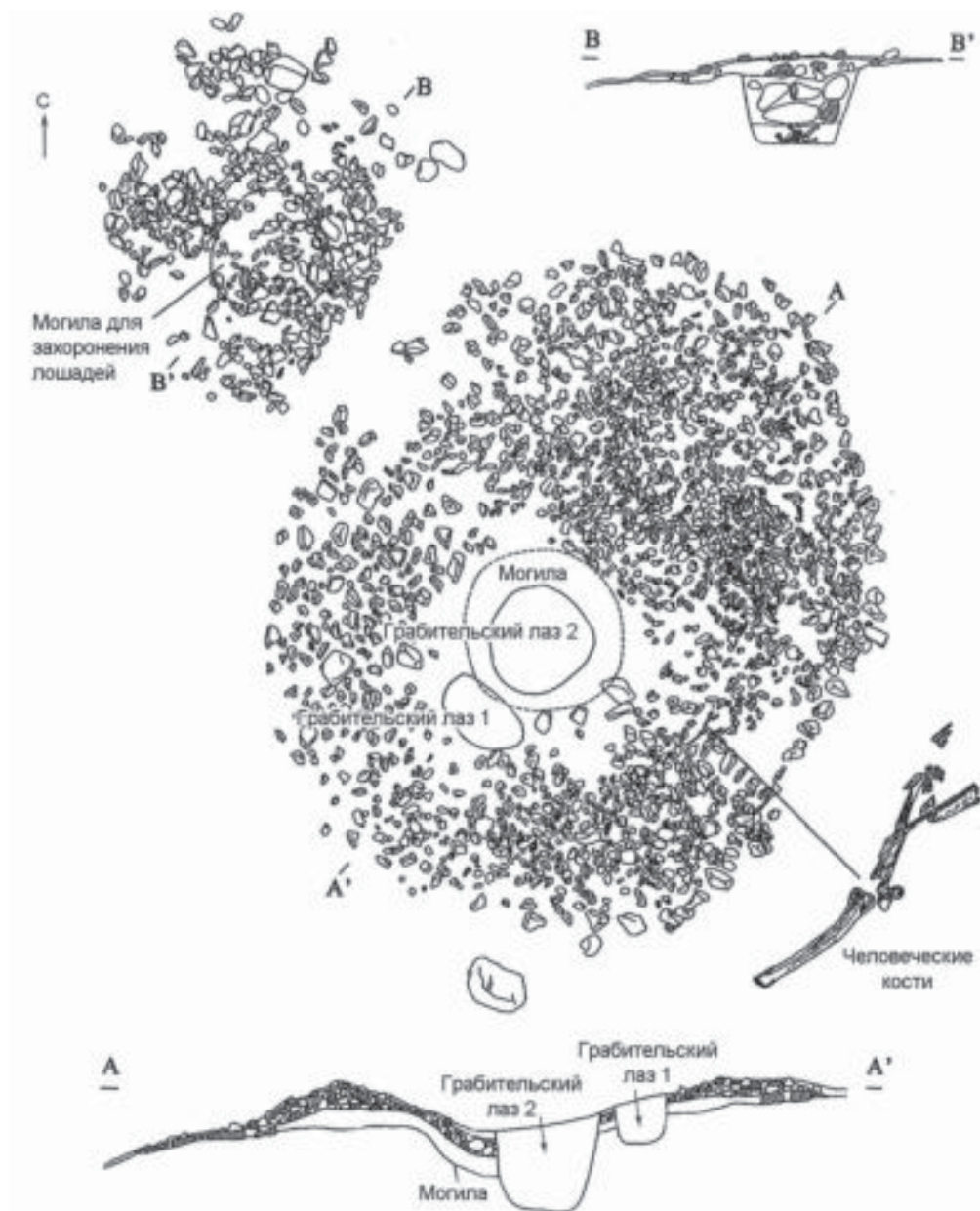

Рис. 1. План и профиль насыпи Сигоу кург. 1.

и диаметром 15 м. Высота северо-восточной части насыпи составляет 1 м, а высота юго-западной части – ок. 0,6 м. Средняя часть насыпи образует яму диаметром 5 м и глубиной 1,2 м. Есть также два грабительских лаза над насыпью. Грабительский лаз 1 расположен на юго-западной стороне насыпи, а грабительский лаз 2 расположен посередине насыпи. Могила была открыта под южно-центральной частью насыпи. Дно могилы имеет длину 4,21 м с востока на запад, ширину 3,95 м с севера на юг и глубину 6,59 м. На южной стороне дна могилы находится прямоугольный деревянный сруб, длиной 2,98 м с востока на запад, шириной 1,82 м с севера на юг и высотой 0,6 м. Наверху деревянного сруба имеется перекрытие, изготовленное из восьми бревен сибирской лиственницы длиной 2,93 м и диаметром 0,15 м, расположенных в направлении С–Ю. Боковые панели четырех стенок деревянного сруба изготовлены из четырех вертикально расположенных сосен. В сосновой древесине в местах стыков четырех уголков вырезаются два верхних и нижних паза, которые затем скрепляются между собой. Пазы расположены рядом в направлении С–Ю и установлены на бревнах в нижней части боковых панелей четырех стен. Вокруг деревянного сруба находится круг больших валунов. Под насыпью, в пределах могильной ямы была обнаружена «отдельная яма»*, наполнение которой сильно отличается от могилы. «Отдельная яма» содержит большое количество сломанных человеческих костей и разбитых керамических изделий (рис. 2). «Отдельная яма» круглая, диаметром около 2,4 м и глубиной 6,25 м. Дно «отдельной ямы» входит внутрь деревянного сруба. В 2,3 м к СЗ от насыпи расположена еще одна могила, в которой была захоронена лошадь, кости которой идентифицированы как кости жеребца, возраст которого был не менее 5 лет.

Погребальный обряд. Большая часть человеческих костей, найденных в деревянном срубе, была потревожена и найдена в «отдельной яме». В северо-западной части деревянного сруба было найдено только четыре человеческих зуба. Судя по найденным человеческим костям, в срубе был захоронен 1 человек. С северной стороны деревянного сруба найден полный скелет лошади. Лошадь лежала на левом боку, головой на запад; задние ноги были вытянуты назад, а передние согнуты в гарцующей позе. Кости лошади были идентифицированы как кости жеребца, возраст которого составил 12 лет. Под поясничным позвонком жертвенного коня была обнаружена треугольная перфорированная золотая бляшка (рис. 4, 8), которая могла служить украшением.

Погребальный инвентарь. В могиле было найдено большое количество артефактов: всего 279 предметов, включая керамику, золото, серебро, стекло, бирюзу, красный агат, железо и т.д. Керамические изделия состоят из фрагментов, обнаруженных в могиле с западной стороны деревянного сруба и в «отдельной яме». За исключением треугольной перфорированной золотой бляшки под поясничным позвонком лошади, принесенной в жертву, в северной части сруба остальные предметы в основном представляют собой личные украшения, раз-

*В дальнейшем тексте, «отдельная яма» относится к «под насыпью, в пределах могильной ямы была обнаружена «отдельная яма»»

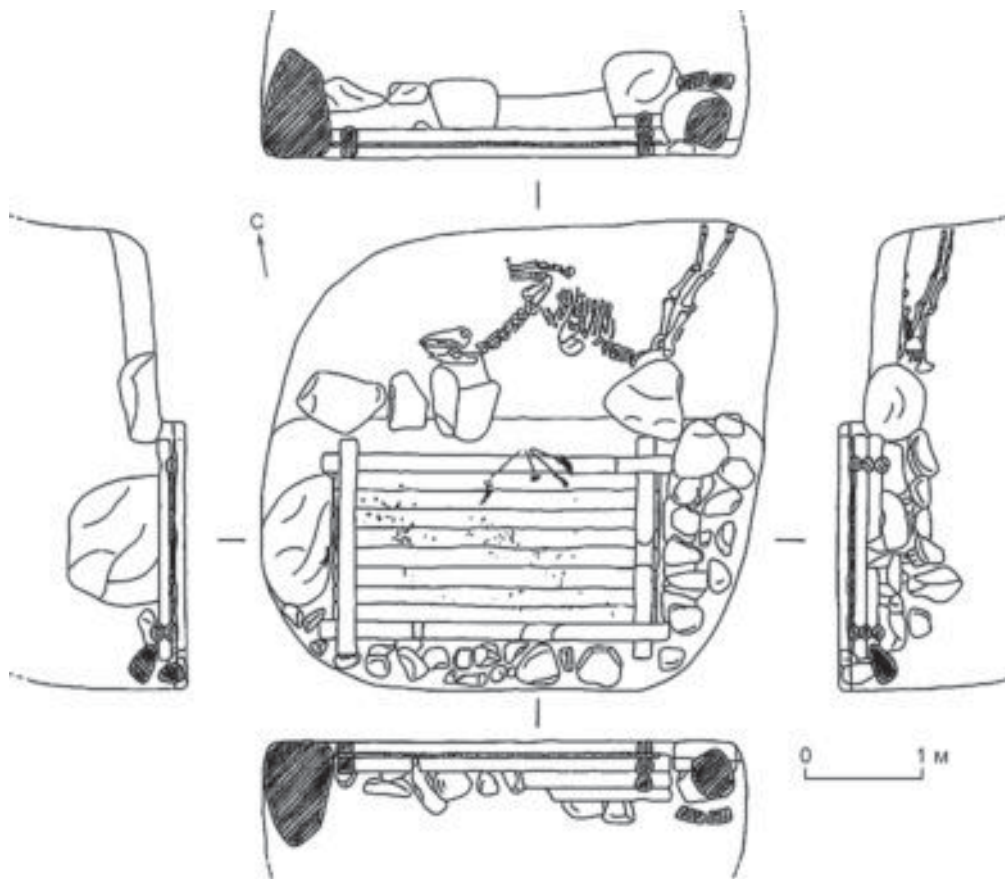

Рис.2. План и профиль нижней части могилы Сигоу кург. 1.

1 – треугольная золотая бляшка; 2–3 – овечьие рога; 4 – зона концентрации золотых бляшек; 5 – зона концентрации изделий из стекла и камня; 6 – зона концентрации золотых и серебряных колец; 7 – треугольная золотая бляшка.

бросанные по полу деревянного сруба, большая часть из которых потеряла свое исходное положение.

Кроме того, четыре овечьих рога были обнаружены в северной боковой панели деревянного сруба, а также один овечий рог был обнаружен между западной боковой панелью деревянного сруба и окружающими камнями. Было найдено 4 керамических изделия (рис. 3, 12–15), пригодных для реставрации. Все они имеют поверхность серого цвета с отдельными вкраплениями песчинок. Одно из изделий – расписная керамика. Золотых и серебряных изделий насчитывается 133 штуки, большая часть из них – это украшения, которые носили люди, и аксессуары, нашитые на одежду. Среди них 1 золотая серьга (рис. 3, 1), 12 золотых бляшек в виде тигров (рис. 3, 2, 3), 14 золотых бляшек в виде архаров (рис. 3, 4), 9 золотых подвесок в форме труб (рис. 3, 5–7), 2 золотых бляшки в форме капель воды (рис. 4, 10, 11), 2 золотых бляшки в форме орлов (рис. 3, 10, 11), 6 длинных золотых полос (рис. 4, 13, 14), 50 золотых колец (рис. 4, 15, 16) и 32 серебряных кольца

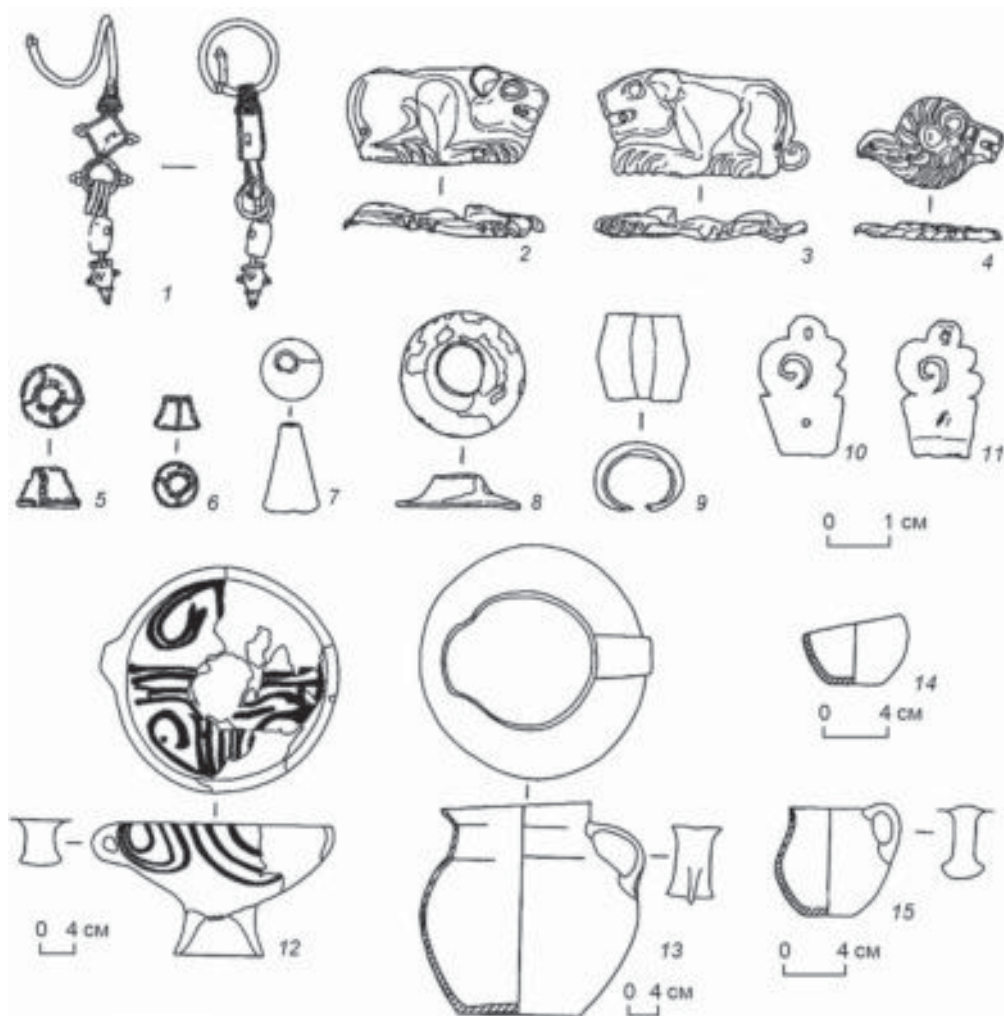

Рис.3. Инвентарь из погребений.

1-1 – золотые изделия; 12-15 – керамические изделия.

(рис. 4, 17). Также были обнаружены 26 фрагментов железного изделия, из которых 9 были покрыты золотой фольгой (рис. 4, 18, 19). Большая часть фрагментов сильно проржавела, и форму определить трудно. Кроме того, есть 113 изделий из стекла и камня. В том числе оникса, бирюзы, талька – все это маленькие и перфорированные украшения, включая 18 стеклянных бусин (рис. 4, 1-3), 4 подвески из оникса (рис. 4, 5), 10 бусин из оникса (рис. 4, 6), 59 бусин из бирюзы (рис. 4, 4) и 22 тюбика из талька (рис. 4, 7). К сожалению, в кург. 1 памятника Сигоу отсутствуют органические артефакты (такие как деревянные изделия и одежда). На всей территории Восточного Тянь-Шаня почти не было обнаружено органических артефактов того периода. По экологическим причинам они не сохранились.

Подводя итог, характеристики кург. 1 памятника Сигоу можно резюмировать следующим образом: 1) на поверхности есть круглая насыпь, большая яма в цен-

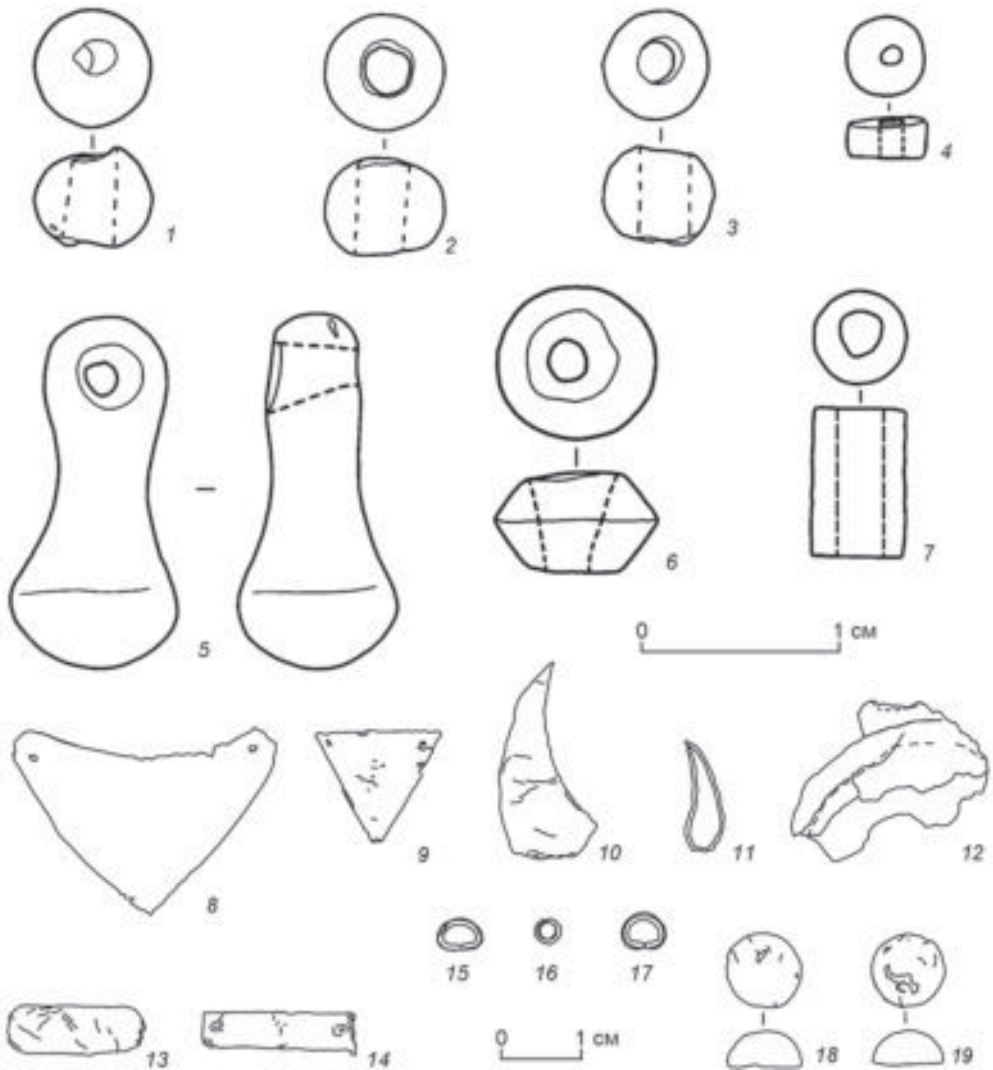

Рис. 4. Инвентарь из погребений.

1–3 – стеклянные бусины; 4 – бусины из бирюзы; 5 – подвеска из оникса; 6 – бусины из оникса; 7 – тубик из талька; 8–14 – золотые фольги; 15–16 – золотые кольца; 17 – серебряное кольцо; 18–19 – железные пуговицы, покрытые золотой фольгой.

тре насыпи и две грабительские ямы на краю насыпи; 2) могила была открыта в юго-центральной части под насыпью, со скругленными углами; 3) в южной стороне могилы находится деревянный сруб. На его верхней части располагается деревянное перекрытие, а сам деревянный сруб окружен кругом из больших камней; 4) внутри могилы был похоронен один человек, человеческие кости были сильно потревожены; 5) лошадь была захоронена в северной части могилы, она лежала на левом боку, головой на запад; 6) в могиле было оставлено много украшений, в основном изысканных золотых и серебряных, и бус; 7) кроме того, прямо у входа в деревянный сруб, под насыпью, находится «отдельная яма». В ней

было обнаружено большое количество осколков керамических изделий и человеческих костей; 8) на северо-западной стороне насыпи есть отдельная могила, в которой захоронена лошадь.

Археологи из Северо-Западного университета сравнили материалы кург. 1 памятника Сигоу с материалами других курганов в районе Восточного Тянь-Шаня и пришли к выводу, что курган датируется промежутком между поздним периодом Чжаньго и ранним периодом династии Западной Хань (примерно с середины IV в. до н.э. до III в. до н.э.) и принадлежит к местному типичному археологическому типу ширенцигоу. В данной статье высказывается мнение, что по характеру видов погребальных камер, погребальных обрядов и сочетания сопроводительного инвентаря, кург. 1 памятника Сигоу во многом имеет сходства с опубликованными материалами пазырыкской культуры* и должен принадлежать к пазырыкской культуре [Тишкин, Дашковский, 2003; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003].

По сравнению с типичными памятниками пазырыкской культуры, кург. 1 памятника Сигоу имеет некоторые уникальные особенности, которые могут отражать два аспекта. Во-первых, владелец кургана был похоронен вместе с большим богатством. Чтобы предотвратить кражу, владелец кургана намеренно внес некоторые изменения в структуру кургана. Во-вторых, владелец кург. 1 памятника Сигоу тесно взаимодействовал с местными коренными жителями.

Давайте посмотрим на первый аспект. Во-первых, это глубина могилы: кург. 1 памятника Сигоу имеет глубину 6,9 м, что может быть самой глубокой из известных могил пазырыкской культуры. Размер насыпи пазырыкской культуры, размер и глубина могил соответствуют определенным иерархическим нормам [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 169–172]. Курган 1 памятника Сигоу имеет диаметр насыпи 15 м. По размерам насыпи, она относится к кургану третьего класса, но глубина могилы превышает таковую у первоклассной «царского» кургана [Руденко, 1960; Киселев, 1951]. Во-вторых, наличие «отдельной ямы», которая достигает дна сруба кургана. В ней было обнаружено большое количество человеческих костей и фрагментов керамических изделий. «Отдельные ямы» в центре погребальных камер свойственны пазырыкской культуре либо как часть погребальных ритуалов, либо как защита от кражи [Константинов, Урбушев, 2017, с. 51–64]. Однако «отдельные ямы» такой глубины, как в кург. 1 памятника Сигоу, встречаются редко. Очевидно, это было сделано для того, чтобы сбить с толку грабителей кургана, поэтому, несмотря на то, что поверх насыпи имеются два грабительских лаза, артефакты в могиле сохранились. В кург. 1 памятника Сигоу было найдено большое количество золотых, серебряных и бисерных украшений: 133 золотых и серебряных изделий и 113 бисерных украшений. Такого количества украшений нет даже в «царском» кургане пазырыкской культуры, а это значит, что количе-

*Характеристика 8 не встречается в пазырыкской культуре, а все остальные характеристики (1–7) можно найти в пазырыкской культуре. Для большей части находок можно привести соответствующие аналогии в пазырыкской культуре (кроме керамического изделия).

ство артефактов сильно превышает уровень, к которому относится данный класс. Подводя итог, мы предполагаем, что в кургане было захоронено большое количество ценностей. Для предотвращения кражи владелец кургана создал очень глубокую могилу. Вместе с этим он построил «отдельную яму» прямо под насыпью на дне сруба, а в ней искусственно поместил человеческие кости и осколки керамических изделий глиняной посуды, чтобы сбить с толку грабителей кургана.

Давайте рассмотрим второй аспект. Прежде всего, давайте посмотрим на керамические изделия и отдельную могилу, где захоронена лошадь. Типичным керамическим изделием пазырыкской культуры является глиняный кувшин [Руденко, 1953, с. 90]. В могиле памятника Сигоу 1 найдены фрагменты керамических изделий; было реставрировано 4 керамических изделия. Три предмета представляют собой изделия с одним ушком, и один предмет представляет собой небольшую глиняную чашу. Очевидно, ни одно из этих четырех изделий не типично для пазырыкской культуры, но они были очень распространены в раннем железном веке в восточном Синьцзяне [Жэнь Мэн, 2012]. Возможно, это отражает дальнюю миграцию населения пазырыкской культуры в восточный Синьцзян. Поскольку керамические изделия нелегко носить с собой, население пазырыкской культуры использовало глиняную посуду, изготовленную местными жителями. Обычай приносить в жертву только коней на западе насыпи также принадлежит к традициям пазырыкской культуры. Такой обычай часто встречается в восточном Синьцзяне [Там же]. В пазырыкской культуре обычно есть поминальные выкладки на западе насыпи, в которых находят следы огня и обгоревшие кости жертвенных животных [Кубарев, 1991, с. 23–24]. С точки зрения функции данного ритуала, возможно, между жертвенной могилой кург. 1 памятника Сигоу и жертвенной ямой кургана пазырыкской культуры есть сходства. Кроме того, в кург. 1 памятника Сигоу почти нет оружия, что может свидетельствовать о двух возможных вариантах: один из владельцев кургана – женщина (в женских погребениях пазырыкской культуры почти нет оружия, исключение составляет кург. 1 на могильнике Ак-Алаха-1) [Полосьмак, 2001, с. 58–59]. Если владелец кургана мужчина, то такая ситуация весьма ненормальна: обычно в мужской могиле пазырыкской культуры закапывают полный комплект оружия [Тишкин, Дашковский, 2003, с. 181–183]. К сожалению, нам неизвестен пол владельца кургана, но в любом случае можно предположить, что его владелец поддерживал тесную связь с местными жителями, с которыми мирно сосуществовал.

Заключение

По виду погребальных камер, погребальному обряду и сопроводительному инвентарю кург. 1 памятника Сигоу относится к пазырыкской культуре. Некоторые особенности в кургане могут свидетельствовать о том, что владелец кургана обладал большим состоянием и намеренно изменил структуру кургана с целью защиты от краж, а также поддерживал тесные связи с местными коренными жителями.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-39-90022.

Список литературы

Жэнь Мэн. гуноаньяньни цянъци дунтяньшань дицой каогусюэ вэньхуа ицунь яньцзю (Изучение археологических материалов в районе Дунтяньшань в первом тысячелетии до н.э.). Сибэйдасюэ бошисюэвэй луньвэнь (докторская дис. Северо-западного ун-та). – 2012. – С. 268 (на кит. яз.).

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 234 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 642 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 270 с.

Константинов Н.А., Урбушев А.У. Потревоженное погребение пазырыкской культуры в Юго-Восточном Алтае // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2017. – Т. 13. – № 4. – С. 51–64.

Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: Триумф-принт, 2012. – 566 с.

Му Ц. Памятники пазырыкской культуры в Синьцзяне // Теория и практика археологических исследований. – 2020. – № 2. – С. 138–147.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Полосьмак Н.В. Пазырыкский стиль // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021 – Т. 49, № 4. – С. 43–56.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.: Л., 1953. – 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.: Л., 1960. – 360 с.

Самашев З. Берел. – Алматы: Таймас, 2011. – 236 с.

Сибэйдасюэ сычюучжилу юй вэньхуаичань баоху каогусюэ яньцзю чжунсинь. баликуньсянь сигоуичжи ихаому каогуфацзюэ цзяньбао (Краткий отчет об археологических раскопках памятника Сигоу ичжи Курган№1 в уезде Баликун // синьцзян вэньу (Синьцзян культурные реликвии). – 2016. – № 1. – С. 79–91 (на кит. яз.).

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003а. – 430 с.

Шульга Д.П., Шульга П.И. Проникновение пазырыкской культуры в Синьцзян // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2017. – Т. 16. – № 4. – С. 24–29.

References

Kirjushin Ju.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. Skifskaja jepoha Gornogo Altaja. Ch. II: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyryksoj kul'tury. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2003. 234 p. (In Russ.).

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri. Moscow, 1951. 642 p. (In Russ.).

Kubarev V.D. Kurgany Yustyda. Novosibirsk: Nauka, 1991. 270 p. (In Russ.).

Konstantinov N.A., Urbushev A.U. Potrevozhennoe pogrebenie pazyryksoj kul'tury v Yugo-Vostochnom Altae. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2017. N 4. P. 51–64. (In Russ.).

Molodin V.I., Parzinger G., Tsevendorj D. Zamerzshie pogrebal'nye komplekсы pazyryksoj kul'tury na yuzhnykh sklonakh Sailyugema (Mongol'skii Altai). Moscow : Triumf-print, 2012. 566 p. (In Russ.).

Mu Js. Pamyatniki pazyrykskoi kul'tury v Sin'tszyane. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2020. N 2. P. 138–147. (In Russ.).

Polosmak N.V. Vsadniki Ukoka. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2001. 336 p. (In Russ.).

Polosmak N.V. Pazyrykskii stil'. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2021. N 4. P. 43–56. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. M.; L., 1953. 402 p. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow, 1960. 360 p. (In Russ.).

Ren Meng. Gongyuanqian yiqianji dongtianshan diqu de kaoguyicun yanjiu [Study of archaeological materials in the Eastern Tianshan area in the first millennium BC.]. xibeidaxue boshixuewei lunwen [PhD thesis from Northwestern Univ.], 2012. 268 p. (In Chin.).

Samashev Z. Berel. – Almaty: Taimas, 2011. 236 p. (In Russ.).

Shulga D.P., Shulga P.I. Proniknovenie pazyrykskoi kul'tury v Sin'tszyan. *Vestnik Novosib. State Univ. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2017. N 4. P. 24–29. (In Russ.).

Silk Road Cultural Heritage and Archaeology Research Institute, Northwest University, Cultural Relics Bureau of Hami Prefecture, Culture Relics Bureau of Balikun County. Balikunxian xigouyizhi yihaomu kaogufajue jianbao [Excavation of №1 Tomb, Xigou Site, Balikun County]. *Xinjiang wenwu [Culture relics of Xinjiang]*, 2016. N 1. P. 79–92. (In Chin.).

Tishkin A.A., Dashkovsky P.K. Sotsial'naya struktura i sistema mirovozzrenii naseleniya Altaya skifskoi epokhi. - Barnaul: Altai State Univ. Press, 2003. 430 p. (In Russ.).

My II. <https://orcid.org/0000-0002-7463-9638>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.136-142
УДК 902.3

С. Р. Мурзина

*Институт истории материальной культуры РАН
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: murzinasr@gmail.com*

Методика реставрации археологических находок из медных сплавов в сочетании с органическими материалами

Факторами, обуславливающими сложность реставрации археологических находок из медных сплавов в сочетании с древесиной, кожей, текстилем и другими материалами органического происхождения, являются различие природных свойств металла и органики, несовместимость методик их реставрации и применяемых для этого материалов, а также высокая степень деструкции, возникающая вследствие длительного пребывания изделий в погребенных условиях. Учитывая многообразие условий, определяющих состав реставрационных мероприятий, допустимых при работе с данной категорией изделий, нами были выделены восемь вариантов сохранности, для каждого из которых предложена методика реставрации, учитывающая индивидуальные особенности данного случая.

Ключевые слова: реставрация археологических находок, реставрация медных сплавов, реставрация материалов органического происхождения, стабилизация активной коррозии медных сплавов.

S. R. Murzina

*Institute for the History of Material Culture of the RAS
St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: murzinasr@gmail.com*

Methodology of Conservation Copper Based Archaeological Finds in Combination with Organic Materials

The factors that make it difficult to conserve archaeological finds made of copper alloys in combination with wood, leather, textiles and other organic materials are the difference in the natural properties of metal and organics, the incompatibility of the conservation methods and the using materials, as well as a high degree of destruction that occurs during long staying in buried conditions. Taking into account the variety of circumstances, we have identified eight cases of preservation and propose a restoration technique for each.

Keywords: conservation of archaeological finds, conservation of copper alloys, conservation of organic materials, stabilization of copper alloys active corrosion.

Одним из факторов сохранности материалов органического происхождения в погребенных условиях является контакт с изделиями из медных сплавов. Антибактериальные свойства меди предотвращают процессы разложения органики, а проникновение продуктов коррозии металла приводит к полному или частичному замещению органической составляющей с повторением ее первоначальной структуры. Даже незначительные минерализованные остатки материалов органического происхождения сохранившиеся таким образом могут быть изучены естественно-научными методами с целью уточнения природных характеристик материалов и изучения технологии их обработки. Находки, части которых изготовлены из различных материалов, обладают высоким познавательным потенциалом с точки зрения понимания способа крепления, ношения и использования. Сохранение всего этого массива информации возможно при грамотном проведении полевой консервации и реставрации, однако общепринятые методики работы с предметами, сочетающими медные сплавы и органические материалы, отсутствуют.

При подборе методики реставрации археологических находок, сочетающих медные сплавы и органические материалы, нужно учитывать несколько факторов. В первую очередь необходимо понимать, что свойства и строение материалов органического происхождения и металлов принципиально различны, в связи с чем методы реставрационной работы с ними трудно сочетать между собой. Так стандартный метод стабилизации активной коррозии археологических медных сплавов погружением предметов в дистиллированную воду с последующей интенсивной промывкой путем многократного кипячения, оказывается невозможным без предварительного демонтажа остатков органических материалов. Методы реставрации органики также сопряжены с необходимостью ее отделения от металла, а применяемые в работе реставрационные материалы могут привести к развитию коррозионных процессов. Таким образом, самым простым и оптимальным решением, на первый взгляд, кажется разделение материалов и самостоятельная работа с каждым из них, что, однако, оказывается далеко не всегда возможным.

Составные части археологизированных предметов часто не могут быть отделены друг от друга из-за «сращивания» материалов в процессе их деструкции или в связи с особенностями конструкции изделий, заложенными при изготовлении. Необходимо учитывать этический и познавательный аспекты: в ряде случаев сохранение единства частей предмета, изготовленных из разных материалов, требуется в силу их высокого информационного потенциала как целого или же по причине того, что это раскрывает значимые факты бытования предмета.

При составлении программы реставрационных мероприятий следует учитывать состояние сохранности каждого из представленных в составе комплекса материалов. Существенным фактором является наличие *активной коррозии* меди, стабилизация которой в случае недопустимости демонтажа органики возможна методами Розенберга и путем запечатывания очагов коррозии оксидом серебра [Мурзина, Буршнева, 2022]. Оба метода позволяют стабилизировать активную коррозию меди без проведения демонтажа остатков органических материалов, так как обработке подлежат только отдельные ее очаги. Стабилизация при этом

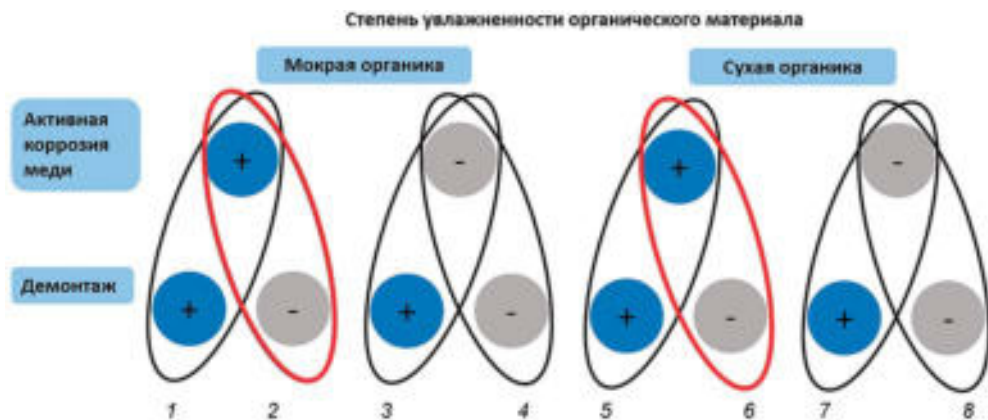
происходит согласно двум разным механизмам. Метод Розенберга является вариантом применяемой локально электрохимической очистки. Очаги активной коррозии покрывают раствором желатина с глицерином и алюминиевой фольгой, а затем помещают во влажную среду. В результате происходит реакция замещения, образуется растворимый в воде хлорид алюминия и медь: $Al + 3CuCl \rightarrow AlCl_3 + 3Cu$. При нанесении на очаги активной коррозии оксида серебра полного удаления хлоридов меди, запускающих цикл реакций активной коррозии, не происходит. Они лишь запечатываются своеобразной «крышкой» хлорида серебра и оксида меди(I), образующихся при взаимодействии оксида серебра с хлоридами меди.

Стабилизация активной коррозии указанными методами связана с высокими рисками возникновения рецидивов. Пленка $AgCl$, образующаяся в результате нанесения оксида серебра, может оказаться слишком тонкой или быть нарушена. При применении метода Розенберга вероятность возникновения рецидивной коррозии возможна, если обработка была проведена недостаточно тщательно. В связи с этим после проведения стабилизации активной коррозии указанными методами рекомендуется регулярное наблюдение за предметом в течение двух и более лет, при этом частота контроля должна быть большей, чем в случае с предметами, прошедшими стабилизацию с применением стандартных методов.

При работе с археологическими находками, сочетающими медные сплавы и органические материалы, большое значение имеет также степень увлажненности и минерализации органики. Если органические материалы представлены в мокром или влажном состоянии вероятность сохранения их природных характеристик больше, чем при работе с сухой, однако все без исключения методы реставрации мокрых органических материалов возможны исключительно в отдельности от металла. Если демонтаж мокрой органики невозможен, допустима контролируемая замедленная просушка с последующей укрепляющей пропиткой растворами полимеров. Многократной пропиткой с повышением концентраций растворов следует ограничиться и при обработке полностью сухой недемонтируемой органики. При принятии решения о повторном увлажнении и пластификации снимаемых с поверхности предмета из медного сплава фрагментов органики, следует оценить степень их минерализации. Введение пластифицирующих составов в структуру материалов и их помещение во влажную среду может спровоцировать рост минеральных образований, что будет сопровождаться разрывом волокон органического вещества.

Исходя из вышеперечисленных факторов – возможность демонтажа составляющих объект реставрации органических материалов и металла, наличие активной коррозии медного сплава, степени увлажненности и минерализации органики – нами были выделены восемь вариантов сохранности археологических находок из медных сплавов в сочетании с органическими материалами, для каждого из которых можно предложить подходящую программу реставрационных мероприятий.

Случай 1. Мокрая органика, наличие активной коррозии металла, демонтаж частей изделия возможен (см. рисунок, 1). Рекомендуется проведение демонтажа

Случаи сохранности археологических находок из медных сплавов в сочетании с материалами органического происхождения.

металла и органики. Работа с металлом осуществляется стандартными методами, включающими механическую очистку и расчистку, стабилизацию активной коррозии методом интенсивной промывки в дистиллированной воде, просушку, консервацию и матирование. Реставрация органики возможна согласно методам, применимым для мокрых органических материалов, в т.ч. с применением ПЭГ, а также сахаров, жирующих и пластифицирующих смазок. При работе с органическими материалами необходимо, однако, определение степени минерализации и загрязнения окислами меди. Если поражения значительны необходимо принятие решения в пользу использования методов стабилизации, связанных с постепенным замещением воды и последующим укреплением материала растворами полимеров. При введении в структуру материалов ПЭГ, сахаров и других веществ, способствующих абсорбции влаги, монтаж изготовленных из разных материалов частей изделия, прошедших реставрацию, рекомендован только в экспозиционных целях при постоянном контроле за состоянием сохранности как металла, так и органики. Для их постоянного хранения предпочтительно изготовление отдельных упаковок.

Случай 2. Мокрая органика, наличие активной коррозии металла, демонтаж частей изделия невозможен (см. рисунок, 2). Начало работы с металлом, включая механическую очистку и стабилизацию отдельных очагов активной коррозии (методом Розенберга или запечатыванием оксидом серебра) возможно при сохранении имеющейся степени увлажненности органики, после чего допустима ее замедленная просушка, очистка и структурное укрепление. Такой подход позволяет уменьшить риск повреждений (деформаций, дисторсий и разрывов), сопровождающих неконтролируемое высыхание мокрых органических материалов, однако, не устраняет его полностью. Так как просушка металла в сушильном шкафу в присутствии органики невозможна, ее следует проводить путем подведения этанола с кисти. Консервационные и матирующие покрытия наносить, избегая участков с органикой.

Случай 3. Мокрая органика, активная коррозия металла отсутствует, демонтаж частей изделия возможен (см. рисунок, 3). После проведения демонтажа реставрация частей изделия возможна независимо друг от друга и подходящими для них методами. Как и в выше описанном случае 1, однако, следует предварительно оценивать степень загрязненности органики продуктами коррозии меди, а при введении реставрационных материалов, используемых для реставрации мокрой органики, обеспечивать раздельное хранение металла и частей, изготовленных из материалов органического происхождения.

Случай 4. Мокрая органика, активная коррозия металла отсутствует, демонтаж частей изделия невозможен (см. рисунок, 4). Механическая очистка и расчистка металла осуществляется, не допуская высыхания органики. Последующая за этим просушка органических материалов должна проводиться замедленно, после чего проводится их структурное укрепление растворами полимеров. Металл просушивается путем подведения этанола с кисти, осуществляется его консервация и матирование.

Помимо вышеизложенных вариантов действий, при работе с мокрыми органическими материалами, демонтаж которых невозможен, вероятно рассмотрение следующей последовательности реставрационных мероприятий. Как и в случаях 2 и 4, допустимо начать замедленную просушку при постоянном контроле за состоянием сохранности предмета. Вероятно, что на определенном этапе в результате частичной утраты влаги произойдет уменьшение линейных размеров изделия и станет возможно проведение демонтажа, при этом материал еще сохранит то количество влаги, которое будет достаточным для применения методик реставрации мокрой органики. В таком случае следует применять программы реставрационных мероприятий, изложенные в описаниях случаев 1 и 3. Существенным риском, однако, будет являться то, что по окончании работ, органика может вернуться к своим первоначальным линейным показателям и монтаж фрагментов станет невозможен.

Случай 5. Сухая органика, наличие активной коррозии металла, демонтаж частей изделия возможен (см. рисунок, 5). Проводимые после демонтажа реставрационные мероприятия для металлических частей изделия включают их механическую очистку и расчистку, стабилизацию активной коррозии методом многократной интенсивной промывки в дистиллированной воде, просушку, консервацию, матирование и др. В случае с материалами органического происхождения в зависимости от степени их минерализации возможны различные варианты действий. При высокой степени минерализации материала, но сохранении им достаточной степени структурного единства допустим отказ от вмешательств в пользу превентивной консервации. Предмет может быть также укреплен растворами полимеров и закреплен полностью или частично на дублировочном материале. Возможно дублирование отдельных участков предмета, в том числе и без укрепляющей пропитки в целом. Для древесины, высохшей в результате неправильного хранения, а также кожи, текстиля и меха, при отсутствии серьезных минеральных загрязнений допустимы повторное увлажнение и пластификация.

Случай 6. Сухая органика, наличие активной коррозии металла, демонтаж частей изделия невозможен (см. рисунок, 6). Стабилизация активной коррозии металла проводится методами Розенберга и/или обработкой очагов активной коррозии оксидом серебра. Очаги выявляются путем тестирования во влажной камере, поэтому для материалов органического происхождения возникает риск повреждений в результате периодического набора влаги и высыхания. Просушка металла осуществляется подведением этанола с кисти, а консервация и матирование – избегая участков с органикой. Укрепление частей, изготовленных из материалов органического происхождения, возможно после стабилизации активной коррозии металла. Незначительные фрагменты органики допустимо укреплять путем многократной пропитки растворами полимеров с повышением концентрации. Большие части изделий, поверхность которых в значительной степени скрыта в металле и недоступна для непосредственного укрепления, могут быть пропитаны методом на подсос, то есть погружением в раствор полимера только видимой части изделия, при этом последующее продвижение полимера происходит далее в структуру материала по его волокнам.

Случай 7. Сухая органика, активная коррозия металла отсутствует, демонтаж частей изделия возможен (см. рисунок, 7). После проведения демонтажа проводится механическая очистка и расчистка металла, просушка, консервация, матирование и другие необходимые мероприятия. В зависимости от степени минерализации возможны повторное увлажнение и пластификация частей изделия, изготовленных из материалов органического происхождения, их структурное укрепление (с нанесением дублировок или без), нанесение точечных дублировок без структурного укрепления, превентивная консервация.

Случай 8. Сухая органика, активная коррозия металла отсутствует, демонтаж частей изделия невозможен (см. рисунок, 8). Реставрация металла включает его механическую расчистку и очистку, просушку, консервацию, матирование и другие необходимые мероприятия. Части предмета из органических материалов очищаются, проводится их структурное укрепление с использованием растворов полимеров. Мастиковка, дублировка, тонировка проводятся при необходимости. Риски, возникающие при этом для обоих материалов, металла и органики, минимальны. Необходимо поддержание стандартных условий хранения и периодическое проведение мониторинговых мероприятий.

Большинство современных методов, применимых в реставрации медных сплавов и органических материалов, а также используемых при этом составов, являются конфликтующими друг с другом. Наилучшим вариантом для сохранения обоих видов материалов (и металла, и органики) является проведение демонтажа и работа с каждым из них по отдельности, подходящими для них методами. Только эта программа реставрационных мероприятий обеспечивает их полную стабилизацию. Существенными недостатками такого подхода во многих случаях, однако, является недопустимость монтажа фрагментов или частей отреставрированного объекта после проведения реставрации по ряду причин: 1) изменение линейных показателей органики, в результате чего после проведения реставрационных мероприятий фрагмент попросту не может быть установлен на его пер-

воначальное местоположение; 2) несовместимость материалов, используемых при реставрации органики, с требованиями к условиям, необходимым для безопасного хранения металла (ПЭГ, сахара, пластифицирующие/жирующие смазки приводят к локальному повышению влажности, что способствует развитию коррозионных процессов).

Не меньшее количество сложностей возникает, если демонтаж не производится. При наличии активной коррозии медного сплава и ее стабилизации путем обработки отдельных очагов высок риск возникновения рецидивов. Кроме того, те части металла, доступ к которым перекрыт органикой, остаются нестабилизированными. Работа с первоначально мокрыми или влажными материалами органического происхождения становится возможной только при их полной просушке, что связано с развитием деградиационных процессов и деформациями. Возникают сложности для проведения структурного укрепления материала на всю глубину изделия.

При принятии решения в пользу любой из предложенных программ необходимо руководствоваться принципом максимального сохранения информационного потенциала реставрируемого объекта, в связи с чем особенно важна тщательная фиксация не только самих реставрационных мероприятий, но и проведение реставрационных исследований, отбор проб для естественно-научных анализов, а также минимальное внедрение в структуру материала в процессе реставрации.

Список литературы

Мурзина С.Р., Буршнева С.Г. Методика стабилизации активной коррозии на комплексных археологических предметах, сочетающих медные сплавы с фрагментами материалов органического происхождения // *Terra artis*, 2022 (в печати).

References

Murzina S.R., Burshneva S.G. The method of stabilization of active corrosion on complex archaeological finds combining copper alloys with fragments of organic materials. *Terra artis* (In print).

Мурзина С.Р. <https://orcid.org/0000-0001-8377-8245>

А.А. Некраш

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: nekrash.alina@mail.ru*

Кости животных в погребальной практике носителей одиновской и кротовской культуры (Барабинская лесостепь)

Статья посвящена комплексному анализу остеологического материала у носителей традиций эпохи ранней и развитой бронзы на территории Барабинской лесостепи. Работа построена на основе опубликованных материалов могильника Сопка-2: Сопка-2/4А – одиновская и Сопка-2/4Б – кротовская культуры. Важное место в изучении погребальной практики занимает тема использования животных. Кости животных археологи фиксируют в двух видах: обработанные (изделия из кости) и необработанные. В исследуемых могильниках кости животных зафиксированы не во всех погребениях: из 164 одиновских могил – в 57 (34,76%), а из 250 кротовских – в 73 (29,2%). В обоих могильниках кости находились на дне могилы и не обнаружены в сопроводительных ямах. Очень редко встречаются в заполнении могил: на Сопке-2/4А (одиновская культура) – кости птицы (необработанные) – 1 ед., а на Сопке-2/4Б – кости животных (необработанные) – 6 ед.; изделия – 4 ед. Не встречены изделия из костей рыбы. Сопроводительная пища располагалась в могилах в виде скопления костей или единичных находок (одиновские – у костей ног, кротовские – в центральной части), иногда кости животных были перемешаны с костями человека (нарушенные и вторичные погребения). Кости животных любого вида фиксируются, в основном, в одиночных погребениях, реже – в парных и, в виде исключения, на Сопке-2/4Б зафиксированы три случая в коллективных захоронениях. В могилах одиновской культуры чаще всего кости животных обнаружены у взрослых в возрасте 40–60 лет, а в кротовских – в возрасте 25–40 лет. Редко встречаются у детей и только на дне могилы. Таким образом, результаты сравнительного анализа использования костей животных носителями традиций одиновской и кротовской культур позволяют говорить об особенностях их участия в погребальном обряде.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, погребальная практика, кости животных, Сопка-2, одиновская культура, кротовская культура.

А.А. Nekrash

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: nekrash.alina@mail.ru*

The Usage of Animal Bones in the Burial Practice in Odino and Krotovo Cultures of the Baraba Forest-Steppe

The article is devoted to complex analysis of osteological material from the bearers of the traditions of the Early and Advanced Bronze Age on the territory of the Baraba forest-steppe. The work is based on the published materials of the Sopka-2 burial site: Sopka-2/4A – Odino and Sopka-2/4B – Krotovo culture. An important place in the study of burial practice is devoted to the usage of animals. Archaeologists fixate animal bones in two forms: processed (bone products) and unprocessed. In the studied burial grounds, animal bones were not found in all burials: out of 164 Odino graves – in 57 (34.76%), and out of 250 Krotovo graves – in 73 (29.2%). In both burial grounds, the bones were at the bottom of the grave and were not found in the accompanying pits. Very rarely found in the filling of graves: on Sopka-2/4A (Odino culture) – bird bones (untreated) – 1 unit, and on Sopka-2/4B – animal bones (untreated) – 6 units; products – 4 units. Items made from fish bones have not been found. Accompanying food was placed in graves in the form of a cluster of bones or single finds (Odino – at the leg bones, Krotovo – in the central part), sometimes animal bones were mixed with human bones (disturbed and secondary burials). The bones of animals of any kind are fixated mainly in single burials, less often in paired ones and, as an exception, 3 cases were recorded in collective burials at Sopka-2/4B. In the graves of the Odino culture, animal bones are most often found in adults aged 40-60 years, and in Krotovo – at the age of 25–40 years. Rarely found in children and only at the bottom of the grave. Thus, the results of a comparative analysis of the use of animal bones by the bearers of the traditions of the Odino and Krotovo cultures allows us to speak about the peculiarities of their participation in the funeral rite.

Keywords: Western Siberia, Baraba forest-steppe, burial practice, animal bones, Sopka-2, Odino culture, Krotovo culture.

На территории Барабинской лесостепи важное место в изучении погребальной практики занимает тема фиксации в ней костей животных [Кобелева, 2020, с. 280–282], что позволяет дополнить исследования новыми данными. Предпочтение какого-либо животного в хозяйстве населения ранней и развитой бронзы могло зависеть не только от определенного культурного маркера, но и от местонахождения памятника. Так, например, в Барабинской лесостепи наличие таких пастбищ с обильным травостоем (даже в засуху), как урочище Таи, в любую погоду дает средства к благоприятному существованию; позволяет постоянно обеспечивать домашних животных кормом и заготавливать его на зиму [Молодин, 2016, с. 121–124; Молодин, Мыльникова, 2021, с. 237–249; Бенеке и др., 2021, с. 53–63; Молодин, Гришин, 2016; Дураков, Мыльникова, 2021].

Археологи находят кости животных в погребениях в двух видах: обработанные (представляют собой орудия труда, украшения, предметы искусства и т.д.) и необработанные. Однако были ли необработанные кости приготовленной пищей или они были положены в могилу в сыром виде – на этот вопрос пока нет однозначного ответа.

Одиновская и кротовская культуры в настоящий момент достаточно хорошо изучены, и многие материалы об особенностях погребальной практики опубликованы [Молодин, 2012; Молодин, Гришин, 2016; Молодин и др., 2020]. В том числе имеются работы с описанием остеологического материала [Кобелева, 2020,

с. 280–282; Молодин, 2012; Молодин, Гришин, 2016]. Несмотря на объем информации, сравнительный анализ использования костей животных в погребальном обряде носителями означенных культур не проводился, в этом и заключается задача нашего исследования. Для рассмотрения были привлечены опубликованные материалы с ключевого могильника одиновской и кротовской культур на территории Барабинской лесостепи – Сопка-2. Определить использование костей животных возможно, в том числе с учетом их повреждений: погрызы животных; кальцинирование в результате обжига или при специальной обработке человеком.

Известно, что носители *одиновской культуры* занимались одомашниванием животных и пастушеским скотоводством [Бенеке и др., 2021, с. 53–63; Молодин, 2016; Молодин, Гришин, 2016]. На памятнике Сопка-2/4А (одиновская культура) из 164 могил кости животных встречаются в 57 (34,76%). Из количества определенных костей более всего встречены дикие животные (140 экз.) в отличие от домашних (32 экз.) [Кобелева, 2020, с. 280–282]. Кроме костей животных, обнаружены кости птицы и рыбы. Только в одном случае кости птицы зафиксированы в заполнении могилы, во всех остальных – кости животных располагались в погребении на уровне костей человека и совсем не выявлены в сопроводительных ямах (табл. 5). Кости представлены: зубами/резцами; скоплением фрагментов костей; астрагалами, челюстью и черепом соболя (табл. 1, 3). Самым многочисленным видом оказался заяц (69 экз.), далее – лось (29 экз.), меньше всего – соболь (5 экз.) и бобр (1 экз.). Среди домашних животных чаще всего встречаются кости барана/овцы (9 экз.), также присутствуют кости собаки (3 экз.) и быка (3 экз.). Кроме того, обнаружены многочисленные изделия из костей лося (из рога – 2 экз.; проколки – 10 экз.; подвески из резцов – 16 экз.) (табл. 1, 2). Не зафиксировано

Таблица 1. Необработанные кости. Памятник Сопка-2/4А (одиновская культура)

	Резец	Зубы	Челюсть	Череп	Кости	Астрагал	Скелет	Количество
Овца	–	–	–	–	–	–	–	–
Лошадь	–	–	–	–	–	–	–	–
Собака	–	–	–	–	–	–	–	–
Баран	–	–	–	–	3	6	–	9
Бык	–	–	–	–	–	3	–	3
Лось	1	–	–	–	–	–	–	1
Бобр	1	–	–	–	–	–	–	1
Соболь	–	2	2	1	–	–	–	5
Косуля	–	–	–	–	–	–	–	–
Птица	–	–	–	–	5	–	–	5
<i>Всего</i>								24

Таблица 2. Необработанные кости. Памятник Сопка-2/4Б (кротовская культура)

	Резец	Зубы	Челюсть	Череп	Кости	Астрагал	Скелет	Количество
Овца	–	–	–	–	3	–	–	3
Лошадь	1	7	–	–	–	–	–	8
Собака	–	1	–	–	–	–	–	1
Баран	–	–	–	–	1	32	–	33
Бык	–	–	–	–	–	–	–	–
Лось	2	4	–	–	–	–	–	6
Бобер	5	–	–	–	1	–	–	6
Соболь	–	–	4	1	–	–	1	6
Косуля	–	2	–	–	–	–	–	2
Птица	–	–	–	–	2	–	–	2
<i>Всего</i>								67

Таблица 3. Обработанные кости. Памятник Сопка-2/4А (одиновская культура)

	Резец	Зуб	Клык	Метаподия	Проколки	Изделия из рога	Рукоять изделия	Количество
Собака	–	–	–	–	2	–	1	3
Лошадь	–	–	–	–	–	–	–	–
Зяец	34	–	–	35	–	–	–	69
Лось	16	–	–	–	10	2	–	28
Медведь	–	–	–	–	–	–	–	–
Кабан	–	–	–	–	–	–	–	–
Птица	–	–	–	–	3	–	–	3
<i>Всего</i>								103

изделий из костей рыбы. Отмечено 14 случаев (24,56%) помещения в могилы необработанных костей животных [Кобелева, 2020, с. 280–282; Молодин, 2012]. Сопроводительная пища располагалась в могиле у костей ног человека в виде скопления фрагментов или единичных костей, иногда они могли быть перемешаны с костями человека.

Чаще всего в погребениях кости животных, птицы и рыбы фиксируются, в основном, в одиночных могилах, реже – в парных и не выявлены в коллективных захоронениях. В могиле они располагались в районе левого плеча и в СВ

Таблица 4. Обработанные кости. Памятник Сопка-2/4Б (кротовская культура)

	Резец	Зуб	Клык	Метапо- дия	Прокол- ки	Изделия из рога	Рукоять изделия	Количе- ство
Собака	–	–	–	–	2	–		2
Лошадь	–	–	–	2	–	–	–	2
Заяц	–	–	–	–	–	–	–	–
Лось	14	–	–	–	14	–	–	28
Медведь	–	1	–	–	–	–	–	1
Кабан	–	–	1	–	–	–	–	1
Птица	–	–	–	–	1	–	–	1
<i>Всего</i>								35

части могилы; в районе пояса; между ног и у ЮВ или СВ стенки. Встречаются астрагалы животных. Реже всего кости животных, птицы и рыбы зафиксированы в детских погребениях (6–7 лет), где они располагались у СВ стенки могилы и в районе головы.

На основании остеологических находок было определено, что у носителей *кротовской культуры* основным занятием являлось скотоводство с большой долей охоты [Бенеке и др., 2021, с. 53–63; Молодин, 2012; Молодин, Гришин, 2016]. На могильнике Сопка-2/4Б (кротовская культура) из 250 в 73 (29,2%) могилах обнаружены кости животных или изделия из них. Количество определенных костей диких и домашних животных встречено почти поровну: 50 и 49 экз. соответственно [Кобелева, 2020, с. 280–282]. Обнаружены также кости птицы и рыбы. Кости животных, птицы и рыбы встречаются на дне могил, совсем не зафиксированы случаи нахождения их в сопроводительных ямах (табл. 5). Однако в заполнении могил выявлены необработанные кости животных (6 экз.) и изделия (4 экз.).

Кости представлены: зубами/резцами; скоплением фрагментов костей; астрагалами, челюстью и черепом соболя (табл. 2, 4). Самыми многочисленными оказались кости лосося (34 экз.), в одинаковом количестве обнаружены кости бобра (6 экз.) и соболя (6 экз.), меньше всего – косули (2 экз.), медведя (1 экз.) и кабана (1 экз.). Среди домашних животных чаще всего встречаются кости барана (33 экз.) и лошади (10 экз.), в одинаковом количестве обнаружены кости овцы (3 экз.) и собаки (3 экз.). Кроме того, обнаружен полный скелет соболя (1 экз.). В кротовских могилах также обнаружены изделия из костей лосося (проколки – 14 экз.; подвески из резцов – 14 экз.), которые наглядно показывают, предпочтительнее каким материалам отдавалось носителями традиций кротовской культуры (табл. 3, 4). Не встречены изделия из костей рыбы. В 30 случаях (41,1%) зафиксированы скопления костей животных, которые располагались в центральной части могилы, без какого-то физического воздействия на них. Возможно, данный факт указывает на наличие сопроводительной пищи.

Таблица 5. Местоположение обработанных и необработанных костей
одиновской и кротовской культур

Памятник	Необработанные кости									Изделия из кости								
	Животные			Птицы			Рыба			Животные			Птицы			Рыба		
	В заполнении	На дне	В сопроводительной яме	В заполнении	На дне	В сопроводительной яме	В заполнении	На дне	В сопроводительной яме	В заполнении	На дне	В сопроводительной яме	В заполнении	На дне	В сопроводительной яме	В заполнении	На дне	В сопроводительной яме
Сопка-2/4А	-	14	-	1	3	-	-	2	-	-	73	-	-	3	-	-	-	-
Сопка-2/4Б	6	34	-	-	2	-	-	3	-	4	81	-	-	1	-	-	-	-

Кости зафиксированы, в основном, в одиночных могилах, реже – в парных, в 3 случаях – в коллективных. Чаще всего в погребениях кости животных, птицы и рыбы могли располагаться: в районе плеча и в СВ части могилы; в районе пояса и среди костей человека; между ног и у ЮВ и СВ стенки. Встречаются астрагалы животных. Реже всего кости животных, птицы и рыбы зафиксированы в детских погребениях (0,5–1,5 и 7–14 лет), где они располагались у СВ стенки могилы и в районе головы.

Сравнивая видовой состав и местонахождение костей животных в могилах носителей одиновской и кротовской культур, можно отметить, что выявляются общие черты: 1) обнаружены на дне могильной камеры; 2) не зафиксированы в сопроводительных ямах; 3) необработанные кости представлены зубами/резцами, скоплениями костей, астрагалами, челюстями и черепом соболя; 4) не встречены изделия из рыбы; 5) находятся в одиночных, реже – в парных погребениях; 6) располагаются в районе плеча и в СВ части могилы, в районе пояса, между ног человека и рядом с ЮВ и СВ стенкой; 7) редко фиксируются в детских погребениях.

При этом выявлены особенные черты: 1) на памятнике Сопка-2/4А (одиновская культура) из 164 могил кости животных встречаются в 57 (34,76%), а на могильнике Сопка-2/4Б (кротовская культура) из 250 в 73 (29,2%); 2) количество: в одиновских могилах костей диких животных зафиксировано – 140 экз. (53,03%), домашних – 32 экз. (12,12%) из ок. 264 экз. обработанных

и необработанных костей животных, в кротовских почти в равном количестве: диких – 50 экз. (13,4%), домашних – 49 экз. (13,14%) из ок. 373 экз.; 3) в заполнении одиножских могил обнаружены кости птицы (1 экз.), а в кротовских – кости животных (необработанные – 6 экз.; изделия – 4 экз.); 4) в одиножских могилах чаще всего кости животных обнаружены у взрослых в возрасте 40–60 лет, а в кротовских – в возрасте 25–40 лет; 5) в могилах одиножской культуры самыми многочисленными являются кости зайца (69 экз.) и лося (29 экз.), а в кротовских – лося (34 экз.) и барана (33 экз.); 6) в могилах кротовской культуры зафиксированы три случая нахождения костей животных в коллективных захоронениях; 7) в объектах одиножской культуры кости животных располагались чаще всего в нижней части могилы между костями ног человека, а кротовской – в центральной части среди костей человека и в одном случае – вместо левой руки погребенного; 8) отличен возрастной состав детских погребений, в которых находились кости животных: одиножская культура – 6–7 лет, кротовская – 0,5–1,5 и 7–14 лет.

Сопроводительный инвентарь у носителей одиножской и кротовской культуры в целом схож. Так, например, в могилах обеих культур обнаружены орудия труда и быта (проколка, игла, игольник) и предметы вооружения (накладка на лук и наконечник стрелы); украшения (подвески и нашивки, гребень). К изделиям, которые встречаются в могилах кротовской культуры и не зафиксированы в одиножской, относятся: кинжал, бусина, кольцо, скульптура головы птицы (глухаря?) из рога и сосуд из черепа человека [Молодин, 2012; Молодин, Гришин, 2016]. Кроме стандартных изделий из кости, в двух культурах так же встречаются проколки, которые были сделаны из разнообразных костей животных: лось, собака, лошадь и т.д. (табл. 3, 4).

Выявлены случаи, когда в погребальной камере обнаружены вместе обработанные и необработанные кости животных:

Одиножская культура. В трех женских погребениях одиножской культуры в возрасте 40–60 лет вместе с мелко резанными костями животных (погребальная пища?) располагались проколки, по одному разу встречаются игла и просверленные метаподии зайца. В трех мужских погребениях в возрасте 35–40 лет вместе с резцами (бобра и лося) и астрагалами выявлены костяные «спицы» и проколка. У детей только в одном случае зафиксированы рядом с панцирной пластиной астрагалы, необработанные кости птицы и чешуя.

Кротовская культура. В двух женских погребениях в возрасте 30–45 лет встречается разный набор предметов: в первом погребение рядом с резаными костями встречается подвеска из резцов неопределенного животного, а во втором погребение рядом с астрагалами барана располагалась костяная игла. Из восьми мужских погребений в возрасте 20–40 лет в шести обнаружены резцы (лошади, бобра и мелких животных), а рядом с ними – наконечники стрел и один раз накладка на лук; в двух других погребениях рядом с резаными костями неопределенных животных найдены гребень из рога и наконечники стрел. У детей в двух случаях рядом с костями неопределенных животных зафиксированы наконечники стрел и накладка на лук.

Таким образом, при наличии одного способа захоронения человека (труположения) можно отметить разное отношение к костям животных, птицы и рыбы. В основном в могилах встречаются отдельные кости скелета: череп, тазовые, трубчатые и т.д. и зубы (резцы) бобра, соболя, лося, лошади. Находки большого числа костей диких животных свидетельствуют о том, что охота занимала важное место в жизнедеятельности населения обеих культур. Рассмотрение ненарушенных погребальных комплексов позволило зафиксировать предпочтительное место в могильной яме, где захоранивались с человеком кости (отдельные части) животных. В основном, они обнаружены на дне могильной ямы, реже – в заполнении, и совсем не встречаются в сопроводительных ямах. Согласимся с исследователями [Молодин, 2012; Молодин, Гришин, 2016; Кобелева, 2020, 280–282], что, скорее всего, необработанные кости, фиксируемые в погребальной практике, являются отражением сопроводительной пищи умершего. Можно отметить, что помещение сопроводительной пищи могло зависеть от возрастного фактора, т.к. одновременно обработанные и необработанные кости встречаются в мужских и женских погребениях в возрасте 25–60 лет. В детских погребениях они явно встречаются в виде исключения. Связь между социальным статусом умершего и присутствием сопроводительной пищи не выявляется.

Есть много общих черт, например, расположение в СВ части могилы, около плечевых костей и между ног человека, среди костей человека. Необработанные кости встречаются чаще всего у взрослых в возрасте: в могилах одиновской культуры – 40–60 лет, а в кротовских – 25–40 лет. Реже – у подростков и детей в возрасте 0,5–1,5 и 7–14. В заполнении кости встречаются в основном в женских погребениях, исключение составляет мужское погребение кротовской культуры. Чаще всего кости зафиксированы в одиночных погребениях.

Выделены и свои особенности, например, в парных захоронениях одиновской культуры кости чаще всего встречаются в мужских (3 ед.), а в кротовской культуре в коллективных – в женских (2 ед.) и детских (2 ед.). В могилах одиновской культуры зафиксированы кости животных и птицы в женских, детских и мужских погребениях (у последних – еще обнаружены и кости рыбы). В женских и детских погребениях кротовской культуры встречены кости животных, птицы, рыбы, в мужских погребениях зафиксированы только кости животных.

Список литературы

Бенеке Н., Васильев С.К., Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Райнхольд С. Результаты археозоологического исследования материалов поселения кротовской культуры Венгерова-2 (Барабинская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. 49. – № 2. – С. 53–63.

Дураков И.А., Мыльникова Л.Н. На заре металлургии: Бронзолитейное производство населения Обь-Иртышской лесостепи в эпоху ранней бронзы – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – 203 с.

Кобелева Л.С. Животные в погребальной практике одиновской культуры Среднего Приомья // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. – Самара: Изд-во Самарск. гос. педагог. ун-та, 2020. – Т. I. – С. 280–282.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4. – 452 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Концентрация элитных курганов в Барабе: природные и социокультурные факторы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края, 2021. – № 27. – С. 237–249.

Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Свидетельства существования носителей одиновской и кротовской культур (по материалам памятников Барабинской лесостепи) // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер.: История. 2020. – № 68. – С. 57–64.

Молодин В.И. Природные оазисы в Барабинской лесостепи как основа жизнеобеспечения древнего человека // Экология древних и традиционных обществ: мат-лы V Междунар. науч. конф., г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. – Вып. 5. – Ч. 2. – С. 121–124.

References

Benecke N., Vasiliev S.K., Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Reinhold S. Vengerovo-2 – a Krotovo Culture Site in the Baraba Forest-Steppe: An Archaeozoological Study. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 49. N 2. P. 53–63.

Durakov I.A., Mylnikova L.N. Na zare metallurgii: Bronzoliteinoe proizvodstvo naseleniya Ob-Irtyshskoi lesostepi v epokhu rannei bronzy. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. 203 p.

Kobeleva L.S. Zhivotnye v pogrebalnoi praktike odino kultury Srednego Priomya. *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo sezda v Samare*. Samara: SGPU Publ., 2020. Vol. 1. P. 280–282.

Molodin V.I. Archaeological site of Sopka-2 on the Om river: cultural and chronological analyses of burial complexes of the Odino culture. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. Vol. 3. 220 p.

Molodin V.I., Grishin A.E. Archaeological site of Sopka-2 on the Om river: cultural and chronological analyses of the Krotovo burial complexes. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. 4. 452 p.

Molodin V.I., Mylnikova L.N. The concentration of elite kurgans in Baraba: environmental and sociocultural factors. *Sokhranenie I izuchenie kulturnogo naslediya Altaiskogo kraia*, 2021. N 27. P. 237–249.

Molodin V.I., Nesterova M.S., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S. Evidence of the coexistence of the population of the Odino and Krotovo culture (based on materials from the Baraba Forest-Steppe). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Seriya: Istoriya, 2020. Vol. 68. P. 57–64.

Molodin V.I. Prirodnye oazisy v Barabinskoi lesostepi kak osnova zhizneobespecheniya drevnego cheloveka. *Ekologiya drevnikh I traditsionnykh obshchestv: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Tyumen State Univ. Press, 2016. Iss. 5. Pt. 2. P. 121–124.

Некраш А.А. <https://orcid.org/0000-0002-9050-6042>

А.И. Панкина^{1✉}, О.Ю. Соколова², В.В. Казаков²

¹Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: pankina1995b@mail.ru

Апробация многопользовательского веб-приложения с настраиваемой системой наложения прорисовок петроглифов на примере плоскости Пангудэ (Ульсан, Южная Корея)

Изучение древнейшего искусства на современном этапе ставит перед научным сообществом задачу разработки новых методов документации и публикации материала, позволяющих предоставить доступ широкому кругу исследователей к научной информации о памятниках наскального искусства, разрушающихся под воздействием природных и антропогенных факторов. С этой целью была создана многопользовательская информационная система со специальными инструментами для обработки, публикации и обмена археологическими изображениями, с настраиваемой пользователем системой наложения прорисовок древних рисунков и орнаментов, объединенных с оригинальной фотографией. Для тестирования системы был выбран памятник наскальной живописи Пангудэ (Ульсан, Южная Корея). Выбор был основан по ряду существенных характеристик. Во-первых, на относительно небольшой плоскости (10 × 3 м) имеется более 270 изображений разных стилистических групп с многочисленными наложениями друг на друга, что позволяет достаточно полно протестировать разработанную систему. Во-вторых, памятник расположен в зоне постоянного затопления и систематически разрушается, в связи с чем необходима фиксация рисунков не только на бумажных, достаточно ограниченных носителях, но и публикации в широком доступе. В-третьих, несмотря на мировую известность, памятник Пангудэ слабо представлен в отечественных и западно-европейских научных публикациях.

Ключевые слова: *наскальное искусство, методы документирования, Пангудэ, Ульсан, Южная Корея.*

A.I. Pankina^{1✉}, O.Y. Sokolova², V.V. Kasakov²

¹Institute of History, Archaeology and Ethnology
of the Peoples of the Far-East FEB RAS
Vladivostok, Russia

Approbation of a Multi-User Web Application with a Customizable Overlay System Drawing of Petroglyphs on the Example of the Bangudae Rock Art Site (Ulsan, South Korea)

The study of ancient art sets the scientific community the task of developing new methods of documentation and publication of material at the present stage. These methods allow a wide range of researchers to access scientific information about rock art monuments that are being destroyed under the influence of natural and anthropogenic factors. For this purpose, a multi-user information system was created with special tools for processing, publishing and sharing archaeological images, with a user-configurable overlay system of ancient drawings and ornaments combined with the original photo. The Bangudae rock art site (Ulsan, South Korea) was chosen to test this system. The choice was based on a number of significant characteristics. Firstly, there are more than 270 images of different stylistic groups on a relatively small panel (10x3 m), with numerous overlays on each other, which allows us to fully test the developed system. Secondly, the site is located in a zone of constant flooding and is systematically destroyed, and therefore it is necessary to fix the drawings on not only paper, rather limited media, but also widely available publications. Thirdly, despite the world fame, the site to Bangudae is poorly represented in Russian and European scientific publications.

Keywords: rock art, documentation methods, Bangudae, Ulsan, South Korea.

Исследовательская работа с наскальными рисунками часто затрудняется территориальной удаленностью, труднодоступностью или плохой сохранностью оригинального объекта исследования. В связи с чем одной из приоритетных задач при работе с археологическими объектами является разработка способов документирования, позволяющих проводить последующие исследования без лишнего обращения к оригиналу.

На поверхности горной породы рисунки и орнаменты нередко слабо различимы. Поэтому полученные в результате фотофиксации материалы часто недостаточно информативны как иллюстративное средство. В то же время другие визуальные формы представления археологических объектов (художественная зарисовка, прорисовка на прозрачную пленку, эстампажи и т.п.) более когнитивны – рисунок виден на них достаточно четко, однако для изучения они не могут использоваться без объективных (исходных) данных – таких как фотоснимки. Таким образом, для проведения исследований необходимо использовать как фотографические оригиналы, так и прорисовки выявленных рисунков.

Наиболее удобным инструментом для таких задач может быть система интерактивного, управляемого пользователем наложения прорисовки петроглифа или орнамента мобильной пластики на исходный фотоснимок, что позволило бы совместить объективные данные с когнитивным представлением исследователя. Такой инструментарий может включать в себя наложение и редактирование

прорисовок поверх оригинального фотоснимка, изменение их цвета и яркости; применение различных обработок изображения (DStretch, наложение и удаление текстур); устранение следов естественного разрушения (патинирование выбивки, выцветание краски, разветривание скальной породы, нарастание лишайника) и антропогенной порчи (вандалские надписи и пр.).

Веб-сервисы для изучения изображений наскальных рисунков

На сегодняшний день существует несколько веб-сервисов (онлайн-музеев) для изучения изображений петроглифов в сети Интернет, обладающих функциональностью для обработки фотографий. Наиболее крупными среди доступных русскоязычному пользователю информационных систем являются:

1. Онлайн-проект «Петроглифы Нижнего Амура и Уссури» Центра палеоискусства Института археологии РАН

Проект направлен на комплексное документирование всех известных памятников Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства. На сайте представлена информация о местонахождениях петроглифов, истории изучения и современного состояния памятников. Каждый виртуальный экспонат может быть рассмотрен с применением различных настроек для ракурса и освещения; модели могут быть масштабированы, на них также могут быть добавлены текстуры.

На сайте не предусмотрена возможность изучать прорисовки петроглифов прямо на 3D-модели: рисунки, выявленные исследователями, представлены в виде отдельных двумерных растровых изображений и не могут быть наложены на оригинал. Отдельные прорисовки, наложенные на двумерный снимок, имеются в разделе «Современный этап документирования петроглифов Дальнего Востока». Однако это касается всего нескольких изображений [Леванова и др.].

2. Информационная система наскального искусства Сибири

На данном сайте пользователь может рассмотреть каждый петроглиф и ознакомиться с информацией о нем. В разделе «Памятники» может быть переключен режим просмотра галереи изображений наскальных рисунков. В этом случае все представленные фотографии экспонатов могут быть заменены на следующие типы изображений: 1) Dstretch; 2) оригинальное изображение; 3) прорисовки; 4) наложение изображений; 5) реконструкция.

Для разных коллекций могут быть доступны не все перечисленные типы изображений. Все изображения представлены отдельно, не могут быть наложены друг на друга, также отсутствует возможность масштабирования. Для некоторых фотографий петроглифов доступны для изучения прорисовки: в виде отдельного изображения и в виде наложения на 3D-модель [Наскальное ...].

3. 3D-галерея Новосибирского государственного университета

Данная галерея предоставляет специализированный инструментарий для обработки изображений предметов первобытного искусства. Сайт позволяет пользователям изучать представленные модели археологических объектов, используя: 1) возможность переключения текстур модели; 2) инструменты наложения прорисовок на модель оригинала с петроглифами и удаление нежелательных элементов (лишайник, вандальные надписи, чрезмерная разветвленность); 3) хранение и отображение на 3d модели ориентации плоскости с петроглифами по сторонам горизонта и углу наклона; 4) средство автоматического наложения масштабной линейки; 5) инструмент ортографической ориентации модели и создания ортонормированного изображения [3D Галерея].

4. Alta Museums Rock Art Archive

Посетителю данного архива доступен просмотр и поиск изображений петроглифов. Некоторые наскальные рисунки задокументированы в виде фотографий, другие представляют из себя черные прорисовки на белом фоне. При работе с архивом пользователь может выбрать интересующий его географический район, сюжет изображения, формат визуального представления археологического артефакта (часть фигуры, пейзажный снимок, выявленные прорисовки, карта, обычная фотография и др.). Возможен также поиск и сортировка представленных изображений по последнему изменению, названию файла, дате создания виртуального экспоната и датировке оригинального наскального рисунка [AltaMuseumsRockArchive].

Требования к функциональности разрабатываемого решения

Посредством сравнительного анализа рассмотренных выше веб-сервисов выявлено, что данные решения предоставляют только часть требуемого инструментария, использование которого возможно только в рамках конкретного приложения или сайта. Существующие инструменты нельзя применить одновременно для комплексной обработки и публикации археологических изображений в специализированной форме.

На основе анализируемых критериев был сформулирован ряд требований к функциональности разрабатываемой системы: 1) наложение прорисовок петроглифов на изображение оригинала; 2) переключение между слоями прорисовок, применение различных настроек к каждому слою; 3) наложение текстур, масок, фильтров на оригинал; 4) создание и редактирование прорисовок онлайн; 5) масштабирование изображения; 6) устранение следов естественного разрушения и антропогенной порчи.

Поскольку 3D-галерея Новосибирского государственного университета удовлетворяет большинству сформулированных выше требований, этот сервис пред-

ставляет наибольший интерес для данной исследовательской работы по сравнению с остальными существующими решениями. Разработанные инструменты наложения прорисовок на модели плоскостей с петроглифами могут быть использованы для создания новых инструментов и функциональности, применимой к двумерным снимкам. Таким образом, предлагается расширить функциональные возможности существующего подхода и построить новую отдельную информационную систему на его основе, существенно отличающуюся по модели использования от существующей в рамках 3D-галереи Новосибирского государственного университета.

Функциональные характеристики системы

Специализированная «Галерея изображений» имеет стандартную для веб-приложений трехуровневую архитектуру. Такая архитектура включает в себя компонент представления (клиентский уровень), прикладной компонент (сервер приложений) и компонент доступа к ресурсам (сервер базы данных) [Галерея ...].

Клиентский уровень, в качестве которого выступает веб-браузер на компьютере конечного пользователя, предоставляет графический интерфейс веб-сервиса: отображение HTML-страниц, выполнение клиентских скриптов, простейшие манипуляции с данными, проверка корректности вводимой информации и вызов приложения на втором уровне.

На прикладном компоненте выполняется основная логика веб-сервиса. Сервер приложения, основная функция которого состоит в генерации веб-страниц, представляет собой набор PHP-скриптов. Второй уровень также включает в себя веб-сервер (Apache), принимающий запросы и выдающий ответы клиенту по протоколу HTTP. Более того, на данном уровне формируются SQL-запросы к СУБД и происходит обработка полученных данных для передачи клиенту.

Сервер баз данных представлен системой управления базами данных уMySQL. Подключение к этому компоненту осуществляется только с уровня сервера приложения. ПО сервера баз данных обеспечивает хранение и предоставление информации о ролях пользователей, виртуальных экспонатах, авторстве публикаций и т.д.

Информационная система «Галерея изображений» представляет собой многопользовательское приложение со следующими ролями пользователей: незарегистрированный пользователь; автор материалов; администратор ресурса.

Незарегистрированный пользователь имеет возможность просматривать все имеющиеся в базе системы петроглифы, осуществлять поиск по названиям публикаций, по именам авторов, по названиям коллекций и по ключевым словам. Также незарегистрированный пользователь может просматривать каждый экспонат в отдельности со всеми функциональными возможностями: просмотр оригинального фотоснимка, фотографии с наложенной прорисовкой с настраиваемыми прозрачностью и цветом для каждого слоя, а также подробной информации об археологическом артефакте (автор, название, ключевые слова, описание публикации и каждого из слоев). Доступен выбор текстур, использование ползунка

для наглядной демонстрации изменений, отключение текстур, в т.ч. оригинального изображения – для просмотра слоев прорисовок на контрастном фоне. Для удобства восприятия предоставлена масштабная линейка и возможность полноэкрannого режима. Незарегистрированному пользователю также доступно скачивание публикации в форматах tiff и zip для дальнейшей работы со слоями изображения в сторонних графических редакторах.

Автор материалов (зарегистрированный пользователь) имеет возможность загружать на сайт оригинальный фотоснимок с вводом всей необходимой информации: название, описание, ключевые слова и размер запечатленного археологического объекта. К оригинальному фотоснимку можно добавить текстуры и/или готовые прорисовки (в формате png). Автору также доступна возможность создания прорисовок на фотографии в режиме онлайн на разных слоях. Для этого в системе были реализованы следующие возможности: одновременная работа с несколькими слоями; кисть и ластик настраиваемого размера; выбор цвета кисти; заливка замкнутых контуров выбранным цветом; выбор фонового изображения (оригинальный фотоснимок/один из вариантов его обработки/контрастный фон); настройка прозрачности любого слоя; настройка прозрачности фонового изображения. Также автору материалов доступно как редактирование введенных материалов, так и возможность их полностью удалить. Однако все вышеперечисленные возможности для автора касаются только собственных публикаций. Автор материалов имеет также все возможности, предоставленные незарегистрированному пользователю.

Администратору ресурса доступно управление учетными записями пользователей и контроль публикаций сайта. Администратор также обладает всеми возможностями автора материалов.

Апробация системы

Для тестирования разработанного веб-приложения был выбран памятник наскального искусства Пангудэ (другие часто встречаемые в историографии названия: Бангу-Дэ или писаница в Дэкогри), (Ульсан, юго-восток Корейского п-ва).

Памятник расположен на берегу р. Тхэхва, представляет собой основную плоскость (зоны А, В, С, D, E) размерами 10 м в длину и 3 м в высоту. Здесь расположена большая часть изображений, рядом имеются сопредельные плоскости с небольшим количеством рисунков (зоны F, G, H, I, J, K, L, M, N). Всего, согласно последним исследованиям, было выделено около 270 изображений [Чжан Со Хо, 2015, с. 202], представленных антропоморфными, зооморфными (морские и наземные животные) образами, геометрическими знаками, отдельными линиями и пятнами.

На данный момент имеется напряженная ситуация с сохранением петроглифов Пангудэ. Еще до обнаружения памятника (1971 г.) в период с 1962 по 1965 гг. на реке Тхэхва была построена плотина Сайон, в результате чего плоскость погружается в воду на восемь месяцев в году. Согласно исследованиям по научной диагностике разрушений камня, даже в сухой сезон горная порода сохраняет зна-

чительное содержание влаги, что создает риск физического разрушения [Fitzner, Heinrichs, Bouchardiere, 2004, p. 524–525]. Несмотря на многочисленные попытки решить проблему на государственном уровне, данная критическая ситуация до сих пор не разрешена.

К настоящему времени в научной литературе имеется несколько десятков прорисовок петроглифов Пангудэ, представляющих собой как отдельно размещенные прорисованные антропоморфные и зооморфные фигуры, так и композиции, повторяющие оригинальное расположение фигур. Отдельные рисунки удобны для изучения каждой фигуры в частности, но не позволяют получить представление о контексте данных изображений в целом. Композиционные прорисовки сложны для восприятия ввиду большой концентрации фигур и их многочисленных наложений друг на друга. Для разрешения этих трудностей нередко применяются прорисовки изображений разным цветом/градиентом или создание серии изображений прозрачных композиций, где цветом выделены только отдельные группы изображений (по стилю или сюжету) [Чжан Со Хо, 2015, с. 196–197; Чжон Хо Тэ, 2012, с. 17–20].

Выбор памятника Пангудэ для тестирования разработанного веб-приложения был продиктован определенной трудностью восприятия всех имеющихся в доступе прорисовок, а также перспективностью памятника для дальнейших исследований, в т.ч. в рамках экологического подхода, где созданная прорисовка может послужить начальной точкой исследований и дискуссий.

В качестве оригинального двумерного снимка для прорисовок была использована ортофотография с 3D-модели, опубликованная коллективом исследователей из Национального исследовательского института культурного наследия в 2011 г. [Бэ Бен Сон и др., 2011, с. 18–97]. Прорисовка проводилась только на основной плоскости. Всего прорисовано было 121 изображение, включая четко различимые на ортофотографии антропоморфные и зооморфные фигуры, лодки и приспособления для рыбной ловли. Также было прорисовано более 100 фрагментов неопределимых изображений, отдельных хаотичных линий и пятен.

Прорисовка и последующая публикация в веб-приложении осуществлялись по выделенным стилистическим слоям. Первый слой представлен контурными фигурами китов подовальной формы без четких таксономических признаков, а также изображениями лодок. В одном случае имеется изображение сцены китобойного промысла, выделенное Чжаном Со Хо в результате изучения наложений нескольких фигур друг на друга. Это позволило сделать выводы о наиболее раннем происхождении этой группы изображений и других аналогичных ей фигур на других частях плоскости [Чжан Со Хо, 2015, с. 202].

Второй слой представлен многочисленными силуэтными изображениями людей и животных, как наземных (олени, кабаны, кошачьи хищники и носорог), так и морских (киты, ластоногие, рептилии, рыбы, водоплавающие птицы). Характерной особенностью ряда изображений животных этого слоя является наличие отдельных элементов, переданных контрастом необработанной скальной поверхности внутри некоторых фигур со сплошной выбивкой: фигурка рыбки на спине/животе/внутри кита, изображение гарпуна на теле кита, линии жабр

у (китовой?) акулы и др. В большинстве случаев животные данного слоя имеют четкие таксономические признаки, позволяющие определять их вплоть до вида [Раков, 1998, с. 61–68].

Третий слой представляет собой изображения в т.н. «скелетном» стиле – контурные изображения с линейным заполнением внутреннего пространства, имитирующим либо внутренние органы, либо окраску животного. Для «скелетных» изображений наиболее частым сюжетом являются наземные животные (кошачьи хищники, кабаны, олени), имеется несколько фигур китов (3) и одно антропоморфное изображение. Для этой группы характерно частое расположение поверх более ранних контурных и силуэтных рисунков [Lee, Robineau, 2008, p. 140].

В «Галерее изображений» возможен просмотр каждого слоя в отдельности, также при желании можно просматривать все слои одновременно. Слои выделены разным цветом с регулировкой степени прозрачности, более поздние слои в случае наложений перекрывают более ранние. Для каждого слоя составлено описание, с которым можно ознакомиться в специальной вкладке.

Помимо выделенных стилистических слоев для данной плоскости были созданы прорисовки по отдельным сюжетам: антропоморфные изображения, наземные животные (кошачьи хищники, олени, кабаны и др.) и морская фауна (киты, ластоногие, рыбы, рептилии (черепахи), водоплавающие птицы). В группу с морской фауной отнесены также и изображения лодок.

Помимо плоскости Пангудэ в галерее были размещены отдельные плоскости петроглифов Минусинской котловины (гора Майдаши, Коровий Лог, Пойловская писаница) и Забайкалья (Оронгой, Ангирская писаница) для тестирования всего имеющегося инструментария обработки петроглифов. В первую очередь это касается загрузки текстур «DStretch» и прорисовок онлайн, позволивших создать реконструкцию для петроглифов, выполненных краской.

«Галерея изображений» на данный момент представляет собой специализированное многопользовательское веб-приложение с функциональностью подготовки, обработки и публикации археологических артефактов с настраиваемой пользователем системой наложения прорисовок древних рисунков и орнаментов. Одной из принципиально новых возможностей данного приложения, в отличие от уже имеющихся аналогичных проектов, является графический инструментарий для создания слоев прорисовок поверх фотоизображений петроглифов и орнаментов в веб-интерфейсе галереи.

В рамках тестирования разработанного веб-приложения была создана новая прорисовка основной плоскости (зоны А, В, С, D, E) памятника наскального искусства с общемировой известностью Пангудэ (Ульсан, Южная Корея). Общее количество определимых изображений составило 121 фигуру и более 100 отдельных следов выбивки и неопределенных частей фигур. Прорисованные изображения наложены на поверхность плоскости по отдельным стилистическим слоям, а также по сюжетному принципу. Это позволяет использовать опубликованную прорисовку как удобный плацдарм для дальнейших различных исследований в зависимости от поставленных исследовательских задач.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФ № 20-18-00081 «Археология Дальнего Востока России».

Авторы выражают глубокую благодарность доктору философии М.А. Стоякину (Государственный институт культурного наследия, Тэджон, Республика Корея) за оказанную помощь в работе с источниками на корейском языке.

Список литературы

- 3DГалерея** [Электронный ресурс]. – URL: <https://3d.nsu.ru/ru> (дата обращения: 10.09.2022).
- Бэ Бен Сон, Хон Ду Сик, Нам Си Джин, Хан Ук, Мун Сын Хен, Мин Мен Джон, Ган Бен Сон.** Пангудэамгахва (Петроглифы Пангудэ). – Сеул: Гукрирумхва Джээнгусо (Национальный институт культурных ценностей), 2011. – 109 с. (на кор. яз.).
- Галерея изображений** [Электронный ресурс]. – URL: <http://petroglyphsgallery.mmc.nsu.ru/frontend/web/index.php> (дата обращения: 10.09.2022).
- Леванова Е.С., Ласкин А.Р., Романенко Е.В., Свойский Ю.М.** Петроглифы Нижнего Амура и Усури [Электронный ресурс]. – URL: <https://aurokart.ru/> (дата обращения: 10.09.2022).
- Наскальное искусство Сибири** [Электронный ресурс]. – URL: <http://rockart.artemiris.org/ru> (дата обращения: 10.09.2022).
- Раков В.А.** Наскальные изображения гигантских морских животных в неолите на юге Корейского полуострова // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. – 1998. – С. 60–79.
- Чжан Со Хо.** Петроглифы Дэкогри (Бангудэ) в Ульсане // IV Северный археологический конгресс: доклады. 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург. – 2015. – С. 194–209.
- Чжон Хо Тэ.** Хангугисонса мик кодэчхогийе сульгва Пангудэ амгахва (Корейская предыстория и раннее древнее искусство, а также петроглифы Пангудэ) // Эксавагенгйе (История и границы). – 2012. – № 85. – С. 1–47 (на кор. яз.).
- AltaMuseumsRockArchive** [Электронный ресурс]. – URL: <http://altarockart.no/fotoweb/> (дата обращения: 10.09.2022).
- Fitzner B., Heinrichs K., Bouchardiere D.** The Bangudae Petroglyph in Ulsan, Korea: studies on weathering damage and risk prognosis // Environmental Geology. Springer-Verlag. – 2004. – Vol. 46. – P. 504–526.
- Lee S. M., Robineau D.** Les cétacés des gravures rupestres néolithiques de Bangu-dae (Corée du Sud) et les débuts de la chasse à la baleine dans le Pacifique nord-ouest // L'anthropologie. – 2004. – Vol. 108. – P. 137–151.

References

- 3D Gallery.** URL: <https://3d.nsu.ru/ru> (Accessed: 10.09.2022).
- AltaMuseumsRockArchive.** URL: <http://altarockart.no/fotoweb/> (Accessed: 10.09.2022).
- Bae Byeongseon, Hong Dusik, Nam Sijin, Han Wook, Moon Seunghyeon, Shin Myeongjong, Kang Byeongseon.** 3-chawon scan jeongmilt skjeong gaeoulsan Dagockli Bangudaeamgakhwa [Overview of 3D scan precision measurement of Bangudae petroglyphs in Daegok-ri, Ulsan]. Seoul: Gukripmunhwajayeonguso, 2011. 109 p. (In Korean).
- Chzhan So Kho.** PetroglifyDekogri (Bangude) v Ul'sane. In *IV Severnyiarkheologicheskii kongress: doklady*. Khanty-Mansiysk. Ekaterinburg, 2015. P. 194–209. (In Russ.).

Fitzner B., Heinrichs K., Bouchardiere D. The Bangudae Petroglyph in Ulsan, Korea: studies on weathering damage and risk prognosis. *Environmental Geology*, 2004. Vol. 46. P. 504–526.

Galereya izobrazhenii. URL: <http://petroglyphsgallery.mmc.nsu.ru/frontend/web/index.php> (Accessed: 10.09.2022). (In Russ.).

Jeon Ho Tae. Hangugnsunsa mic godaechogiye sulceae Bangudaeamgakhwa [Early Art in the Prehistoric Age and Ancient Times in Korea and the BangudaePetroglyphs]. Yeoxawagongge [History & the Boundaries], 2012. N 85. P. 1–47. (In Korean).

Kang B. W. Reexamination of the Chronology of the Bangudae Petroglyphs and Whaling in Prehistoric Korea: A Different Perspective. *J. of Anthropological Research*. The University of New Mexico, 2020. P. 408–506.

Lee S. M., Robineau D. Les cétacés des gravures rupestres néolithiques de Bangu-dae (Corée du Sud) et les débuts de la chasse à la baleine dans le Pacifique nord-ouest. *L'anthropologie*, 2004. Vol. 108. P. 137–151.

Levanova E.S., Laskin A.R., Romanenko E.V., Svoiskii Yu.M. Petroglify Nizhnego Amura i Ussuri. – URL: <https://aurockart.ru/> (Accessed: 10.09.2022). (In Russ.).

Rakov V.A. Naskal'nye izobrazheniya gigantskikh morskikh zhitovnykh v neolite na yuge Koreiskogo poluostrova. In *Mir drevni khobrazov na Dal'nemVostoke*. Vladivostok:FESUPubl., 1998. P. 60–79. (In Russ.).

Rock art of Siberia. URL: <http://rockart.artemiris.org/ru> (Accessed: 10.09.2022).

Панкина А.И. <https://orcid.org/0000-0003-3997-4702>

Казаков В.В. <https://orcid.org/0000-0001-8127-9602>

Р.М. Сеитов

Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Алматы, Казахстан
E-mail: seitofuruslan@gmail.com

Образ «Северных варваров» в Японии в эпоху Токугава (1603–1868)

В статье рассматривается эволюция образа айнов в Японии до XIX в., ее идеологические основания. В древней и средневековой Японии весь регион к северу от собственно японской территории и его население определяли понятием Эдзо. Согласно традиционной конфуцианской системе, айны не входили в состав Японии, но контролировались с помощью ритуализированных торговых отношений. Выяснено, что образ айнов как диких и нецивилизованных нелюдей в письменных источниках фиксируется с VIII в. В Средневековье он сохранялся при прагматичном подходе к торговле с айнами, но в эпоху Токугава прошел разные пути эволюции среди двух групп японцев. Ученые и правительство под влиянием западной науки и изменившейся геополитической ситуации считали айнов варварами, но достойными обучения и принятия в японское общество людьми. В то же время чиновники и рабочие клана Мацумаэ, непосредственно контактирующие с айнами, считали их недостойными варварами и приписывали им демоническую сущность. В статье проанализированы два японских источника эпохи Токугава в переводе на русский язык.

Ключевые слова: айны, Эдзо, Хоккайдо, Япония.

R.M. Seitov

Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan
E-mail: seitofuruslan@gmail.com

The Image of the “Northern Barbarians” in Japan During the Tokugawa Era (1603–1868)

The article discusses the evolution of the image of the Ainu in Japan until the 19th century, its ideological foundations. In ancient and medieval Japan, the entire region north of Japanese proper territory and its population was defined by the concept of Ezo. According to the traditional Confucian system, the Ainu were not part of Japan, but were controlled through ritualized trade relations. It was found that the image of the Ainu as wild and uncivilized non-humans in written sources has been recorded since the 8th century. In the Middle Ages, it was maintained with a pragmatic approach to trade with the Ainu, but in the Tokugawa era, it evolved differently among the two groups of Japanese.

Scientists and the government, under the influence of Western science and the changing geopolitical situation, considered the Ainu to be barbarians, but worthy of training and acceptance into Japanese society by people. At the same time, officials and workers of the Matsumae clan, who were in direct contact with the Ainu, considered them unworthy barbarians and attributed to them a demonic essence. The article analyzes 2 Japanese sources of the Tokugawa era translated into Russian.

Keywords: *Ainu, Ezo, Hokkaido, Japan.*

Взаимоотношения японцев с соседями во многом определялись конфуцианским мировоззрением и дихотомией «цивилизованный центр – варварская окраина», которые были заимствованы из Китая. Согласно этой доктрине айны, не знавшие письменности и культуры в японском понимании этого слова, считались варварами, живущими за пределами цивилизации.

До конца XIX в. японцы называли айнов словом *Эдзо*, что буквально означает «северные варвары». Этим же словом называли и остров Хоккайдо, на котором проживали айны, а в более широком смысле и весь регион к северу от японского о-ва Хонсю, включая Сахалин, Курилы и иногда даже юг Камчатки.

Такое обширное и размытое определение исходило из того, что японцы во многом подчиняли айнов с помощью кабальной и ритуализированной торговли и считали все территории, где они были расселены, своей сферой влияния [Елизарьев, 2007, с. 127].

Самое раннее упоминание *Эдзо* можно найти в летописи *Нихонги*, составленной в начале VIII в., в которой говорится о военных походах японцев против айнов [Лим, 2012, с. 78]. Летопись приводит описание айнов как звероподобных варваров, которые никогда не попадали под влияние сильной цивилизации. Отсутствие признаков цивилизации, организующей силы считалось признаком моральной неполноценности, неподчиненности никаким законам и власти [Siddle, 1996, p. 27–28].

В последующие несколько столетий японцы оттеснили айнов на современный Хоккайдо и север о. Хонсю. Сам Хоккайдо, называемый просто *Эдзо* или *Эдзо-гасима* («Остров варваров»), считался страшным местом, в котором живут демоны. Изучение *Эдзо* означало встречу с иностранцами, экзотическими животными и чужой природой. *Эдзо* с точки зрения имперских амбиций Японии выглядел далеким и экзотическим местом, однако напрямую связанным с ее геополитическими интересами [Walker, 2007, p. 307].

В этот период японцы начали торговать с айнами, но по-прежнему считали их варварами. С XIII по XVII в. японцы основывали на южной оконечности Хоккайдо поселения, которые служили торговыми форпостами. Торговые отношения были выгодны обеим сторонам, но постепенно экономическое доминирование японцев начало приводить к возрастающему недовольству коренного населения, что вылилось в вооруженные конфликты. В целом же отношение японцев к айнам в этот период укладывается в их традиционное мировоззрение, формально подверженное категориям конфуцианства, но также имеющее прагматичную сторону. В общественном сознании и политической практике *Эдзо* считался внешней территорией, неподконтрольной Японии.

В эпоху Токугава (1603–1868) правительство стало проводить политику самоизоляции страны. Все контакты и торговля с иностранцами были ограничены несколькими портами, а попытка покинуть пределы страны каралась смертной казнью. Несмотря на это, торговля и морское сообщение с регионом *Эдзо* постепенно набирали все большие обороты. При этом японцы не стремились изучить регион и населяющие его народы, а все отношения строились только на традиционной системе мировоззрения.

Княжество Мацумаэ, в чьем владении находились территории айнов, имело довольно широкую автономию при условии, что налоги от торговли с айнами будут исправно поступать в государственную казну. Торговые связи с местными народами имели большое значение для княжества, а некоторые особо ценные товары (такие, как орлиные хвосты и шкуры калана) входили в официальный список подношений сегуну. Пользуясь сезонными миграциями племен айнов, японцы получали все необходимые товары в нескольких торговых постах на Хоккайдо и, позже, на Южном Сахалине. При такой системе управления им и не требовалось глубоко изучать регион [Бойл, 2012, с. 134].

Постепенно японцы перешли от торговли с айнами к контролю над добываемыми ими ресурсами. На протяжении XVII–XVIII вв. труд местного населения стал жестоко эксплуатироваться, что приводило к военным столкновениям и казням айнских лидеров. Подобное обращение оправдывалось «неполноценностью» айнов, их нецивилизованностью. Часто их даже не считали людьми. Это может подтверждаться тем, что сам термин *Эдзо* означал как сам народ, так и территорию его проживания, и мог считаться не более чем природным ресурсом, который можно и нужно эксплуатировать на благо Японии.

Несмотря на политику самоизоляции, к середине XVIII в. японские ученые преуспели в изучении западной картографии и географии, а также были осведомлены о колониализме западных держав. Под этим влиянием их отношение к региону *Эдзо* и его населению начало изменяться.

В 1720 г. японский ученый Араи Хакусэки (1657–1725) написал труд «Описание эдзо», который стал самым полным описанием народа и земель Эдзо для своего времени. В нем он подробно описывает быт, обычаи и внешность айнов и заключает, что «они не знают ритуала и не знают долга, приближает их к животным, но это лишь потому, что их не обучили!» [Щепкин, 2021, с. 14]. Кроме того, он приводит описание айнов Сахалина и Курил, разделяя их по территориальному признаку.

В 1786 г. японский военный мыслитель Хаяси Сихэй (1738–1793) написал трактат «Общий обзор трех стран с приложением карт и комментарием». В нем была глава, названная «Описание Эдзо», и в ней Хаяси Сихэй описывает страну *Эдзо* и обосновывает необходимость ее подчинения Японии для обеспечения безопасности государственных границ. Трактат отражает знания и взгляды японских ученых на приграничные территории и населяющие их народы.

Хаяси называет айнов «типичными варварами, не имеющими организации и порядка» [Щепкин, 2011, с. 7]. Отдельно выделяются айны восточной части Хоккайдо, которых Хаяси называет «своими айнами» и указывает, что они «по-

добны вассалам». Красной нитью через повествование проходит идея о том, что айнов необходимо обучить технологиям и обычаям развитых стран, принести им плоды цивилизации. Хаяси считает, что айны сами посчитали бы это благим деянием, а Японии это бы принесло огромные богатства и славу для моряков и торговцев. Таким образом, можно было бы распространить влияние вплоть до Сахалина, и кроме того, укрепить государственные границы и обезопаситься от экспансии русских.

Интересны размышления о том, где провести границу между собственно Японией и землей *Эдзо*. Хаяси сообщает, что этой границей служит пролив между Хоккайдо и Хонсю, однако ее следовало бы провести на севере Хоккайдо или даже в айнском поселении *Сирануси* на Южном Сахалине. Из этого становится понятно, что Хоккайдо еще не входил в состав Японии, но уже высказывались идеи о том, что айнов пора обратить в японское подданство и сделать их своими союзниками, а сам остров сделать частью империи.

К концу XVIII в. центральное правительство Японии и клан Мацумаэ, непосредственный участник торговли и эксплуатации айнов, имели разные взгляды на выстраивание дальнейших отношений с айнами, хотя и те и другие считали их варварами.

Правительство *бакуфу*, руководствуясь как традиционной конфуцианской философией, так и западными идеями колониализма, хотело японизировать айнов, обучить и «цивилизовать» их. В том числе и для этих целей в первой половине XIX в. правительство два раза брало регион под свое непосредственное управление. Клан Мацумаэ сопротивлялся этому процессу и запрещал айнам изучать японский язык, носить японскую одежду и прически. Рабочие и купцы из Мацумаэ, которые выступали надсмотрщиками над айнами и переводчиками, часто обращались с айнами как с животными и считали, что они произошли от собак, оправдывая это собственно айнским мифом о своем происхождении. Сами по большей части необразованные, они смотрели на айнов с позиции национального превосходства и стереотипов, мало изменившихся со времен написания трактата *Нихонги* [Siddle, 1996, p. 44]. Такой двойственный образ «северных варваров» сохранялся до самого конца эпохи Токугава, и возможно, в последующем повлиял на ход политики ассимиляции айнов в японское государство.

Таким образом, к концу эпохи Токугава образ айнов в Японии разделится на две составляющие, каждая из которых прошла свой эволюционный путь. На заре становления японского государства среди образованной знати образ «северных варваров» сформировался как демонический, нечеловеческий, не подчиняющийся морали цивилизованного общества. Со временем, под влиянием западных идей и изменяющейся геополитической обстановки, он трансформировался до образа людей, далеких от цивилизации, но готовых принять помощь и ассимиляцию со стороны более сильного соседа. С другой стороны, среди простого и зачастую необразованного населения этот же образ деградировал и потерял свою «цивилизационную» составляющую.

Список литературы

Бойл Эдвард Киеран. Токугава бакуфу ни еру эдзоти-но со:зо: : кокка, ре:ки оеби тидзу (Создание Эдзо сегунатом Токугава: области, территории и карты). // Хоккайдо: дайгакуин хо:гаку кэнкю:ка (Высшая школа права, Университет Хоккайдо). – 2012. – С. 178–218 (на яп. яз.).

Елизарьев В.Н. Подлинная история Курильских островов и Сахалина XVII–XX вв. – М.: Алгоритм, 2007. – 752 с.

Лим С.Ч. Источники об истории борьбы айнского народа в Японии. – Восточный архив. – 2012. – № 2. – С. 76–86.

Щепкин В.В. «Эдзо си» («Описание Эдзо») Хаяси Сихэя (вступительная статья и пер. с японского языка) // Письменные памятники Востока. – 2011. – № 1. – С. 5–17.

Щепкин В.В. Арай Хакусэки. «Описание эдзо» (Предисловие, перевод с японского, комментарии) // Письменные памятники Востока. – 2021. – Т. 18. – № 1. – С. 5–19.

Siddle R. Race, Resistance and the Ainu of Japan. London and New York, Sheffield Centre for Japanese Studies / Routledge Series, 1996. P. 27–28.

Walker B. L. Mamiya Rinzo and the Japanese exploration of Sakhalin Island: cartography and empire. J. of Historical Geography, 2007. – Vol. 33. – P. 283–313.

References

Boyle, Edward Kieran. Tokugawa bakufu ni yoru ezo-chi no sōzō: Kokka, ryōiki oyobi chizu [The Tokugawa Creation of the ezochi : States, Territories and Maps]. Hokkaidōdaigaku daigakuin hōgaku kenkyū-ka [Graduate School of Law, Hokkaido University], 2012. P. 178–218. (In Jap.).

Elizar'ev V. N. Podlinnaya istoriya Kuril'skikh ostrovov i Sakhalina XVII–XX vv. Moscow: Algoritm, 2007. 752 p. (In Russ.).

Lim S. Ch. Istochniki ob istorii bor'by ainskogo naroda v Yaponii. Vostochnyi arkhiv, 2012. N 2. P. 76–86. (In Russ.).

Shchepkin V. V. «Edzo si» («Opisanie Edzo») Khayasi Sikheya (vstupitel'naya stat'ya i per. s yaponskogo yazyka). Pis'mennye pamyatniki Vostoka, 2011. N 1. P. 5–17. (In Russ.).

Shchepkin V. V. Arai Khakuseki. «Opisanie edzo» (Predislovie, perevod s yaponskogo, kommentarii). Pis'mennye pamyatniki Vostoka, 2021. Vol. 18. N 1. P. 5–19. (In Russ.).

Siddle, Richard. Race, Resistance and the Ainu of Japan. London and New York, Sheffield Centre for Japanese Studies / Routledge Series, 1996. P. 27–28.

Walker B. L. Mamiya Rinzo and the Japanese exploration of Sakhalin Island: cartography and empire. J. of Historical Geography, 2007. Vol. 33. P. 283–313.

Сеитов Р.М. <https://orcid.org/0000-0002-7083-7848>

Д.В. Селин¹, Ю.П. Чемякин²

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: selin@epage.ru

² Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия
E-mail: yury-che@yandex.ru

Технико-технологические традиции в гончарстве носителей калинкинской культуры на Барсовой Горе (по материалам селища Барсова гора III/20)

Выполнен технико-технологический анализ керамики калинкинской культуры с селища Барсова гора III/20 (28 сосудов). Определено, что по представлениям гончаров отбирался один вид исходного пластичного сырья – ожелезненные глины. Выявлено пять подвидов глин, различающихся по степени запесоченности и составу естественных примесей. Определены четыре рецепта формовочных масс – однокомпонентные: 1) глина + шамот (16 изд.); многокомпонентные: 2) глина + шамот + песок (2 изд.); 3) глина + шамот + органический раствор (8 изд.); 4) глина + шамот + песок + органический раствор (2 изд.). Начин одного сосуда изготовлен по донно-емкостной программе. Полое тело изготавливалось при помощи лоскутного налепа, на внутренней поверхности обнаружены отпечатки, предположительно, формы-основы. Поверхности посуды обрабатывались при помощи механического заглаживания и лощения, определено 18 вариантов комбинирования разных инструментов. Обжиг сосудов мог выполняться в восстановительной или полувосстановительной среде. По отдельным технико-технологическим характеристикам керамика калинкинской культуры с Бг III/20 схожа с посудой барсовской, белоярской и кулайской культур. Это выражается в использовании похожего исходного сырья и использовании шамота как основной минеральной примеси. С керамикой сургутского варианта кулайской КИО ее также сближает применение лоскутного налепа. Однако, между керамикой сургутского варианта кулайской КИО и калинкинской культуры с Бг III/20 имеются и значимые различия, проявляющиеся на уровне приспособительных и субстратных технологических навыков. В первую очередь это выражается в использовании дресвы в производстве сосудов сургутского варианта кулайской КИО и применении ленточного налепа.

Ключевые слова: Сургутское Приобье, Барсова Гора, ранний железный век, калинкинская культура, керамика, технико-технологический анализ.

D.V. Selin,¹ Yu.P. Chemyakin²

¹ Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: selin@epage.ru

² Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russia
E-mail: yury-che@yandex.ru

Technique-Technological Traditions in the Pottery of the Kalinkino Culture on Barsova Gora (Based on the Materials of the Settlement of Barsova Gora III/20)

A technical and technological analysis of ceramics of the Kalinkinoculture from the settlement of Barsova Gora III/20 (28 vessels) was carried out. It is determined that, according to the ideas of potters, one type of initial plastic raw material was selected - ferruginous clays. Five subspecies of clays have been identified, differing in the degree of sand content and the composition of natural impurities. Four recipes for clay paste have been identified: 1) clay + chamotte (16 vessels); multicomponent: 2) clay + chamotte + sand (2 vessels); 3) clay + chamotte + organic solution (8 vessels); 4) clay + chamotte + sand + organic solution (2 vessels). The vessels were made with the help of patchwork molding; on the inner surface, imprints, presumably, of the base form, were found. The surfaces of the dishes were processed using mechanical smoothing and polishing, 18 options for combining different tools were determined. Vessels firing could be performed in a reducing or semi-reducing environment. According to certain technical and technological characteristics, ceramics of the Kalinkinoculture from Barsova Gora III/20 are similar to the dishes of the Barsovo, Beloyarka and Kulay cultural and historical community. This is expressed in the use of similar clays and the use of chamotte as the main mineral impurity. With the ceramics of the Surgut variant of the Kulay cultural and historical community, it is also brought together by the use of patchwork molding. However, there are also significant differences between the ceramics of the Surgut variant of the Kulay cultural and historical community and the Kalinkinoculture from Barsova Gora III/20, which are manifested at the level of adaptive and substrate technological skills. First of all, this is expressed in the use of broken stone in the production of vessels of the Surgut variant of the Kulay cultural and historical community and the use of band molding.

Keywords: Surgut Ob region, Barsova Gora, Early Iron Age, Kalinkino culture, ceramics, technical and technological analysis.

Калинкинская археологическая культура (АК) в Сургутском Приобье – до сих пор одна из проблемных культур региона. Первые ее памятники были открыты еще в 1971 г., в самом начале охранных работ Уральской археологической экспедиции (УАЭ) Уральского гос. ун-та в зоне строительства железнодорожного моста через Обь на Барсовой Горе. Несколько лет активных раскопок прошло в накоплении и осмыслении абсолютно нового материала с гигантской территории Сургутского Приобья, представлявшей собой белое пятно на археологической карте страны. Уже в первые годы раскопок на Барсовой Горе были выявлены десятки поселений и городищ, остатки сотен жилищ, давшие оригинальные материалы, часто не имевшие аналогов на сопредельных территориях. Сложности в их изучении были связа-

ны и с отсутствием методики раскопок в зоне подзолистых почв, и с единичными случаями перекрытия слоев с разнокультурными материалами. Поэтому актуальной задачей для свердловских археологов стало создание культурно-хронологической периодизации древностей Сургутского Приобья. Важную роль в этом сыграли редкие стратиграфические наблюдения на ряде памятников.

Сама Барсова Гора представляет собой урочище на высоком правом коренном берегу р. Оби, в 6–7 км к западу от современной границы г. Сургута. С запада его ограничивает речка Калинина (Калинкина), с востока – речка Барцевка, с юга – протоки Микишина и Утопая, с севера – болото Поганое. Береговая терраса, изрезанная многочисленными логами, протянулась в длину на 8,5 км и достигает в высоту 33 м. К сегодняшнему дню здесь на площади примерно 6 км² обнаружено ок. 400 памятников (селищ, городищ, могильников, святилищ, местонахождений и т.д.), датируемых от неолита до Нового времени [Челякин, Зыков, 2004].

Уже в 1972 г. одному из авторов посчастливилось работать на комплексе памятников раннего железного века в глубине Барсовой горы. Раскопом был накрыт двухплощадочный объект 239 и пять объектов, расположенных к С, Ю и В от него [Челякин, 2021]. Выяснилось, что западная площадка объекта 239 представляла собой самостоятельное городище (Барсов городок III/3), возникшее на площадке более раннего памятника (Барсов городок III/2). В свою очередь, при строительстве городища Барсов городок III/2 были частично нарушены руины жилой постройки (объект 240 селища Барсова гора – далее БгIII/3). При анализе керамических коллекций оказалось, что они представляют разные культурные типы, позже отнесенные к белоярской, калинкинской и кулайской культурам. В 1974 г. при раскопках городищ Барсов городок I/13 и Барсов городок I/14 также было зафиксировано более позднее положение первого (калинкинского) относительно второго (белоярского) [Челякин, 1981]. Названия культурам были даны в 1981–1985 гг. одним из авторов, а до этого в публикациях свердловчан фигурировали памятники (керамика) I (II, III и т.д.) типа или I (II, III и т.д.) группы.

В самом начале исследований на Барсовой Горе В.Ф. Генингом была сформирована группа молодых археологов, занимавшаяся систематизацией новых материалов. К середине 1970-х гг. ей были выделены 5 групп керамики (= памятников) конца бронзового – раннего железного веков, первоначально не имевших названия. При этом сложилось два взгляда на культурогенез в регионе. М.В. Елькина считала эти группы генетически связанными (лишь происхождение четвертой группы (совр. калинкинская культура) осталось непонятным) [Елькина, 1977; 1981]. В одной из своих работ, посвященных систематизации и периодизации древностей раннего железного века Сургутского Приобья, она лишь вскользь заметила, что памятники четвертой группы могли сосуществовать с третьей или быть переходными к пятой [Елькина, 1978, с. 112]. Интересно, что сравнивая материалы первых двух групп (соврем. барсовской и атлымской культур) с памятниками эпохи бронзы, она тем не менее рассматривала их в рамках раннего железного века. Ю.П. Челякин предположил две волны миграций в Сургутское Приобье – в конце бронзового века (с севера, атлымские племена) и в начале раннего железного века (с юга или юго-востока, калинкинские группы) [Челякин, 1989]. Последнюю точку зрения отно-

сительно древностей бронзового века поддержал Е.А. Васильев [1982, с. 11]. С ней согласились и свердловские археологи [Зыков, Федорова, 1993].

В своей обобщающей работе, посвященной кулайской культуре, Л.А. Чиндина в рамках васюганского этапа (VI – II–I вв. до н.э.) выделила шесть групп керамики. Из них пять групп (2–6) – хроно-типологические, выделенные в первую очередь на материалах Нарымского Приобья, а первая – территориальная, распространенная в Сургутском Приобье. В эту первую группу она включила разновременные и разнокультурные, с точки зрения уральских археологов, памятники, в том числе калинkinской культуры [Чиндина, 1984, с. 16, 24, 84, 103]. Опираясь на скудную в то время информацию о калинkinских памятниках (4-й группы), Н.В. Полосьмак предложила рассматривать их в рамках новочекинской культуры [Полосьмак, 1987, с. 105–106].

Такая неопределенность относительно калинkinской культуры объясняется тем, что за пределами Сургутского Приобья ее памятники неизвестны, а в этом регионе она не имеет местных корней, то есть является культурой-мигрантом. В этой связи большой интерес представляет технико-технологический анализ калинkinской керамики и сравнение его с результатами подобного анализа местной (белоярской и кулайской) керамикой раннего железного века. Для сравнения нами была выбрана коллекция селища БгIII/20, которое было исследовано Ю.П. Чемякиным в 1988–1991 гг.

Первый план группы древних объектов на окраине поселка Мостоотряда-29 был снят еще в 1974 г. топогруппой физфака УрГУ. Они находились на ровном участке третьей надпойменной террасы, в 0,14–0,2 км к северу от берега протоки Утоплой на высоте 30–33 м от уровня воды (рис. 1). Площадь памятника ок. 8 000 м². В 1985 г. он был осмотрен Н.Н. Новиченковым и А.П. Зыковым. К 1988 г. объекты в северо-западной части памятника были уничтожены дорогой и домами современного пос. Барсово. Часть объектов (25–30 площадок и неглубоких впадин, в основном с обваловкой, и ок. 10 небольших впадин) сохранилась на его юго-восточной окраине, между поселком и базой отдыха «Барсова гора». Выделялся ряд из пяти площадок, примыкавших друг к другу и ориентированных по линии ЮЗ–СВ (рис. 1). Такая планировка типична для поселений калинkinской культуры. Очевидно, к этому же поселку относились две большие и одна маленькая площадки, примыкавшие к ряду с юго-западного конца, площадка севернее ряда, раскопанная в 1990 г., и еще несколько небольших объектов северо-восточнее ряда. Это скопление получило наименование селище БгIII/20.

Остальные объекты, из которых семь раскопано, условно объединены в селище БгIII/19 и отнесены к белоярской культуре. Судя по планировке, они не одновременны и могут отражать перестройки внутри поселка. Не исключено также, что ряд объектов хронологически и культурно не связан ни с белоярским, ни с калинkinским селищами, но выяснить это можно только раскопками.

В 1988 г. Ю.П. Чемякиным начались спасательные раскопки селищ БгIII/19, 20, продолжавшиеся четыре года. Остатки построек, вскрытых в 1988–1989 гг., содержали материалы белоярской культуры раннего железного века (селище БгIII/19). Но в двух жилищах встречены обломки сосудов калинkinской куль-

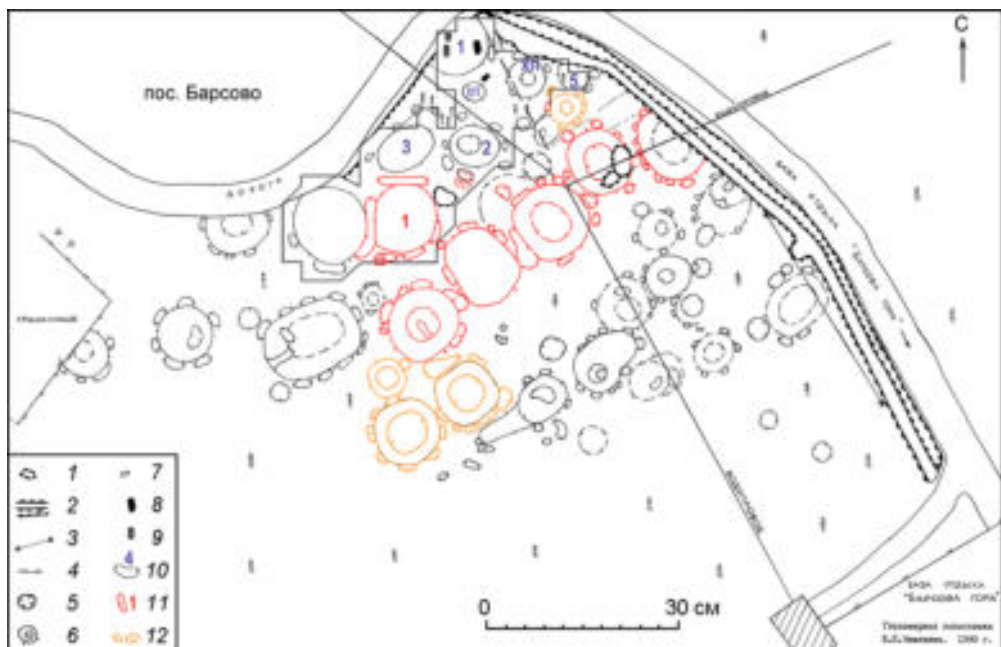

Рис. 1. План селищ Барсова гора III/19, 20.

1 – навалы грунта; 2 – траншеи и отвалы из них; 3 – линия электропередачи; 4 – забор; 5 – впадины; 6 – площадки; 7 – ямы; 8 – погребения; 9 – предполагаемые погребения; 10 – объекты белоярской культуры; 11 – объекты калинкинской культуры; 12 – объекты предположительно калинкинской культуры.

туры, причем в жилище 2 ими были насыщены центральный очаг и одна из ям. С калинкинской культурой связаны также очаг в одной из ям и внешние ямы, окружавшие объект в виде приподнятой площадки, вскрытые восточнее жилища 3 и южнее жилища 2. Стратиграфически в ряде случаев удалось выявить более позднее положение калинкинских объектов (селище БГIII/20).

В 1990 г. было исследовано жилище 1 этого селища. До раскопок оно представляло собой площадку, окруженную валообразной насыпью шириной ок. 1,5–2 м. Диаметр площадки вместе с насыпью примерно 8,0–8,5 м. С внешней стороны она была окружена ямами овальной, иногда изогнутой формы, просматривавшимися визуально. Центральная часть площадки находилась на уровне окружающей поверхности или чуть превышала ее. Обваловка в среднем возвышалась над поверхностью на 10–15 см.

Раскопки показали, что жилище было наземным. На его полу частично сохранился погребенный подзол. В центральной части постройки он представлял собой мозаику из отдельных пятен или отсутствовал, а по периметру – сливался с современным подзолом или обрывался перед внешними ямами. С западной, северной и отчасти южной сторон белый погребенный подзол перекрывался густо-черной прослойкой. Возможно, зафиксированные границы погребенного подзола и культурного слоя в южной половине сооружения повторяли границы жилища. В этом случае можно предполагать его подпрямоугольную или подквадратную форму, размер ок. 8,5 × 7,5–8,0 м.

В центре постройки были вскрыты остатки очага 1 в виде овальной линзы бурой супеси с включениями многочисленных жженных косточек, угольков и керамики. Размер ее 1,5×1,07 м, мощность до 20 см. В основании линзы наблюдались черные прослойки толщиной до 7 см, а ниже – прокал мощностью до 10 см. В толще очажного слоя найдены фрагменты сосудов калинкинской культуры и обломки глиняной полой поделки, вся внешняя поверхность которой была украшена рядами оттисков гладкого штампа. Небольшой очаг 2 находился в углублении ближе к южной стене, а очаг 3 – под обваловкой у этой же стены.

В жилище найдены фрагменты и развалы сосудов калинкинской культуры (рис. 2–4); особенно большие скопления были у предполагаемой восточной сте-

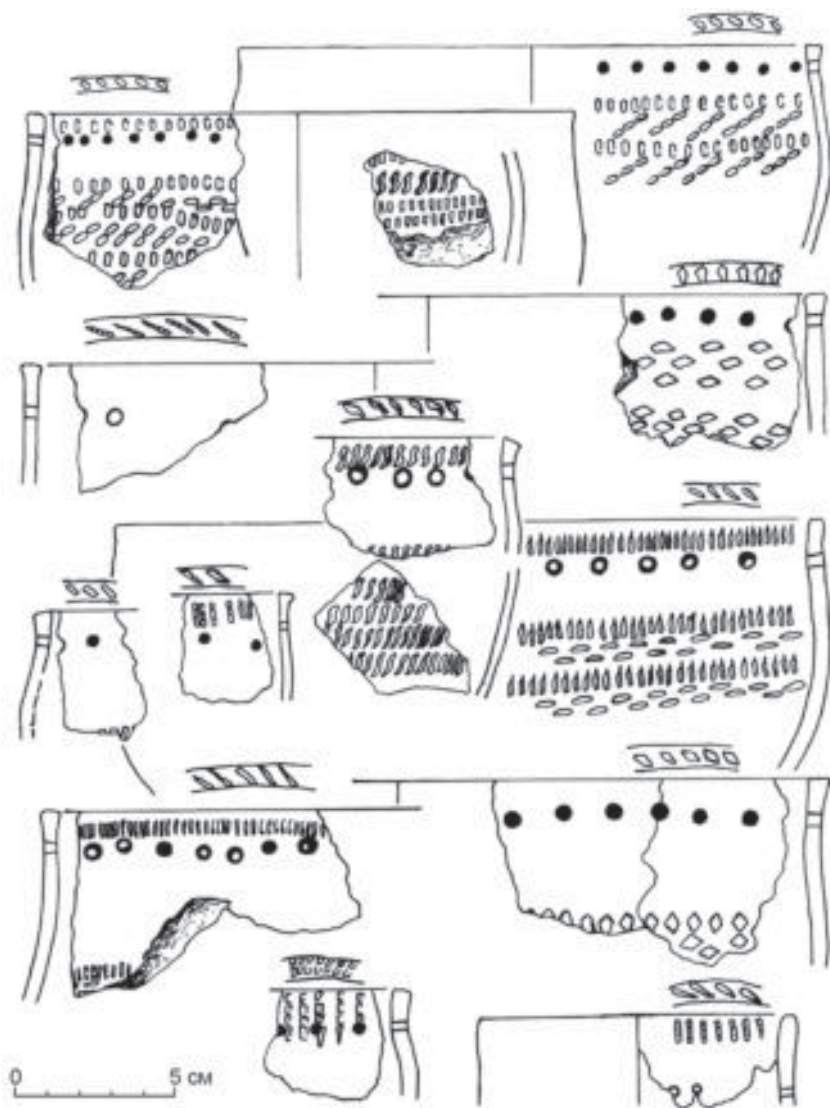

Рис. 2. Селище Барсова гора III/20. Керамика.

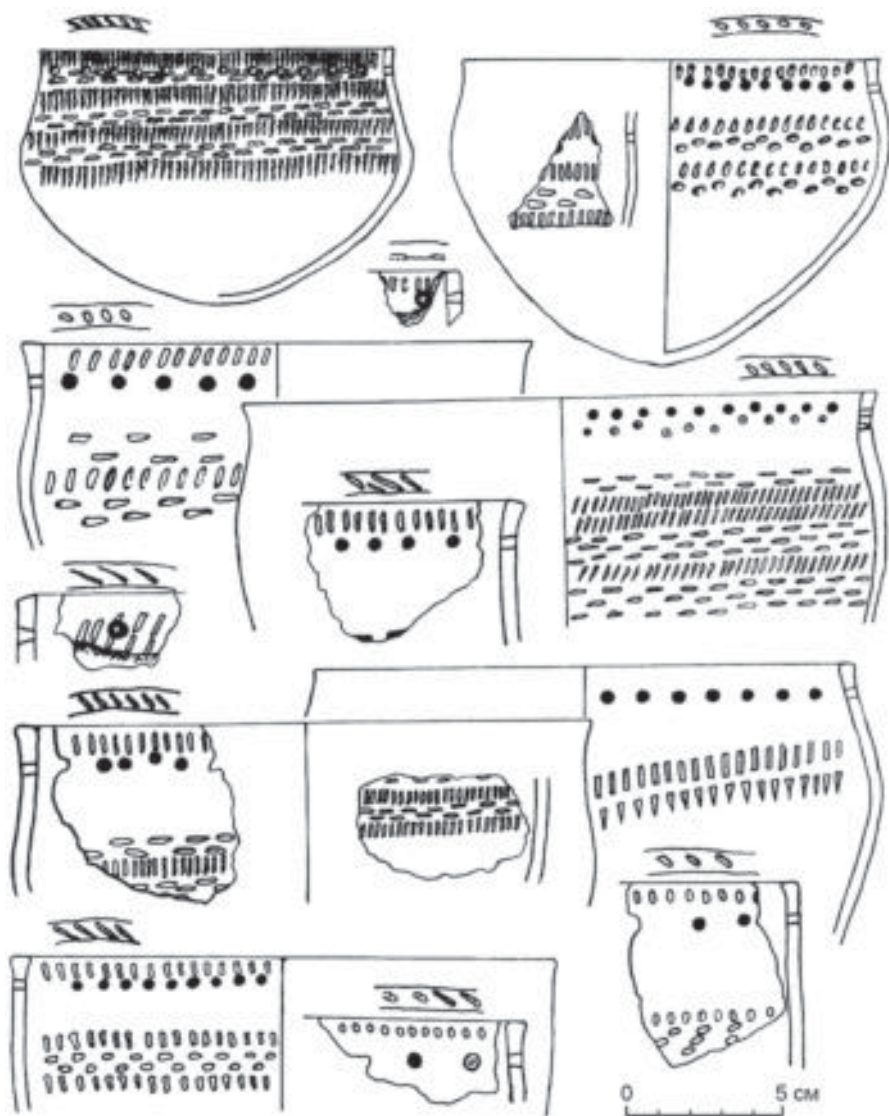

Рис. 3. Селище Барсова гора III/20. Керамика.

ны постройки. Кроме них, были обнаружены обломки тигля, две капли бронзы и несколько орудий на гальках.

С внешней стороны жилища было окружено восемью ямами, откуда, очевидно, брался песок для присыпки стен. В одной из них, напротив юго-восточного угла, расчищены многочисленные обломки и развалы калинкинских сосудов, найден фрагмент тигля. Скорее всего, яму использовали в каких-то хозяйственных целях. Калинкинская керамика обнаружена еще в четырех внешних ямах, находившихся севернее жилища.

Примерно в 5 м к СВ от жилища раскопаны остатки слабо фиксированной хозяйственной постройки подквадратной формы, размером $2,5 \times 2,5$ м, с неров-

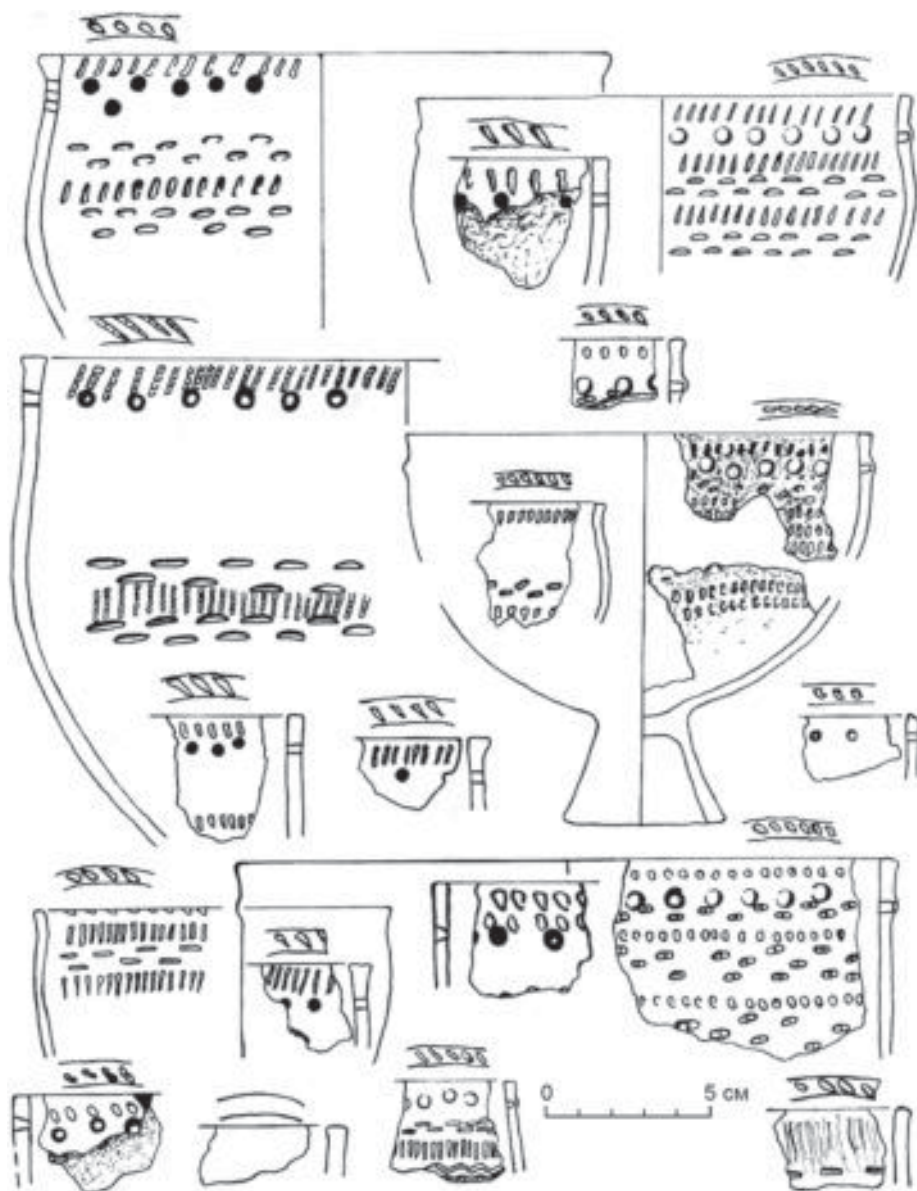

Рис. 4. Селище Барсова гора III/20. Керамика.

ным полом, углубленным в разных местах на 25–65 см. Внутри нее также найдены фрагменты сосудов калинкинской культуры

Судя по зафиксированной местами стратиграфии, калинкинский поселок возник позже белоярского. Он сохранился лучше – визуально хорошо прослеживается ряд из пяти жилищ, из которых лишь восточное слегка повреждено при прокладке водопровода к базе отдыха. В то же время нельзя исключить вероятность смешанного поселка, где рядом стояли сооружения представителей обеих культур, а совместное залегание разнокультурных остатков объясняется как их нахож-

дением в одном жилище, так и возможными перестройками в пределах поселка.

Предварительная обработка керамической коллекции осуществлена С.А. Гусевым, насчитавшим в ней обломки 96 сосудов, в том числе 81 венчик [Гусев, 2003]. Посуда с округлым или приостренным дном, иногда на поддонах (рис. 2–4). В калинкинском жилище найден плоскодонный сосуд, что является редкостью (единичные плоскодонные сосуды известны на селище Барсова гора I/43 и городище Кучиминское XIII). В коллекции присутствуют как чашевидные (с вертикальной или слабо отогнутой высокой шейкой и прямыми плечиками), так и горшковидные (со слегка отогнутой наружу шейкой) и котловидные (с загнутым внутрь плечиком, иногда с отогнутым наружу венчиком) емкости. Большинство венчиков в коллекции плоские, прямые и расширяющиеся во внешнюю сторону или в обе стороны.

Абсолютное большинство сосудов орнаментировано в верхней трети, редко половине. Украшался и венчик. В качестве орнаментов выступали штампы, среди которых преобладали гладкий и гребенчатый. Венчик декорировался оттисками преимущественно с наклоном влево, процентное соотношение гладкого и гребенчатого штампов на венчиках составило 75 : 25. На боковой поверхности это соотношение равно 73 : 14,4, еще 12,6 % составили оттиски S-видного («уточка»), ромбического и других штампов.

Орнаментальные композиции построены зонально. Под венчиком, как правило, помещался поясок наклонных или вертикальных оттисков штампа, редко эта зона оставалась не украшенной. Под ней находился т.н. разделительный поясок из ямок или жемчужин, ниже которого обычно была свободная от узоров зона. Зону на плечиках составляли пояски вертикальных (наклонных) оттисков штампа, чередовавшиеся с поясками горизонтальных, расположенных в шахматном порядке оттисков. Такая композиция на плечиках является своеобразным маркером посуды калинкинской культуры. Реже зона на плечиках состояла из нескольких (2–5) одинаковых поясков вертикальных или наклонных оттисков, еще реже на ней помещались геометрические узоры, в основном зигзаги.

Целью исследования является реконструкция содержания ступеней гончарного производства у носителей калинкинской культуры с селища Бг III/20.

Технико-технологический анализ проведен для 28 сосудов, выполнен по методике, предложенной А. А. Бобринским, в соответствии с естественной структурой гончарного производства [Бобринский, 1978; 1999]. Определения проводились при помощи бинокулярной микроскопии (микроскоп Leica M51) поверхностей и изломов изделий с последующим сравнением с экспериментальной коллекцией технологических следов. Выделяя технологическую информацию, авторы также использовали специализированную научную литературу и «Каталог эталонов по керамической трасологии» (см. например: [Бобринский, 1978; 1999; Цетлин, 2012; 2017; Васильева, Салугина, 2020] и др.).

Результаты исследования керамики

Отбор исходного пластичного сырья. Для создания посуды гончарами отбирались ожелезненные глины. Определено пять подвидов глины:

Глина 1 (2 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественной примесью пылеватого и мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 2 включений на 1 см²). Зафиксированы единичные включения обрывков растительности, мелких фрагментов раковин моллюсков и фракции мелкого и среднего окатанного бурого железняка.

Глина 2 (20 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественной примесью пылеватого и мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 6 включений на 1 см²). В 17 сосудах зафиксированы включения фракций только мелкого и среднего (12 изд.) или разноразмерного (5 изд.) окатанного бурого железняка.

Глина 3 (2 изд.) – среднезапесоченное сырье с естественной примесью пылеватого и мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 20 включений на 1 см²) и разноразмерных окатанных фракций бурого железняка.

Глина 4 (1 изд.) – среднезапесоченное сырье с естественной примесью пылеватого и мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 20 включений на 1 см²). Зафиксированы разноразмерные обрывки растительности и фракции мелкого окатанного бурого железняка.

Глина 5 (3 изд.) – высокозапесоченное сырье с естественной примесью пылеватого и мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (концентрация песка составляет 1 : 4–5). Выявлены фракции только мелкого (1 изд.) или разноразмерного (2 изд.) окатанного бурого железняка.

Составление формовочных масс. Определено четыре рецепта формовочной массы (рис. 5): однокомпонентные: 1) глина + шамот (16 изд.); многокомпонентные: 2) глина + шамот + песок (2 изд.); 3) глина + шамот + органический раствор (8 изд.); 4) глина + шамот + песок + органический раствор (2 изд.).

Шамот обнаружен во всей проанализированной посуде (рис. 5, 1–3). В большинстве сосудов (26 изд.) он не калибровался. В одном сосуде обнаружена калибровка шамота по верхней границе ($\leq 1,9$ мм) и по нижней ($\geq 1,9$ мм). Окатанный песок обнаружен в четырех сосудах (рис. 5, 4), он калибровался по верхней границе ($\leq 0,9$ мм). Шамот вводился в исходное сырье в концентрации, преимущественно, 1 : 4–5 (15 изд.) и в 1 : 5–7 (11 изд.; табл. 1). Выявленные две основных пропорции смешивания шамота и глины могут свидетельствовать о наличии у гончаров с этого памятника двух традиций пропорциональности введения шамота в формовочную массу. Песок вводился в пропорции 1 : 2 (1 изд.); 1 : 3 (1 изд.); 1 : 4 (2 изд.). Следует отметить, что в смешанных рецептах формовочной массы, когда шамот и песок добавлялись совместно, концентрация шамота в этих случаях не превышала пропорции 1 : 5–7. В четырех сосудах, изготовленных по рецептам глина + шамот и глина + шамот + органический раствор, обнаружен шамот в шамоте, что свидетельствует об устойчивости добавки этой примеси в формовочную массу.

Искусственная примесь органики выявлена в 10 сосудах и представлена органическим раствором в виде аморфных разноразмерных пустот, заполненных изнутри черным глянцевым веществом (рис. 5, 2).

Корреляция подвидов глин и рецептов формовочной массы показала, что в самую распространенную глину 2 вводился весь ассортимент рецептов формовочной массы (табл. 2). Все рецепты с искусственной добавкой песка и орга-

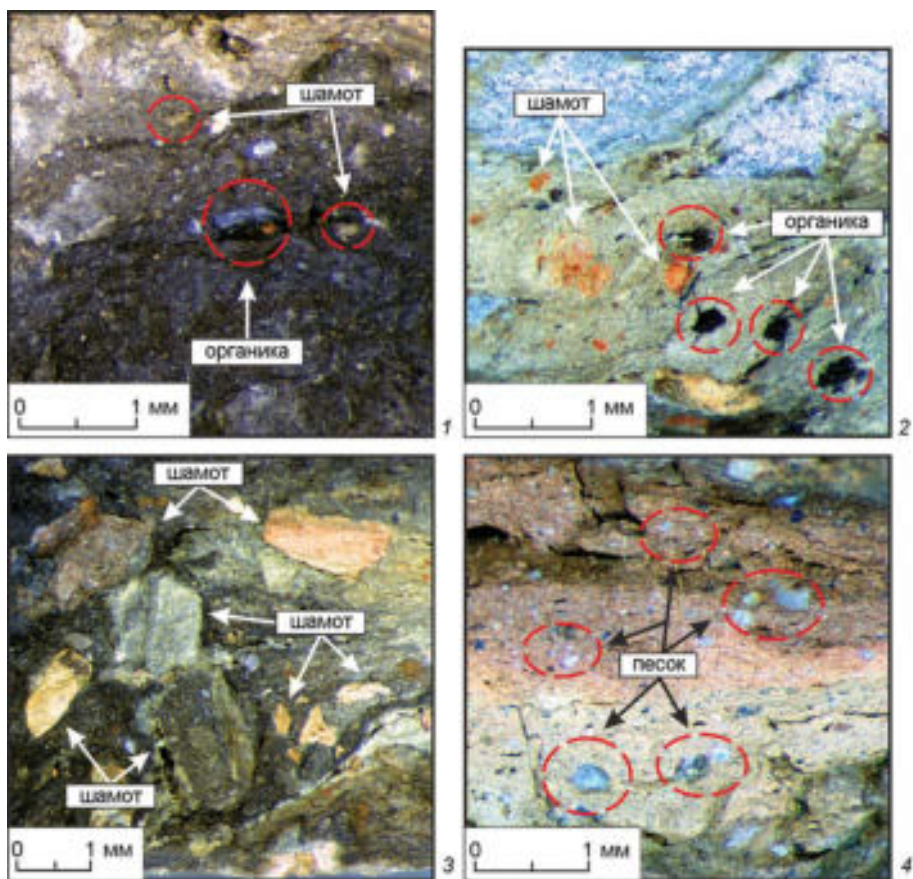

Рис. 5. Микрофотографии изломов керамики калинкинской культуры селища Барсова гора III/20:

1, 2 – шамот и органика; 3 – шамот; 4 – искусственно добавленный песок.

нического раствора употреблялись только с глиной 2. Несмешанный рецепт глина + шамот использовался со всеми выделенными подтипами глин, что может свидетельствовать о наличии нескольких групп гончаров, использовавших для изготовления посуды разные глинища, где сырье отличалось разной степенью запесоченности и наличием других естественных добавок. Или же гончары использовали разные глинища в зависимости от их доступности в разных климатических (сезонных) условиях.

Конструирование начина и полого тела. Определить надежно тип начина удалось у одного сосуда – он изготовлен по донно-емкостной программе при помощи лоскутного налепа. Внешний край дна этого изделия был подрезан гладким инструментом, возможно, так он снимался с поворотного столика. Полое тело наращивалось при помощи лоскутов (23 изд.). На внутренней поверхности трех изделий зафиксированы отпечатки рубчатой формы-основы. На двух сосудах зафиксированы случаи дополнительного оформления венчика с внутренней стороны небольшим жгутиком диаметром до 2 см.

Таблица 1. Соотношение концентраций минеральных примесей в керамике калининской культуры селища Барсова гора III/20

Концентрация	Шамот	Песок
1 : 2	–	1
1 : 2–3	1	–
1 : 3	–	1
1 : 3–4	1	–
1 : 4	2	2
1 : 4–5	5	–
1 : 5	8	–
1 : 5–6	5	–
1 : 6	3	–
1 : 6–7	3	–
<i>Всего</i>	28 изд.	4 изд.

Таблица 2. Корреляция подвидов глин и рецептов формовочной массы керамики калининской культуры селища Барсова гора III/20

Подтип	Количество изделий			
	Г + Ш	Г + Ш + П	Г + Ш + ОР	Г + Ш + П + ОР
Глина 1	3	–	–	–
Глина 2	7	2	8	2
Глина 3	2	–	–	–
Глина 4	1	–	–	–
Глина 5	3	–	–	–
<i>Всего</i>	16	2	8	2

Примечание. Г – глина; Ш – Шамот; П – песок; ОР – органический раствор.

Обработка поверхностей сосудов. Поверхности посуды обрабатывались при помощи механического заглаживания различными инструментами в разнообразных сочетаниях (26 изд.) или комбинацией механического заглаживания и лощения (2 изд.) (табл. 3). Внешняя поверхность сосудов заглаживалась зубчатым орудием (18 изд.), пальцами (2 изд.), травой (2 изд.). Выявлено совместное заглаживание пальцами и травой (1 изд.); зубчатым орудием и мягким материалом (1 изд.); твердым гладким орудием и пальцами (1 изд.); зубчатым орудием и пальцами (1 изд.); зубчатым орудием и последующим лощением (1 изд.); твердым гладким орудием и последующим лощением (1 изд.). Выявлена дополнительная обработка венчика пальцами (3 изд.). Внутренняя поверхность заглаживалась зубчатым орудием (16 изд.), пальцами (7 изд.), мягким материалом (1 изд.). Определено совместное

Таблица 3. Соотношение инструментов обработки внешней и внутренней поверхности сосудов калинкинской культуры селища Барсова гора III/20

№	Внешняя поверхность	Внутренняя поверхность	Изд.
1	Заглаживание зубчатым орудием	Заглаживание зубчатым орудием	7
2	Заглаживание зубчатым орудием	Заглаживание зубчатым орудием, заглаживание венчика пальцами	2
3	Заглаживание зубчатым орудием	Заглаживание пальцами	3
4	Заглаживание зубчатым орудием	Заглаживание зубчатым орудием и пальцами	1
5	Заглаживание зубчатым орудием	Заглаживание мягким материалом, переход от венчика к плечу заглажен зубчатым орудием	1
6	Заглаживание зубчатым орудием и мягким материалом	Заглаживание зубчатым орудием	1
7	Заглаживание зубчатым орудием и лощение	Заглаживание зубчатым орудием	1
8	Заглаживание зубчатым орудием и пальцами	Заглаживание зубчатым орудием, заглаживание венчика пальцами	1
9	Заглаживание зубчатым орудием, заглаживание венчика пальцами	Заглаживание зубчатым орудием	1
10	Заглаживание зубчатым орудием, заглаживание венчика пальцами	Заглаживание зубчатым орудием, заглаживание венчика пальцами	2
11	Заглаживание зубчатым орудием, заглаживание венчика пальцами	Заглаживание пальцами	1
12	Заглаживание травой	Заглаживание травой и пальцами	1
13	Заглаживание травой	Заглаживание зубчатым орудием, отпечатки рубчатой формы-основы	1
14	Заглаживание пальцами	Заглаживание пальцами	1
15	Заглаживание пальцами	Отпечатки формы-основы, заглаживание венчика пальцами	1
16	Заглаживание пальцами и травой	Заглаживание пальцами и травой	1
17	Заглаживание твердым орудием и пальцами	Заглаживание пальцами	1
18	Заглаживание твердым гладким орудием, лощение	Заглаживание пальцами, следы формы-основы	1
		<i>Всего</i>	28

заглаживание пальцами и травой (2 изд.), пальцами и зубчатым орудием (1 изд.). Установлена дополнительная обработка венчика пальцами (5 изд.). На одном сосуде определено специфическое заглаживание перехода от венчика к плечу зубчатым орудием. Определено 18 вариантов комбинирования разных инструментов при обработке внешней и внутренней поверхности (табл. 3).

Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости. Изделия обжигались при температурах выше каления глины (от 550–650° до 900–1100°), что подтверждается отсутствием явления остаточной пластичности, характерного для низкотемпературного обжига, и следов спекания глины до стекловидного состояния, типичных для температур выше 900–1200°. Изломы одноцветные коричневые (7 изд.), темно-серые (5 изд.); светло-коричневые (2 изд.), светло-серые (1 изд.), двуцветные со светло-коричневым внешним краем и серой внутренней поверхностью (6 изд.), со светло-коричневыми краями и темно-серым центром (5 изд.), с темно-серыми краями и светло-коричневым центром (2 изд.). Обжиг сосудов мог проходить в восстановительной или полувосстановительной среде.

Заключение

По результатам технико-технологического анализа определено, что гончарами селища БгI/20 отбирался один вид исходного пластичного сырья – ожелезненные природные глины. Установлено пять подвидов глин, различающихся по степени запесоченности и наличию включений раковин и обрывков растительности. Выделено четыре рецепта формовочной массы, во всех использовался шамот. Доминирующими рецептами являются глина + шамот (16 изд.) и глина + шамот + органический раствор (8 изд.). Песок не является распространенной минеральной примесью, он зафиксирован только в связке с шамотом, дублируя его функции. Это позволяет предположить, что на БгIII/20 проживала группа гончаров со смешанными гончарными навыками, когда в исходное сырье добавлялся одновременно шамот и песок.

Начин одного сосуда был изготовлен по донно-емкостной программе, полое тело наращивалось при помощи лоскутного налепа. Поверхности сосудов обрабатывались механическим заглаживанием и лощением, выполнявшимися различными инструментами в разнообразных сочетаниях, выделено 18 вариантов. Обжиг мог выполняться в восстановительной или полувосстановительной среде.

Особый интерес представляет сравнение технологии изготовления керамики калининской культуры БгIII/20 с технологиями других культур, известных на Барсовой Горе. Следует отметить, что на всех памятниках керамика проанализирована нами по единой методике, что дает возможность корректно сопоставлять результаты. С посудой барсовской культуры финала бронзового века керамику БгIII/20 сближает использование ожелезненных слабозапесоченных глин, схожих рецептов формовочных масс (глина + шамот и глина + шамот + органический раствор), приемов конструирования полого тела [Селин, Чемякин, 2022в].

Интересно сравнение гончарных традиций калининской культуры с синхронной ей белоярской культурой. По имеющимся к настоящему моменту данным* с памятников БгIII/63 и III/66, гончары белоярской культуры использовали, преимущественно, слабозапесоченные ожелезненные глины. Самым распространенным рецептом формовочной массы является несмешанная глина + шамот.

*Технико-технологической характеристике керамики белоярской культуры будет посвящен отдельный цикл публикаций.

На обоих белоярских селищах зафиксированы единичные рецепты с использованием дресвы. На БгIII/63 выявлены два изделия с искусственной примесью песка в составе многокомпонентных рецептов. Полое тело было изготовлено с применением лоскутного налепа, на внутренней поверхности отдельных сосудов зафиксированы отпечатки формы-основы. Керамика калинkinской культуры по своим технико-технологическим характеристикам близка посуде барсовской и белоярской культур, что проявляется в схожести используемого исходного пластичного сырья и доминировании рецепта глина + шамот. Отдельные изделия, изготовленные с добавкой дресвы и песка, могут отражать процессы взаимодействия «белоярцев» с носителями иных гончарных традиций или являться наследием предшествующих культур, таких как атлымская.

Ранее нами было проведено технико-технологическое исследование керамики сургутского варианта кулайской КИО на городищах Барсов городок I/4, I/5, I/7, I/32, III/6 и селище БгIII/2 [Селин, Чемякин, Мыльникова, 2021; Селин, Чемякин, 2021; Селин, Чемякин, 2022а, б; Селин, Чемякин, в печати]. В отличие от традиций кулайских гончаров, в гончарстве калинkinской культуры с БгIII/20 полностью отсутствует добавка дресвы. На городищах Барсов городок I/5, I/7, I/32, III/6, селище БгIII/2 несмешанный рецепт глина + дресва использовался при производстве более 2/3 сосудов. Выделяется городище БгI/4, где на несмешанный рецепт глина + шамот приходится 67 % изделий, в то время как на других памятниках его доля составляет менее 1/3. Помимо этого, для гончарства сургутского варианта кулайской КИО характерно использование как лоскутного, так и ленточного налепов, а также заглаживание зубчатым орудием с внутренней стороны места перехода от плеча к тулову, не свойственное калинkinским гончарам.

На одном из ранних кулайских памятников Сургутского Приобья – городище Барсов городок III/6, рецепт глина + дресва уже является доминирующим и составляет 62 %, а на рецепт глина + шамот приходится 16 % [Селин, Чемякин, Мыльникова, 2021, с. 80]. Это свидетельствует о том, что уже на раннем этапе существования сургутского варианта кулайской КИО несмешанный рецепт с дресвой получает широкое распространение в гончарной традиции, что не характерно, по имеющимся к настоящему моменту данным, для гончарства барсовской, калинkinской и, в значительной мере, белоярской культур. Отличаются и навыки конструирования полого тела – на Барсовом городке III/6 зафиксированы следы использования ленточного налепа. Подобная ситуация характерна и для селища БгIII/2, где на рецепт глина + дресва приходится 64 %, а шамот выявлен только в составе многокомпонентного состава глина + дресва + шамот (28 %) [Селин, Чемякин, 2022б, с. 50]. На Барсовом городке I/5 определены однокомпонентные рецепты с дресвой и шамотом, обнаружены и смешанные составы, где эти примеси употреблялись совместно. Схожая ситуация установлена и на Барсовом городке I/7 [Селин, Чемякин, 2022а].

Таким образом, по отдельным технико-технологическим характеристикам керамика калинkinской культуры с БгIII/20 близка посуде барсовской и белоярской культур. Это выражается в использовании похожего исходного сырья, употреблении шамота как основной минеральной примеси и доминировании

рецепта глина + шамот. Применение добавки шамота и лоскутного налепа сближает ее и с керамикой сургутского варианта кулайской КИО. Однако, между ними имеются и значимые различия, проявляющиеся на уровне разных технологических навыков. В первую очередь это выражается в широком использовании кулайскими гончарами Сургутского Приобья дресвы и применении ленточного налепа.

Продолжение комплексного технико-технологического анализа керамики эпохи палеометалла Сургутского Приобья позволит пополнить источниковую базу для реконструкции гончарной технологии населения этой территории, даст возможность выявить особенности ее происхождения и развития, локальные особенности и станет основой для изучения историко-культурных процессов в этом регионе. Актуальной проблемой остается и поиск исходной территории создателей калинkinской культуры.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 21-78-00039.

Список литературы

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Сам. гос. педагог. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Васильев Е.А. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1982. – С. 3–14.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Электронный каталог эталонов по керамической трасологии [Электронный ресурс]. Самара, 2020. URL: <http://archsamara.ru/katalog> (дата обращения: 26.04.2022).

Гусев С.А. Керамика калинkinской культуры Сургутского Приобья // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Мат-лы Всерос. (с междунар. участием) 43 археол.-этнограф. конф. молодых ученых. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2003. – С. 216–217.

Елькина М.В. Новые данные о поселениях раннего железного века Сургутского Приобья (к вопросу о культурной принадлежности) // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1978. – С. 71–77.

Елькина М.В. О месте сургутских поселений в раннем железном веке лесной зоны Западной Сибири // ВАУ. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1981. – Вып. 15. – С. 109–112.

Елькина М.В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири (ВАУ Вып. 14). – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1977. – С. 104–118.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 1993. – С. 65–66.

Матвеева Н.П. Остяцкий Живец–II и проблема интерпретации памятников северной тайги // ABORIGINE. – Вып. 7. – 2015. – С. 36–57.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Особенности керамики кулайской культуры (сургутский вариант) городища Барсов городок I/32 (Сургутское Приобье) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2021. – Т. 20. – № 5: Археология и этнография. – С. 116–128.

Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Технологические традиции в керамике кулайской культурно-исторической общности Барсовой Горы (по материалам городищ Барсов городок I/5 и I/7) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2022а. – Т. 21. – № 5: Археология и этнография. – С. 71–88.

Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Керамика населения кулайской культуры (сургутский вариант) селища Барсова гора III/2: технология и традиции // Вестн. археологии, антропологии и этнографии – 2022б. – № 2. – С. 44–57.

Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Технологические особенности керамики носителей барсовской культуры эпохи поздней бронзы (по материалам поселений Барсовой Горы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2022в. – Т. 21. – № 7: Археология и этнография. С. 72–84.

Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Технология керамического производства населения кулайской культурно-исторической общности (сургутский вариант) городища Барсов городок I/4 // РА (в печати).

Селин Д.В., Чемякин Ю.П., Мыльникова Л.Н. Керамика городища эпохи раннего железа Барсов городок III/6 в Сургутском Приобье: Техничко-технологический анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – № 2. – С. 72–84.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: Изд-во ИА РАН, 2012. – 379 с.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. – М.: Изд-во ИА РАН, 2017. – 346 с.

Чемякин Ю.П. Городища Барсов городок I/13 и I/14 // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 62–69.

Чемякин Ю.П. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. педагог. ун-та, 1989. – С. 60–74.

Чемякин Ю.П. Стратиграфия городищ эпохи раннего железа Барсов городок III/2–3 // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. – 2021. – № 69. – С. 73–80.

Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. – Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2004. – 208 с.

References

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istorikokul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problem izucheniya drevnego goncharstva*. Samara: Samara State Univ. Press, 1999. P. 5–109. (In Russ.).

Bobrinsky A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow, Nauka, 1978. 272 p. (In Russ.).

Chemjakin Yu.P. Gorodishha Barsov gorodok I/13 i I/14. In *Problemy zapadno sibirskoj arheologii. Jepoha zheleza*. Novosibirsk: Nauka, 1981. P. 62–69. (In Russ.).

Chemjakin Yu.P. Stratigraphy of Early Iron Age settlements Barsov Gorodok III/2–3. *Vestnik TSU. History*. 2021. N 69. P. 73–80. (In Russ.).

Chemjakin Yu.P. Surgutsкое Приоб'е в epokhu bronzy i rannego zheleza. In *Kul'turnye i khozyaistvennyye traditsii narodov Zapadnoi Sibiri*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Univ. Press, 1989. P. 60–74. (In Russ.).

Chemjakin Yu.P., Zykov A.P. Barsova Gora: arkhеologicheskaya karta. Surgut; Omsk: Omskiy dom pechati Publ., 2004. 208 p. (In Russ.).

El'kina M.V. Novye dannye o poseleniyakh rannego zheleznogo veka Surgutskogo Priob'ya (k voprosu o kul'turnoi prinadlezhnosti). In *Rannii zheleznyi vek Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1978. P. 71–77. (In Russ.).

El'kina M.V. O meste surgutskikh poselenii v rannem zheleznom veke lesnoi zony Zapadnoi Sibiri. In *Voprosy arkhologii Urala*. Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1981. P. 109–112. (In Russ.).

El'kina M.V. Poseleniya rannego zheleznogo veka v Surgutskom Priob'e. In *Arkheologicheskie issledovaniya na Urale i v Zapadnoi Sibiri*. Sverdlovsk: Ural State Univ. Press, 1977. P. 104–118. (In Russ.).

Gusev S.A. Keramika kalinkinskoi kul'tury Surgutskogo Priob'ya. In *Kul'tura Sibiri i sopredel'nykh territorii v proshlom i nastoyashchem: Materialy Vseross. (smezhdunar. uchastiem) 43 arkhool.-etnograf. konf. Molodykh uchenykh*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2003. P. 216–217. (In Russ.).

Matveeva N.P. Ostyatskii Zhivets–II i problema interpretatsii pamyatnikov severnoi taiga. In *AB ORIGINE*. Tyumen', 2015. P. 36–57. (In Russ.).

Polos'mak N.V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987. 144 p. (In Russ.).

Selin D.V., Chemyakin Yu.P. Technological Traditions in Pottery of the Kulay Cultural-Historical Community on Barsova Gora (Based on the Materials of the Sites BarsovGorodokI/5 and I/7). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022. Vol. 21. N 5: Archaeology and Ethnography. P. 71–88. (In Russ.).

Selin D.V., Chemyakin Yu.P. Technological Features of the Ceramics of the Barsovo Culture in the Late Bronze Age (By the Materials from the Archaeological Sites of the Barsova Gora). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022. Vol. 21. N 7: Archaeology and Ethnography. P. 72–84. (In Russ.).

Selin D.V., Chemyakin Yu.P. Features of Ceramics of the Kulay Culture (Surgut Variant) of the BarsovgorodokI/32 Site (Surgut-Ob Region). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021. Vol. 20. N 5: Archaeology and Ethnography. P. 116–128 (In Russ.).

Selin D.V., Chemyakin Yu.P. Pottery from the BarsovGorodok III/6 Early Iron Age Fortified Settlement in the Surgut Stretch of the Ob: A Technological Analysis. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2021. N 2. P. 72–83. (In Russ.).

Selin D.V., Chemyakin Yu.P. Pottery of the population of the Kulayka Culture (Surgut variant) in the settlement of Barsova Gora III/2: technology and traditions. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii*, 2022b. N 2. P. 44–57. (In Russ.).

Selin D.V., Chemyakin Yu.P. Technology of pottery production of the kulayka cultural and historical community population (surgut version) of the Barsovgorodok I/4 fortified settlement. *Russian archaeology*. (In print).

Tsetlin Yu.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istorikokul'turnogo podkhoda. Moscow: IA RAN Publ., 2012. 379 p. (In Russ.).

Tsetlin Yu.B. Keramika. Ponyatiya i terminy istorikokul'turnogo podkhoda. Moscow: IA RAS Publ, 2017. 346 p. (In Russ.).

Vasil'eva I.N., Salugina N.P. Elektronnyy katalog etalonov po keramicheskoy trasologii (Elektronnyy resurs). Samara, 2020. URL: <http://archsamara.ru/katalog>. (In Russ.).

Vasil'ev E.A. Severotaezhnoe Priob'e v epokhu pozdnei bronzy (khronologiya i kul'turnaya prinadlezhnost' pamyatnikov). In *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1982. P. 3–14. (In Russ.).

Zykov A.P., Fedorova N.V. Ob'Irtyskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost' epokhi zheleza. In *Arkheologicheskie kul'tury i kul'turno-istoricheskie obshchnosti Bol'shogo Urala*. Ekaterinburg: IIA UrO RAS Publ., 1993. P. 65–66. (In Russ.).

Селин Д.В. <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>
Чемякин Ю.П. <https://orcid.org/0000-0002-1386-2510>

К.О. Сопова

Омская лаборатория археологии, этнологии
и музеологии ИАЭТ СО РАН
Омск, Россия
E-mail: sopova.kr@gmail.com

Статистическая фиксация массового керамического материала русских памятников Нового времени

В статье представлен алгоритм описания массового керамического материала для памятников Нового времени. Обработка и введение его в научный оборот становится серьезной проблемой, решение которой может заключаться в составлении исследователями статистических таблиц и максимально полной фиксации широкого круга признаков фрагментарного материала. Цель работы – представить алгоритм описания массового керамического материала на примере керамики из русских памятников Нового времени для последующей статистической обработки данных. Для материалов Нового времени общепринятый алгоритм исследования пока не выработан. В рамках предложенного алгоритма предлагается проводить отдельно анализ каждого типа посуды, археологически целых форм, фрагментов венчиков и других частей сосудов. На первом этапе фиксируются признаки, характеризующие технологию изготовления керамики: способы формовки, варианты крепления днища к кругу, способы обжига и др. На втором этапе анализируются морфологические признаки венчиков и днищ. Отдельно учитываются размерные характеристики (диаметр венчиков, днища, общая высота, высота шейки и т.д.), дополнительная обработка поверхности и декор при его наличии. В результате мы получим заполненные таблицы, отдельные для каждого археологического комплекса, типа посуды среди целых форм и фрагментов. Формализованная статистическая фиксация позволяет извлекать объемные массивы новой информации о керамическом производстве изучаемого региона. Процесс анализа массива керамики в рамках представленного алгоритма позволяет достаточно объективно рассмотреть анализируемый материал и получить унифицированные данные, допускающие их сопоставление с аналогичными комплексами других памятников.

Ключевые слова: керамика, археология Нового времени, статистика, Западная Сибирь.

К.О. Sopova

Omsk Laboratory of Archeology, Ethnology
and Museology of IAET SB RAS
Omsk, Russia
E-mail: sopova.kr@gmail.com

Statistical Description of the Mass Ceramic Materials on the Russians Sites of the Modern Age

The article presents an algorithm for describing the mass ceramic material for monuments of Modern Age. The processing and introduction into scientific circulation of collections of mass ceramic material is becoming a serious problem. The solution of this problem may consist in the compilation of statistical tables by researchers and the most complete fixation of a wide range of features of fragmentary pottery material. The purpose of the article is to present an algorithm for describing a mass ceramic material using the example of ceramics from Russian monuments of Modern Age for subsequent statistical data processing. For the materials of the Modern Age, the generally accepted research algorithm has not yet been developed. Within the framework of the proposed algorithm, it is proposed to conduct a separate analysis of each type of tableware, archaeologically whole forms and fragments of corollas and other parts of vessels. At the first stage, the signs characterizing the technology of ceramics manufacturing are fixed: molding methods, options for attaching the bottom to the circle, firing methods, etc. At the second stage, morphological features are analyzed. The dimensional characteristics (diameter of the corollas, bottoms, total height, neck height, etc.), additional surface treatment and decor, if available, are taken into account. As a result, we will get filled tables, separate for each archaeological complex, the type of dishes among the whole forms and fragments. The formalized statistical fixation allows extracting voluminous arrays of new information about the ceramic production of the studied region. The process of analyzing an array of ceramics within the framework of the presented algorithm allows us to fairly objectively consider the analyzed material and obtain unified data allowing their comparison with similar complexes of other monuments.

Keywords: *ceramics, archaeology of the Modern Age, statistic, Western Siberia.*

На сегодняшний день накоплены огромные коллекции обломочного керамического материала с памятников Нового времени. В большинстве случаев нет возможности сохранить их в полном объеме, так как их размеры превышают все имеющиеся резервы музейных хранилищ [Коваль, 2016, с. 5]. Следовательно, необходима регистрация широкого круга признаков не только по каждому обнаруженному сосуду, но и по всем фрагментам керамики, иначе информация о подавляющей массе археологических находок окажется утраченной. Статистические подсчеты позволяют извлекать объемные массивы новых данных о керамике и керамическом производстве. Необходимо учитывать большое количество разнообразных признаков и прежде всего технологических.

Цель работы – представить алгоритм описания массового керамического материала на примере керамики из русских памятников Нового времени для последующей статистической обработки полученных данных.

Общие принципы формализационно-статистической обработки разработаны и изложены в виде «Программы статистической обработки керамики» еще в 70-х гг. прошлого века В.Ф. Генингом [1973]. Автор определяет основные принципы первичного учета признаков, характеризующих керамику, а именно: необходимость установить единую терминологию; единую методику получения характеристик; категории и группы, характеризующие каждый комплекс керамики; относительные и абсолютные величины для анализируемых показателей. Для описания отдельных сосудов или комплекса керамики в целом В.Ф. Генинг ввел

основные категории показателей: абсолютные размеры, форма сосуда, орнаментация, техника изготовления [Генинг, 1973, с. 114–135].

В настоящее время наиболее активно опыт статистической обработки керамики представлен московскими коллегами. П.Е. Русаковым проведена статистическая обработка массового керамического материала с селища Жокино 1 (Рязанская обл.). Учет заключался в распределении керамики на несколько условных групп на основании серии признаков, фиксируемых визуально: наличие или отсутствие дополнительной обработки поверхности (лощение/ангоб), состав примесей в формовочной массе (отдельную группу составляла керамика с примесью слюды), тип обжига, цвет фрагмента после обжига [Русаков, 2012, с. 393].

Методические рекомендации для первичной статистической фиксации массового керамического материала для памятников Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы разработаны В.Ю. Ковалем. Исследователь предлагает еще на этапе полевых работ регистрировать те признаки керамики, которые можно отследить без применения специального оборудования. Особую важность приобретает сам процесс регистрации признаков, их правильное определение на конкретных фрагментах. Автор акцентирует внимание на том, что необходимо разработать единую систему описания керамики по стандартному формуляру и четко установленному алгоритму. В программе В.Ю. Коваля предполагается сначала фиксация признаков, характеризующих технологию изготовления: способ формовки, состав формовочной массы и т.д. Затем – морфологических признаков фрагментов и декор [Коваль, 2016]. Результатом, в соответствии с предложенным В.Ю. Ковалем методом, являются заполненные статистические таблицы, в которых представлены все полученные данные в ходе первичного анализа керамического материала.

Для материалов Нового времени общепринятый алгоритм исследования пока не выработан. Нами предпринята попытка разработать и апробировать такой алгоритм.

Предлагается проводить отдельно анализ каждого типа посуды (горшок, миска, корчага и т. д.). Информация об археологически целых формах, фрагментах венчиков, днищ и стенок сосудов заносится в отдельные таблицы.

На первом этапе коллекция структурируется по типам посуды.

На втором – фиксируются признаки, характеризующие технологию изготовления: 1) способ формовки – лепная; сформованная методом скульптурной лепки с доработкой на круге или поворотном столике; целиком вытянутая на круге из цельного куска глины; 2) способ крепления дна к кругу (в случае сформованной на круге посуды) – фиксируются следы среза ножом/нитью с круга, следы подсыпки песка или золы, реже следы оси гончарного круга, а также отсутствие каких-либо следов; 3) режим обжига – керамика восстановительного обжига (КВО), окислительного (КОО) или восстановительно-окислительного (КВОО).

На третьем этапе происходит фиксация морфологических признаков целых форм, фрагментов венчиков и днищ. Для единства описания используются классификации венчиков и днищ В.Ю. Коваля [2016, с. 55–58].

Отдельно учитываются размерные характеристики. Для целых форм это диаметры по венчику, основанию шейки, максимальный диаметр по тулову, дна, высота шейки и общая высота сосуда, толщина стенок в местах изменения формы. Для фрагментов венчиков высчитывается диаметр, учитывается толщина, по возможности учитывается высота шейки. Для фрагментов дна – диаметр и толщина. Фиксируется наличие или отсутствие дополнительной обработки поверхности: лощение (сплошное, полосчатое, орнаментация лощением), ангоб (сплошное покрытие или роспись), глазурирование. Наличие или отсутствие декора и орнамента.

В результате мы получаем заполненные таблицы, отдельные для каждого археологического комплекса, типа посуды среди целых форм и фрагментов.

По этому алгоритму обработаны коллекции керамики из русских комплексов XVII – начала XX в. В рамках данной статьи рассмотрим процентное распределение внутри керамических комплексов на примере памятника Ананьино-I.

Памятник Ананьино-1 находится на севере Омской обл. (в Тарском р-не). Первое упоминание о деревне в письменных источниках встречается в Дозорной книге Тарского уезда в 1623 г. В конце XIX в. население деревни разъехалось. К моменту проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. д. Ананьино уже не существовало.

В коллекции памятника представлен большой набор керамической утвари. Проанализирован 271 фрагмент и 51 целая форма. Выявлены следующие типы посуды: горшки, корчаги, миски, сковороды, жбаны, сливочники.

В результате анализа и фиксации вышеперечисленных признаков выявились следующие процентные соотношения.

Среди целых форм сосудов – 58 % сформованы методом скульптурной лепки с доработкой на гончарном круге (фиксируются следы стыков лент на внутренней поверхности сосудов, неравномерная толщина и следы заглаживания на круге); 29 % полностью изготовлены ленточным кольцевым наделом и 13 % вытянуты на гончарном круге из цельного куска глины. Среди обломочного материала (венчики и днища) методом скульптурной лепки с доработкой на гончарном круге изготовлены – 73 %, полностью лепного производства – 17 %, изготовлены на гончарном круге – 10 %.

По способу обжига среди целых форм 61 % относится к керамике восстановительного обжига, 4 % – окислительного и 35 % – окислительно-восстановительного. Среди фрагментарного материала – 88 % восстановительного обжига, 10 % – окислительного и 2 % восстановительно-окислительного. По способу крепления дна к кругу (целые сосуды) – 59 % со следами среза ножом, 8 % – стояли на подсыпке песка и 33 % не имеют никаких следов на дне.

Анализ морфологии венчиков целесообразно проводить внутри разных типов сосудов. Среди целых форм и фрагментов венчиков 231 относятся к горшкам.

Среди целых форм и фрагментов венчиков горшков Ананьино-I выделяются четыре конструктивные схемы венчиков (по В.Ю. Ковалю): 1) вертикальные венчики, состоящие из цилиндрического устья (31 %); 2) дугообразно изогнутые венчики, не разделяющиеся морфологически с устьем (30 %); 3) загнутые внутрь сосуда венчики, состоящие из наклонной шейки и отогнутого наружу небольшого устья (39 %); 4) наклоненные внутрь сосуда венчики, имеющие вид усеченного конуса (19 %).

Среди целых форм и фрагментов днищ встречаются три варианта профилировки днищ сосудов (по В.Ю. Ковалю): 1) простые днища горшка (67 %); 2) дно с монолитным поддоном (7 %); 3) дно с «сапожком» (4 %).

Дополнительная обработка поверхности сосудов не типична для керамики этого памятника; в 6 % случаев среди целых форм и венчиков встречается покрытие глазурью коричневого цвета и в стольких же – сплошное лощение. Орнамент горизонтальными прочерченными линиями у 7 % сосудов и фрагментов.

Процесс анализа массива керамики в рамках представленного алгоритма позволяет достаточно объективно рассмотреть анализируемый материал и получить унифицированные данные, допускающие их сопоставление с аналогичными комплексами других памятников. Формализованная статистическая фиксация позволяет извлекать объемные массивы новой информации о керамическом производстве изучаемого региона. Подобный анализ предполагает фиксацию не всех признаков, а только тех из них, которые могут быть зарегистрированы без применения специального оборудования и навыков, например, как при работе с микроскопом. Не требуется особая квалификация для фиксации необходимых данных, при надлежащем инструктаже подобная работа по плечу практически любому исполнителю. Безусловно, часть информации остается неучтенной, потому что во фрагментарном материале (прежде всего, большом количестве стенок) зачастую невозможно определить их типовую принадлежность, но главная задача подобной работы состоит в том, чтобы сохранить максимально возможную часть сведений о массовом материале, прежде чем он будет безвозвратно утрачен.

Дальнейший уровень анализа и выявления доказательных историко-культурных выводов, основанных на результатах анализа керамики, должен лежать в рамках историко-культурного подхода, который успешно развивается в российской археологии в течение последних трех десятилетий [Бобринский, 1978; 1999]. Сосуд рассматривается как результат действия определенных навыков труда, использованных мастером для его изготовления и закрепленных в культурных традициях, передающихся от поколения к поколению в рамках определенного человеческого коллектива [Цетлин, 2012, с. 35]. Методика анализа керамики в рамках этого подхода базируется на бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании [Бобринский, 1978; 1999; Салугина, Васильева, 1999]. Так, например, обобщение данных по технологии изготовления в рамках историко-культурного подхода даже однородных по морфологическим признакам сосудов, выявляет отличные друг от друга или смешанные способы их изготовления [Васильева, 2013, с. 171].

Безусловно, анализ керамики в рамках историко-культурного подхода является наиболее перспективным и соответствующим задачам археологической науки. Однако в условиях расширяющихся масштабов археологических исследований памятников Нового времени, когда обработка и введение в научный оборот коллекций массового обломочного керамического материала становится серьезной проблемой, составление исследователями статистических таблиц и максимально полная фиксация информации той части материала, которая сохранена быть не может – выход из сложившейся кризисной ситуации.

Список литературы

- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Бобринский А.А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара: Изд-во Самарск. гос. педагог. ун-та, 1999. – С. 5–110.
- Васильева И.Н.** Опыт сравнительного изучения русской гончарной технологии второй половины XIII–XIV века Самарского Поволжья и некоторых северо-восточных русских земель // Археология Подмосковья. – 2013. – Вып. 9. – С. 168–192.
- Генинг В.Ф.** Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–135.
- Коваль В.Ю.** Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). – М.: ИА РАН, 2016. – 128 с.
- Русаков П.Е.** Исследование керамики селища Жокино 1 // Археология Подмосковья. – 2012. – Вып. 8. – С. 321–333.
- Салугина Н.П., Васильева И.Н.** Экспериментальный метод в изучении древнего гончарства (к проблеме разработки структуры научного исследования с использованием физического моделирования) // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самарск. гос. педагог. ун-та, 1999. – С. 181–199.
- Цетлин Ю.Б.** Древняя керамика (теория и методы историко-культурного подхода). – М.: ИА РАН, 2012. – 430 с.

References

- Bobrinskii A. A.** Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow: Nauka, 1978. 272 p. (In Russ.).
- Bobrinskii A. A.** Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt itosriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva*. Samara: Samara State Univ. Press, 1999. P. 5–110. (In Russ.).
- Gening V. F.** Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok. In *Sovetskaya arkheologiya*, 1973. N 1. P. 114–135. (In Russ.).
- Koval' V. Yu.** Pervichnaya fiksatsiya massovogo keramicheskogo materiala (na pamyatnikakh epokhi Srednevekov'ya i rannego zhelezного века лесной зоны Vostochnoi Evropy). Moscow: IA RAS Publ., 2016. 128 p. (In Russ.).
- Rusakov P. E.** Issledovanie keramiki selishcha Zhokino 1. In *Arkheologiya Podmoskov'ya*, 2012. Iss. 8. P. 321–333. (In Russ.).
- Salugina N. P., Vasil'eva I. N.** Eksperimental'nyi metod v izuchenii drevnego goncharstva (k probleme razrabotki struktury nauchnogo issledovaniya s ispol'zovaniem fizicheskogo modelirovaniya). In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva*. Samara: Samara State Univ. Press, 1999. P. 181–199. (In Russ.).
- Tsetlin Yu. B.** Drevnyaya keramika (teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda). Moscow: IA RAS Publ., 2012. 430 p. (In Russ.).
- Vasil'eva I. N.** Opyt sravnitel'nogo izucheniya russkoi goncharnoi tekhnologii vtoroi poloviny XIII-XIV veka Samarskogo Povolzh'ya i nekotorykh severo-vostochnykh russkikh zemel'. In *Arkheologiya Podmoskov'ya*, 2013. Iss. 9. P. 168–192. (In Russ.).

Сопова К.О. <https://orcid.org/0000-0001-8563-1319>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.191-196
УДК 902/904

А.В. Титова^{1,2}

¹Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alexandratitov@gmail.com

Китайские импортные предметы в материалах саргатской культуры

В данной статье рассматриваются китайские импортные предметы в материалах саргатской культуры. На основе опубликованных исследований ряда саргатских памятников были рассмотрены два важных вопроса. Во-первых, набор китайских импортных предметов, во-вторых, пути проникновения китайских импортных предметов к носителям саргатской культуры. В ходе рассмотрения опубликованных данных было выяснено, что исследователи выделяют несколько категорий китайских импортных изделий, а именно, культовые предметы, украшения, предметы вооружения. Вопрос проникновения китайского импорта к носителям саргатской культуры остается дискуссионным. В работе приведены две точки зрения на проблему. Обзор работ показал, что среди обширного набора импортных предметов, обнаруженных в материалах саргатской культуры, китайские импорты занимают важное место. Исследование этих материалов позволяет сделать вывод о характере связей саргатцев с населением ближайших территорий, а также о торговых маршрутах, которые проходили по территории Западной Сибири в раннем железном веке.

Ключевые слова: саргатская культура, импортные предметы, Китай.

A.V. Titova^{1,2}

¹Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: alexandratitov@gmail.com

Chinese Trade Items in Sargat Culture

This study discusses Chinese trade items in the Sargat culture. Based on published studies of a number of Sargat sites, two important issues were considered. First, a set of Chinese trade items found in Sargat sites. Secondly, the ways of distribution Chinese trade items to the Sargat culture. The review of the published studies showed that the researchers distinguish several categories of Chinese trade items, in particular, cult items, jewelry, weapons. The problem of the distribution

these imported items to Sargat culture remains debatable. Current study presents two points of view on the problem. The research of the published studies showed that among the extensive set of trade objects found in the materials of the Sargat culture, Chinese trade items take an important place. The further studies of Chinese trade items in the Sargat culture will allow us to clarify the connections of the Sargats with the nearest territories and to make a map of the trade routes that passed through the territory of Western Siberia in the early Iron Age.

Keywords: *Sargat culture, trade items, China.*

В материалах памятников саргатской культуры на территории ее распространения встречаются разнообразные импортные предметы. Одним из регионов, откуда поступали импортные предметы, является Китай, в частности, ханьский Китай (III в. до н. э. – III в. н. э.). Комплексное изучение импорта в материалах памятников саргатской культуры позволяет проследить развитие культуры, выявить влияние соседних народов и традиций на саргатские племена, а также уточнить карту торговых и культурных связей на территории Зауралья и Западной Сибири в раннем железном веке. В данной статье рассматриваются китайские импорты в материалах саргатской культуры по опубликованным данным.

К проблеме появления китайских импортных предметов в материалах саргатской культуры обращались многие отечественные исследователи. Те публикации, которые содержат материалы, связанные с импортом, в частности, с китайским импортом, позволяют выделить следующие вопросы: 1) набор китайских импортных предметов в материалах саргатской культуры; 2) территории, откуда китайский импорт поступал в места пребывания саргатских племен.

Что касается набора китайских импортных предметов, то основными видами изделий, которые поступали с территории Китая к носителям саргатской культуры, являются культовые предметы, в первую очередь – зеркала, украшения, предметы вооружения.

Н.В. Полосьмак исследовала курганные могильники саргатской культуры Барабинской лесостепи. В могильнике Марково 1 был найден обломок бронзового зеркала, центром производства которого является княжество Чу, там же была найдена монета типа 五銖 *учжу* [Полосьмак, 1987, с. 83]. Такие же монеты были распространены в погребениях сюнну на территории Китая [У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990, с. 93].

Исследователи Сидоровского могильника В.И. Матющенко и Л.В. Татаурова отмечают, что в богатом материале могильника, расположенном в Омской обл., на правом берегу р. Иртыш, обнаружен набор импортных предметов, в т. ч. предметов, которые попали на территорию саргатской культуры из Китая. Интересными находками являются фрагменты парчи, шелковой ткани, крашеной кожи, принадлежности для опиумокурения, которые проникли сюда, вероятно, по Великому шелковому пути. Поток таких предметов в Прииртышье был достаточно сильным, если учесть находки парчи в могильниках Богдановка, Исаковка, Сидоровка, а шелка, крашеной кожи и принадлежностей для опиумокурения – в могильниках Сидоровка и Исаковка [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 75].

Большая часть китайских импортных предметов в материалах саргатской культуры приходится на украшения. Например, особое место в этом контексте,

отмечают исследователи, принадлежит ювелирным изделиям из могильника Сидоровка, которые выполнены в традициях восточного, в частности, гуннского и китайского происхождения. Общий стиль поясных накладок, стиль пряжек, многие черты образа дракона свидетельствуют и об общей культурной основе с гуннской культурой, и о проникновении в предметный комплекс Сидоровки некоторых китайских мотивов и сюжетов [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 105]. Однако В.И. Матющенко и Л. В. Татаурова отмечают, что данные наблюдения не дают полных оснований утверждать, что эти предметы являются гуннским или китайским импортом. Однозначного ответа на вопрос, откуда в материалах саргатской культуры появляются подобные сюжеты, нет. Это требует особого объяснения с учетом тесных контактов широкого круга этнических образований степей Евразии и государственных образований Средней Азии и Дальнего Востока [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 106 – 107].

Самым многочисленным видом украшений, который обнаружен в памятниках саргатской культуры на территории Притоболья, являются бусины. Авторы работы «Культура зауральских скотоводов на рубеже эр» отмечают, что все бусы, найденные в памятниках саргатской культуры, привозные: из Китая, Средней, Центральной и Передней Азии, Средиземноморья [Культура..., 1997, с. 134]. Всевозможные бусы и бисер, в основном, связаны с женскими погребениями, хотя иногда отдельные бусины, как части сережек, носимых в одном ухе, встречаются и в мужских могилах. В частности, такие серьги обнаружены в двух погребениях Гаевского могильника, расположенного на левом берегу р. Исеть. Также бусы использовались в ожерельях и для украшения одежды, поэтому их находят на груди и на шее, а также около кистей, на поясе или россыпью в заполнении могильной ямы. [Культура..., 1997, с. 135]. На сегодняшний день нет исследований, в которых были бы описаны особенности китайских бусин. Известно, что такой вид импорта был, однако неизвестно, в каком виде (материал, форма, цвет и проч. данные) они поступали на территорию саргатских племен.

К следующему виду импортных предметов из Китая в саргатских комплексах относится оружие. Одним из исследователей оружия в материалах саргатской культуры является Л.И. Погодин. В своей работе он отмечает, что в саргатских могильниках Абатский 1, Абатский 3, Исаковский 1, Бещаул 2, расположенных в основном в районе Прииртышья, среди клинкового оружия без металлического цельнокованого навершия встречаются мечи с относительно узкой полосой и длинной рукоятью-штырем, с прямым перекрестием или без него. Исследователь отмечает, что такие мечи появляются на территории Китая уже в III в. до н. э. [Погодин, 1998, с. 21].

Ряд ножен из могильников Абатское 3 и Исаковское 1 с внутренней стороны были обклеены тканью, как правило, шелком либо кожей. Особенно хорошо шелк сохранился внутри ножен из Абатского 3. Судя по всему, внутренняя и внешняя отделка ножен плотными и эластичными материалами была нужна для укрепления слабой стойкости дерева к перепадам влажности воздуха. В первую очередь это касается западносибирских мягких пород дерева [Погодин, 1998, с. 27].

Интересно, что некоторые образцы клинкового оружия сохранили сведения и о внутренней отделке ножен. Например, ножны исаковского и сидоровского

мечей имели китайские нефритовые скобы. Е.И. Деревянко отмечает, что подобные нефритовые скобы были широко распространены в Китае, а также на Дальнем Востоке во второй пол. I тыс. до н. э. – в I тыс. н. э. [Деревянко, 1987, с. 35].

Помимо исследования вооружения саргатской культуры, Л.И. Погодин изучал лаковые изделия, найденные в материалах культуры. Известно, что лак относится к разряду четырех великих изобретений*. Неудивительно, что уже в эпоху ранней Хань лаковые изделия наряду с шелком являлись одной из основных статей международной торговли Китая.

В саргатских памятниках было выявлено более 60 лаковых изделий. При этом подобные изделия, как правило, встречаются в комплексе с другими предметами китайского производства. Анализ лака из западносибирских памятников показывает, что наибольшей популярностью пользовалось лакированное оружие китайских ремесленников – клинковое оружие и ножны, портупейные и парадные пояса, стрелы и, возможно, доспехи. Л.И. Погодин отмечает, что предметы вооружения китайского производства эпохи Хань встречаются, как правило, на отдаленных от Китая территориях [1998, с. 33], что, возможно, объясняется традиционными политическими дипломатическими принципами Империи. Тем не менее китайское оружие в достаточно большом количестве поступало в Сибирь, Приаралье, Поволжье, Северное Причерноморье и Среднюю Азию через Восточный Туркестан [Погодин, 1998. С. 33].

Что касается вооружения, то импортные предметы обнаруживаются и в снаряжении воина. Так, например, в работе О. Симоненко отмечается, что в сюнну-сарматский период становится распространенным ламеллярный доспех. Такой вид доспеха не имел кожаной или тканевой основы, он легче и практичнее чешуйчатого доспеха. Ламеллярный доспех был распространен у сюнну, сяньби, усунь, канху, сармат и саргатцев [Symonenko, 2017, p. 12].

Как уже упоминалось выше, в могильнике Сидоровка обнаружены ювелирные изделия, на которых встречается восточная стилистика. Часть таких изделий относится к составляющим доспеха воина. Исследователи могильников Даодуньцзы отмечают, что золотые поясные накладки, которые были обнаружены в Сидоровке, стилистически близки бронзовым поясным накладкам из могильников Даодуньцзына территории Китая [У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990, с. 92].

Таким образом, в результате рассмотрения набора китайских импортных предметов в материалах саргатской культуры важно обратить внимание на два аспекта. Во-первых, исследователи отмечают непосредственно те изделия, которые были завезены в ареал культуры. К таким предметам относятся культовые предметы, украшения и предметы вооружения. И. В. Филиппова делает акцент на том, что в саргатскую среду попадали единичные вещи, ценность которых заключалась именно в их необычности (курительный набор в лаковой обкладке, парадное оружие и пр.). Предметов массового ввоза, таких, как зеркала или монеты, было обнаружено очень мало [Филиппова, 2005, с. 21].

*г. н. 四大发明 *сыдафамин* – четыре великих изобретения: компас, бумага, порох, книгопечатание.

Во-вторых, исследователи обращают внимание на вторичное использование китайских импортных предметов саргатским племенами. В частности, Л.И. Погодин упоминает, что в западносибирской среде многие импортные изделия, которые выходили из строя, могли использоваться не по своему первоначальному назначению. По примеру китайских мечей, местные оружейники обклеивали ножны тканью, в т. ч., импортным шелком. Также существуют свидетельства особого отношения населения к импортным изделиям, например, кусочками изделий из красного лака была инкрустирована бронзовая серьга из могильника Исаковский 3 [Погодин, 1998, с. 28].

Вторым важным вопросом рассмотрения китайских импортных предметов в материалах саргатской культуры является вопрос территории, откуда китайский импорт поступал к саргатским племенам. Высказаны две точки зрения. По мнению Л.И. Погодина, важным фактором усиления контактов населения лесостепной полосы Западной Сибири с соседними территориями явилось оформление Великого шелкового пути с рядом ответвлений на север – в Приобье и Прииртышь. Наиболее активный период торговли наступает с I в. до н. э. [Погодин, 1998, с. 21]. Следовательно, считает автор, китайские импортные предметы напрямую попадали к носителям саргатской культуры.

Н.П. Матвеева высказывает другую точку зрения. В своих исследованиях она указывает, что предметы китайского импорта попадали на территорию лесостепной полосы Западной Сибири опосредованно, скорее всего, через хунну или с посредниками из торговых оазисов Восточного Туркестана [Матвеева, 2000, с. 75].

Таким образом, обзор исследований о китайских импортных предметах в материалах саргатской культуры позволяет сделать вывод о том, что изучение данных объектов – это важный и разносторонний вопрос. Во-первых, китайские импорты представлены не массовым материалом, а уникальными и ценными находками. Во-вторых, становится очевидным особое отношение саргатского населения к импортным предметам. Судя по археологическим данным, такие изделия повторно использовались представителями культуры. В-третьих, важным вопросом изучения китайских импортных предметов также является проблема проникновения таких изделий на территорию, занимаемую носителями саргатской культуры. Судя по опубликованным данным, эта проблема до сих пор остается дискуссионной. В-четвертых, помимо исследования самих импортных предметов, важно рассматривать такой вопрос, как импорт технологий, который, судя по археологическим материалам, также был распространен у населения саргатской культуры.

Очевидно, что китайские импортные предметы составляют важную часть материала саргатской культуры. Дальнейшие исследования импортных предметов помогут расширить знания о развитии саргатской культуры, прояснить контакты населения с ближайшими территориями.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00012.

Список литературы

- Деревянко Е.И.** Очерки военного дела племен Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 224 с.
- Культура** зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование / В. А. Булдашев, А. А. Ковригин, Л. Н. Корякова [и др.]. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – 180 с.
- Матвеева Н.П.** Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). – Новосибирск: Наука, 2000. – 400 с.
- Матюшенко В. ., Татаурова Л. .** Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 198 с.
- Погодин Л.И.** Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1998. – 84 с.
- Полосмак Н.В.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.
- У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцэн.** Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 88–101.
- Филиппова И.В.** Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с Ханьским Китаем в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим материалам): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 25 с.
- Symonenko O.** Warfare and Arms of the Early Iron Age Steppe Nomads. Oxford Research Encyclopedia of Asian History, 2017. – P. 1–29.

References

- Derevianko E.I.** Ocherki voennogo dela plemen Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1987. 224 p. (In Russ.).
- Filippova I.V.** Kul'turnye kontakty naseleniya Zapadnogo Zabaikal'ya, Yuzhnoi, Zapadnoi Sibiri i Severnoi Mongolii s Khan'skim Kitaem v skifskoe i gunno-sarmatskoe vremya (po arkheologicheskim materialam): cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2005. 25 p. (In Russ.).
- Koryakova L.N.** (ed.) Kul'tura zaural'skikh skotovodov na rubezhe er. Gaevskii mogil'nik sargatskoi obshchnosti: antropologicheskoe issledovanie. Ekaterinburg: Ekaterinburg, 1997. 180 p. (In Russ.).
- Matveeva N.P.** Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoi Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony). Novosibirsk: Nauka, 2000. 400 p. (In Russ.).
- Matyushchenko V.I., Tataurova L.V.** Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e. Novosibirsk: Nauka, 1997. 198 p. (In Russ.).
- Pogodin L.I.** Vooruzhenie naseleniya Zapadnoi Sibiri rannego zhelezного века. Omsk: Omsk State Univ. Press, 1998. 84 p. (In Russ.).
- Polosmak N.V.** Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987. 143 p. (In Russ.).
- Symonenko O.** Warfare and Arms of the Early Iron Age Steppe Nomads. Oxford Research Encyclopedia of Asian History, 2017. P. 1–29.
- Wu En, ZhunKan, Li Jinzeng.** Mogil'nik syunnu v derevne Daodun'tszy uезда Tunsin' v Ninsya // Kitai v epokhu drevnosti. Novosibirsk: Nauka, 1990. P. 88–101. (In Russ.).

Титова А.В. <https://orcid.org/0000-0001-5196-3868>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.197-207
УДК 903.2

В.Б. Трубникова

Институт истории материальной культуры РАН
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: barbarera@gmail.com

Китайские бронзовые зеркала в ранних сяньбэйских памятниках: хронология и традиция

В статье анализируется 10 бронзовых зеркал и их фрагментов из пяти ранних сяньбэйских памятников: Чжасалайнор, Лабудалинь, Люцзяцзы, Лаохэшэнь и Зоргол-I. Определяется тип каждого зеркала и в соответствии с этим датируется историческим периодом Китая. Помимо хронологии делаются наблюдения о помещении фрагментов зеркал в ранних памятниках в изголовье, что может являться заимствованной от хунну традицией ритуальной порчи зеркал. В более поздних памятниках превалирует традиция помещения в погребение целых зеркал, что может свидетельствовать об укреплении отношений с Китаем.

Ключевые слова: сяньбэй, хунну, бронзовое зеркало, хронология сяньбэйских памятников, погребальный обряд.

V.B. Trubnikova

IHMCRAS
St. Petersburg, Russia
E-mail: barbarera@gmail.com

Chinese Bronze Mirrors in Xianbei Early Sites: Chronology and Tradition

The article analyzes 10 bronze mirrors and their fragments from five early Xianbei sites Zhalaينوer, Labudalin, Liujiazi, Laoheshen and Zorgol-I. The type of each mirror is determined and, in accordance with this, is dated to the historical period of China. In addition to chronology, observations are made about the placement of mirror fragments in early sites at the head, which may be a tradition of ritual damage to mirrors borrowed from the Xiongnu. In later sites, the tradition of placing whole mirrors in the burial prevails, which may indicate a strengthening of relations with China.

Keywords: Xianbei, Xiongnu, bronze mirror, chronology of Xianbei sites, funeral rite.

По сравнению с хуннскими памятниками хронологически атрибутирующий потенциал сяньбэйских археологических материалов очень незначителен, что связано в первую очередь с отсутствием разработанной типологии сяньбэйского предметного комплекса, малым количеством китайского импорта в памятниках и в целом недостаточным количеством сяньбэйских памятников, которые могли бы дать представительную серию находок и устойчивый вариант погребального обряда. В связи с этим обнаружение китайских бронзовых зеркал и монет в сяньбэйских памятниках, позволяющее определить *terminus post quem*, является чуть ли не единственной возможностью получить данные по их датировке.

Определение хронологии производства монет по публикациям является достаточно трудной задачей, так как монеты, за исключением отдельных, были стандартизированы на протяжении более 500 лет. К тому же обрядовая семантика помещения их в погребения исследователям зачастую неизвестна: принято атрибутировать монеты в погребениях как амулеты или части костюма [Басова, Кузнецов, 2005, с. 135; Тишкин, Серегин, 2013, с. 55]. Наконец, в сяньбэйских памятниках находки монет достаточно редки. В отличие от монет зеркала встречаются в памятниках чаще, а их разнообразие типов позволяет определять хронологические периоды их производства. При этом следует сразу оговорить, что единой разработанной типологии китайских зеркал, принятой большинством исследователей, до сих пор не существует. Однако есть ряд признаков, таких как орнаментальные мотивы, оформление кнопки-ручки, рельефность поверхности зеркала, использование определенных иероглифических надписей и др., позволяющие выделить общие типы зеркал, привязанные к периодам истории Китая. В случае с зеркалами из ранних памятников датирование ограничивается пятью историческими периодами: поздний период Западной Хань (с 48 г. до н.э. до 8 г. н.э.), династия Синь (с 9 г. по 23 г.), ранний (с 25 г. по 88 г.), средний (с 89 г. по 146 г.) и поздний (с 147 г. по 220 г.) период Восточной Хань [Сю Цинь Хань..., 2010; Сю Чжэн, 2011].

Зеркала в ранних сяньбэйских памятниках: хронология

Несмотря на растущий интерес к сяньбэйской археологии, отдельной работы, посвященной зеркалам в сяньбэйских памятниках, в отличие от аналогичных работ по памятникам хунну, нет [Филиппова, 2000; Отани, 2014, 2021; Tsagaan, 2011 и др.]. Попытки собрать зеркала из сяньбэйских памятников ранее предпринимались китайскими исследователями, но не для уточнения датировок, а в рамках выделения одной категории предметов в обобщающих исследованиях по сяньбэйской археологической культуре (см. напр.,: [Сунь Вэй, 2007, с. 132–133]). В рамках настоящего исследования были собраны и проанализированы находки китайских бронзовых зеркал в ранних сяньбэйских памятниках (см. *таблицу*).

Подборка зеркал была сделана по данным, опубликованным в китайских статьях или монографиях вместе с сопровождением иллюстративного материала, позволяющего сделать более точную атрибуцию находок. Всего на данный мо-

Китайские бронзовые зеркала в ранних сяньбэйских памятниках

Памятник	Тип зеркала, описание	Сохранность	Примечания	Датировка
1	2	3	4	5
<i>Первая локально-хронологическая группа</i>				
Чжалайнон, раскопки 1959 г. [Чжэн Лун, 1961, с. 17, рис. 5]	Тип «TLV/боцзюй». Центр: шиска-петля в обрамлении четырех лепестков и квадратного ободка. Орнаментальное поле: животные, птицы и линии, «буквы» TLV, восемь шишек. Ободок: двойной ряд треугольников.	Фрагмент	?	Династия Сянь, ранний период Восточной Хань [Сы Цинь Хань..., 2010, с. 661, 663, рис. 10-21, 1]
Лабудалинь М5 [Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь, 1994, с. 111, рис. 12, 1]	Тип «TLV/боцзюй». Край: двойной ряд треугольников.	Фрагмент	Женское погребение. Слева от черепа	Династия Сянь, ранний период Восточной Хань [Сы Цинь Хань..., 2010, с. 661, 663, рис. 10-21, 1]
Лабудалинь М6 [Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь, 1994, с. 111, рис. 12, 2]	Тип «чжан мин». Орнаментальное поле: иероглифическая надпись. Край: ряд косых черт, ровный широкий бортик.	Фрагмент	Женское погребение. Справа от черепа под сосудом. Рядом – фрагменты деревянных планок (фрагменты футляра?)	Ранний период Восточной Хань
<i>Вторая локально-хронологическая группа</i>				
Лаоэхень М56 [Чжан Ин, Ван Ся, Хэ Мин, 1985, с. 73, рис. 8; Юйшу..., 1987, с. 50, рис. 43, 4]	Тип «ци жуй ци шу» (семь шишечек, семь животных). Центр: массивная шиска-петля, ряд параллельных линий. Орнаментальное поле: семь «счастливых» животных чередуются с семью шишечками. Ободок: ряд параллельных линий, двойной ряд треугольников.	Целое	Мужское погребение. На поясе. Под зеркалом – след красного лака (остатки покрытия футляра?)	Династия Сянь [Сы Цинь Хань..., 2010, с. 661, 663, рис. 10-21, 2]

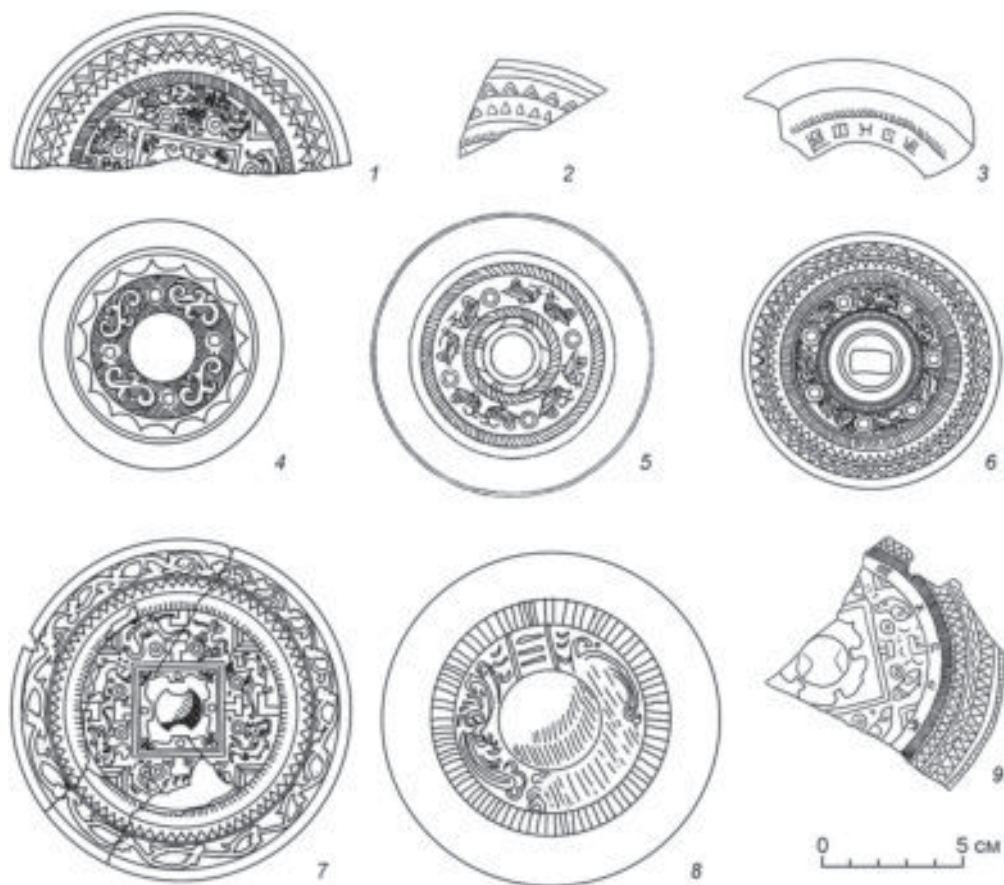
1	2	3	4	5
Лаохэшэнь М67 [Юйшу..., 1987, с. 50, рис. 43, 1; с. 51, рис. 44, 2]	Тип «сы жуй сы хуэй» (четыре шишки, четыре змеи). Центр: массивная шиска-петля. Орнаментальное поле: Четыре S-образных фигуры чередуются с четырьмя шишками. Ободок: ровный широкий бортик.	Целое	Мужское погребение. На поясе	Поздний период Западной Хань [Сы Цинь Хань..., 2010, с. 661, 663, рис. 10-21, 2]
Лаохэшэнь М97 [Юйшу..., 1987, с. 50, рис. 43, 2]	Тип «сы жуй циньяо» (четыре шишки и пернатые птицы) Центр: массивная шиска-петля, ряд косых черт. Орнаментальное поле: Восемь фигур птиц чередуются с четырьмя шишками. Ободок: ровный широкий бортик.	Целое	Мужское погребение. На поясе	Поздний период Западной Хань [Сы Цинь Хань..., 2010, с. 661, 663, рис. 10-21, 4]
Лаохэшэнь, случайная находка [Юйшу..., 1987, с. 50, рис. 43, 3; с. 51, рис. 44, 1]	Тип «TLV/боцзюй». Центр: шиска-петля в обрамлении четырех лестков, квадратного ободка. Орнаментальное поле: животные, птицы и линии, «буквы» TLV, восемь шишек. Ободок: ряд треугольников, ряд растительного орнамента.	Во фрагментах с утратами	?	Династия Синь, ранний период Восточной Хань [Сы Цинь Хань..., 2010, с. 661, 663, рис. 10-21, 1]
Люцзяцзы (сяньбэй?) [Чжан Байчжун, 1989, с. 436, рис. 8]	«Лун ху» (дракон-тигр) и «вэй чжи сань гун» (по достижению звания три гуна). Центр: массивная шиска-петля. Орнаментальное поле: животные и линии, надписи «高言», «君宜» («высокий чиновник» и «император»). Ободок: ряд параллельных линий, ровный широкий бортик.	Целое	?	Поздний период Восточной Хань
Зоргол-1 М37 [Яремчук, 2005, с. 105, 291, рис. 115, 1]	Тип «сы жуй циньяо» (четыре шишки и пернатые птицы) и тип «TLV / боцзюй». Центр: шиска-петля в обрамлении четырех лестков, квадратного ободка. Орнаментальное поле: восемь птиц, «буквы» TLV, восемь шишек. Ободок: ряд параллельных линий, три ряда треугольников.	Фрагмент	Женское погребение. Справа от черепа рядом с берестяным диском (дно тусека или футляра для зеркала)	Восточная Хань

мент опубликовано 41 зеркало из 11 памятников. Из них 10 происходят из могильников первого и второго локально-хронологического периода [Трубникова, 2020], когда сяньбэй еще оставались кочевым народом с самобытной культурой. Еще 31 зеркало – из памятников четвертого локально-хронологического периода, приходящегося на этап создания династических раннегосударственных структур сяньбэй. Увеличение количества зеркал в поздних памятниках связано одновременно с большим числом исследованных памятников и отражает логичный процесс заимствования и восприятия сяньбэй китайской культуры. Однако поздние памятники имеют и другие хрономаркеры вплоть до письменных источников, в их случае зеркала не выступают опорой хронологии. С другой стороны, для ранних памятников вопрос хронологической атрибуции стоит наиболее остро, а исследование зеркал ранних памятников может положить начало дальнейшему изучению вопроса датирования этапов сяньбэйской культуры в целом.

Первая ранняя группа сяньбэйских памятников локализуется на северо-востоке Внутренней Монголии, городском округе Хулун-Буир. Находки зеркал были сделаны в двух могильниках: Чжалайнор (раскопки 1959 г.) и Лабудалинь – всего три зеркала. Примечательно, что зеркала из Чжалайнора (см. *рисунок, 1*) и Лабудалинь погр. М5 (см. *рисунок, 2*) относятся к одинаковому типу зеркал «TLV/боцзюй», зеркало из Лабудалинь погр. М6 (см. *рисунок, 3*) – к позднему типу «чжао мин». Все три датируются периодом династии Синь и ранней Восточной Хань, т.е. I в. н.э., что в целом совпадает с их археологической датировкой по хуннскому вещевому комплексу и соотносится с данными хроник.

Вторая группа сяньбэйских памятников распространяется за пределы исходного ареала, вероятно, в основном на юго-восток Внутренней Монголии и в провинцию Цзилинь, и интерпретируется как следующий этап после ослабления хуннского влияния, активного контакта сяньбэй с соседями и освоения новых территорий. Находки зеркал были сделаны в трех могильниках: 4 зеркала из Лаохэшень, 2 зеркала из Люцзяцзы, и 1 зеркало из Зоргола-I. Типовое разнообразие зеркал в этой группе гораздо больше. Зеркала из Лаохэшень датируются начиная от периода поздней Западной Хань (из погр. М67 (см. *рисунок, 4*) – тип «сы жуй сы хуэй» и из погр. М97 (см. *рисунок, 5*) – тип «сы жуй циньняо»), династией Синь и ранней Восточной Хань (из погр. М56 (см. *рисунок, 6*) – тип «ци жуй ци шоу» и случайная находка (см. *рисунок, 7*) – тип «TLV/боцзюй»). Одно из зеркал из Люцзяцзы неорнаментированное, в связи с чем отсутствуют возможности его датирования. Второе зеркало из Люцзяцзы (см. *рисунок, 8*) относится к смешанному типу «лун ху» и «вэй чжи сань гун», появившемуся в средний и поздний период Восточной Хань, II в. н.э. Наконец, зеркало из Зоргола-I погр. 37 (см. *рисунок, 9*) смешанного типа – «сы жуй циньняо» и «TLV/боцзюй», прямых аналогий которому найдено не было, но обрамление ручки-петли с четырьмя лепестками цветка, а также восемь шишек и орнамент TLV свидетельствуют о датировании не раньше среднего периода Восточной Хань.

Помимо датирующих свойств зеркал, распространяющихся на весь памятник и локально-хронологическую группу в целом, прежде всего зеркала позволяют датировать конкретный комплекс, в котором они были обнаружены. Так, важно,

Китайские бронзовые зеркала в ранних сяньбэйских памятниках

1 – Чжалайнор (раскопки 1959 г.); 2 – Лабудалинь погр. М5; 3 – Лабудалинь погр. М6; 4 – Лаохэшэнь погр. М67; 5 – Лаохэшэнь погр. М97; 6 – Лаохэшэнь погр. М56; 7 – Лаохэшэнь (случайная находка); 8 – Люцзяцзы; 9 – Зоргол-1, погр. 37; 1, 8 – без масштаба.

что в Лаохэшэнь погр. М56 вместе с зеркалом династии Синь был обнаружен комплект поясных бляшек с крылатым «единорогом» и пластина с олененком. Таким образом, данный тип поясного набора не может датироваться временем ранее середины I в. н.э.

Даты по зеркалам обеих групп памятников синхронизируются с принятой хронологией в археологической литературе и вписываются в исторический контекст, по которому сяньбэй к началу I в. уже обосновываются на северо-востоке от китайской империи и впоследствии к началу II в. оказываются вовлеченными в военный конфликт между Хань и хунну.

Зеркала в ранних сяньбэйских памятниках: традиция

Находки зеркал помимо уточнения хронологии позволяют сделать ряд важных наблюдений о появлении традиции помещать зеркала в погребения.

В первой локально-хронологической группе сяньбэйских памятников были найдены не целые зеркала, а фрагменты. Обломок из Чжалайнор не имеет контекста обнаружения, однако в могильнике Лабудалинь зеркала находились в женских погребениях возле черепа с правой или с левой стороны. В случае с погр. М6 рядом с зеркалом были зафиксированы деревянные планки, которые можно интерпретировать как части деревянной шкатулки или гребня, положенного рядом с обломком зеркала, возможно, находившиеся в одном мешочке и составляющие некий ритуальный комплекс. Также в могильнике Зоргол-1 мог. 37 фрагмент зеркала был обнаружен в женском погребении справа от черепа рядом с берестяным кругом с отверстиями для прошивки по краю. Авторами раскопок находка была интерпретирована как дно туеска, но также он мог являться частью чехла для хранения в нем зеркала. Несмотря на то, что могильник Зоргол-1 по отдельным элементам погребального обряда (подбой) и инвентарю относится ко второй хронологической группе памятников сяньбэй, территориальная близость с памятниками первой группы и одновременно удаленность от Китая могла подразумевать более длительное существование ряда традиций.

Аналогичное местоположение в изголовье преимущественно обломков зеркал зафиксировано в хуннских памятниках – Ильмовая Падь мог. 51 в верхней половине погребения [Коновалов, 1976, с. 54, 55, рис. 28], Черемуховая Падь в хозяйственном отсеке мог. 15 [Коновалов, 1976, с. 92, 93, рис. 61]. К сожалению, описанные выше погребения были сильно ограблены, и зеркала в них могли быть перемещены. Новую информацию дают материалы могильников Ала-Тей 1 и Терезин в Тыве с ярким хуннским компонентом. Зеркала в могильниках были обнаружены в основном в виде фрагментов только в женских погребениях на груди или у левого плеча, в двух случаях в кожаном мешочке и деревянной шкатулке вместе с гребнем и другими предметами женского обихода [Леус, 2018, с. 106]. Любопытно, что памятники в Тыве не атрибутируются непосредственно как хуннские, а сами зеркала преимущественно датируются более ранним периодом Западной Хань. Таким образом, традицию разбивать зеркало и помещать фрагмент в погребение можно считать устойчивой, заимствованной разными народами и просуществовавшей длительное время.

Ритуальная порча зеркал в контексте погребального обряда известна в китайской культуре прежде всего как способ связи двух супругов, которые при соединении обломков одного зеркала смогут узнать друг друга даже в загробном мире (см. подробнее: [Барина, 2013, с. 240, 242, 243]). Традиция, вероятно, продолжила свое существование еще некоторое время и в более поздних памятниках. В сяньбэйском могильнике Пятигоу в погр. М3 в изголовье был обнаружен обломок зеркала с ножом, обозначающие вероятность, что именно этим ножом зеркало было разбито [Цзинь Сюэшань, 1991, с. 424, рис. 2, 2; с. 428, рис. 4]. В могильнике Саньдаовань наряду с целыми зеркалами также встречаются фрагменты

в изголовье (к примеру, в женском погр. М104, в мужском погр. М113 вместе с половиной берестяного круга с отверстиями для прошивания, аналогичного зоргольской находке) [Ду Чэну, Ли Синшэн, 2004, с. 20, рис. 3; с. 21, рис. 5]. Но наиболее интересный случай встречается в сяньбэйском могильнике Шицзягоу, где одно зеркало было разбито и его половинки положены в разные погребения [Фу Нин, Дин Юн, 1998, с. 9]. К сожалению, данные по каждому отдельному погребению могильника Шицзягоу до сих пор не опубликованы, но авторами раскопок делается наблюдение, что часть зеркал была разбита специально. Важно при этом, что отдельные зеркала в погребениях были целыми, а следовательно семантическое значение помещения их в погребения было уже другим.

В отличие от ранних памятников зеркала из более поздних могильников Люцзяцзы и Лаохэшэнь были обнаружены целыми. В могильнике Лаохэшэнь зеркала были зафиксированы в мужских погребениях в районе тазовых костей как часть поясного комплекта. В погр. М56 под зеркалом сохранился слой красного лака, который исследователями интерпретируется как покрытие чехла для зеркала [Чжан Ин, Ван Ся, Хэ Мин, 1985, с. 73, рис. 8; Юйшу..., 1987, с. 50, рис. 43, 4]. Производство красного лака, как и отливка зеркал из белой бронзы, находились в монополии китайского правительства. Такие находки могут интерпретироваться как подарки сяньбэйской военной элите. Впоследствии с усилением влияния китайской культуры на сяньбэй традиция порчи зеркал постепенно сходилась на нет: помимо Саньдаовань, речь о котором шла выше, в могильниках Чжаоцзяфань и Дуньдацзин зеркала находят преимущественно целые [Сунь Вэй, 2009, с. 140–141].

Исследование китайских бронзовых зеркал в погребальных комплексах в первую очередь направлено на уточнение хронологии. В случае с ранними сяньбэйскими памятниками подтверждено, что первая локально-хронологическая группа памятников датируется не ранее I в. н.э., вторая группа – II в. Однако анализ зеркал открывает и новые возможности в изучении сяньбэйской проблематики. Во-первых, в закрытых комплексах с зеркалами появляется возможность продатировать определенные типы вещей. Во-вторых, количество зеркал может служить индикатором интенсивности взаимоотношений между Китаем и кочевым обществом. В ранних памятниках находки зеркал встречаются редко, при этом находки ханьского импорта также единичны, в более поздних памятниках их количество значительно увеличивается. В-третьих, изучение обряда порчи зеркал позволяет проследить степень влияния на сяньбэй хуннских традиций: обряд являлся устойчивой традицией уже в самых ранних памятниках, следовательно контакт сяньбэй и хунну и культурная интероцепция от последних должна была произойти раньше.

Благодарности

Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите – позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

Выражаю признательность Д.А. Кунгушевой за помощь в редактировании иллюстраций.

Список литературы

Баринаева Е.Б. Этнокультурные контакты Китая с народами Центральной Азии в древности и Средневековье. – М.: ИЭА РАН, 2013. – 419 с.

Басова Н.В., Кузнецов Н.А. Украшения и амулеты из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 134–136.

Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь. Ээргунаоци Лабудалинь сяньбэй муцзюнь фацзюэ цзяньбао. (Краткий отчет о раскопках сяньбийского могильника Лабудалинь в хошуне Ээргунаоци) // Нэймэнгу вэньу каогу вэньцзи. (Сб. тр. по материальной культуре и археологии Внутренней Монголии) // Под ред. Ли Юю, Вэй Цзяня. – Пекин: Чжунго дабайкэцюаньшу чубаньшэ, 1994. – Вып. 1. – С. 384–396 (на кит. яз.).

Ду Чэну, Ли Синшэн. Чаюхоуци Саньдаовань муди. (Кладбище Саньдаовань в уезде Чаюоци) // Нэймэнгу дицзюй сяньбэй муцзан дэ фасянь юй яньцзю. (Открытие и исследование памятников сяньбэй во Внутренней Монголии). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. – С. 16–54 (на кит. яз.).

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. (Погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. – 248 с.

Леус П.М. Китайские бронзовые зеркала из могильников Ала-Тей и Терезин в Туве // «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург», Тезисы. Вторая Всерос. конф. Посвящ. 90-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача Санкт-Петербург, 10–14 декабря 2018 года. – СПб.: ИИМК РАН, 2018. – С. 104–110.

Отани Икюэ. Кегай сюцудо но тьюгоку сюсэй: монгурокуко нараби ни дзайбайкару тиики. (Находки китайских зеркал за пределами Китая: Монголия и Забайкалье) // Канадзавадайгаку кокогаку. – 2014. – Т. 35. – С. 45–72 (на яп. яз.).

Отани Икюэ. Кегай сюцудо но тьюгоку сюсэй: монгурокуко нараби ни дзайбайкару тиики. (Находки китайских зеркал за пределами Китая: Монголия и Забайкалье) // Канадзавадайгаку кокогаку. – 2021. – Т. 42. – С. 37–57 (на яп. яз.).

Сунь Вэй. Сяньбэй «хуэй ци» цзан су яньцзю (Исследование обряда порчи вещей как части сяньбэйского погребального ритуала) // Бяньцзян каогу яньцзю (Археологические исследования пограничной зоны). – 2009. – № 8. – С. 139–147 (на кит. яз.).

Сунь Вэй. Сяньбэй каогу сюэ вэньхуа яньцзю (Археологические исследования культуры сяньбэй). – Пекин: Кэсюэ Чубаньшэ, 2007. – 176 с. (на кит. яз.).

Сы Цинь Хань тунцзин дэ лэйсин цзи ци яньбянь (Типы и эволюция бронзовых зеркал в четырех династиях Цинь и Хань) // Чжунго каогу сюэ: Цинь Хань цзюань (Китайская археология: тома Цинь и Хань). – Пекин: Чжунго шэхуэй чубаньшэ, 2010. – С. 656–665 (на кит. яз.).

Сю Чжэн. Сибэй дицзюй чуту ханьдай тунцзин чубу яньцзю (Предварительное исследование бронзовых зеркал времен династии Хань, обнаруженных на северо-западе Китая): дис.. – Чжэнчжоу, 2011. – 96 с. (на кит. яз.).

Тишкин А.А., Серегин С.С. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. – 2013. – Т. 7. – № 1. – С. 49–72.

Трубникова В.Б. Опыт выделения локально-хронологических групп сяньбэйской культуры // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). – СПб.: ИИМК РАН, 2021. – С. 227–228.

Филиппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 100–108.

Фу Нин, Дин Юн. Чжоцзы сянь Шицзягоу муцзюнь чу ту цзыляо. (Результаты исследования могильника Шицзягоу в уезде Чжоцзы) // Нэймэнгу вэньу каогу (Материальной культура и археология Внутренней Монголии). – 1998. – № 2. – С. 9–21 (на кит. яз.).

Цзинь Сюэшань. Нэймэнгу Токото сянь Пятигоу фасянь сан цзо сяньбэй му (Исследование трех погребений сяньбэй в Пятигоу, уезде Тогто, Внутренняя Монголия) // Каогу (Археология). – 1991. – № 5. – С. 426–428 (на кит. яз.).

Чжан Байчжун. Нэймэнгу Кэцзочжунци Люцзяцзы сяньбэй муцзюнь (Сяньбэйский памятник Люцзяцзы во Внутренней Монголии) // Каогу (Археология). – 1989. – № 5. – С. 430–433, 443 (на кит. яз.).

Чжан Ин, Ван Ся, Хэ Мин. Цзилинь Юйшу сянь Лаохэшэнь сяньбэй муцзюнь буфэнь муцзан фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках некоторых сяньбэйских гробниц памятника Лаохэшэнь в уезде Юйшу, провинция Цзилинь) // Вэньу (Культура). – 1985. – № 2. – С. 68–82. (на кит. яз.).

Чжэн Лун. Нэймэнгу Чжалайнор гу муцзюнь дяоча цзы. (Исследование древних гробниц Чжалайнор во Внутренней Монголии) // Вэньу (Культура). – 1961. – № 9. – С. 16–18 (на кит. яз.).

Юйшу Лаохэшэнь (Лаохэшэнь в уезде Юйшу). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1987. – 179 с. (на кит. яз.).

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-1 – памятник хунно-сяньбийской эпохи Степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. – Чита, 2005. – 296 с.

Tsagaan T. A study on bronze mirrors in xiongnu graves of Mongolia. In *Xiongnu archaeology: Multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. – P. 315–325.

References

Barinova E.B. Etnokul'turnye kontakty Kitaya s narodami Tsentral'noi Azii v drevnosti i srednevekov'e. Moscow: IAET RAS Publ., 2013. 419 p. (In Russ.).

Basova N.V., Kuznecov N.A. Ukrasheniya i amulety iz srednevekovykh kurganov Kuzneckoj kotloviny. *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnih i traditsionnykh obshchestv Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh territorij*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2005. P. 134–136. (In Russ.).

Du Chengwu, Li Xingsheng. Chayouhouqi Sandaowan mudi [Sandaowan Cemetery in Chaoyuqi County]. In *Neimenggu diqu xianbei muzang de faxian yu yanjiu [Discovery and exploration of Xianbei sites in Inner Mongolia]*. Beijing: Kexue chubanshe, 2004. P. 16–54. (In Chin.).

Filippova I. V. Kitayskie zerkala iz pamyatnikov khunnu. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. Iss. 4. P. 100–108. (In Russ.).

Fu Ning, Ding Yong. Zhuozi xian Shijiagou muqun chutu ziliao [The material found at Shijiagou cemetery in Zhuozi county]. *Neimenggu wenwu kaogu [Inner Mongolia Archaeology and Cultural Relics]*. 1998. N 2. P. 9–21. (In Chin.).

Jilin sheng wen wu kao gu yan jiu suo, ed. Yushu Laoheshen [Excavation at Laoheshen in Yushu County]. Beijing: Kexue chubanshe, 1987. 187 p. (In Chin.).

Jin Xueshan. Neimenggu Tuoketuo Pitiaogu fazian san zuo xianbei mu [Three Xianbei tombs discovered in Pitiaogou, Tuoketuo County, Inner Mongolia]. *Kaogu [Archeology]*. 1991. N 5. P. 426–428. (In Chin.).

Konovalov P. B. Khunnu v Zabaikal'e. (Pogrebal'nye pamyatniki). Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. 248 p. (In Russ.).

Leus P. M. Kitaiskie bronzovye zerkala iz mogil'nikov Ala-Tei i Terezin v Tuve. «*Drevnie kul'tury Tsentral'noi Azii i Sankt-Peterburg*», Tezisy. Vtoraya Vserossiiskaya konferentsiya posvyashchennaya 90-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Danilovicha Gracha Sankt-Peterburg, 10–14 dekabrya 2018 goda. St. Petersburg: IHMC RAS Publ., 2018. P. 104–110. (In Russ.).

Otani I. Shutsudo no chugokukyo shusei: mongorukoku narabini zabaikaru chiki [Chinese bronze mirrors found outside of China: Mongolia and Transbaikalia] [2nd edition]. *Archaeological Bulletin Kanazawa University*. 2021. Vol. 42. P. 37–57. (In Jap.).

Otani I. Shutsudo no chūgokukyō shūsei: mongorukoku narabini zabaikaru chīki [Chinese bronze mirrors found outside of China: Mongolia and Transbaikalia]. *Archaeological bulletin Kanazawa University*. 2014. Vol. 35. P. 45–72. (In Jap.).

Sheke yuan kaogu yanjiu suo, ed. [Institute of Archaeology, Academy of Social Sciences]. Si Qin Han tongjing de leixing ji qi yanbian [Types and evolution of bronze mirrors in the four dynasties of Qin and Han]. In *Zhongguo kaogu xue: Qin Han juan* [Chinese archeology. Qin and Han]. Beijing: shehui chubanshe, 2010. P. 656–665. (In Chin.).

Sun Wei. Xianbei “hui qi” zang su yanjiu [Researches on the “damaged objects” characteristics and unearthen from Xianbei burials]. *Bianjiang kaogu yanjiu* [Research of China's Frontier Archaeology]. 2009. N 8. P. 139–147. (In Chin.).

Sun Wei. Xianbei kaogu xue wenhua yanjiu [An archeological study on the xianbei culture]. Beijing: Science Press, 2007. 176 p. (Chinese ancient civilization and archeology. Vol. 6). (In Chin.).

Tishkin A. A., Seregin N. N. Chinese items from archaeological sites of Early Medieval Turkic tribes of Central Asia. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. 2013. Vol. 7. N 1. P. 49–72. (In Russ.).

Trubnikova V. B. An attempt of identifying the local-chronological groups of Xianbei culture. In *Ancient and medieval cultures of Central Asia (the formation, development and interaction of urbanized and cattle-breeding societies)*. St. Petersburg: IHMC RAS Publ., 2021. P. 227–228. (In Russ.).

Tsagaan T. A study on bronze mirrors in xiongnu graves of Mongolia. In *Xiongnu archaeology: Multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. P. 315–325.

Wang Cheng, Ta La, Zhang Chun. Eergunayouqi Labudalin Xianbei muqun fajue jianbao [A brief report on the excavation of Labudalin Xianbei cemetery in Ergunayou banner]. In *Neimenggu wenwu kaogu wenji* [A collection of Papers on the Material Culture and Archaeology of Inner Mongolia]. Ed. Li Yiyou, Wei Jian. Beijing, Zhongguo Dabaikequanshu publishers, 1994. N 1. P. 384–396. (In Chin.).

Xu Zheng. *Xibeī duquī chutu handai tonjing chubu yanjiu: dissertation* [Preliminary Study of Han Dynasty Bronze Mirrors Discovered in Northwest China]. Zhengzhou, 2011. 96 p. (In Chin.).

Yaremchuk O. A. Mogil'nik Zorgol-1 – pamyatnik khunno-syan'biiskoi epokhi Stepnoi Daurii: dissertation. Chita, 2005. 296 p. (In Russ.).

Zhang Baizhong. Neimenggu Kezuozhongqi Liujiazi xianbei muqun [Xianbei cemetery Liujiazi at Kezuozhong banner in Inner Mongolia]. *Kaogu* [Archeology]. 1989. N 5. P. 430–433, 443. (In Chin.).

Zhang Ying, Wang Xia, He Ming. Jilin Yushu xian Laoheshen xianbei mu qun bufen muzang fajue [Brief report on the excavation of some tombs in the Laoheshen Xianbei tombs in Yushu County, Jilin Province]. *Wenwu* [Culture]. 1985. N 2. P. 68–82. (In Chin.).

Zheng Long. Neimenggu Zhailainuoer gu mu qun diaocha ji [Ancient tombs Zhailainuoer in Inner Mongolia]. *Wenwu* [Culture]. 1961. N 9. P. 16–18. (In Chin.).

Трубникова В.Б. <https://orcid.org/0000-0001-6584-5563>

Р.М. Харитонов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: tengeri_ashina@outlook.com

Ретроспектива в оружииеведении на примере бурятского традиционного лука

В статье представлены результаты сравнительного анализа традиционных бурятских луков XIX–XXI вв. и деталей луков XVII–XVIII вв. из «старобурятских» погребений Байкальского региона. Освещаются основные проблемные вопросы, связанные с применением классических оружейеведческих схем (конструкция – набор накладок) для изучения целиком сохранившихся предметов. Дана обобщенная характеристика морфологии и технологии бурятского традиционного лука: современного, изготавливаемого с середины XX в. до настоящего времени агинскими мастерами, а также двух вариантов конструкции, распространенной до середины XX в. и фиксируемой на дореволюционных изображениях. Варианты конструкции выделены по способу оформления переходных зон – участков, разделяющих упругую рабочую часть и негнущиеся концы и формирующих необходимый угол между этими функциональными зонами. Характеризуются опубликованные накладки и детали из «старобурятских» погребений Предбайкалья (Усть-Талькин, погр. 2, 41; Бухта Хагун, погр. 2) и Забайкалья (Аргадинское погребение). Описанные детали из археологических памятников сравниваются с элементами описанных поздних бурятских луков. Выявлена генетическая связь между предбайкальскими старобурятскими предметами и бурятскими луками из музейных и частных коллекций. На основе анализа особенностей морфологии и технологии исключается влияние маньчжурской традиции как базовой для формирования бурятской конструкции. Остатки лука из Аргадинского погребения Забайкалья напрямую с поздними изделиями не соотносятся по форме деревянной основы, по комбинации накладок, по способу оформления переходных зон, а также по реконструированной геометрии в положении без тетивы, что свидетельствует об иной конструкции аргадинского лука.

Ключевые слова: буряты, старобурятские погребения, традиционный лук, позднее Средневековье, Новое время, накладки.

R.M. Kharitonov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: tengeri_ashina@outlook.com

Retrospection in Weapons Science on the Example of the Buryat Traditional Bow

The article presents the results of a comparative analysis of traditional Buryat bows of the 19th–21st centuries. and details of bows XVII–XVIII from the «Old Buryat» burials of the Baikal region. The main problematic issues associated with the use of classical weapons studies schemes (design – a set of overlays) for the study of fully preserved objects are highlighted. A generalized description of the morphology and technology of the Buryat traditional bow is given: modern, made from the middle of the 20th century: up to the present time by Aginsk masters, as well as two variants of the design, common until the middle of the 20th century and securely fixed on pre-revolutionary images. Design options are selected according to the method of designing transition zones – sections that separate the elastic part and rigid ends and form the required angle between these functional zones. The published overlays and details from the «Old Buryat» burials of Cisbaikalia (Ust-Tal'kin, burials 2, 41; Bukhta Khagun, burial 2) and Transbaikalia (Argadinskoe burial) are characterized. The described details from archaeological sites are compared with the elements of the described late Buryat bows. A genetic connection between the Cis-Baikal Old Buryat objects and Buryat bows from museum and private collections has been revealed. Based on the analysis of the features of morphology and technology, the influence of the Manchu tradition as a base for the formation of the Buryat design is excluded. The remains of the bow from the Argadin burial in Transbaikalia do not directly correlate with later items in terms of the shape of the wooden base, the combination of overlays, the method of designing the transition zones, as well as the reconstructed geometry in the position without a bowstring, which indicates a different design of the Argadin bow.

Keywords: *Buryats, Old Buryat burials, traditional bow, late Middle Ages, New time, overlays.*

В отечественном оружиеведении остро стоит вопрос о выделении сходств и различий традиционных луков разных конструкций. Постепенно, в научный оборот вводятся новые целиком сохранившиеся артефакты из археологических памятников Северной и Центральной Азии, а также, применимо к позднему Средневековью и Новому времени, предметы из музейных коллекций.

В классической оружейведческой схеме классификации луков (конструкция – набор накладок) большая часть технологических, морфологических и функциональных элементов, характеризующих конструкцию, остается без внимания, поэтому она не может быть применима для исследования большинства этих изделий.

Кроме того, не вполне понятно, как соотносятся в данных схемах конкретные конструкции и их вариации близкие по морфологии, размерам, основным технологическим приемам, но отличающиеся набором накладок, материалами, способом оформления отдельных участков и др.

Между тем, поскольку чаще всего от древних луков из археологических памятников сохраняются лишь роговые и костяные пластины, тогда как основная часть конструкции остается неизвестной, описанная классификационная схема, представленная в работах основоположников данного направления [Литвинский, 1966; Соловьев, 1987; Хазанов, 1966; Худяков, 1986], является единственной надежной основой для оружейведческих исследований. Важно, что большая часть реконструкций определенных типов древних луков являются умозрительными,

без детального представления внешнего облика и тем более без четких подтвержденных качественных характеристик.

Одним из вариантов решения данной проблематики является применения ретроспективного анализа – метода, подразумевающего детальное изучение целиком сохранившихся предметов более позднего периода – от позднего Средневековья и до наших дней, для выделения характерных особенностей конструкций и сопоставления полученных данных с деталями древних луков из археологических памятников и наиболее точной их реконструкции. Такой подход становится возможным в связи с устоявшимся пониманием процесса видоизменения оружия во времени и пространстве как эволюции, то есть непрерывного развития наступательного и оборонительного вооружения.

Безусловно, эта эволюция имеет глобальные масштабы, что не позволяет в контексте изучения определенного региона исключать роль культурных связей и процесс распространения наиболее эффективных форм вооружения (в том числе и конструкций древних луков) вместе с движением определенных этнических групп. Таким образом, для наиболее адекватного ретроспективного анализа необходимо привлечение широкого круга источников с соседних территорий и понимание основных исторических процессов.

Одним из перспективных регионов в контексте изучения ручного метательного оружия является территория западнее и восточнее оз. Байкал – современная территория проживания бурят. Основные перспективы связаны с развитием непрерывной традиции национальной стрельбы, что способствовало накоплению знаний о процессе изготовления в течение длительного времени и обеспечило значительную исследовательскую базу за счет большого количества предметов, сохранившихся в музейных и частных коллекциях. Таким образом, целью данной работы является выявление особенностей конструкций традиционного лука на самом позднем эволюционном этапе его функционирования (позднее Средневековье – современность) у монголоязычного населения Байкальского региона посредством применения ретроспективного метода.

Проведенный ранее анализ предметов из музейных (фонды Национального музея Республики Бурятия, Этнографического музея народов Забайкалья (г. Улан-Удэ), Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург), Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск) и др.) и частных коллекций (всего ок. 40 образцов) показал существование у бурят как минимум двух самобытных конструкций, различных по ряду технических и морфологических признаков, но одинаковых по метрическим показателям и соотношениям длин функциональных зон, одна из которых представлена двумя вариантами оформления переходных зон (все изученные луки относятся к сложным – имеющим негнувшиеся концы).

Самая поздняя из конструкций представлена современными изделиями агинских мастеров (рис. 1, 1) (в качестве примеров представлены конкретные образцы вариантов конструкций, не отражающие всего типологического многообразия наборов накладок). Предметы полуоткрытые (угол концов относительно рукоятки варьируется от 90° до 135°), в положении без тетивы имеют прямую невыражен-

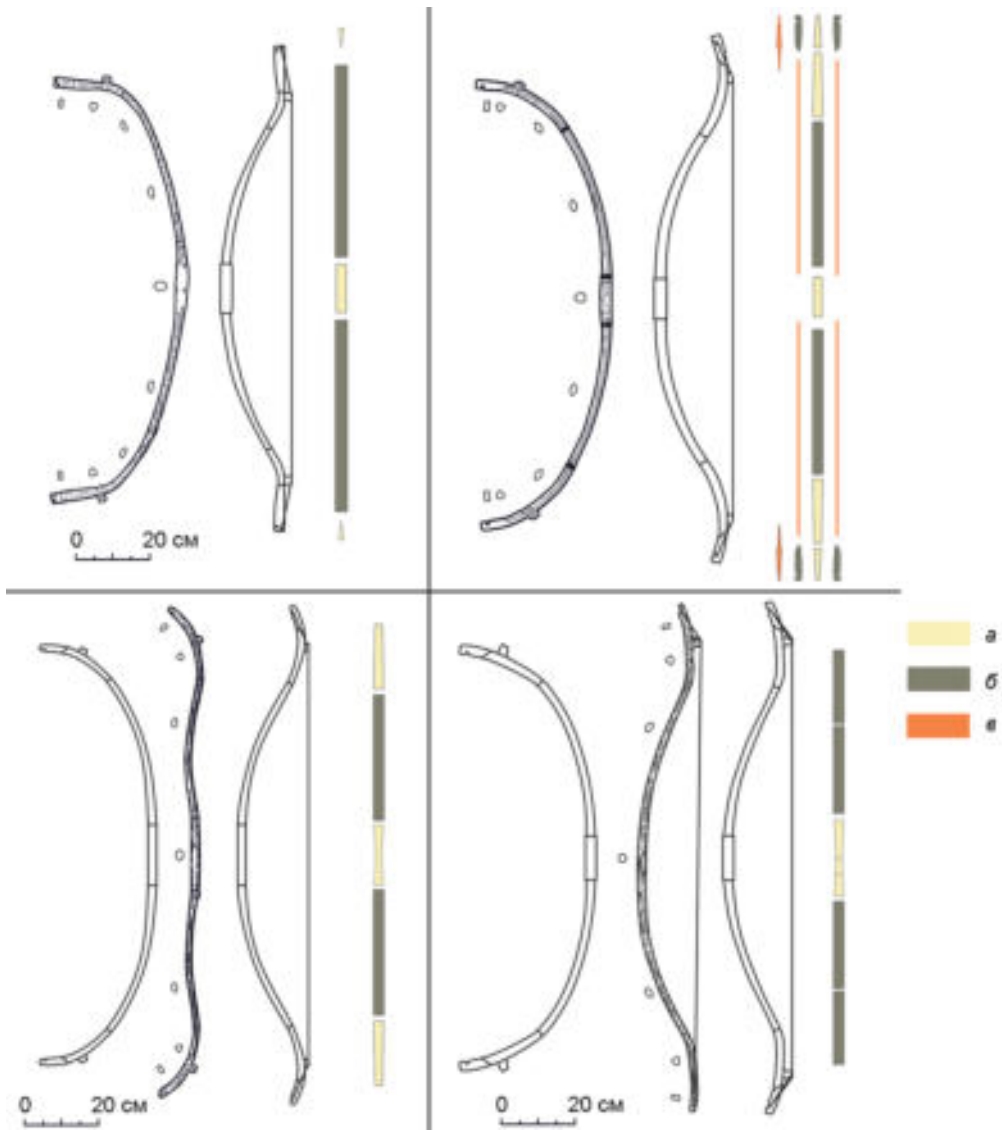

Рис. 1. Конструкции бурятского традиционного лука и их варианты.

1 – первая конструкция: современная агинская (лук из частной коллекции З.Д.-Н. Дугарова); 2 – вторая конструкция, первый вариант, первый тип: луки селенгинских мастеров (лук из фондов Национального музея Республики Бурятия (г. Улан-Удэ), ИН: МИБ ОФ 1151); 3 – вторая конструкция, первый вариант, второй тип: переходные конструкции (лук из фондов Национального музея Республики Бурятия (г. Улан-Удэ), ИН: МИБ ОФ 1150); 4 – вторая конструкция, второй вариант (лук из фондов Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск), ИН: МИКНС ОФ 4256); а – накладки из рога оленевых, б – накладки из полого рога; в – накладки из дерева или кустарника.

ную рукоять, плавно изогнутые продолжающие рукоять упругие плечи, слабо-выраженные переходные зоны разной протяженности, имеющие небольшой участок с более резким изгибом (таким образом, создается видимость угловатости приблизительно в центре переходных зон) и сравнительно короткие негнувшиеся

концы. В переходных зонах от упругих плеч в направлении концов возрастает дополнительное ребро (более или менее выраженное) на большем или меньшем протяжении, тем самым формируя плавный переход от упругой части к негнущейся. Упругие плечи в сечении двояковыпуклые и сравнительно неширокие. Все агинские луки оснащены различными наборами фронтальных накладок (без исключения, все имеют плечевые, некоторые варианты укреплены также концевыми) и в подавляющем большинстве различными по форме концевыми вкладышами. Боковых и тыльных накладок зафиксировано не было (за исключением одного лука из Этнографического музея народов Забайкалья: ЭМНЗ ОФ-4021, укрепленного боковым конструктивным элементом – тонкой деревянной пластинкой на плечах). Внешняя сторона предметов усилена сухожилиями. Именно изготовление такой конструкции по современным этнографическим данным описал в своей статье А. Г. Гомбожапов [2016]. Такие изделия приспособлены сугубо для спортивных мероприятий и, вероятнее всего, появились в середине XX в., когда лук и стрелы уже не применялись в качестве промыслового и боевого оружия, а современные спортивные луки еще не были доступны. Важно отметить, что в данной конструкции наблюдается влияние монгольских и китайских изделий, проявляющееся главным образом в оформлении переходных зон (на поврежденных предметах в этих местах просматриваются клиновидные соединения деревянных деталей, со стороны живота плечевые накладки могут стыковаться со специальным выступом на деревянной основе), при том, что остальные морфологические особенности соответствуют более ранним формам. Однако, если на монгольских и китайских изделиях вклеиваемая концевая часть обычно соответствует по форме дополнительному ребру переходной зоны, то на агинских предметах ребро может быть сточено с внешней стороны, в связи с чем при одинаковых технических приемах видимая протяженность переходной зоны может значительно отличаться по протяженности.

Вторая конструкция является более ранней и уверенно фиксируется на дореволюционных изображениях (рис. 1, 2, 3, 4). Такие луки полуоткрытые, общую геометрию можно охарактеризовать следующим образом: прямая рукоять, плавно изогнутые упругие плечи, длинные прямые или изогнутые четко выраженные переходные зоны и короткие концы. Конструкцию можно разделить по двум вариантам оформления переходных зон (такое разделение обусловлено тем, что для получения необходимого эффекта в различных функциональных зонах, при сохранении устоявшейся геометрии и метрики могли использоваться различные технические приемы). В первом случае эти участки продолжают изгиб упругих плеч, сечение переходных зон от упругих плеч плавно утолщается (в основном округлением поверхности со стороны спинки) и сужается, внутренняя поверхность переходных зон укреплена накладками из рога оленевых, которые более жесткие чем плечевые пластины из полого рога (края этих накладок и позволяют четко ограничить переходные зоны) (рис. 1, 2, 3). Во втором, в начале переходных зон имеется небольшой угловатый участок, резко отделяющий переходы от упругих плеч, сечение при этом аналогичным образом изменяется в направлении концов – сужается и утолщается, однако,

несколько резче, при этом приблизительно половина поверхности переходных зон со стороны упругих плеч укреплены накладками из полого рога, сходящих на нет к середине переходных зон (рис. 1, 4).

Предметы первого варианта конструкции разделяются на два типа по основному функциональному набору накладок. Первый тип: рукоять укреплялась пластиной из рога оленевых или кости (фиксируется в тех случаях где ее наличие возможно было определить), плечевые пластины из полого рога, накладки переходных зон из рога оленевых, которые могли охватывать также негнущиеся концы, и полный набор концевых накладок (тыльные фронтальные и боковые), изготовленных из разнообразных материалов (рог оленя, кость, кустарник). Также вдоль упругих плеч и переходных зон располагался боковой конструктивный элемент (тонкая пластинка из дерева или кустарника) (рис. 1, 2). Второй тип: присутствовали срединная и фронтальные плечевые пластины, переходные зоны укреплялись накладками из рога оленевых, которые могли также охватывать и негнущиеся концы или комбинироваться с концевыми фронтальными накладками из того же материала. Боковые и тыльные концевые накладки на изученных предметах отсутствуют, однако иногда присутствуют боковые конструктивные элементы (рис. 1, 3). Второй вариант конструкции укреплялся различными наборами фронтальных накладок: рукоять фронтальной – из кости или оленьего рога (на которых можно проследить ее наличие), упругие плечи и частично переходные зоны – пластинами из полого рога.

Основная разница вариантов конструкции, как отмечалось ранее, заключается в морфологии и способе оформления переходных зон. Эта разница достигалась из-за различий в форме деревянной основы. В фондах Российского этнографического музея был зафиксирован один предмет с полностью видимой деревянной основой (РЭМ 4048-155): она была цельнодеревянной и плавно изгибалась вдоль всего плеча до негнущегося конца, при этом в переходных зонах форма сечения при постепенном утолщении и сужении не менялась, внешняя часть оставалась округлой, выпуклой, внутренняя – почти плоской (для наклеивания накладок). Плавное равномерное повышение степени изогнутости вдоль всего плеча исключает видимых угловатостей.

Деревянная основа второго варианта конструкции зафиксирована на двух предметах из фондов Российского этнографического музея (поврежденные предметы РЭМ1165-17, РЭМ1457-1), где она просматривается целиком. Она цельнодеревянная, упругие части слабоизогнутые и имеют уплощенное подпрямоугольное со слабовыпуклой внешней поверхностью сечение, которое в переходных зонах резко меняется на подтреугольное, при этом между этими областями кибить меняет угол на коротком участке (что и отделяет визуально переходные зоны от упругих плеч). Вероятнее всего, при изготовлении разные области изгибались отдельно, поскольку получить такую форму единоразово весьма сложно.

Изменение сечения в переходных зонах может быть более или менее выражено. Мастер-изготовитель мог попытаться выделить эту область, или же наоборот скруглить или сточить утолщающееся ребро со стороны спинки. Это обуславливает некоторую условность в интерпретации изменения сечения

и не позволяет разделить конструкции по данному признаку. Между тем общая закономерность сохраняется: у луков первого типа первого варианта ребро практически не выражено (вся поверхность равномерно сужается и незначительно утолщается); у второго варианта выражено более резко (утолщение достигается приблизительно к середине, приближая сечение к подтреугольному, и сохраняется до концов). Второй тип первого варианта следует считать неким переходным звеном: при наличии фронтальной накладки переходной зоны сечение на отдельных образцах выражено более резко чем на большинстве предметов первого типа.

Несмотря на описанные различия, варианты конструкции очень близки, поскольку в положении с надетой тетивой получались практически идентичные формы. С надетой тетивой лук имел прямую рукоять, плавно изогнутые назад упругие части, приблизительно в середине длины плеч изгиб корпуса менял направление и плавно или же со слабо различимой угловатостью (на стыке упругих плеч и переходных зон) переходил в концы, окончаниями, незначительно направленными вперед или же параллельно тетиве.

На настоящий момент сложно уверено говорить о том, как рано появилась данная конструкция, и тем более, с какими факторами связано развитие ее вариантов. Несмотря на большую долю условности, на знаменитом изображении конца XVIII – начала XIX в. Е.М. Корнеева «Братские татары», половина лука изображена схожим образом: с равномерно изогнутым плечом и сравнительно коротким концом.

С позднесредневековым монголоязычным населением Байкальского региона связывают «старобурятские» или «древнебурятские» погребения. На настоящий момент уровень изученности позднесредневековых памятников и тем более публикации предметного комплекса оставляет желать лучшего. На сегодняшний день были опубликованы остатки луков из трех предбайкальских старобурятских погребений памятников Усть-Талькин (погр. 2 и 41) и Бухта Хагун (погр. 2), а также один предмет из Забайкалья (Аргадинское погребение).

В предбайкальских погребениях были найдены три аналогичных набора накладок (рис. 2, 1, 2, 3). По типологии Ю. С. Худякова, они определены как «со срединной фронтальной веслообразной и плечевыми фронтальными накладками» [Худяков, 2001, с. 83].

Срединные фронтальные веслообразные накладки достаточно длинные (У-Т (2) – 24,5 см; У-Т (41) – 20 см и БХ (2) – 30 см) с массивными лопастями шириной до 3 см. В сечении накладки сегментовидные, плавно утончающиеся к окончаниям. Область хвата (часть, предназначенная непосредственно для хвата) варьируется от 8,5 см до 11 см.

«Плечевые фронтальные» накладки представлены подпрямоугольными роговыми пластинами длиной У-Т (2) – 25 см; У-Т (41) – 20 см; и БХ (2) – 18,5 см. Один край этих пластин скругленный, второй прямой. В направлении от прямого края к скругленному детали плавно утончаются. Все накладки равномерно изогнуты. Для лучшей склейки внутренняя поверхность пластин покрывалась надрезами.

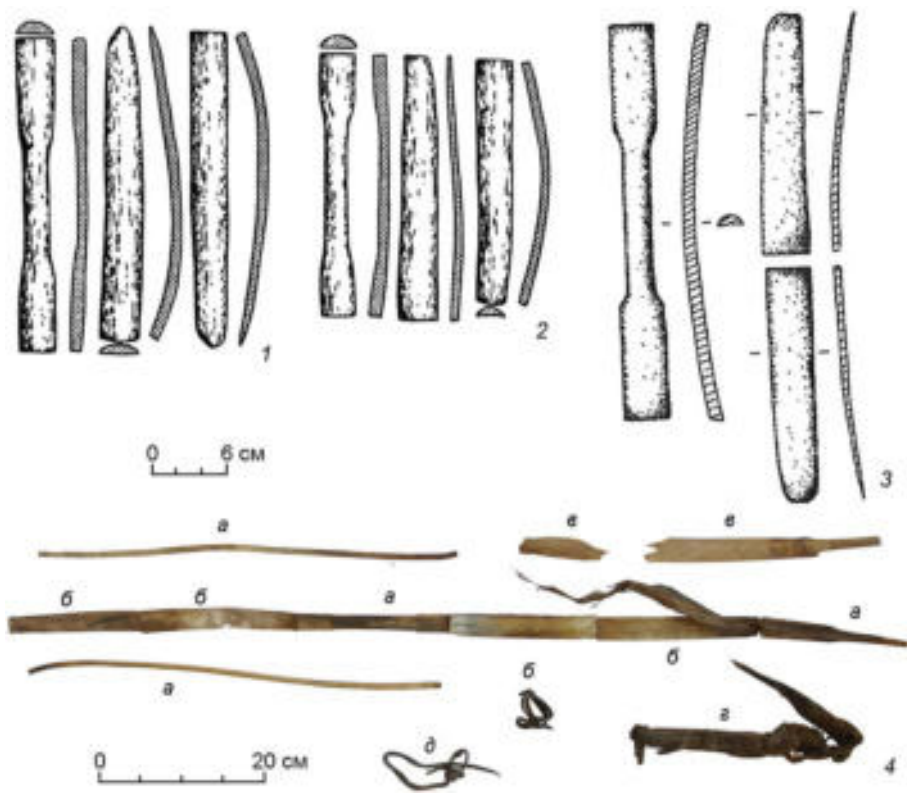

Рис. 2. Детали луков из «старобурятских» погребений.

1 – фронтальные накладки из памятника Усть-Талькин, погр. 2; 2 – фронтальные накладки из памятника Усть-Талькин, погр. 41; 3 – фронтальные накладки из памятника Бухта Хагун, погр. 2; 4 – детали лука из Аргадинского погребения: а – пластины из рога оленевых; б – накладки из полого рога; в – фрагменты деревянной основы; г – остатки сухожильной оклейки спинки; д – фрагменты кожаной тетивы.

При первом же сравнении этнографических предметов с представленными археологическими материалами становится понятно, что «плечевые» накладки из археологических памятников, аналогичны по форме и назначению накладкам переходных зон с бурятских луков второй конструкции первого варианта. Естественный изгиб накладок свидетельствует об их расположении в месте изгиба корпуса, а их протяженность совпадает с длиной переходных зон у луков отмеченного варианта (15–25 см). Прямой край старобурятских пластин переходных зон стыковался с несохранившимися накладками из полого рога. Важно, что ширина накладок в этом месте также близка к параметрам с поздних предметов, что свидетельствует о том, что ширина плеч археологических предметов (ок. 3 см) была близка к ширине этнографических изделий (максимальная ширина плеч бурятских луков варьировалась от 2,6 см до 3,5 см), что исключает значительного усиления за счет более широкого плеча. Округлая форма края пластин свидетельствует о том, что со стороны концов их не продолжали концевые фронтальные накладки, следовательно, вероятнее всего концы накладками не укреплялись. Отсутствие иных пластин, кроме описанных, говорит о том, что данные луки не со-

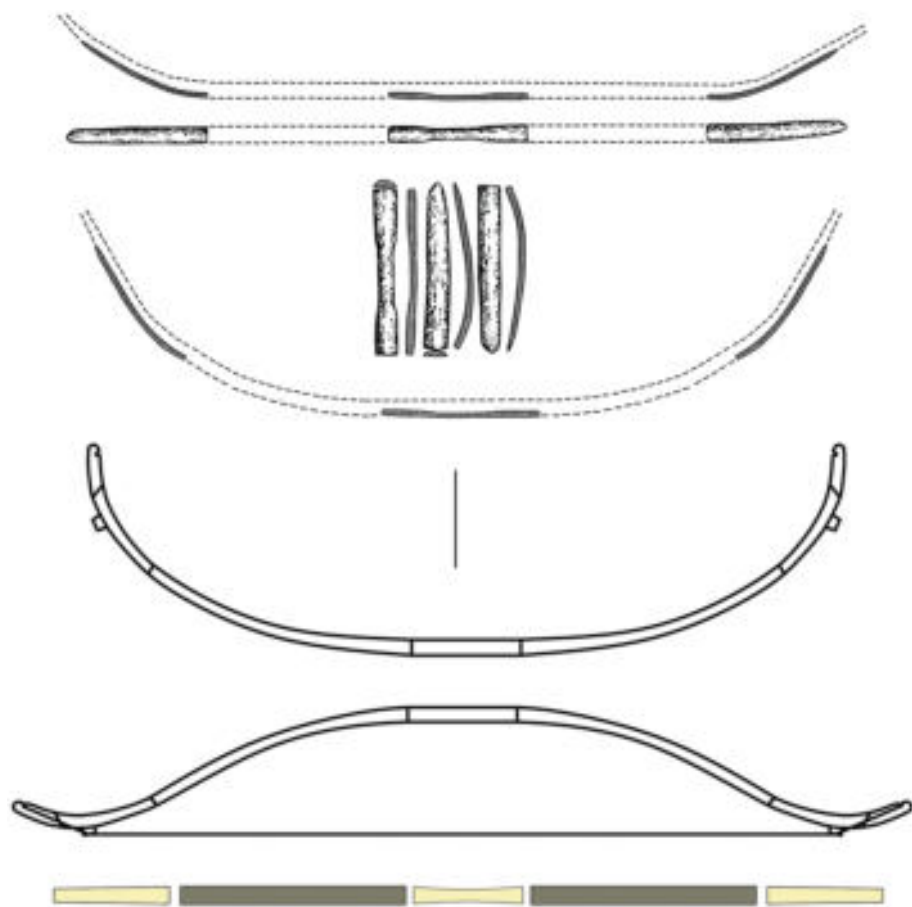

Рис. 3. Схема расположения накладок из предбайкальских «старобурятских» погребений на кибити и их визуализация с типологически схожим вторым типом первого варианта второй конструкции.

поставимы с предметами первого типа первого варианта второй конструкции (нет концевых пластин). Наличие же жестких накладок переходных зон также исключает отнесение ко второму варианту. Таким образом, наиболее близким к старобурятским является именно второй тип первого варианта второй конструкции (рис. 3). Вероятнее всего, наиболее близкими по конструктивным особенностям являются предметы из фондов Национального музея Республики Бурятия под инвентарным номером МИБ ОФ 1235, МИБ ОФ 1150, объединяющие в своей конструкции все описанные особенности.

Несмотря на отсутствие конкретных данных о морфологических и технологических особенностях предбайкальских старобурятских луков, важно отметить, что отсутствие накладок переходных зон из рога оленевых на этнографических изделиях мастеров из соседних регионов (Монголия, Китай, Тибет, Тува, Алтай) свидетельствует об их генетической связи именно с бурятскими традиционными луками XVIII–XIX вв., а иная форма деревянной

основы исключает влияние зарубежных предметов как базовых для формирования конструкции.

Наборы накладок, схожие со старобурятскими, фиксируются в археологических памятниках соседних территорий Южной и Западной Сибири: у барабинских татар в погр. 48 могильника Абрамово-10 [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 43–49] и в кург. 1 могильника Высокое [Бобров, Худяков, 2008, с. 84]. Для последнего памятника авторы раскопок опубликовали детальный план погребения вместе с некоторыми важными особенностями расположения накладок в нем. Плечевые накладки располагались «близко к концам лука» [Нечипоренко, Паныкин, Скобелев, 2004, с. 131–133], при этом «в линии остатков лука между ними и центральной веслообразной накладкой отмечались фрагменты бересты явно происходившие от обмотки-оклейки, а также лежавшие плашмя мелкие фрагменты роговых плечевых накладок» [Там же], что подтверждает наличие последних. Также, по мнению авторов раскопок, длина лука составляла ок. 140 см, а «для того, чтобы усиливающие роговые накладки на концах лука играли какую-либо рефлексирующую роль, тетива должна была крепиться не менее чем в 5–6 см от краев данных накладок» [Там же]. Приведенные свидетельства подтверждают выводы, сделанные относительно конструкции старобурятских луков Предбайкалья.

На территории Забайкалья был найден один предмет опубликованный детально [Соловьев, Харитонов, 2018]. В настоящий момент сохранился набор фронтальных накладок из рога оленевых: срединная фронтальная веслообразная, концевые фронтальные, боковой конструктивный элемент и из полого рога: плечевые составные, а также фрагменты сухожильной оклейки и деревянной основы (см. рис. 2, 4). Данный предмет не соотносится с этнографическими предметами, а также описанными археологическими материалами. Относительно известных бурятских изделий, аргадинских луков отличается формой деревянной основы (в упругом плече подпятиугольный уплощенный участок, а в области переходной зоны дополнительное ребро исчезает, сечение меняется на подпрямоугольное уплощенное), комбинацией накладок, способом оформления переходных зон (морфологически и технологически не выражены, сохранившаяся концевая фронтальная накладка имеет широкую часть ок. 10 см), а также реконструированной геометрией в положении без тетивы (представляется что плечи и рукоять были прямыми), что свидетельствует об иной конструкции аргадинского лука. В Национальном музее Республики Бурятия хранятся два предмета со схожей геометрией в положении без тетивы (МИБ НВ 11849, МИБ ОФ 1148), однако поскольку они не имеют информации о времени и месте изготовления, напрямую их соотносить с бурятами неправомерно. Кроме того, Аргадинское погребение само по себе является проблемным, не имеет точной датировки и нуждается в дополнительном изучении. Не исключено, что данный лук мог быть изготовлен таежным населением Забайкалья, или же такая конструкция попросту могла потерять популярность относительно предбайкальских изделий. Между тем, для формирования конкретных представлений о бытовании такой конструкции данных недостаточно.

Таким образом, на настоящий момент можно уверенно говорить о существовании у бурят популярной самобытной конструкции, генетически связанной с старобурятскими предбайкальскими изделиями XVII–XVIII вв., аналоги (или варианты) которой бытовали у соседнего населения Западной и Южной Сибири. Данные конструкции отличаются от популярных с периода позднего Средневековья и до настоящего времени у народов Центральной Азии вариантов маньчжурской традиции.

Для дальнейшего изучения проблематики и выяснения генезиса представленных конструкции (описанные отличия и представленные доказательства длительного бытования на ограниченной территории не решают вопроса происхождения данной совокупности морфологических и технологических особенностей) необходимо значительное расширение источниковой базы и привлечение широкого круга данных.

Список литературы

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – 776 с.

Гомбожапов А.Г. Традиции изготовления лука и лучные состязания бурят // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – Т. 23. – Вып. 3. – С. 123–126.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.

Нечипоренко В.Н., Панькин С.В., Скобелев С.Г. Поздние луки среднего Енисея // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. – С. 129–164.

Литвинский Б.А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке) // СА. – 1966. – Вып. 4. – С. 51–69.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Соловьев А.И., Харитонов Р.М. Аргадинский лук: вопросы реконструкции // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: мат-лы IX междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 10–14 сент. 2018 г.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – Т. 2 – С. 111–116.

Хазанов А.М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1966. – С. 29–44.

Худяков Ю.С. Вооружение Средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 270 с.

Худяков Ю.С. Лук и стрелы бурят в эпоху позднего Средневековья // Бурятия: Проблемы региональной истории и исторического образования. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. – Ч. 1. – С. 78–88.

References

Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Aziii Yuzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII). St. Petersburg.: Faculty of Philology St. Petersburg State Univ. Press, 2008. 776 p. (In Russ.).

Gombozhapov A.G. Traditsii izgotovleniya luka i luchnye sostyazaniya buryat. In *Humanitarian sciences in Siberia*. 2016. Vol. 23. Iss. 3. P. 123–126. (In Russ.).

Khazanov A.M. Slozhnye luki evrazii skikh stepei i Irana v skifo-sarmatskogo epokhu. In *Material'naya kul'tura narodov Srednei Aziii Kazakhstana*. Moscow: Nauka, 1966. P. 29–44. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. Luki strely buryat v epokhu pozdnego srednevekov'ya. In *Buryatiya: Problemy regional'noi istorii i istoricheskogo obrazovaniya*. Ulan-Ude: Buryat State Univ. Press, 2001. Pt. 1. P. 78–88. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi Sibirii Tsentral'noi Azii. Novosibirsk: Nauka, 1986. 270 p. (In Russ.).

Litvinskii B.A. Slozhnosostavnoi luk v drevnei Srednei Azii (k problem evolyutsii luka na Vostoke). *Sovetskaya Arkheologiya*. 1966. Iss. 4. P. 51–69. (In Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1990. 262 p. (In Russ.).

Nechiporenko V.N., Pan'kin S.V., Skobelev S.G. Pozdnie luki srednego Eniseya. In *Voennoe delo narodov Sibirii Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2004. P. 129–164. (In Russ.).

Solov'ev A.I. Voennoe delo korennoho naseleniya Zapadnoi Sibiri: Epokha srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1987. 193 p. (In Russ.).

Solov'ev A.I., Kharitonov R.M. Argadinskii luk: voprosy rekonstruktsii. In *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikal'skoi Sibirii Severnogo Kitaya: mat-ly IX mezhdunar. nauch. konf. (Ulan-Ude, 10–14 September 2018)*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre SB RAS Publ., 2018. Vol. 2. P. 111–116. (In Russ.).

Харитонов Р.М. <https://orcid.org/0000-0003-1699-046X>

М.В. Храмцов

Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия
E-mail: khramtsov1475@gmail.com

Проблемы выделения липчинской культуры

В статье рассматриваются основные дискуссии по вопросу выделения липчинской культуры. Впервые она была описана П.А. Дмитриевым в конце 1920-х гг. по результатам раскопок Липчинского поселения, однако памятник оказался многослойным. «Липчинская проблематика» осложняется двумя факторами: отсутствием единого мнения о сущности липчинской керамики и недостатком однослойных памятников. Выделяются четыре основных позиции по вопросу выделения липчинской культуры. М.Ф. Косарев, А.Ф. Шорин и Е.Н. Волков признают существование липчинской культуры, а последний утверждает, что в Тюменской обл. присутствуют однослойные липчинские комплексы. С.Ф. Кокшаров предлагает вернуться к позиции О.Н. Бадера и выделить липчинский этап восточно-уральской историко-культурной области. Н.М. Чаиркина считает корректным выделение липчинского культурного типа памятников, который по ряду признаков подобен археологической культуре. В.С. Мосин утверждает, что выделить липчинскую культуру невозможно. По его мнению, наличие посуды с различной орнаментацией в одном стратиграфическом горизонте иллюстрирует нахождение двух десцендентных линий одной резидентной группы, а не двух различных коллективов. Обращение к определению археологической культуры не дает возможности структурировать мнения исследователей, т.к. ни один из них не указывает признаки, по которым липчинская культура выделяется. Усложняет проблему и невозможность достоверно реконструировать социальные отношения носителей липчинской культуры. Для дальнейшего прорыва в понимании липчинских древностей необходимо обратить внимание на имеющиеся коллекции стратифицированных комплексов (стоянка VIРазрез) и поиск новых торфяниковых памятников.

Ключевые слова: археология, историография, энеолит, липчинская культура, Зауралье, керамические орнаменты.

M.V. Khramtsov

Institute History and Archaeology of the Ural Branch of RAS
Yekaterinburg, Russia
E-mail: khramtsov1475@gmail.com

Problems of Allocation Lipchinsky Culture

The article devoted to the main discussions about allocation of Lipchinskaya culture. According to the results of excavations on the Lipchinsky site Lipchinskaya culture was first discovered by

P.A. Dmitriev in the late 1920s, although the site was multilayered. The problem of the allocation of Lipchinskaya culture complicated because of the lack of a consensus on the essence of Lipchinskaya pottery and the lack of single-layer monuments. There are four main positions on the issue of allocation the Lipchinskaya culture. M.F. Kosarev, A.F. Shorin and E.N. Volkov accept the existence of the Lipchinskaya culture. E.N. Volkov claims that single-layer Lipchinskaya complexes are presented in the Tyumen region. S.F. Koksharov proposes to return to the O.N. Bader's opinion and allocate the Lipchinsky stage of the East Ural historical and cultural area. N.M. Chairkina considers to allocate the Lipchinsky type of sites, which is similar to the archaeological culture in a number of ways. V.S. Mosin approves that it is impossible to allocate the Lipchinskaya culture. In his opinion, the presence of pottery with different ornament in one stratigraphic horizon illustrates the presence of two descent lines of one resident group, not two different groups. The reference to the definition of archaeological culture does not make it possible to structure the opinions of researchers, because none of them indicates the signs by which the Lipchinskaya culture allocates. The problem is also complicated because of the impossibility of reliably reconstructing the social relations of the bearers of the Lipchinskaya culture. For a further breakthrough in the understanding of the Lipchinskaya antiquities, it is necessary to pay attention to the existing collections of stratified complexes (site VI Razrez) and the search for new peatbog sites.

Keywords: *archaeology, historiography, Eneolithic, Lipchinskaya culture, Zauralye, ceramic ornaments.*

Энеолит Среднего Зауралья характеризуется тесным взаимодействием между представителями трех археологических культур: аятской, шувакишской и липчинской. В условиях раннесуббореального похолодания материальные черты археологических общностей сближаются, формируя обширную по территории культурно-историческую область, называемую исследователями по-разному: Зауральско-Североказахстанская [Чаиркина, 2005], КИО культур гребенчатого геометризма [Шорин, 1999] и т.д.

Основные черты шувакишской и аятской культур на современном этапе научного знания изучены относительно полно, чего нельзя сказать о липчинской культуре. Липчинская культура была выделена П.А. Дмитриевым по результатам раскопок Липчинского поселения в 1925–1926 гг. Первичный процесс накопления знаний о культуре шел до второй половины 1980-х гг. Увеличение объема источников позволило исследователям рассматривать вопросы специфики и правомерности выделения липчинской культуры.

Целью данной статьи является классификация и анализ взглядов исследователей на проблему выделения липчинской культуры.

Главным источником для атрибуции энеолитических культур Зауралья является керамика, поэтому необходимо рассмотреть дискуссии о липчинской керамической традиции. В.Н. Чернецов, анализируя материалы П.А. Дмитриева с Липчинского поселения, охарактеризовал липчинскую керамику как сосуды параболоидной и митровидной формы, реже – плоскодонные, орнаментированные разными видами гребенчатого штампа, отступающей лопаточкой, отступающей гребенкой, подтреугольными или овальными ямками. На венчик наносились круглые глубокие ямки [Чернецов, 1953]. Однако в коллекцию, обработанную В.Н. Чернецовым, вошли материалы не только энеолита, но и неолита [Чаиркина, 2005]. В результате раскопок 1995–1996 гг. на Липчинском поселении была

доказана многокомпонентность энеолитического комплекса – в коллекции присутствует гребенчатая керамика шапкульской и андреевской культур, а также отступающе-накольчатая липчинская [Чаиркина, 1996].

В.Д. Викторова считала, что липчинская посуда украшена двумя видами гребенчатого штампа: коротким с крупными зубцами и длинным с косой нарезкой зубцов, а также «псевдошнуровыми штрихами» [Викторова, 1968]. О.Н. Бадер также обращает внимание на двойственность орнаментации липчинской керамики. По его мнению, для нее характерны сосуды параболической или митровидной формы с орнаментом, выполненным в технике «отступающей лопаточки» или «отступающей гребенки», под краем сосуда фиксируется пояс из ямок [Бадер, 1970]. О двухкомпонентности орнаментации липчинской керамики пишут и другие исследователи [Старков, 1980; Ковалева, Клементьева, 2004].

С увеличением количества источников данная точка зрения была поставлена под сомнение. Сторонники альтернативной позиции считают, что липчинская керамика орнаментирована исключительно в отступающе-накольчатой технике [Косарев, 1987; Шорин, 1999; Чаиркина, 2005; Волков, 2009]. Стоит отметить, что «ложношнуровой орнамент», орнамент, выполненный «отступающей лопаточкой», «псевдошнуровыми штрихами» и т.д. в современности называется одним термином – отступающе-накольчатый орнамент [Калинина, Устинова, 1990].

Другой проблемой изучения липчинской культуры является практически полное отсутствие однослойных липчинских комплексов. Если принять точку зрения об однокомпонентности орнамента липчинской керамики, то в Среднем Зауралье фиксируется всего 14 «чистых» липчинских памятников, ни один из которых не был исследован раскопками. Поэтому исследователи опираются на комплексы с преобладанием липчинских сосудов над другими: около десяти из них исследованы раскопками [Чаиркина, 2005].

Неразрешенная дискуссия о признаках липчинской керамики и состоянии археологических источников приводит к возникновению различных точек зрения на специфику липчинской культуры и необходимость ее выделения.

М.Ф. Косарев, А.Ф. Шорин и Е.Н. Волков считают, что существование липчинской культуры правомерно. По мнению первого, для липчинской культуры характерна керамика, выполненная в отступающе-накольчатой орнаментальной традиции и представленная остродонными или округлодонными сосудами. В тесте заметна примесь талька или песка, а основными орнаментальными мотивами являются волнистые линии, треугольники, ромбы, зигзаги, взаимопроникающие треугольные зоны. По мнению М.Ф. Косарева, форма сосудов и ряд орнаментальных мотивов сближают липчинскую керамику с суртандинской керамикой Южного Зауралья. Липчинскую культуру характеризуют удлиненные глиняные грузила с рожковидным раздвоением, которые зачастую орнаментированы в отступающе-накольчатой технике. Каменный инвентарь липчинской культуры не выделен, а типы жилищ неизвестны [Косарев, 1987].

А.Ф. Шорин рассматривает липчинскую культуру как часть КИО культур гребенчатого геометризма. По мнению исследователя, для липчинской культуры ха-

рактерна отступающе-накольчатая керамика с ярко выраженным геометризмом [Шорин, 1999].

Е.Н. Волков поддерживает вышеуказанных исследователей и подчеркивает, что для липчинской культуры характерна исключительно отступающе-накольчатая керамика, т.к. в Тюменском Притоболье существуют памятники с «чистым» липчинским слоем (Велижаны 1, Мысовский могильник) [Волков, 2009].

Иной позиции придерживается С.Ф. Кокшаров. Исследователь приводит обширный обзор дискуссий о признаках липчинской керамики и указывает на тенденцию искусственного разделения керамических комплексов, призывая обратить внимание на многокомпонентность энеолитической керамики горно-лесного Зауралья и Нижнего Притоболья. В связи с этим предлагается вернуться к концепции О.Н. Бадера о существовании в энеолите Зауралья липчинского этапа восточно-уральской историко-культурной области. Атымьинские и волвончинские памятники севера Западной Сибири, по мнению автора, следует считать вариантом липчинской культуры [Кокшаров, 2008].

Важно отметить позицию О.Н. Корочковой, которая вскользь отмечает существование липчинско-аятской культуры [Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991].

Н.М. Чаиркина считает более корректным выделять липчинский культурный тип памятников, который по ряду моментов (единство материальных остатков, территории, времени существования) созвучен понятию археологическая культура, однако не имеет весь комплекс культуuroобразующих признаков [Чаиркина, 2005].

В.С. Мосин доказывает, что липчинскую культуру выделить попросту невозможно. По его мнению, наличие в одном стратиграфическом горизонте фрагментов посуды с различной орнаментацией означает проживание разных десцентных линий одной резидентной группы, а не двух отдельных коллективов [Мосин, 2008]. Интерпретируя эпоху энеолита, исследователь выделяет особый регион – Центральный Урал, охватывающий горные районы Среднего и Южного Урала, а также прилегающую с востока холмисто-увалистую равнину. На этой территории бытовала центрально-уральская энеолитическая культура, составляемая тремя основными родовыми группами (липчинской, аятской, кысыкульско-суртандинской), соответствующими трем типам керамики, залегающим в одних и тех же комплексах [Там же].

В таком случае для нас неизбежно встает вопрос о том, какие признаки слагают археологическую культуру. Отечественная археологическая школа не ставила под сомнение объективное существование археологических культур, но признавала, что выработать общую классификацию их признаков затруднительно. По мнению И.С. Каменецкого, археологическую культуру определяет совокупность материальных (вещи, жилища, погребения) и нематериальных (топография памятников, количественные показатели) черт, находящихся во взаимосвязи друг с другом, единообразно изменяющуюся во времени и ограниченно варьирующую в пространстве. Для того чтобы отделить одну культуру от другой и провести границу между ними, достаточно нескольких признаков [Каменецкий, 1970].

Критикуя исследователей, отождествляющих археологическую культуру с этносом и выделяющих «этнические признаки», дальше идет Л.С. Клейн. По его мнению, в основе выделения археологической культуры лежит «культурный комплекс» – система, состоящая из «значительного ряда существенных типов, связанных сильной корреляцией и относящихся, по крайней мере, к нескольким из важнейших категорий археологического материала (керамика, способ погребения <...> набор орудий <...> и т.д.)». В таком случае, археологическая культура – это «совокупность памятников, объединенных и отличающихся от прочих исключительным или преобладающим проявлением этого комплекса (или даже отдельных, но характерных только для него сложных компонентов)» [Клейн, 1970].

К сожалению, невозможно сравнить определения М.Ф. Косарева, А.Ф. Шорина, Е.Н. Волкова, т.к. авторы четко не прописывают признаки, по которым выделяется липчинская культура, для них это не является основной задачей исследования.

Интерпретацию археологической действительности носителей липчинской культуры усложняет невозможность достоверно реконструировать социальные отношения по имеющимся источникам. В передаче навыков орнаментации керамики большую роль играет возраст учениц и матрилокальность или патрилокальность общества. В.А. Шнирельман на этнографических примерах убедительно доказывает, что во втором случае, при позднем обучении гончарству большую роль в процессе играют свекровь и другие свойственницы, в результате чего жена усваивает традиции общины мужа, не привнося свои. С другой стороны, это лишь один случай из возможных, т.к. в этнографии фиксируются случаи частичной матрилокальности, заимствования орнаментального стиля из других источников, умыкания девочек и воспитание их в иной гончарной традиции и т.д. [Шнирельман, 1993]. Не имея достоверных источников для реконструкции социальных норм общностей энеолита Зауралья достаточно сложно говорить о выделении тех или иных археологических культур.

На современном этапе научного знания главной проблемой изучения липчинской культуры остается недостаток бесспорных источников. Для дальнейшего прорыва в понимании липчинских древностей необходимо обратить внимание на имеющиеся коллекции стратифицированных комплексов (стоянка VIРазрез) и поиск новых торфяниковых памятников.

Список литературы

- Бадер О.Н.** Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. МИА № 66. – М.: Наука, 1970. – 208 с.
- Викторова В.Д.** Сосновый остров – стоянка эпохи неолита и бронзы. // СА. – 1968. – № 4. – С. 161–173.
- Волков Е.Н.** К проблеме изучения энеолитических культур Тюменского Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 11. – С. 4–15.
- Калинина И.В., Устинова Е.А.** Технологическая классификация орнаментов неолитической – энеолитической керамики Уральского региона // Археологический сборник. – Л., 1990. – № 30. – С. 7–19.

- Каменецкий И.С.** Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. – 1970. – № 2. – С. 18–36.
- Клейн Л.С.** Проблема определения археологической культуры // СА. – 1970. – № 2. – С. 37–51.
- Ковалева В.Т., Клементьева Т.Ю.** История изучения аятской культуры // Четвертые берсовские чтения. – Екатеринбург, 2004. – С. 12–22.
- Кокшаров С.Ф.** Некоторые проблемы изучения липчинской культуры // Россия и мир: панорама исторического развития: сб. науч. статей, посвящ. 70-летию Уральского гос. ун-та им. А.М. Горького. – 2008. – С. 141–153.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.** Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала. – 1991. – Вып. 20. С. 70–92.
- Косарев М.Ф.** Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. – М., 1987. – С. 252–268.
- Мосин В.С.** Центральный Урал в IV–III тыс. до н.э. // Вопросы археологии Урала. – 2008. – Вып. 25. – С. 159–174.
- Старков В.Ф.** Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М.: Наука, 1980. – 216 с.
- Чаиркина Н.М.** Археологическое исследование Липчинского поселения // Отчет об археологических исследованиях в Свердловской области в 1995 г. – Екатеринбург, 1996 г. / Архив ИИиАУрО РАН. Ф. 2. Д. 68.
- Чаиркина Н.М.** Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 313 с.
- Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – № 35. – С. 7–72.
- Шнирельман В.А.** Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). – Препринт. Екатеринбург: УрО РАН, 1993. – 40 с.
- Шорин А.Ф.** Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. – Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 182 с.
- Этничность в археологии или археология этничности?:** Материалы круглого стола / отв. ред.: В.С. Мосин, Л.Т. Яблонский. – Челябинск, 2013. – 136 с.

References

- Bader O.N.** Ural'skii neolit. I n *Kamennyiveknaterritorii SSSR*. Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR. N 66. Moscow: Nauka, 1970. 208 p. (In Russ.).
- Chairkina N.M.** Arkheologicheskoe issledovanie Lipchinskogo poseleniya // Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniyakh v Sverdlovskoi oblasti v 1995 g. Ekaterinburg, 1996 g. / Archive of Institute History and Archaeology of the Ural Branch of RAS. F. 2. D. 68. (In Russ.).
- Chairkina N.M.** Eneolit SrednegoZaural'ya. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS, 2005. 313 p. (In Russ.).
- Chernetsov V.N.** Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya. In *Materialy iissledovaniya po arkhologii SSSR*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1953. N 35. P. 7–72. (In Russ.).
- Etnichnost' v arkhologii ili arkhologiya etnichnosti ?:** Materialy kruglogo stola / отв. red.: V.S. Mosin, L.T. Yablonskii. Chelyabinsk, 2013. 136 p. (In Russ.).
- Kalinina I.V., Ustinova E.A.** Tekhnologicheskaya klassifikatsiya ornamentov neolitcheskoi-eneolitcheskoi keramiki Ural'skogo regiona. In *Arkheologicheskii sbornik*. Leningrad, 1990. N 30. P. 7–19. (In Russ.).
- Kamenetskii I.S.** Arkheologicheskaya kul'tura – ee opredelenie i interpretatsiya. In *Sovetskay aarkheologiya*. 1970. N 2. P. 18–36. (In Russ.).
- Klein L.S.** Problema opredeleniya arkhologicheskoi kul'tury. In *Sovetskaya arkhologiya*. 1970. N 2. P. 37–51. (In Russ.).

Koksharov S.F. Nekotorye problem izucheniya lipchinskoi kul'tury. In *Rossiiaimir: panorama istoricheskogo razvitiya: sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 70-letiyu Ural'skogo gosudarstvennogo universitetaim. A.M. Gor'kogo*. 2008. P. 141–153. (In Russ.).

Korochkova O.N., Stefanov V.I., Stefanova N.K. Kul'tury bronzovogo veka predtaezhnogo Tobolo-Irtysh'ya (po materialam rabot UAE). In *Voprosy arkheologii Urala*. 1991. Iss. 20. P. 70–92. (In Russ.).

Kosarev M.F. Zapadnaya Sibir' v perekhodnoe vremya ot neolita k bronzovomu veku. In *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR: Arkheologiya SSSR*. Moscow, 1987. P. 252–268. (In Russ.).

Kovaleva V.T., Klement'eva T.Yu. Istoriya izucheniya ayatskoi kul'tury. In *Chetvertye bersovskie chteniya*. Ekaterinburg, 2004. P. 12–22. (In Russ.).

Mosin V.S. Tsentral'nyi Ural v IV–III tys. don. e. In *Voprosy arkheologii iUrala*. 2008. Iss. 25. P. 159–174. (In Russ.).

Shnirel'man V.A. Arkheologicheskaya kul'tura i sotsial'naya real'nost' (problema interpretatsii keramicheskikh arealov). Preprint. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS, 1993. 40 p. (In Russ.).

Shorin A.F. Eneolit Urala i sopredel'nykh territorii: problema kul'turogeneza. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS, 1999. 182 p. (In Russ.).

Starkov V.F. Mezolit i neolit lesnogo Zaural'ya. Moscow: Nauka Press, 1980. 216 p. (In Russ.).

Viktorova V.D. Sosnovyi ostrov – stoyanka epokhi neolita i bronzy. In *Sovetskaya arkheologiya*. 1968. N 4. P. 161–173. (In Russ.).

Volkov E.N. K problem izucheniya eneoliticheskikh kul'tur Tyumenskogo Pritobol'ya. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2009. N 11. P. 4–15. (In Russ.).

Храмцов М.В. <https://orcid.org/0000-0002-6095-9091>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.227-233
УДК 902/904

С.И. Цембалюк, С.В. Берлина, Е.Д. Огнева

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
Тюмень, Россия

E-mail: svetac80@mail.ru; svb82@mail.ru; ognevaaaa@ya.ru

Селище Старо-Лыбаево III. Новый памятник эпохи Средневековья из Притоболья (предварительные результаты)

В данной статье вводятся в научный оборот новые материалы, полученные в результате раскопок в 2021 г. средневекового селища Старо-Лыбаево III. Памятник находится в Заводоуковском р-не Тюменской обл., двухслойный: нижний горизонт представлен материалами юдинской культуры, верхний – татарскими. В статье описан керамический комплекс и жилые постройки.

Ключевые слова: культура сибирских татар, юдинская культура, Притоболье, керамический комплекс, жилище.

S.I. Tsembalyuk, S.V. Berlina, E.D. Ogneva

Tyumen Scientific Centre of SB RAS
Tyumen, Russia

E-mail:svetac80@mail.ru; svb82@mail.ru; ognevaaaa@ya.ru

The Settlement of Staro-Lybaevo III. A New Settlement of the Middle Ages from the Pritobolye (Preliminary Results)

This article introduces into scientific circulation new materials obtained as a result of excavations in 2021 of the medieval settlement of Staro-Lybaevo III. The monument is located in the Zavodoukovsky district of the Tyumen region, two-layer – the lower horizon is represented by the materials of the Yudinsky culture, the upper – by the Tatar. The article describes the ceramic complex and settlement's constructions.

Keywords: *tatarskaya culture, yudinskaya culture, Pritobolye, ceramic complex, dwelling.*

Селище Старо-Лыбаево III расположено на территории Заводоуковского городского округа Тюменской обл., в 3,3 км северо-западнее окраины д. Старо-Лыбаево, на небольшом возвышении, в 0,56 км юго-восточнее старичного оз. Щет-

ково. В рельефе селище Старо-Лыбаево III представляет собой укрепленную площадку овальной в плане формы, вытянутой с ЮЗ на СВ, с большим выступом в СЗ части. Поселение окружено валом шириной ок. 3 м и высотой 60 см, и небольшим рвом – шириной ок. 2–3 м, глубиной 30 см. При осмотре было обнаружено, что огромное количество западин значительно превышает число единиц, обнаруженных в 1981 г. И.В. Жилиной, и составляет более сотни, кроме того, в ЮЗ части памятника были зафиксированы с десяток наземных жилищ, внешне представленных как приподнятые площадки с ямой (или без) в центре, и с ямками по краям (рис.1).

Предварительная культурная принадлежность памятника была установлена в результате разведочных работ Н.П. Матвеевой, которой в 1994 г. в противопожарных траншеях собрана керамика раннего железного века (байтовская и саргатская культуры) [Матвеева Н.П., 1995, с. 177–191]. По результатам раскопок 2021 г. первоначальная датировка памятника не подтвердилась; установлено, что селище функционировало в эпоху Средневековья.

В 2021 г. в СВ части селища был заложен раскоп на вал – ров по линии С–Ю и с юга частично развернут на жилую площадку, т. о., раскоп приобрел

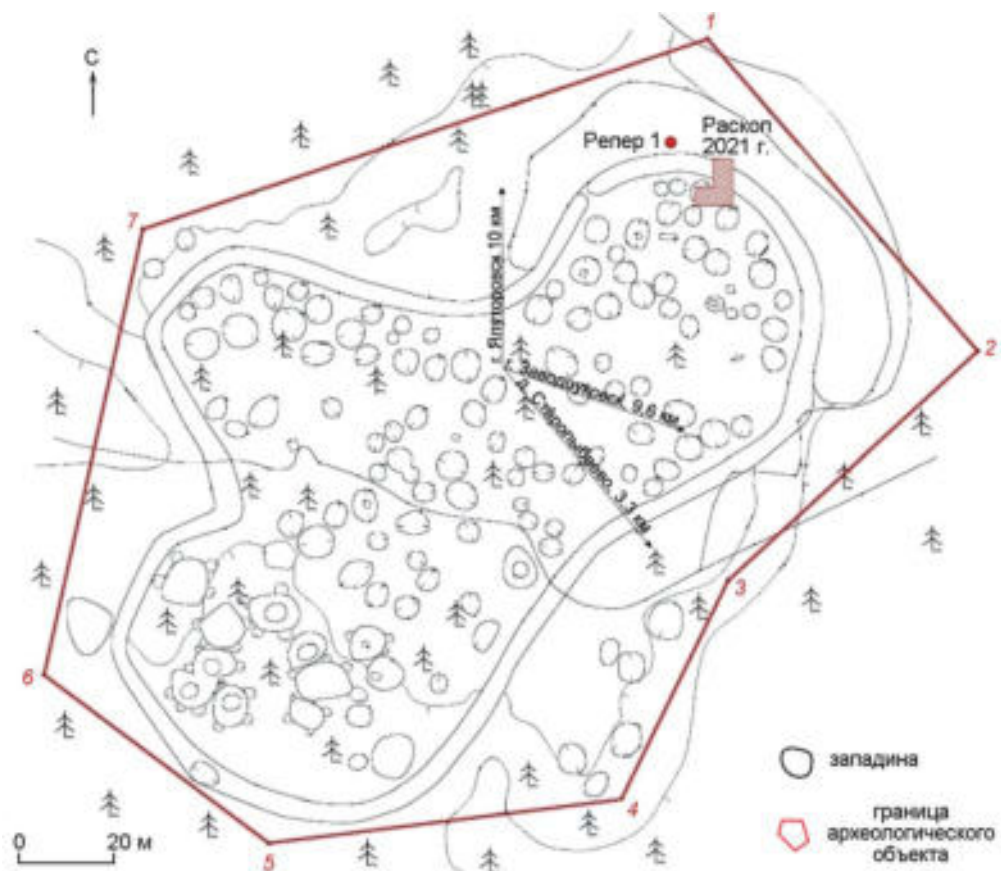

Рис. 1. Инструментальный план селища Старо-Лыбаево III.

Г-образную форму (рис. 1). В результате исследований установлено, что поселение двухслойное. Верхний культурный горизонт маркирует предположительно поселок сибирских татар, нижний горизонт представлен материалами юдинской археологической культуры.

К юдинской культуре относится сооружение 1, представлявшее собой слабоуглубленное жилище, размерами ок. 4,0 × 4,5 м. Вход в жилище находился с СЗ стороны, представлял собой небольшой коридор размерами 70 × 40 см, был углублен в материк. Котлован жилища перекрывали угольные плашки, предположительно, они остались от рухнувшей во время возгорания крыши. Плашки размерами 50 × 25 см находились в хаотичном порядке на всей территории сооружения 1, волокна на угольных плашках располагался по направлению С–Ю. В заполнении котлована сооружения обнаружены развалы сосудов юдинской культуры и изделия, представленные бронзовым ушком от котла и латунной бляшкой.

Керамический комплекс юдинской культуры, обнаруженный в результате раскопок, представлен развалами от 9 глиняных сосудов. Сосуд 1 (рис. 2, 12) чашевидной формы, тонкостенный, орнаментирован оттисками шнура и рядом ямок посередине горлышка. Сосуд 2 (рис. 3, 4) чашевидной формы, тонкостенный, орнаментирована наклоненная внутрь шейка горшка. Композиция многорядовая: верхний и нижний ряды представляют собой вертикальные наклоненные штамповые оттиски, средние ряды – шнуровые оттиски и ямочные вдавления,

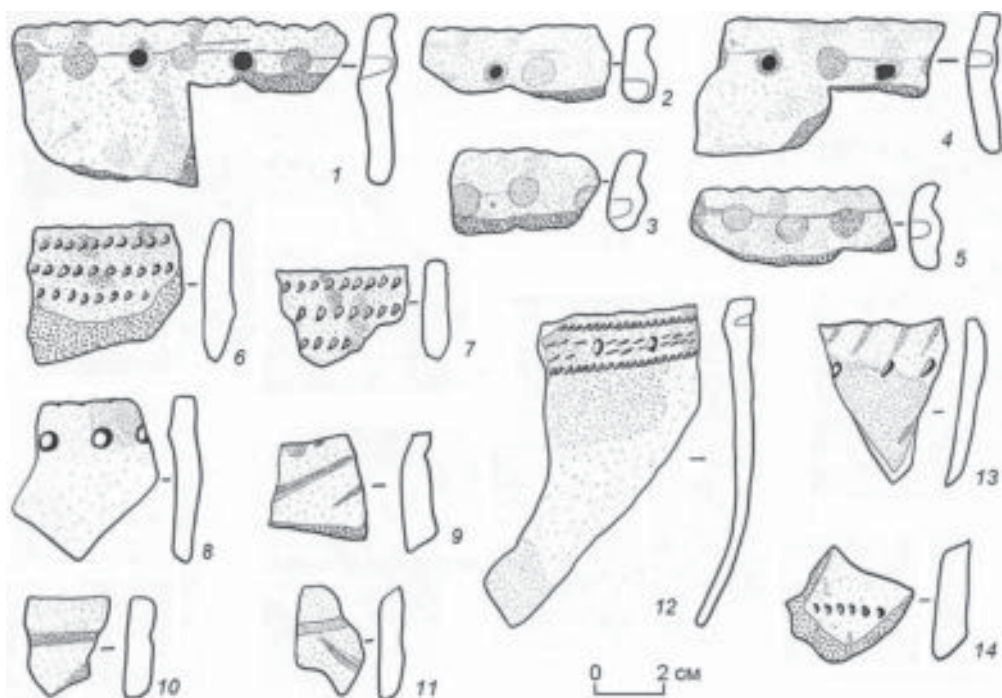

Рис. 2. Старолыбаевское-3 селище. Керамика.

1–8 – керамика культуры сибирских татар; 12–14 – керамика юдинской культуры.

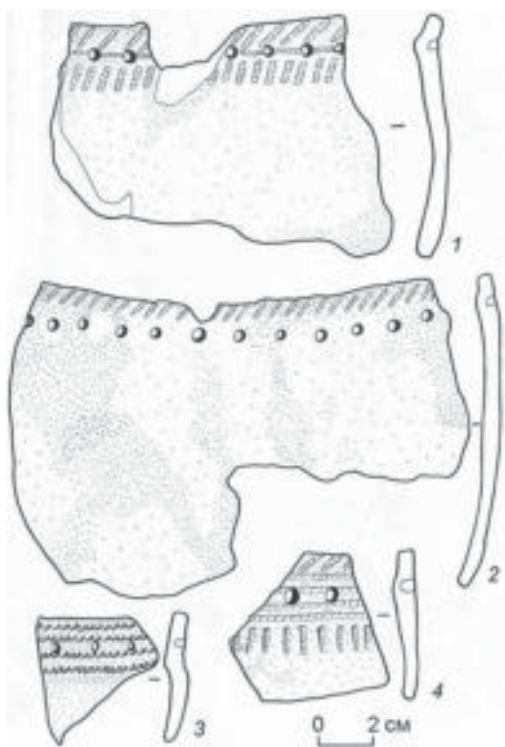

Рис. 3. Старолыбаевское-3 селище. Керамика юдинской культуры.

по срезу венчика – отпечатки ногтевых вдавлений. Сосуд 3 (рис. 2, 13) чашевидной формы, тонкостенный, с вертикальными стенками, орнаментирована только верхняя часть, одним рядом вертикально наклоненных штамповых вдавлений и одним рядом ямок, по срезу венчика – ногтевые вдавления. Сосуд 4 (рис. 2, 14) чашевидной формы, представленный толстостенным фрагментом шейки или стенки горшка, с орнаментов штампового вдавления. Сосуд 5 (рис. 3, 3) чашевидной формы, тонкостенный с вертикальными стенками. Орнаментация многорядовая, представляет собой вертикально и горизонтально наклоненные шнуровые оттиски, и штамповые вдавления, а также ряд ямок по горловине. Сосуд 6 (рис. 3, 4) чашевидной формы, тонкостенный, орнаментация представлена четырьмя рядами горизонтальных шнуровых оттисков и одним рядом ямок по шейке сосуда. Сосуд 7 (рис. 4, 3) чашевидной формы, тонкостенный, орнаментирован рядом вертикально наклоненных шнуровых оттисков, тремя рядами горизонтальных шнуровых оттисков, одним рядом ямочных вдавлений и рядом вертикальной гребенки. Сосуд 8 (рис. 3, 1) чашевидной формы, толстостенный, орнамент представлен вертикально наклоненными шнуровыми оттисками,

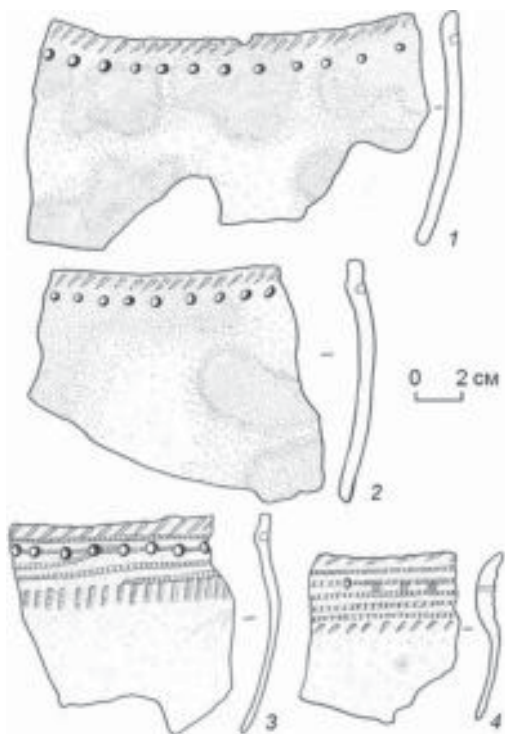

Рис.4. Старолыбаевское-3 селище. Керамика юдинской культуры.

рядом ямок и одним рядом вертикального гребенчатого штампа по горловине. Сосуд 9 (рис. 2, 2, рис. 4, 1, 2) чашевидной формы, толстостенный, орнаментация представляет собой ряд вертикально наклоненных шнуровых оттисков и ряд ямок, проходящий по краю венчика.

Таким образом, керамический комплекс юдинской культуры, представлен типичными для данной культуры сосудами чашевидной формы с округлым дном и орнаментированным венчиком, шейкой и (реже) плечиком. Орнаментация представляет собой простые мотивы: ряды из наклонно поставленных коротких отпечатков гребенчатого штампа, ряд ямочных вдавлений, горизонтальные линии из шнуровых оттисков или выполненные гребенчатым штампом.

Обнаруженная в жилище латунная бляшка размерами $2,5 \times 2,2$ см, округлой формы. Имеет широкие хронологические и территориальные рамки в пределах X–XIII вв. По типологии Н.П. Туровой [2016, с. 66], подобная бронзовая бляшка соотносится с типом 5 – круглые, подтип 5.2 – без прорези, с округлым желобком по центру. Подобные конусовидные бляхи-пуговицы с разнообразным орнаментом часто встречаются на территории Западной Сибири на памятниках X–XII вв.

Ушко от бронзового котла или казана представляет собой изделие округлой формы, размерами $2,5 \times 1,2$ см. Котлы или казаны с подобными ушками были распространены у средневековых кочевников в XI–XIII вв. на территории Северного Причерноморья и Западной Европы, а также на Кавказе [Швецов, 1980, с. 194]. Сам котел, вероятно, стал добычей чернокопателей, орудовавших на Старо-Лыбаевском III селище, от которых на памятнике остались грабительские ямы.

Также к юдинской культуре относятся находки изделий из камня, железа, кости и керамики.

Изделия из камня наиболее многочисленны. Так было найдено небольшое лощило размерами $2,7 \times 0,8$ см, изготовленное из талькового камня. Со всех сторон предмета отмечается высокая степень сработанности. Ножевая пластина представляет собой изделие с тремя гранями, размеры $1,8 \times 0,8$ см, однолезвийная, прямоугольная в сечении.

Помимо изделий из камня, обнаружены и отходы камнеобрабатывающего производства: отщепы, которые представляют собой изделия из кремня аморфной или пластинчатой формы, размерами от 0,8 до 1,9 см; сколы различных форм размерами от 1,3 до 4,0 см.

Предметы из железа представлены обломком сильно корродированного изделия размерами $2,4 \times 1,3$ см, вследствие чего не представляется возможным определить функциональную принадлежность предмета.

К изделиям из керамики относятся керамические скребки размерами от 3,0 до 5,5 см. Они представляют собой изделия, изготовленные из стенок юдинских сосудов с четырьмя – пятью гранями, где количество сработанных граней колеблется от одной до пяти. Ручка керамическая представляет собой ручку от глиняной посуды, предположительно сковороды, размерами $1,8 \times 0,8$ см.

К изделиям из кости относится черешковый костяной двухлопастной наколочник с дырочкой для подвешивания, в разрезе имеет трапецевидную форму, размеры – $6,0 \times 1,1$ см.

Главной задачей раскопок являлось изучение фортификационной линии, в рельефе выраженной в виде вала шириной 3–3,5 м и высотой 0,4–0,8 м, и рва шириной 2–3 м и глубиной до 0,3 м. Исследование оборонительных линий выявило интересный факт: то, что исследователи принимали за фортификационные сооружения, видимые на дневной поверхности, оказалось не оборонительной линией, а, вероятнее всего, дренажной системой. В результате раскопок выяснилось, что юдинское население основало свой поселок на довольно высокой песчаной дюне. У подошвы дюны был прокопан небольшой ров, вероятнее всего дренажный, который в течение существования поселка не раз подрезался и обновлялся. Данное наблюдение предварительно было подтверждено почвоведом А. Якимовым. Для подтверждения гипотезы необходимы дальнейшие исследования памятника, а также результаты палеопочвенного анализа.

Верхний слой памятника – позднесредневековый. Исходя из полученных материалов, нами выдвинуто предположение о вероятной связи с культурой сибирских татар. Исследован глинобитный очаг этого времени, оконтуренный воткнутыми деревянными прутиками. Жилище, вероятно, было типа юрты или чума с глинобитным очагом внутри, подквадратной формы, размерами около 4,0 × 3,5 м. Каркасы таких жилищ обычно состоят из поставленных в ряды согнутых в дугу прутьев разных пород деревьев, соединенных между собой вpletенными между ними продольными прутьями [Селезнев, 1994]. При жилище в углах были обнаружены хозяйственные ямы, глубиной 15–20 см, содержащие кости животных плохой сохранности.

Керамический комплекс культуры сибирских татар представлен обломками от 3 сосудов. Сосуд 1 (см. рис. 2, 1–5) – горшок с вертикальными стенками, вероятно, имел чашевидную форму с округлым туловом и дном. Орнамент представлен пояском жемчужин, нанесенных в верхней части. По срезу венчика нанесены вдавления пальцами или ногтями, что является индикатором татарской керамики [Зах, 2001, с. 144, рис. 3, 4–6, 8–10]. Сосуд 2 (рис. 2, 8) – горшок с наклоненными внутрь стенками, вероятно, имел чашевидную форму. Орнаментирован одним рядом ямок и ногтевыми вдавлениями по срезу венчика. Сосуд 3 (см. рис. 2, 6, 7) – горшок чашевидной формы с округлым туловом и дном, с наклонными внутрь стенками. Керамику подобного типа исследователи относят к культуре сибирских татар [Голдина, 1969, табл. 76, 11; Зыков, Косинцев, Тrepавлов, 2017, рис. 101, 5; Рафикова, Аношко, 2021, рис. 3, 8].

Таким образом, первоначальное освоение песчаной дюны на террасе р. Tobол в эпоху Средневековья в X–XII вв. н.э. связано с населением юдинской культуры. Позднее данное место привлекло сюда сибирских татар.

Дальнейшее исследование Старо-Лыбаевского III селища поможет ответить на вопросы, которые в настоящее время являются дискуссионными: о хронологии культуры сибирских татар, керамических комплексах и домостроительных традициях населения, а также дополнить данные о юдинской культуре.

Список литературы

- Голдина Р.Д.** Городище Кучум-гора // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1969. – Вып. 8. – С. 138–158.
- Зах В.А.** Цингалинское святилище // Материалы по археологии Обь-Иртышья. – Сургут: Сургут гос. педагог. ин-т, 2001. – С. 139–146.
- Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В.** Город Сибирь — городище Искер: (Историко-археологическое исследование). М.: Наука: Вост. лит., 2017. – 559 с.
- Матвеева Н.П.** Эпоха раннего железа // Археологическое наследие Тюменской области. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 177–191.
- Рафикова Т.Н., Аношко О.М.** Позднесредневековые комплексы лесостепного и подтаежного Зауралья (по материалам городища Старый Погост (Кысым-Туры)) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии – 2021. – № 4. – С. 101–112.
- Турова Н.П.** Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н.э. из некрополя юдинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии – 2016. – № 2. – С. 63–76.
- Селезнев А.Г.** Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. – Новосибирск: Наука, 1994. – 176 с.
- Швецов М.Л.** Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. – 1980. – Вып. № 2. – С. 192–202.

References

- Goldina R.D.** Gorodishche Kuchum-gora. Voprosy arkheologii Urala. Sverdlovsk, 1969. Iss. 8. P. 138–158. (In Russ.).
- Matveeva N.P.** Epoha rannego zheleza. Arheologicheskoe nasledie Tyumenskoj oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1995. P. 177–191. (In Russ.).
- Rafikova T.N., Anoshko O.M.** Pozdnesrednevekovyye komplekсы lesostepnogo i podtayeznogo Zauralia (po materialam gorodishcha Staryy Pogost (Kysym-Tury)). Vestnik arkheologii. antropologii i etnografii. 2021. N 4. P. 101–112. (In Russ.).
- Seleznev A.G.** Barabinskiye tatar: Istoki etnosa i kultury. Novosibirsk: Nauka, 1994. 176 p. (In Russ.).
- Shvetsov M.L.** Kotly iz pogrebeniy srednevekovykh kochevnikov. Sovetskaya Arkheologiya, 1980. Iss. № 2. P. 192–202. (In Russ.).
- Turova N.P.** Kolleksiya naremennoy garnitury rubezha I-II tys. n.e. iz nekropolya yudinskoj kultury. Vestnik arkheologii. antropologii i etnografii. 2016. № 2. P. 63–76. (In Russ.).
- Zakh V.A.** Tsingalinskoye svyatilishche. Materialy po arkheologii Ob-Irtyshia. Surgut State Univ. Press, 2001. P. 139–146. (In Russ.).
- Zykov A.P., Kosintsev P.A., Trepavlov V.V.** Gorod Sibir — gorodishche Isker: (Istoriko-arkheologicheskoye issledovaniye). M.: Nauka: Vost. lit., 2017. 559 p. (In Russ.).

Берлина С.В. <https://orcid.org/0000-0003-0080-2620>

Цембалюк С.И. <https://orcid.org/0000-0002-9817-5823>

Огнева Е.Д. <https://orcid.org/0000-0003-1774-069X>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.234-241
УДК 902/39

О.О. Шишкина, И.В. Сирюкин
Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
E-mail: olgashishkina145@gmail.com, ivansiryukin@mail.ru

Наскальное искусство Нового времени на горе Тепсей

В статье рассматриваются результаты работы петроглифического отряда кафедры археологии КемГУ на одном из крупнейших памятников наскального искусства Минусинской котловины – горе Тепсей. В результате многолетних исследований на памятнике выявлены наскальные изображения, относящиеся к Новому времени (XVII – нач. XX в.), которые относятся к «народным» рисункам местного населения – в основном хакасов. Эти рисунки часто называют «этнографическими». Был проведен сравнительный анализ самых часто встречаемых в наскальном искусстве образов (антропоморфные персонажи, фигуры лошадей, оленей, собак, верблюдов) с другими изобразительными материалами у хакасов – с изображениями на шаманских бубнах и одеждах, в вышивке и аппликациях, деревянных изделиях и пр. В итоге сделан вывод о существовании единой изобразительной традиции в народном искусстве Нового времени, а наскальные изображения значительно дополняют сведения о бытовой и сакральной составляющих жизни местного населения.

Ключевые слова: *наскальное искусство, петроглифы, Минусинская котловина, Тепсей, Новое время, хакасы, народное искусство.*

O.O. Shishkina, I.V. Siryukin
Kemerovo State University
Kemerovo, Russia
E-mail: olgashishkina145@gmail.com, ivansiryukin@mail.ru

Rock Art of the New Time on Mount Tepsey

The article discusses the results of the work of the petroglyphic team of the Department of Archeology of the KemSU on one of the largest monuments of rock art in the Minusinsk Basin - Mount Tepsey. As a result of many years of research on the monuments, rock carvings dating back to the new time (XVII - early XX century) were identified, as the "folk" drawings of the local population - mainly Khakass. These drawings are often referred to as "ethnographic". A comparative analysis was carried out of the most common images in rock art (anthropomorphic characters, figures of horses, deer, dogs, camels) with other visual materials among the Khakas - with images on shaman tambourines and clothes, in embroidery and appliques, wooden items, etc. As a result, the single pictorial tradition existed in the folk art of modern times, and rock carvings significantly expand the information about the everyday and sacred components of the life of the local population.

Keywords: *rock art, petroglyphs, Minusinsk Basin, Tepsey, Modern times, Khakasses, folk art.*

Гора Тепсей возвышается на правом берегу Енисея у места впадения в него р. Тубы. На разных участках Тепсея встречаются многочисленные наскальные изображения, а у подножия горы выявлены и раскопаны десятки археологических памятников от афанасьевского до кыргызского времени [Комплекс..., 1979]. С 2012 г. по настоящее время на базе кафедры археологии Кемеровского государственного университета существует Тепсейский отряд Южносибирской археологической экспедиции под руководством О.С. Советовой, целью которого является полное документирование наскальных изображений Тепсейского микрорайона. В результате многолетних исследований было выявлено множество наскальных изображений [Советова, Шишкина, Аболонкова, 2021]. Наряду с рисунками древних периодов истории Южной Сибири на скалах горы выявлено огромное количество рисунков – своеобразной серии изображений, считающихся «поздними» и относящихся к Новому времени. Обычно в исторической литературе рисунки, которые были созданы в это время называют «этнографическими» или «народными», возможно, они выполнены хакасами и другими представителями местного населения. Известно, что даже в конце XIX в. на правом берегу Енисея в улусах и в русских деревнях проживали довольно разнообразные группы населения: койбалы, качинцы, сагайцы, кызыльцы [Катанов, 1891, с. 135; Патачаков, 1958, с. 56]. По статистике на 1854 г. в правобережных волостях только Минусинского уезда проживало 1 506 хакасов, а в 1875 г. оседлые хакасы в с. Листвягово (ближайшее к горе Тепсей поселение) составляли примерно 50 % всего населения [Бутанаев, 1996, с. 23]. У подножья горы до создания водохранилища располагался поселок Усть-Туба, который был затоплен и перенесен в с. Листвягово уже в 1960-е гг. Степи под Тепсеем, очевидно, использовались местным населением для выпаса скота, о чем свидетельствуют в настоящее время архивные фотографии и следы от кошар во внутренних логах горы. На вершинах горных гряд Тепсея встречаются т.н. обо (обаа) – сооружения из камней, которые считаются культовыми местами хакасов для поклонения духам [Бутанаев, 1996, с. 211]. Поэтому, скорее всего, поздние писаницы правобережья Енисея в основном создавались хакасским населением, как и на левом берегу реки. Хронологически «народные» рисунки относятся к XVII – нач. XX в. [Кызласов, Леонтьев, 1980]. Именно в конце XVII – XVIII в. на территории Енисея закрепляется русское население, начинают действовать духовные миссии, в результате чего начинают формироваться новые традиции в изобразительном искусстве хакасов. Изменяется репертуар и сюжетная ориентация некогда сакральных рисунков. А в начале XX в. происходят изменения в быте местного населения, после революционных событий 1917 г. фиксируется упадок традиции нанесения рисунков на скалы, одежды и предметы быта. Происходит «обмирщение» культуры хакасов.

Известный исследователь Сибирского края начала XX в. А. В. Адрианов полагал, что многие «современные» рисунки создавались пастухами, пасущими скот и для лучшего обзора выбиравшими небольшие возвышенности, где и создавались их «шедевры» [Адрианов, 1904, с. 45]. Им упоминаются находки таких изображений на Тепсейской писанице: «Видны следы упражнений современных

«художников», которые отбивали фигуры лошадей и людей и чертили штрихами коньков и проч. ...» [Там же]. Пожалуй, первыми «этнографические» рисунки Минусинской котловины подробно проанализировали Л.Р. Кызласов и Н.В. Леонтьев, опубликовавшие «народные рисунки хакасов» урочища Кизань (Оглахты), Малоарбатской писаницы и некоторых других памятников Хакасии и датировавшие их XVII – началом XX в. [1980]. В последнее время интерес к этому пласту изображений вполне устойчив и сегодня мы найдем немало исследований по народным рисункам алтайцев [Кубарев, 1999; Черемисин, 2008], тувинцев [Дэвлет, 1982], казахов [Самашев, 2006] и т.д. Часто в народных рисунках прослеживается попытка подражания более ранним изображениям, при этом петроглифы выполнены небрежно, не слишком умелой рукой, нередко схожи с другими памятниками «народного» изобразительного искусства, такими как изображения на шаманских бубнах, на деревьях, предметах домашней утвари и т.д. Этнографические рисунки горы Тепсей в целом мало отличаются от одновременных изображений соседних памятников Минусинской котловины, в них также основными персонажами остаются человеческие фигуры, в том числе всадники, а также кони, верблюды, олени и другие животные; знаки и т.п.

Среди множества образов в наскальных изображениях горы Тепсей Нового времени особое место занимают рисунки антропоморфных персонажей: воинов, всадников, героев бытовых сцен и т.д. Несмотря на значительное число антропоморфных персонажей, можно говорить о том, что они очень схожи с образами более древних эпох, однако при более подробном анализе можно выделить несколько общих изобразительных манер, которые отличают рисунки местного населения данной эпохи от изображений других исторических периодов. Л.Р. Кызласов и Н.В. Леонтьев смогли выделить две группы рисунков антропоморфных героев, условно авторы их называют «линейные» и «объемные» [1980, с. 78]. Данные группы можно проследить и на тепсейских наскальных рисунках. Для каждой из групп характерно разное изображение фигур персонажей: для «линейной» характерна передача тел персонажей сплошной линией одной толщины, голова же выбивается сплошным либо силуэтным кружком. Постановка ног играет важную роль для определения данной группы рисунков: ноги передаются согнутыми в коленях, галочкой, П-образно и плавной дугой, часто изображаются горизонтальные линии, которыми показываются ступни. Эти признаки встречаются практически на всех памятниках наскального искусства Минусинской котловины, предметах быта, орнаментах одежд и тесах, шаманских бубнах. Для второй группы изображений «объемных» характерна попытка художника передать объем человеческой фигуры. Хотя авторы и пытались привнести что-то новое в фигуру, чаще всего тела этих персонажей тяготеют к группе «линейных», у них встречается такое же оформление ног, когда показываются горизонтальными линиями ступни [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 32–45, 79]. Изображения подобных «объемных» фигур мы встречаем на так называемых тесах, шаманских бубнах и лентах шаманских одежд, большое количество которых было опубликовано этнографом С.В. Ивановым [1955, рис. 1–20]. Изображения подобных фигур на скалах и шаманской атрибутике может быть не случайной, это может

свидетельствовать о существовании особой изобразительной традиции у хакасского населения, которая распространялась не только на прикладные предметы с аппликациями и красочные рисунки, но и на изображения, выполненные на камнях и скалах.

Среди антропоморфных персонажей особняком стоит образ всадника. Большая часть этих фигур выполнена в «линейной» манере, встречаются изображения в «объеме». Часто для фигур всадников характерна их передача в динамике, когда одна рука поднята вверх или опущена, вторая держит поводья и ведет лошадь, также руки изображают в фертообразной позе, когда руки всадника упираются в бока. Ноги всадников выполняются по-разному: дугой, с обозначенными ступнями, либо только по пояс. Среди рисунков встречаются фигуры, у которых четко выделяется талия: верхняя часть тела до пояса выбивается округлым силуэтом, а от талии к низу отходят линии, образующие треугольник, возможно, так передан кафтан или халат. В.Я. Бутанаев указывает, что такая передача тела свидетельствует об изображении подпоясанной фигуры мужчины-хакаса [1996, с. 224].

Таким образом, можно говорить о том, что изображения антропоморфных персонажей в наскальном и прикладном искусстве хакасов во многом похожи, что доказывает существование, если не единого для всех памятников наскального искусства стиля, то, по крайней мере, единой традиции, уходящей в глубину веков [Иванов, 1955, с. 187]. Одним из признаков для утверждения подобных выводов будет являться наличие большого числа похожих черт в изображениях на камне, в аппликациях, красочных рисунках на шаманских бубнах и скульптурах.

Среди хакасских народных рисунков Тепсей выявлен представительный пласт изображений животных: лошади, собаки, олени, верблюды и пр. Довольно часто встречается образ лошади, что неудивительно, ведь на протяжении сотен лет коневодство играло особую роль для местного населения. Помимо бытового и ритуального значения на столь широкое распространение образа лошади повлияли и изобразительные традиции, которые на территории Минусинской котловины уходят в древность. Кроме лошадей хакасы разводили коров и овец, в связи с этим встречается упоминание о том, что хакасы называли себя «трехстадным народом» [Бутанаев, 1996, с. 21–23].

Обнаруженные Петроглифическим отрядом КемГУ изображения лошадей различны по технике выбивки: встречаются как схематичные и маловыразительные рисунки, выполненные крупной грубой выбивкой, так и мелкоточечной техникой; кроме выбитых фигур были обнаружены и гравированные линии, передающие фигуры лошадей с анатомической точностью. Большинство тепсейских выбитых рисунков лошадей маловыразительны, показаны без украшений, в отличие от оглахтинских коней в «яблоках» [Кызласов, Леонтьев, 1980. табл. 39], в связи с чем можно предположить, что подобное различие в изобразительной манере связано с тем, что разные хакасские хозяйства разводили определенные масти лошадей. Нередко можно встретить изображения, выполненные одинаковой техникой и похожим экстерьером. Во время проведения разведки на тубинской стороне горы Тепсей отрядом была обнаружена плитка, на которой была выбита одиночная фигура коня, выполненная в «контурной» манере, с крепким

телом и маленькой заостренной головой. Аналогичные изображения лошадей были обнаружены Н.В. Леонтьевым во время обследования горы Оглахты [Кызласов, Леонтьев, 1980, табл. 15, 39,40; 16, 42, 43, 44; 34]. В качестве аналогий данному изображению можно привлечь некоторые детские игрушки в виде лошадей [Иванов, 1979, рис. 130, 131]. Среди рисунков и аппликаций, встречающихся в хакасских культах, также часто можно увидеть образ лошади. Ярким примером являются изображения на лентах шаманских одежд, которые являлись духами-помощниками шамана [Иванов, 1955. рис. 4, 5]. Довольно интересны рисунки на шаманских бубнах, которые выполнены в «проволочной» манере [Иванов, 1955, рис. 8, 9, 12–14].

Помимо фигур одомашненных лошадей довольно часто в наскальном искусстве хакасов мы встречаем образ дикого оленя, хотя количественно он уступает сценам с участием коней. Олени, как и лошади, выполнены с использованием двух изобразительных манер: контурной и силуэтной. Часто тела животных выбивались прямоугольно; начертание ног имеет похожую манеру исполнения: они могут быть прямыми, подогнутыми, вытянутыми; рога у большинства фигур довольно схематичны: прямая линия от которой отходят вертикальные отростки, но встречаются и реалистичные изображения, аналогии которым можно найти на соседних памятниках [Кызласов, Леонтьев, 1980, табл. 28, 29, 32].

Животный мир хакасского рисунка не ограничивается изображениями коней и оленей. Спутником конских фигур в некоторых сценах являются собаки. Для образа пса характерна схожая с лошадиной трактовка фигур. Как и у лошадей, ноги собак могут быть изображены вытянутыми вперед или подогнутыми, шея показана длинной и вытянутой. Основным отличием от других фигур является меньший размер, короткое тело и закрученный хвост. Аналогии изображениям собак мы можем найти в частности на хакасских бубнах [Иванов, 1955. рис. 7, 9].

Среди рисунков Нового времени на Тепсее нередко встречаются изображения верблюдов. В пункте Тепсей II найдена одиночная фигура верблюда. Она, как и верблюды из Оглахтинской коллекции, выполнена с использованием похожей трактовки туловища: остроугольный горб, силуэтная фигура, непропорционально длинные ноги. Кроме одиночного изображения на Тепсее (Усть-Туба IV) была обнаружена сцена с участием антропоморфного персонажа, ведущего верблюда, запряженного в повозку. Данный рисунок соотносится с другими изображениями животных: остроугольные горбы, длинная шея, но ноги животного выбиты короткими, возможно, автор данного шедевра не успел доделать изображение. К сожалению, среди этнографических рисунков на бубнах или аппликаций фигур верблюдов обнаружено не было. Видимо, верблюды не играли такой большой роли в ритуалах или быту хакасов, в отличие от лошадей, о чем свидетельствует довольно скромный репертуар подобных изображений.

Таким образом, на примере изобразительных материалов горы Тепсей можно с уверенностью говорить о том, что в хакасском народном искусстве прослеживается существование если не стиля, то определенных изобразительных традиций, которые использовались местным населением во всех видах искусства. Общими изобразительными приемами можно считать следующие черты:

1) фигуры выполнялись либо контурно, либо силуэтно; 2) часто туловище выполнялось угловатым и вытянутым, могло доходить до прямоугольности и массивности очертания; 3) для всех животных характерна определенная трактовка ног: гиперболизировано длинные; поставленные прямо или подогнуты. При этом стоит сказать, что в изображении контурных фигур мы можем увидеть реалистичность форм, больше проработанных деталей тела, и узоров, которыми украшались туловища. Также животные данного типа обычно имеют четыре ноги, в связи с тем, что их контур не замыкается под брюхом. Силуэтные фигуры, в отличие от контурных, обладают большим схематизмом, они часто выполнены непропорционально. Ноги у данной группы фигур обычно показаны двумя толстыми линиями.

Помимо образов антропоморфных персонажей и фигур животных, на скалах горы Тепсей известны и изображения знаков и тамг, относящихся, видимо, к этнографическому времени. Традиция нанесения тамг была распространена у хакасов. Исследователи отмечают, что рисунки XVII в. свидетельствуют о продолжении той же графической манеры изображения, которая была свойственна средневековым хакасам IX–X вв. [Киселев, 1951, рис. 60]. Но расположение тамг в сценах, очевидно, относящихся к этнографическому времени, позволяет считать их поздними. Наиболее распространенными у хакасов были тамги следующих видов: крест, свастика, трезубцы, лук и стрела, бараний рог, ай (луна) [Тюлюш, 2016, с. 158]. Удивительно, но на скалах Тепсея известны практически все виды этих тамг в разных вариациях, за исключением лишь лука и стрелы. Л.Р. Кызласовым были собраны хакаские тамги и разделены на этнографические группы хакасов. И все тамги, обнаруженные на Тепсее, могут быть отнесены к качинцам [Кызласов, Леонтьев, 1980, рис. 15].

Таким образом, петроглифы дополняют изобразительные памятники этнографического времени. Все они ценны не только в эстетическом отношении, но и являются важными историческими источниками. Среди них особенно содержательны сюжетные композиции, в которых отдельные персонажи бывают объединены в смысловые сцены, отражающие картины быта, ритуальной деятельности, а также и другие наиболее важные проявления жизни оставивших их художников. В основном на скалах переданы какие-то бытовые, реальные сцены, среди которых, например, в пункте Усть-Туба IV запечатлено изображение парохода. Очевидно, оно относится ко второй половине XIX или XX столетия. Помимо анализа образов наскальных изображений, еще одной важной проблемой, которая продолжает вызывать ожесточенные споры, является вопрос об интерпретации сюжетов, относящихся к этнографии разных народов Центральной и Северной Азии. Существует огромное количество предположений и теорий о том, с какой целью создавались разные рисунки на шаманских бубнах, одеждах и предметах быта, еще большие дискуссии вызывают наскальные изображения. Несмотря на относительную хронологическую близость к современности, определение смыслового посыла рисунков сложно наравне с изображениями древности. При работе с этими материалами на помощь исследователям приходят сохранившиеся до наших дней мифологические и культовые системы местных

народов, которые хотя бы частично сохраняют самобытную культуру [Окладников, Мартынов, 1972; Кызласов, Леонтьев, 1980; Шер, 1980]. Но для объяснения необходимо взаимодействие специалистов из разных сфер науки, которые, используя специальные методы, могут приблизиться к истине. В связи с особенностями рельефа Южной Сибири основным культом у местного населения долгое время оставался «культ гор», который по мнению некоторых исследователей имел древние корни [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 64; Шер, 1980, с. 38]. По мнению Л.Р. Кызласова и Н.В. Леонтьева, культ священных писаных скал у хакасов имеет прямую связь с средневековыми традициями, когда предки хакасов наносили на скалы рисунки. Для подтверждения данной гипотезы авторы приводят рунические надписи X – XI вв., которые были обнаружены на тепсейской и сулекской писаницах [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 65]. На склонах горы Тепсей, в частности, была обнаружена следующая надпись: «Бэдиэлигкайя», что, по мнению С.Г. Кляшторного переводится как «скала, покрытая рисунками» или «узорчатая скала», автор предполагает, что такое название писаница получила еще в средние века [2006, с. 322]. Очевидно, что местное население, проживающее недалеко от Тепсея, проводившее здесь выпас животных, почитало гору, относилось к ней как к месту особенному, даже священному, о чем свидетельствуют и многочисленные сооружения «обо», в конструкциях которых иногда встречаются плитки с рисунками, а также многочисленные легенды, связанные с горой.

Список литературы

- Адрианов А.В.** Писаницы Енисейской губернии (Отчет 1904 г.) // Научный архив ИА РАН. – Ф. 12. – № 151. – 129 л.
- Бутанаев В.Я.** Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан, 1996. – 224 с.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на кочевой тропе. – М., 1982. – 128 с.
- Иванов С.В.** К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // СМАЭ. – М., Л., 1955. – Т. 16. – С. 165–264.
- Иванов С.В.** Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар: XVIII – первая четверть XX в. – Л.: Наука, 1979. – 194 с.
- Катанов Н.Ф.** Поездка к карагасам в 1890 году // Записки русского географического общества. – СПб., 1891. – Т. XVI. – Вып. 2. – С. 133–230.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 635 с.
- Кляшторный С.Г.** Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб: Наука, 2006. – 592 с.
- Комплекс** археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М.П. Грязнов, М.Н. Комарова, М.П. Завитухина, М.Н. Пшеницына, Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1979. – 168 с.
- Кубарев В.Д.** О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Известия лаборатории археологии. – 1999. – № 4. – С. 186–201.
- Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В.** Народные рисунки хакасов. – М.: Наука, 1980. – 176 с.
- Окладников А.П., Мартынов А.И.** Сокровища Томских писаниц (наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы). – М.: Искусство. – 1972. – 296 с.
- Патачаков К.М.** Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII – XIX вв.). – Абакан: Хакаское кн. изд-во, 1958. – 103 с.
- Самашев З.С.** Петроглифы Казахстана. – Алматы, 2006. – 200 с.

Советова О.С., Шишкина О.О., Аболонкова И.В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. – Кемерово: Вектор-Принт, 2021. – 288 с.

Тюлюш А.Ч. История бытования тамговых знаков у тюрков Саяно-Алтая // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2016. – № 411. – С. 158–164.

Черемисин В.Д. К изучению новейших наскальных изображений Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XIV. – Новосибирск, 2008. – С. 269–274.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

References

Adrianov A.V. Pisanicy Enisejskoj gubernii (Otchet 1904 g.). In *Nauchnyj arhiv IA RAS*. F. 12, N 151. 129 p. (In Russ.).

Butanaev V.Ya. Tradicionnaya kul'tura I byt hakasov. Abakan, 1996. 224 p. (In Russ.).

Cheremisyn V.D. K izucheniyu novejsih naskal'nyh izobrazhenij Gornogo Altaya. In *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri I sopredel'nyh territorij*, Vol. XIV, Novosibirsk, 2008. P. 269–274. (In Russ.)

Devlet M.A. Petroglify na kochevoj trope. M., 1982. 128 p. (In Russ.).

Gryaznov M.P., Komarova M.N., Zavituhina M.P., Pshenicyna M.N., Hudyakov Yu.S. Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsej na Enisee. Novosibirsk: Nauka, 1979. 168 p. (In Russ.).

Ivanov S.V. K voprosu o znachenii izobrazhenij na starinnyh predmetah kul'ta u narodov Sayano-Altajskogo nagor'ya. In *SMAE*. M., L., 1955. Vol. . 16. P. 165–264. (In Russ.).

Ivanov S.V. Skul'ptura altajcev, hakasov I sibirskih tatar: XVIII – pervayachetvert' XX v. Leningrad: Nauka, 1979. 194 p. (In Russ.).

Katanov N.F. Poezdka k karagasam v 1890 godu. In *Zapisk irusskog ogeograficheskog oobshchestva*. SPb., 1891. Vol. XVI. Iss. 2. P. 133–230. (In Russ.).

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri. M.: AS USSR Publ, 1951. 635 p. (In Russ.).

Klyashtornyj S.G. Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti I etnokul'turnaya istoriya Central'noj Azii. SPb: Nauka, 2006. 592 p. (In Russ.).

Kubarev V.D. O nekotoryh problemah izucheniya naskal'nogo iskusstva Altaya. In *Izvestiya laboratoriy arheologii*, 1999. N 4. P. 186–201. (In Russ.)

Kyzlasov L.R., Leont'ev N.V. Narodnye risunki hakasov. M.: Nauka, 1980. 176 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Martynov A.I. Sokrovishcha Tomskih pisanic (naskal'nye risunki epohi neolita i bronzy). M.: Iskusstvo, 1972. 296 p. (In Russ.).

Patachakov K.M. Kul'tura I byt hakasov v svete istoricheskikh svyazej s russkim narodom (XVIII – XIX vv.). Abakan: Hakasskoe kn. Publ., 1958. 103 p. (In Russ.).

Samashev Z.S. Petroglify Kazahstana. Almaty, 2006. 200 p. (In Russ.)

Sovetova O.S., Shishkina O.O., Abolonkova I.V. Naskal'noe iskusstvo Tepsejskogo arheologicheskogo mikrorajona. Kemerovo: Vektor-Print, 2021. 288 p. (In Russ.).

Tyulyush A.Ch. Istoriya bytovaniya tamgovykh znakov u tyurkov Sayano-Altaya. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016. N 411. P. 158–164. (In Russ.).

Sher Ya.A. Petroglify Sredneji Central'noj Azii. M.: Nauka, 1980. 328 p. (In Russ.).

Шишкина О.О. <https://orcid.org/0000-0002-4956-1293>

Сирюкин И.В. <https://orcid.org/0000-0002-9620-6040>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.242-256
УДК 902

Dawulijiang Yeerhalike

Renmin University

Beijing, China

E-mail: dawulijiang@126.com

Archaeological Investigations and Studies on the Protector-General of Western Regions in the Han Dynasty

Zhang Qian 张骞's diplomatic mission to the western regions in the Han Dynasty carved out the Silk Roads, opened the channel of cultural exchange between the East and the West, and helped the Han Dynasty gain a deeper understanding of the states in the western regions. When the Protector-General of the Western Regions was established, the Han Dynasty also set up beacon towers and defensive pavilions in the Western Regions and had garrison troops reclaim wasteland and grow food grain there to ensure the smooth flow of the Silk Roads and the communication between Chinese and foreign envoys. As an essential part of Chinese and foreign cultural exchange, studying city sites along the Silk Roads in the Han Dynasty has academic significance. This paper uses the Tarim Basin's city sites as the research object. From the perspective of archaeology, this paper systematically sorts out the data of the city sites around the Tarim Basin. It analyzes the characteristics of their spatial distribution, the platform and size of the city sites, the structure of the city walls, the building sites, and the related relics around the city sites. Based on historical documents, unearthed materials, and previous studies, this paper will talk about the sites related to Protector-General of the Western Regions and the latest archaeological research and study the characteristics and spatial distribution of the city sites in Tarim Basin, especially the city sites along the northern route of the Silk Roads. Based on historical records, this paper clarifies the spatial distribution relationship between the Protector-General and the neighboring states of the western regions and then tries to find the location and corresponding city sites of some recorded states in history.

Keywords: Han Dynasty, Silk Road, Protector-General of Western Regions, city sites.

Даулицзян Еэрхаликэ

Народный университет Китая

Пекин, Китай

E-mail: dawulijiang@126.com

Археологическое изучение и исследования Наместничества Западного края в период династии Хань

Дипломатическая миссия Чжан Цяня на запад в период династии Хань положила начало Шелковому пути, открыла культурные обмены между Востоком и Западом, помогла

достичь более глубокого понимания о положении западных территорий в период династии Хань. Когда было учреждено Наместничество Западного края, в династии Хань были возведены сигнальные башни и оборонительные сооружения в западных регионах. Гарнизонным войскам было приказано окультуривать пустоши и выращивать там продовольственное зерно, чтобы обеспечить бесперебойное течение Шелкового пути и коммуникации между китайскими и иностранными посланниками. Как неотъемлемая часть китайского и иностранного культурного обмена, изучение городских поселений вдоль Шелкового пути во времена династии Хань имеет академическое значение. В данной статье в качестве объекта исследования используются городские поселения на территории Таримской впадины. С точки зрения археологии в этой статье систематически распределены данные о городских стоянках вокруг Таримской впадины. В ней анализируются характеристики их пространственного распределения, фундамент и размер городских поселений, структура городских стен, места застройки и связанный с ними инвентарь вокруг городских поселений. На основе исторических документов, раскопок и предыдущих исследований в этой статье будет рассказано о памятниках, связанных с Наместничеством Западного края, последних археологических исследованиях, а также изучении характеристики и пространственного распределения городских памятников Таримской впадины, особенно городских поселений на северном ответвлении Шелкового пути. Основываясь на исторических записях, в этой статье выясняются отношения пространственного распределения между Наместничеством Западного края и соседними государствами западного региона, а затем делается попытка найти местоположение и связи с городскими поселениями некоторых государств, которые отражены в истории.

Ключевые слова: Династия Хань, Шелковый путь, Наместничество Западного края, городские поселения.

Zhang Qian 张骞's mission to the West officially opened up the Silk Roads, after which the Han dynasty established a series of military and political establishments in the West Regions, marking the formal incorporation of the West into the central government's jurisdiction.

The Protector-General of Western Regions (Xiyu Duhufu, 西域都护府) was the highest military and political institution in the Western Regions established by the central authority during the Han Dynasty and was a significant initiative of the Han Dynasty to manage the Western Region. As a result, the study of the Western Region Capital Protection Office and its associated ancient city sites in the Western Region has been of great interest. From the Qing dynasty onwards, scholars such as Xu Song 徐松 have studied this topic, but mainly based on historical materials and excavated documents, discussing the date of the establishment of the Protector-General of Western Regions, the attributes of its officials, its jurisdictional duties, and other contents, but less on the location and form. With the rise of public opinion research in the north-west during the Qing dynasty and the investigation of the north-west by Chinese and foreign expeditions, Stein, Sven Hedin, and Huang Wenbi began to notice the distribution of ancient cities in the Western Regions and the way they were built. Some scholars have attempted to correlate the sites discovered by archaeological investigations with the ancient cities of the West in the literature. However, the location of the Protector-General and its relationship with the surrounding city-states has not been fully discussed. As archaeological investigations and excavations continue in

the Xinjiang, the exploration of the location of the Protector-General has become an essential task in Western archaeology, and corresponding archaeological investigations and excavations are underway, as is the study of the Protector-General and the Western cities under its jurisdiction.

The Protector-General is crucial to the archaeological study of the Western Regions during the Han dynasty. Both the *Dili zhi* 地理志 and the *Xiyu zhuan* 西域传 sections of the *Hanshu* place the Protector-General as an essential geographical coordinate to record the relative location of the ancient cities of the Western Regions; without determining the exact location of the Protector-General and its relationship to the surrounding city sites, it is impossible further to study the ancient cities of the Western Regions. *Hanshu* recorded that before Zhang Qian's passage to the Western Regions and the establishment of official offices by the Han dynasty, the Western states had already built their cities and towns with corresponding economic production methods and lifestyles, and there were trade exchanges and battles between different areas. This official record provides essential information for a better understanding of the Western states' relationship with the Protector-General. Before and after the establishment of the Protector-General, the Han dynasty set up cantonments and beacons in the Western Regions, thus forming a whole system of military administration, which provides an essential reference for determining the location of the Protector-General Capital and its relationship with other ancient cities in the West.

An overview of the study of the Protector-General of Western Regions

As the highest military and political institution established in the Western regions during the Han dynasty, the Protector-General of Western Regions has been studied from different perspectives, using different materials and methods at different stages. Documentary research has been the foundation of this research, so early studies of documents and commentaries on historical sources have been fundamental to all the issues of the Western Regional Prefecture. They have formed the basis of a cumulative historical record. The investigations of western explorers and the rise of public opinion research in the north-west during the Qing dynasty did fieldwork in the north-west, the geography of the mountains and rivers and the examination of ancient transport the focus of research, and the phased research of scholars such as Xu Song 徐松 became an indelible truth for a long time and was directly quoted by many scholars. As archaeological surveys and excavations began, archaeological research also began to fuel exploration about the Protector-General and combined with technological means such as remote sensing to explore the findings in multiple ways. A steady stream of new material from related censuses and excavations, and excavated documentary material, has allowed research in the field to move beyond the superficial and thus allow for a deeper and more diverse discussion.

Historical Documentary Studies

A study of the Protector-General of the Western Regions and the Western cities is inseparable from analyzing the historical records. There is a clear divergence of opinion between the documents on the Protector-General. From the perspective of the historical material, scholars have mainly discussed the time and location of the establishment of the Protector-General and the official positions under it, with more discussion on the history of the establishment, the predecessor, and the significance of the Protector-General in administering the western states.

1) The date of the establishment of the Western Regions' Protector-General

Regarding the circumstances surrounding the establishment of the Western Region Capital Protection Office, the Xiyuzhuan of Hanshu states that:

When Emperor Xuan 宣, a Guards' Major, was sent with a commission to protect Shanshan 鄯善 and the several states to the west. At the time of its conquest, Gushi 姑师 was not destroyed but was split between the two kings of Nearer and Further Cheshi 车师 and the six other states in the northern mountain. At that time, Han only protected the Southern Route, unable to take over the Northern Route completely, but the Xiongnu 匈奴 no longer felt at ease. After this, King Rizhu 日逐 rebelled against the Chanyu 单于 and led his people to submit to Han. Zheng Ji 郑吉, the Envoy for the Protection of Shanshan 鄯善 and the West, received him. On his arrival, the Han government invested King Rizhu with the title Marquis Guide 归德 (allegiance to imperial authority) and Zheng Ji with that of Marquis Anyuan 安远 (pacification of distant areas). These events took place in the third year of the Shenjue 神爵 reign period (59 BCE), and the government took the occasion to commission Zheng Ji to act as the Protector of both the Northern Route (and the Southern Route). He was therefore titled Duhu/Protector-General, an office which originated with this appointment of Zheng Ji. From that time onwards, the post of Commandant Tongpu 僮仆 was abolished, and Xiongnu became increasingly weaker and was unable to approach the Western Regions ... The Protector-General had his seat in the city of Wulei 乌垒, which was 2,738 li 里 from Yang Barrier 阳关, close to the agricultural office of Quli 渠犁 and the land was fertile. The location was at the center of the Western Regions, so the Protector-General had his seat here. [Hanshu, 3873, 3874; Yu Taishan 2021, p. 78].

Based on this, it seems that the Protector-General of the Western Regions was established in the third year of the Shenjue 神爵 reign period of the Emperor Xuan 宣.

In Baiguan gongqing biao 百官公卿表 of Hanshu, The Protector-General of the Western Regions, an additional official, was first set up in the second year of the Dijie 地节 reign period (68 BCE) of Emperor Xuan, to protect the thirty-six states of the Western Regions as Commandant of Cavalry and Grand Master of Remonstrance [Hanshu, 738; Yu Taishan 2021, p. 80].

There has been much discussion about the timing of the establishment of the Protector-General. The main views are that it was established in the second year of the Dijie 地节 period (68 BCE), the first year of the Yuankang 元康 period (65 BCE), the second year of the Shenjue 神爵 period (60 BCE), and the third year of the Shenjue period (59 BCE). Prior to the appearance of the Juyan 居延 Han bamboo slips, the majority of scholars supported the idea that the Western Regions' Protector-General was established in the middle of the Shenjue 神爵 period: such as Hu Sanxing 胡三省 and Xu Song 徐松 among others, argued that the Protector-General as Western Regions' government was established in the second year of the Shenjue period [Zizhi tongjian, p. 859; Hanshu xiyuzhuan buzhu, p. 399], and this view was later shared by scholars such as Zeng Wenwu 曾问吾, Huang Wenbi 黄文弼 and Zhou Zhenhe 周振鹤 [Zeng Wenwu, 1936, p. 31, 32; Huang Wenbi, 1989, p. 376; Zhou Zhenhe, 2017, p. 189].* Later, the unearthed Han bamboo slips recorded that “in the fourth year of Yuankang 元康 reign-period, in the second month, whose first day is *jiwei* 己未, the Colonel (for the Assistance of Imperial) Envoys for Protecting Shanshan 鄯善 and the West, Zheng Ji 郑吉, the Guards' Major Fu Chang 富昌, the Assistant Qing 庆, and the Commandant Yi Jiandu 宜建都 ... in the second year of the Yuankang 元康 reign-period, in the fifth month, on the day *guiwei* 癸未, sent the Assistant for Commandant She 赦, with a call-to-arms of [the Colonel for the Assistance of Imperial] Envoys for Protecting the Western Regions, to lead fifty men who were exempted from punishment (on condition that they served in the army) to drive carriages ... started out from.” [Xie Guihua et al., 1987, p. 192; Yu Taishan, 2021, p. 391]. Some scholars found contradictions between this slip and the historical records, so new opinions emerged. Some scholars had directly advanced the time of establishment, such as Liu Hongbo 刘洪波, who believed that the establishment of the Protector-General was no later than the fourth year of Yuankang [Liu Hongbo, 1986, p. 99–101], and Liu Guofang 刘国防, who believes that “the statement that established in the second year of Dijie reign-period is plausible” [Liu Guofang, 2002, p. 18–22]. Some scholars have taken a compromise approach, viewing the establishment of the Protector-General as a process, such as Zhang Weihua 张维华, who argues that the Protector-General was named in the second year of the Dijie and the government was established in the second year of the Shenjue reign-period [Zhang Weihua, 1980, p. 245–308]. Liu Xigan 刘锡淦 argues that there was an “additional official” for the Protector-General, so that “the governor was established in Dijie reign-period, but formally appointed in Shenjue reign-period” [Liu Xigan, 1983, p. 64–67]. Yu Taishan thought that “Zheng Ji's title was ‘Colonel Assistanting the Imperial Envoys and Protecting the Western

*The “Zizhi Tongjian” Hu Sanxing 胡三省 noted: “Baiguan gongqing Biao said that ‘Protector-General of the Western Regions is an additional official, the second year of Dijie period firstly set up,’ Here the year of Shenjue was mistaken for the year of the Dijie. The Xiyuzhuan of Hanshu recorded the establishment in the third year of Shenjue period, which is also wrong.” Xu Song 徐松 noted: “After Zheng Ji 郑吉 had defeated Cheshi, he protected the Northern Road (both the Southern Road) and was already called Duhu/Protector-General, which means that the establishment of Protector-General should have been in the second year (of Shenjue period) in autumn.” Wang xianqian 王先谦 also noted that Protector-General was set up in the second year of Shenjue period, not in Dijie period.

Regions’ in the second year of the Dijie reign-period when he was the Gentleman-in-Attendance in charge of the agricultural colonies at Quli 渠犁. However, he also was called ‘Colonel Assistanting the Imperial Envoys and Protecting Shanshan 鄯善 and the West because he did not have charge of the various states on the Northern Route until he routed Jushi 车师 and was promoted to Guards’ Major in the winter of that year. Zheng Ji, as ‘Colonel Assistanting the Imperial Envoys and Protecting Shanshan 鄯善 and the West’, received King Rizhu 日逐 in the autumn of the second year of the Shenjue 神爵 reign period, when his principal official position was Commandant of Cavalry and Grand Master for Splendid Happiness. In the next year, he was granted the title Marquis Anyuan 安远, and he then established his general headquarters, having his seat in the town of Wulei, and acted as the Protector of the various states on both the Northern and the Southern Route” [Yu Taishan, 2021, p. 397]. Hong Tao 洪涛 also argues that the Protector-General was established in the third year of the Shenjue 神爵 reign period, and Li Dalong 李大龙 interprets the term “Colonel Assistanting the Imperial Envoys (Shizhejiaowei, 使者校尉)” separately as both “Envoy (Shizhe, 使者)” or “Colonel (Jiaowei, 校尉)”, according to the change in Zheng Ji’s position, concluding that the name was changed from “Imperial Envoys and Protecting Shanshan 鄯善 and the West” to “Protector-General of the Western Regions” in the third year of Shenjue reign-period [Li Dalong, 1991, p. 64–70]. Li Bingquan 李炳泉 argues that the Protector-General was established in the second year of the Shenjue reign-period but that the headquarter was established in the third year of the Shenjue [Li Bingquan, 2003, 69–75].

We believe that Zheng Ji, as the first governor of the Western Regions, was first agriculturally cantoned in Quli 渠犁 in the second year of the Dijie period as a Gentleman-in-Attendance 侍郎. In the same year, he breached the Cheshi 车师 and moved to the position of Guards’ Major, making it possible to protect the southwestern road to Shanshan. In the second year of the Shenjue period, the Xiongnu king King Rizhu surrendered to the Han Dynasty and was received by Zheng Ji, who was the “Protector-General of the western regions, the Commandant of Cavalry” 都护西域骑都尉 sent by Emperor. According to the “Jing, Wu, Zhao, Xuan, Yuan, Cheng gongcheng biao 景武昭宣元成功臣表 of Hanshu, the general headquarters was established in central Western Regions and set in Wulei. In the context of establishing the Protector-General of the Western Regions, the situation was tense and time was short, so it is unlikely that an entirely new capital was built. From an archaeological point of view, the city’s site as the Protector-General of the Western Regions must date from the time of its establishment, which was in the third year of the Shenjue reign period.

2) Geographical location of the Protector-General of the Western Regions

The location of the Protector-General of the Western Regions is also documented. As mentioned above, The Zheng Ji Zhuan of Hanshu states that Zheng Ji “set up the headquarters in the central Western Regions and ruled the city of Wulei 乌垒” [Hanshu,

3006], which suggests that the Protector-General was established in the center of the Western Regions geographically. The Xiyu Zhuan of Hanshu states that “the Western Regions were first opened at the time of Emperor Xiaowu 孝武, and originally there had been thirty-six states, after which they were slightly divided into fifty or so, all in the west of Xiongnu 匈奴 and south of Wusun 乌孙. There are great mountains to the north and south and a river in the center, more than 6,000 li from east to west and 1,000 li from north to south. On the east, the area adjoins Han, from which it was blocked by the Yumen 玉门 and Yang 阳 Passes, on the west by the Congling 葱岭 mountains.” [Hanshu, 3871; Yu Taishan, 2021, p. 66]. The phrase defines the scope of the “Western Regions” in a narrow sense, as Yan Shigu 颜师古 noted: “the location of Protector-General is recorded at the center of the Western Regions, means that almost located in the center among the states, the distances between Protector-General and these states are tend to average” [Wang Xianqian, 1983, p. 1325]. Yu Taishan argues that the record “in the center of the Western Regions” is just a general statement [Yu Taishan, 2021, p. 84]. From Xiyu zhuan of Hanshu we can acquire that Protector-General of the Western Regions seated in Wulei and Wulei is about 2,738 li from Yang 阳pass, close to the Quli agricultural office, and the land was fertile, making it the center of the Western Regions [Hanshu, 3874].

The Notes on the book of waterways/Shui Jing Zhu 水经注 recorded that,

The water flows southeast again and flows right into the North River. The North River 北河 flows east again to the south of the Qiuci 龟兹 State and then east again to merge with the Qiuci River 龟兹川水 water on the left. There are two sources of Qiuci River water, and the west side originates from the south of the North Great Mountain 北大山 ... It also flows out of the southeast of the mountain, and one of its branches 枝水 flows to the left. Again to the southeast, the water flows in three parts, and the two waters to the right flow together to the southeast and into the North River. Dongchuan water 东川水 out of the northeast of Qiuci, through the Chisha 赤沙, Jili 积梨, and towards the south. The water branch out off towards the right, southwest into the city of Qiuci ... Dongchuan water and southeast flow run in the east of the Luntai. The Dongchuan water continues to flow southeast and converges to the right with the Xichuan branch water 西川枝水 ... There is a former city between the waters, which was presumably the place where the cantonment army was stationed. The water (Xichuan branch) flows southeast into the Dongchuan River, which flows southeast again, south of the Wulei country, and its water flows southeast into the Great River 大河. [Shui Jing Zhu, p. 40, 41].

From the water mentioned above flow, we can judge that the Qiuci River 龟兹水 is divided into two rivers, east (Dongchuan) and west (Xichuan), through the east and west of Qiuci city 龟兹城, and convergence at the south of the city, then southeast flow into the North River as Tarim River, the Dongchuan water southeast flow through the east of Luntai 轮台, and southeast flow, pools to the right into a tributary of the Xichuan branch water, southeast through the south of Wulei. According to the actual situation, “Xichuan water” is the present-day Weigan River 渭干河, and “Dongchuan water” should be the Kucha River 库车河. The Xiyu Shuidao Ji 西域水道记 Recorded, “Kucha River out of the mountains to the east of the broken city 破城 is divided into

three branches, the westernmost is Milteyan River 密尔特彦河, into the Shaharik Lake 沙哈里克湖, the next east one is Ucharshai River 乌恰尔萨伊河, also into the Shaharik Lake 沙哈里克湖, the easternmost one is Yesbashi River 叶斯巴什河, into the Atiwenek Lake 阿提委纳克湖, locally known as the first, second and third channel of the river.” [Xu Song, p. 100]. The Archaeological Record of the Tarim Basin 塔里木盆地考古记 records, “The present-day Tongchang River 铜厂河 is also divided into three branches: the westernmost named Chengshang River 城上河, also known as the ‘Kucha River’ 库车河, flowing through the eastern side of Kucha City, Dongchuan water recorded in Shui Jing Zhu is Kucha River.” [Huang Wenbi, 1958, p. 27]. From this, we can get that Dongchuan water flows southeast again, to the east of Luntai. This provides us with an essential clue to the location of the Protector-General.

Xu Song mentions in his Supplementary Note on the Western Regions of the Hanshu/Hanshu Xiyu zhuan buzhu: “(The Protector-General seated in Wulei city) The present-day city of Kucha belongs to Ceter 策特尔 Juntai 军台 and its eastern Cherchu 车尔楚 Juntai, both of which are in the land of Wulei” [Xu Song, 2005a, p. 400]. In Xiyu Shuidao Ji, Xu Song also places the Wulei city south of Cedaya 策大雅 Juntai. It recorded that,

The Tarim River flows east from Yugurzhuang 玉古尔庄. Yugur is a place in Han Dynasty called Luntai.....Forty li south of the Yugurzhuang is a former small city, and twenty li south is another former large city. For another hundred li or so to the south, there are many ancient cities and towns. The fields and drains are still there, reaching the river banks, and it is suspected that the Agriculture office/Tianguan 田官 is ruled. The river flowed another 200 miles east and passed south of the Ceter 策特尔 Juntai. Another 160 li to the east passed south of the Cherchu 车尔楚 Juntai. Between the two courses, the plain is fertile. To the south, near the river, is the former land of Quli 渠犁, and to the north, near the mountains, is the former land of Wulei 乌垒. The Han Dynasty set up the Protector-General here, which was considered the center of the Western Regions. [Xu Song, 2005b, p. 102].

Xu Song was the first one to determine the location of the Western Regions’ Protector-General in the Han dynasty through fieldwork and to give a more definite indication of its existence, and most later scholars cite his views.

In Xinjiang Tuzhi 新疆图志, Volume 81, Luntai County, it is recorded Cedaya 策大雅 and Yeyungou 野云沟, the note under the Cedaya said, “also known as Ceter 策特尔, it means tabernacle in Hui language because there were military camps set here. Between Kurchu 库尔楚 post of Yanqi Fu 焉耆府, the plain between these three courses is fertile. To the south, near the river, is the former land of Quli, and to the north, near the mountains, is the former land of Wulei” [Wang Shunan, 2015, p. 1546, 1547].

The Xiyutuzhi 西域图志 also recorded the above location in more detail: “Ceter 策特尔 is west of the Cherchu 车尔楚 140 li, northeast of the city of Harashal 哈喇沙尔 four hundred and ninety li, over the Eshimoguole 额什墨郭勒 to its land, spare water, and grass...” it also noted that “from Kulongle 库陇勒 west to Ceter three hundred li, it is no doubt that Ceter is the location of Wulei.” [Zhong Xingqi et al., 2017, p. 244]. Yu Hao 俞浩 argues that Wulei, located in Bugur 布古尔 [Yu Hao, 1066, p. 658–660], Li Guangting 李光廷 also put the agricultural colony of Luntai between Kurle 库尔

勒 and Yugur 玉古尔, its delineation of the scope of the administration is broader [Li Guangting, 1974, p. 167].

This is why most scholars have for a long time advocated the location of the city of Wulei in the area of Cedaya and Yeyungou in Luntai County. The location of Wulei, as indicated in the “Map of the Western Regions in Western Han” in the Historical Atlas of China 中国历史地图集, roughly points to the area west of Yeyungou today, just between Yeyungou and Cedaya [Tan Qixiang, 1996, p. 37, 38]. Later expeditions to Xinjiang by Huang Wenbi 黄文弼, Bergman, and others were also influenced to some extent by Xu Song. After investigating several sites in Yeyungou, Huang Wenbi believed that the small Yeyungou, west of Kurchu, was the ancient land of the Wulei state. In contrast, Bergman believed Wulei was in Cedaya [Folke Bergman, 1939, p. 44].

3) *The duties and regulations of the Protector-General*

The role and administration of the Protector-General in the Western Regions is also the subject of much scholarly attention. Whether to protect the states or the routes has become the focus of debate.* The Xiyuzhuan of Hanshu says: “At that time, Han only protected the Southern Route, but failed to integrate the Northern Route fully... On the day of King Rizhu 日逐王 came to surrender, the year was also the third year of the Shenjue reign-period. Zheng Ji protected the Northern and Southern Route as Protector-General, so the name was called Duhu 都护. The origin of the Protector-General has been established since Zheng Ji.” [Hanshu, 3874]. Zhengji zhuan of Hanshu also emphasizes that “Duhu” refers to the parallel protection of the two routes, Yan Shigu 颜师古 noted: “and protect the two routes, so-called the Duhu,” Whether it was “protect the states” or “protect the routes”, the Western Regions’ Protector-General needed to be on an important transportation route, and “protect the road” in order to better “protect the states”. After Li Guangli invaded Dawan 大宛 in the Taichu 太初 period, “from Dunhuang west to Yanze, beacon towers were often set up, and there were hundreds of soldiers in the fields of Luntai and Quli, and the Envoys or Colonels were placed in charge of the guards in order to help foreigners” [Hanshu, 3872]. This suggests that the corresponding beacon system was continuously extended westward among the Western Regions to better protect the incoming and outgoing envoys and messengers and the cantonment matters. In addition, the main transport route in the West during the Han Dynasty was the Northern Route, “Starting from the Yumen 玉门 and Yang 阳 Barriers there are two routes which lead to the Western Regions. The route which goes by way of Shanshan 鄯善, skirting the northern edge of the Southern Mountains and proceeding west along the course of the river to Shache 莎车 is the Southern Route. To the west, the Southern Route crosses the Congling 葱岭 Mountains and then leads to Da Rouzhi 大月氏 and Anxi 安息. The route, which starts from the royal court of Nearer Jushi 车师, runs alongside the Northern Mountains and follows the course of the river west to Shule 疏勒 is the Northern Route. To the west, the

*For a review of relevant studies, see Hong Tao 洪涛, [Hong Tao, 2007, p. 5–10; Zhang Ying 张瑛, 2019].

Northern Route crosses the Congling 葱嶺 Mountains and leads to Dayuan, Kangju, and Yancai” [Hanshu, 3871; Yu Taishan, 2021, p. 70]. This is also roughly in line with the “Middle Route” as stated in Xirong zhuan 西戎传 of Weilue 魏略 as quoted in Sanguozhi 三国志, the one which, leaving the Yumen 玉門 Barrier by the west, starts from the Well of Protector-General, bypassing the northern tip of the desert of Sanlong 三隴, passes by the granary of Julu 居盧, then, from the Well of Shaxi 沙西, turns to the north-west, passes by Longdui 龍堆, arrives at the ancient town of Loulan 樓蘭, and turning to the west, comes first to Qiuci 龜茲 and then to the Congling 葱嶺 Mountains [Sanguozhi, 859; Yu Taishan, 2021, p. 360]. This route through along the Tianshan Mountains and Tarim River, through Yanqi 焉耆, Luntai 轮台, Qiuci 龟兹, Gumo 姑墨, Shule 疏勒, and then west across the Congling 葱嶺 Mountains to Dawan 大宛. The more definite Han dynasty beacon in Luntai is the west Laisu 拉依苏 beacon, and perhaps the beacon line was also distributed along this route, while the government seat of Protector-General should have been near the traffic route or to the left of the beacon line [Chen Ling, 2015, p. 190]. Some scholars have further analyzed that the Protector-General of Western Regions would have been set up in the Northern Route of the Silk Roads, strategic locations, and central areas where natural conditions were relatively good and suitable for cultivation [Zhang Anfu, 2013, p. 51–56].

In the “Baiguan gongqing Biao 百官公卿表” of Hanshu, it is clearly stated that “The Protector-General of the Western Regions was an additional office; it was first established in the second year (68 BCE) of the Dijie 地節 reign-period of Emperor Xuan 宣, when Zheng Ji 鄭吉, the Commandant of Cavalry and Grand Master of Remonstrance, was sent to act as the protector of the thirty-six states in the Western Regions, and the rank of Protector-General of the Western Regions equivalent to 2,000 piculs” [Hanshu, 738]. The Protector-General of the Western Regions had a separate government office. Therefore, the rules and regulations of The Protector-General should be in line with those of the mainland county governorship. According to the survey and excavations, the scale of the city sites in the Hetao area can be divided into three types: large, medium, and small, depending on the site’s perimeter. Large sites have over 4,000 meters, medium sites have a perimeter of 1,000-4,000 meters, and small sites have fewer than 1,000 meters [Wei Jian, Hao Yuanlin, 2020]. The large sites are considered prefecture headquarters, the medium ones are county headquarters, and the small ones are fortresses and bastions. Besides The Protector-General of the Western Regions, during the Qin and Han dynasties, There were also many other official positions like that of Protector of the Qiang 护羌校尉 and the Protector of Wuhuan 护乌桓都尉, all of whom were of a rank of 2,000 piculs or equivalent to 2,000 piculs, and were, in fact, equivalent to the county sheriffs of the mainland. [Yan Gengwang, 2007, p. 157–187; An Zuozhang and Xiong Tiejie, 2007, p. 770–788].

4) The Protector-General of the Western Regions in Excavated Documents

The Han bamboo slips unearthed in Juyan 居延, Tuyin 土垠, and Xuanquan 悬泉 contain information about the Protector-General and several states in Western Regions,

especially the ones found in Xuanquan that records a great deal of information about the travels of emissaries from the western states, providing a great deal of material for the study of the history of the Protector-General and the western states [Hu Pingsheng, Zhang Defang, 2001, p. 103–135]. Some Xuanquan bamboo slips deal with the cantonment of Quli, providing vital information on the possible direct subordination of the cantonment lieutenants of Luntai and Quli to the “Northern Army” 北军 of the Chang’an City Imperial Army [Zhang Defang, 2001, 113–121]. One slip records the surrender of the Xiongnu king of Rizhu, which provides new evidence for the establishment of the Protector-General and adds to the historical documentation [Zhang Defang, 2014, p. 26–35].

广至移十一月谷簿，出粟六斗三升，以食悬泉厩佐广德所将助御、效谷广利里郭市等七人送日逐王，往来三食，食三升。校广德所将御故稟食，悬泉而出食，解何？(I91DXT0309③:167-168)

This is one slip found in Xuanquan 悬泉, and it was the record of the food provided when the Xiongnu King Rizhu passed through the Guangzhi 广至 [Zhang Defang, 2014, p. 31].

神爵二年十一月癸卯朔乙丑，悬泉厩佐广德敢言之，爰书：厩御千乘里畸利，谨告曰：所使食传马一匹……送日逐王乘之冥安，病死。(87D.X.C)

This is a document of an investigation into the death of the horse on which Xiongnu King Rizhu rode, which is directly related to the surrender of King Rizhu to the Han Empire and his departure for Chang’an before the establishment of the Protector-General of the Western Regions. The specific date shown in the text is ‘in the eleventh month of the second year of Shenjue period- reigns. Under normal circumstances, a Han official would have taken between a month and two months to travel from Chang’an to Dunhuang 敦煌 using the vehicles provided by the post stations along the way so that King Rizhu would have arrived in Chang’an in the third year of the Shenjue period-reign [Gansu Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology, 2019, p. 269].

Records of the Protector-General and his subordinate officials are also found in the Han bamboo slips of the Tuyin 土垠 site.

都护军候张□所假官驛牡马一匹，齿八岁，高五尺八寸。

Junhou 军候 mentioned in this slip, means military guard and was also a subordinate official of the Western Region’s Protector-General, suggesting a close connection between the Tuyin site and the Protector-General.

□用私马至敦煌辄收入敦煌去渠犁二千八百里更沙版绝水草不能致愿得用

This one records the relationship between the Tuyin site between Dunhuang and Quli and indirectly suggests that the Tuyin site would have been an important transit point from Dunhuang to Quli and other Western states on the Northern Road in the Western Han Dynasty.

Preliminary exploration of the site of the Protector-General

For a long time, the scholarly community followed Xu Song’s statement that the location of the Protector-General was in the area of Yeyungou 野云沟 and Cedaya 策大雅. During his investigations in the Luntai area, especially along the Kizil 克孜尔

River and the Dina 迪那 River, Huang Wenbi 黄文弼 found sherds of black-painted pottery on a red background and sherds of black-flowered painted pottery in the ancient site of Koyukqin 柯尤克沁 (Kuiyukexiehair, 奎玉克协海尔) 古城 (古城) and concluded that the city should have been the site of the former Luntou 仑头 state of the Han dynasty. He also found black-flowered pottery shards on a red background and iron arrowheads with handles in Zhuoguoteqin 着果特沁 (Zhuoerkute, 卓尔库特). He concluded that the city was an agricultural cantonment city of the Han dynasty [Huang Wenbi, 1958, p. 10].

In 2013, Lin Meicun 林梅村, in his article, comprehensively analyzed the shape and distribution of the ancient cities in the Tarim Basin and argued that the Protector-General Office was not in the ancient cities of Yeyungou or Cedaya in Luntai County nor the ancient cities of Cherchu or Zhuoerkute in Luntai County, but the ancient city of Kuiyukexiehair site in the southeast of Luntai County. The article suggests that most of the indigenous citadels in the Tarim Basin were built in the form of circles. After the Han dynasty entered the Western regions, they adopted the Chinese architectural style of square cities. The article analyses the ancient city of Kuiyukexiehair in Luntai County as an inner city with a round shape, and the outer city as a square shape, which was popular after the Han culture entered the Western regions and was supposed to be the seat of the Protector-General [Lin Meicun, 2013]. From an archaeological perspective, this article places the Protector-General of the Western Regions in the area of the Dina River network on the southern side of Luntai County, advancing to some extent the study of the Protector-General of the Western Regions.

Concerning the location of the Western Region's Protector-General, the Xiyuzhuan of Hanshu describes in detail the number of li between its seat and the other western states. Among the more definite ones is the Nearer Cheshi 车师 which is seated in the city of Jiaohe 交河 in today's Turpan 吐鲁番. In addition, the distances from Qiuci 龟兹 and Yuli 尉犁 to the Protector-General are also referable. According to the Western Han standard of 1 li is equivalent to 417 meters, which means that the distance from Yuli to Wulei 乌垒 is about 125 kilometers, from Qiuci to Wulei is about 146 kilometers, from Korla 库尔勒 to Luntai County is 163 kilometers along the present-day National Highway 314, and from Luntai County to Kucha 库车 is 109 kilometers, which means that the distance from Cedaya to Luntai County, which Xu Song and others previously believed to be Protector-General is about 58 kilometers, and from Yeyungou to Luntai County is 73 kilometers, the distance is too far, so the city of Wuqi may have been located near 16–17 km east of present-day Luntai County [Chen Ling, 2015, p. 188].

In addition, the Protector-General of the Western Regions must have been under the protection of the beacon system. The only Han dynasty beacon in the Luntai area that can be identified now is the Laisu 拉依苏 West Beacon in the north-west of Luntai County, and the Laisu East and Tingmudun 廷木墩 beacons, which are not far from it, are both Tang dynasty beacons. It is generally believed that the ancient city of Kuanaxihair 阔纳协海尔, located north of the ancient cities of Kuiyukexiehair and Zhuoerkute, was a Tang dynasty city of Wulei Prefecture, so the line of beacon system of the Han and Tang dynasties may have passed through this area, and the

Protector-General of the Western Regions should have been located here, in the southeast of Luntai County.

Based on the number of distances between the Protector-General and the 12 ancient neighbor states as recorded in the literature, some scholars have used the r.walk module of GRASS GIS to invert the location of the city of Wulei by converting the number of li recorded in the Xiyuzhuan of the Han dynasty into a time cost. The generated buffer zone was overlaid and analyzed, and the intersecting area was the location of Wulei. The most probable location of the city is the one we have estimated above. There are five ancient cities within its coverage area: Kuiyukexiehair, Zhuoerkute, Kuanaxihair, Saiwer 赛维尔, and Khatadun 喀塔墩. The ancient city of Kuanaxihair can be identified as a Tang dynasty city site. At the same time, the ancient city of Saiwer and the site of Khatadun are too small to be a capitalist-level seat. So we can confirm that the Protector-General of the Western Region was located in the ancient city of Kuiyukexiehair or Zhuoerkute.

Since 2018, the Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology and the School of Archaeology and Museology of Peking University have formed a joint team to carry out archaeological excavations in the ancient cities of Kuiyukexiehair or Zhuoerkute in Luntai County. Among them, the excavation of the ancient city of Kuiyukexiehair clarified the condition of the cultural accumulation inside and outside the city, the way the walls were constructed, and their basic structure. The excavators have dated the ancient city in four phases, comparing the results of carbon dating to 750 BC. The city was first built during the Spring and Autumn period and abandoned around 80 AD, making it the earliest scientifically excavated and dated city site on the northern edge of the Tarim Basin and providing crucial material for the development of early oasis civilizations in Xinjiang [Zhang Xiangpeng, et al., 2021]. The excavation of the ancient city of Zhuoerkute focused on the high platform within the city, and the drilling of the surrounding city walls has clarified that Zhuoerkute was a triple structure of inner, outer and high platforms, with the high platform site built to the east of the inner city walls. Based on the stratigraphic deposits and excavated relics, the excavators concluded that the high platform was built during the Warring States period, flourished during the Han period, and declined during the Wei and Jin periods [Chen Ling, Wasima Talati, Wang Long, 2021]. According to the available excavation material, the ancient cities of Kuiyukexiehair and Zhuoerkute are the closest geographically and spatially to the Protector-General of the Western Regions, with a distance of 9 km between them. In terms of the age of the site, the Kuiyukexiehair predates the ancient city of Zhuoerkute in general, and the use of the latter is consistent with the historical date of the operation of the Western Region's Protector-General in the Luntai area; in addition, the excavation of tombs from the Warring States period on the outer walls of Kuiyukexiehair suggests that the city appears to have been abandoned during the Warring States period, but further excavation is needed to confirm whether it was reused. In terms of the area of the city site, Zhuoerkute is 560m east-west and 790m north-south, covering an area of 330,000 square meters, and martyrdom has also been found during excavations of the ancient city of Zhuoerkute [Ibid]. As the highest military and political institution in the western region of the Han dynasty, the building form and structure of the Protector-General office should have been following Han dynasty rules,

and the historical books clearly state that it was a modified city as a city site built based on the original western indigenous citadel.

The exploration of the Western Regions' Protector-General office continues, and more investigations and excavations are needed before the location of the Protector-General office can be finally determined. The investigation and study of the military and political establishments of the Protector-General from an archaeological perspective will not only complement historical documents. However, they will also corroborate with excavated military documents, revealing a more comprehensive picture of the Western Regions' urban sites during the Han Dynasty and better reconstructing the Silk Roads network.

References

- Ancient texts cited:
Han Xiyu tukao = Li Guangting, 1974.
Hanshu = Ban, 1962.
Hanshu xiyuzhuan buzhu = Xu Song, 2005b.
Sanguozhi = Chen Shou, Pei Sougzi, 1982.
Xinjiang tuzhi = Wang Shunan, 2015.
Xiyushuidaoji = Xu Song, 2005a.
Zizhitongjian = Sima Guang, 1976.
An Zuozhang, Xiong Tiejie. *A historical study of the official system in Qin and Han Dynasties*, Jinan: Qilu Book Company, 2007.
Ban, Gu. *Hanshu* [Book of Han]. Beijing: Zhonghua Book Company, 1962.
Chen, Shou, Pei Songzhi. *Sanguozhi*. Beijing: Zhonghua Book Company, 1982.
Chen, Ling, Wasima Talati, Wang Long. Archaeology Findings of the Ancient City of Luntai Zhuoerkut in Xinjiang, *Western Regions Studies*, 2021. N 2. P. 105–112.
Chen Ling. *The Ancient Cities of the Silk Roads*. Shanxi: Sanqin Press, 2015.
Folke Bergman. *Archaeological researches in Sinkiang: especially the Lop-nor region*, Stockholm: Bokförlags Aktiebolaget Thule, 1939.
Gansu bamboo and wooden slips Museum et al. *Xuanquan Han bamboo slips* (I), Shanghai: Zhongxi Book Company, 2019.
Hu Pingsheng, Zhang Defang. *The Interpretation and research of the Han bamboo slips at Dunhuang Hangquan*, Shanghai Ancient Books Press, 2001.
Huang Wenbi. A Study of the Luobu Nur Han bamboo slips, in Huang Wenbi's *Collected Essays on History and Archaeology*, Beijing: Cultural Relics Press, 1989.
Huang Wenbi. *The Archaeology of the Tarim Basin*, Beijing: Science Press, 1958.
Hong Tao. A Review of the Research on the Protector General of the Western Regions in Han Dynasty, *J. of Xinjiang Normal University* (Philosophy and Social Sciences Edition), 2007. N 2. P. 5–10.
Li Bingquan. Two Questions about the Protector General of the Western Regions in Han Dynasty, *Ethno-national Studies*, 2003. N 6. P. 69–75.
Li Dalong. A Brief Discussion on the Protector Generals of the Western Regions in Western Han, *Chinese Frontier History and Geography Studies*, 1991. N 2. P. 64–70.
Li Guangting. *The Study of Western Regions Map in Han Dynasty*. Taipei: Le Tian Press, 1974.
Lin Meicun. A Study of the Site of the Western Regions Protectorate from the Perspective of Archaeology. *Historical Research*, 2013. N 6. P. 43–58.
Liu Hongbo. On the Beginning Time of the Western Regions' Protector-General, *Chinese History Studies*, 1986. N 3. P. 99–101.

- Liu Guofang.** The Beginning of the Establishment of the Western Regions' Protector General and its Date, *Western Regions Studies*, 2002. N 3. P. 18–22.
- Liu Xigan.** The Questions about the Protector-General of the Western Regions and the Tongpu Duwei, *J. of Xinjiang University* (Philosophical and Social Sciences Edition), 1983. N 1. P. 64–67.
- Sima Guang.** *Zizhitongjian*. Beijing: Zhonghua Book Company, 1976.
- Tan Qixiang.** The Historical Atlas of China, China Cartographic Publishing House, 1976. Vol. 2.
- Wang Shunan.** *Xinjiang tuzhi* (ed. Zhu Yuqi, Shanghai Ancient Books Press), 2015.
- Wang Xianqian.** *Hanshu buzhu*. Beijing: Zhonghua Book Company, 1983.
- Wei Jian, Hao Yuanlin.** The Archaeological Observations of the Qin and Han Jiu Yuan – Wuyuan County Government, originally published in *Chinese Historical Geography Series*, 4, pp. 42–49; later included in the book *The Great Desert and Northern Wind – An Anthology of Wei Jian's Northern Archaeological Writings* (History Volume), Beijing: Science Press, 2020. P. 53–66.
- Xie Guihua, Li Junming,** et al. *The Juyan Han bamboo slips interpretations and proofread*, Beijing: Cultural Relics Press, 1987.
- Xu Song.** *Xiyushuidaoji* (ed. Zhu Yuqi, Beijing: Zhonghua Book Company), 2005a.
- Xu Song,** *Hanshu xiyuzhuan buzhu* (ed. Zhu Yuqi, Beijing: Zhonghua Book Company), 2005b.
- Yan Gengwang.** *A History of Local Administrative Systems in China: Local Administrative Systems in the Qin and Han Dynasties*, Shanghai Ancient Books Press, 2007. P. 157–187.
- Yu Hao.** *Archaeological Records of the Western Regions*, Taiwan: Wenhai Press, 1966.
- Yu Taishan.** On the Protector General of the Western Regions in Western Han and Eastern Han Times, in *A Study of the History of the Relationship between the Western & Eastern Han, Wei, Jin, Southern & Northern Dynasties and the Western Regions*, Beijing: Commercial Press, 2021.
- Zhang Anfu.** A Study of the Wulei city site, *J. of Qilu Studies*, 2013. N 3. P. 51–56.
- Zhang Defang.** The Silk Road in the Northwestern Han bamboo slips, *Zhong Yuan Culture Studies*, 2014. N 5. P. 26–35.
- Zhang Defang.** The significance of agricultural cantonment in the Western Regions of Han Dynasty from the Xuanquan Han bamboo slips, *Dunhuang Studies*, 2001. N 3. P. 113–121.
- Zhang Weihua.** A general study of the Western Regions' Protector-General, in *The Collected Essays on Han History*, Jinan: Qilu Book Company, 1980.
- Zhang Xiangpeng, Dang Zhihao, Li Chunchang, Xu Youcheng.** New Findings and Preliminary Acquaintance of Archaeological Excavations at the Ancient City Site of Kuiyukexiehair, Luntai County, Xinjiang, *Western Regions Studies*, 2021. N 2. P. 113–118.
- Zhang Ying.** A study on Timing of the Setting of the Protector General of the Western Regions in Han Dynasty and Issues Related to Its Duties, *Journal of Northwest Nationalities University* (Philosophy and Social Sciences Edition), 2019. N 3. P. 120–128.
- Zeng Wenwu.** *A History of Chinese Operations in the Western Regions*, Beijing: Commercial Press, 1936.
- Zhong Xingqi,** et al. (eds.). *Xiyutuzhijiaozhu*. Xinjiang Renmin Press, 2002.
- Zhou Zhenhe.** *The Geography of the Western Han Political Regions*, Beijing: Commercial Press, 2017.

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.257-264
УДК 903

Liu Jialin

*Institute of cultural heritage, Shandong University
Jinan, China
E-mail: Liujialin97@foxmail.com*

Regional Interactions Reflected in Jade: From the Shijiahe to the Sanxingdui

The Sanxingdui site, located on the banks of the Yazi River in Guanghan, Sichuan, is famous for discovering huge pits filled with bronze, jade, and ivory artifacts. Archaeologists found the early public cemetery at the Sanxingdui site, also known as the Rengsheng Cemetery, at the end of the 20th century. Several jade objects were found in the tombs. As the earliest dated jade found so far in the Chengdu Plain, it showed a very mature and stable style as soon as it appeared. The emergence of these jade objects may have been influenced by foreign cultures. Many scholars believe that it connects with the Erlitou culture of the Central Plains and the Liangzhu culture of the lower Yangtze River, revealing the source of the jade tradition in the Sanxingdui culture. The middle reaches of the Yangtze River, which is closer to the Chengdu Plain, should be considered as one of the sources in this discussion. New archaeological discoveries in the Yangtze River's middle reaches support this view.

Keywords: Sanxingdui site, Rengsheng cemetery, jade, Shijiahe culture, inter-regional relations.

Лю Цзялинь

*Шаньдунский университет
Цзинань, Китай
E-mail: Liujialin97@foxmail.com*

Отражение связей регионов в нефрите: от Шицзяхэ до Саньсиндуй

Памятник Саньсиндуй, расположенный на берегу р. Яцзы в Гуанхане, пров. Сычуань, известен находками огромных ям, заполненных бронзовыми, нефритовыми изделиями и изделиями из слоновой кости. В конце XX в. археологи обнаружили первый коллективный могильник на стоянке Саньсиндуй, также известный как могильник Жэниэн. В захоронениях были найдены несколько нефритовых изделий. Как самые ранние нефритовые предметы, найденные на данный момент на равнине Чэнду, эти предметы с момента своего появления уже представлены сформировавшимся и стабильным стилем. На появление этих предметов могли повлиять другие культуры. Многие исследователи, определяя источник нефритовой тради-

ции культуры Саньсиндуй, убеждены, что они связаны с культурой Эрлитоу на территории Среднекитайской равнины и с культурой Лянчжу на территории нижнего течения р. Янцзы. В качестве одного из источников в данном рассуждении следует рассматривать территорию среднего течения р. Янцзы, расположенную ближе к равнине Чэнду. Новые археологические открытия в среднем течении р. Янцзы подтверждают эту точку зрения.

Ключевые слова: культура Саньсиндуй, могильник Жэниэн, нефрит, культура Шицзяхэ, межрегиональные связи.

In 1986, the discovery of two giant pits filled with ceremonial artifacts made the site of Sanxingdui in Guanghan, Sichuan, famous and attracted widespread attention from scholars at home and abroad. In 2019, archaeologists rediscovered six enormous holes, making Sanxingdui a household name and the subject of significant interest from specialists and the public. From 1997 to 1998, the Sichuan Provincial cultural relics and archaeology research institute excavated 29 densely distributed, well-arranged mound burials in Rensheng village, 50 meters west of the Sanxingdui site's western wall. This is the only known public cemetery on the site. According to the briefing, among the 29 excavated tombs, two were destroyed, six were without any relics or finery objects, and eight tombs had funerary objects unearthed, including ivory, pottery, jade, etc. It is noteworthy that the burial form and burial style of the Rensheng Village Cemetery are somewhat peculiar, with the burial ground and burial walls having been repeatedly rammed to form a hard, glossy surface; no intact human bones were seen in the burials, and the arrangement of the human bones was disorganized. Based on a large amount of humus on the ground, the excavators speculated that the human bones had been repeatedly smashed during the burial process, possibly as a more specific funerary ritual. A total of 61 jade artifacts were recovered from the burial, including jade Bi 璧, Yabi Shaped ornament 牙璧形器, bubble-shaped jade ornament 玉泡形器, rod-shaped jade ornament 玉锥形器, chisel, spear, and axe [Chen, Lei, 2004]. Previous academics have hypothesized that the unusual shapes of these jade objects show a substantial cultural contact between the Chengdu Plain, the Liangzhu culture of the lower Yangtze River, and the Erlitou civilization of the Central Plains [Wang, 2013].

Chronology

In brief, published by the Sichuan Provincial cultural relics and archaeology research institute, the excavators analyzed the stratigraphic relationships and pottery. They concluded that the upper chronological limit of the burials was not earlier than the later stages of Phase I of the Sanxingdui culture. The lower chronological limit was not later than the beginning of phase II of the Sanxingdui culture, which corresponds to phases II–IV of the Erlitou culture. [Chen, Lei, 2004]. Later, another researcher compared the data of the burials in Yueliangwan at the Sanxingdui site and pointed out that the graves in Rensheng Village were divided into two phases. The early phase belonged to the first phase of the Sanxingdui culture, corresponding to the Late Neolithic period. The lower limit was roughly equivalent to the Central Plains Xia culture, while the late phase was roughly equivalent to the Central Plains Shang dynasty [Song, 2005];

In recent years, other scholars have suggested that the Rengsheng Village cemetery dated from the Late Neolithic to the Xia dynasty [Xiao, Wu, 2010]. No carbon14 dating data has been published in the burial excavation reports, and only the relative dating of the Sanxingdui culture is available for reference. This is where the debate about the dating of the Renshengcun cemetery comes from. So far, no official report has been issued on the Sanxingdui site, and many aspects remain unknown. According to the 1980 excavation brief, the dating of charcoal in the stratigraphy of the first phase of the site is 4075 ± 100 years ago. However, the tree ring revised this date to 4500 ± 150 years ago [Sichuan..., 1987]. The excavator later added that the first phase of the site dates roughly to the Late Neolithic (4740–4070 years ago) [Chen, 1991]. Other scholars have pointed out that the dating data for the Sanxingdui site is generally early and that the uncorrected dating data is closer to that inferred from other materials [Sun, 1993]. Later, the excavator of the Sanxingdui site also said that “the dating data error is large, making the age earlier” and that “a reasonable age range should be between 4600~4000 years ago [Lei, 2018]. Given this, it would be good to date the late phase of Sanxingdui to around 4000 years ago. While Erlitou-style pottery emerges in the earliest of the second phase of the Sanxingdui culture, it is obvious that the second phase of the site corresponds to the late Erlitou to Erligang culture period, no earlier than 1600 BCE [Xu, 2021]. From the above, we can confirm that Rensheng village cemetery is 4000–3600 years old.

Discussion of the excavated jade objects

Some scholars have written that among the jade objects excavated from the Sanxingdui Rensheng Village Cemetery, rod-shaped jade ornaments have a deep relationship with the Liangzhu culture of the lower Yangtze River, while Jade vortex-shaped ornaments (i.e., Yabi-shaped ornaments) bear the characteristics of the Erlitou culture [Wang, 2013]. This has formed a consensus among archaeologists in Sichuan Province, and Jade vortex-shaped ornament, which has become one of the most substantial pieces of evidence of the interaction between Erlitou and Chengdu Plain is that ‘by the middle and late Erlitou period at the latest, some elements of Xia culture had already penetrated Shu culture’ [Chen, 2018].

Only one of the eight Yabi-shaped ornaments discovered in the Rensheng Village graveyard was composed of nephrite. Meanwhile, the remaining seven were made from minerals such as serpentine jade, dolomite, pewter, and ivory (the two made from ivory were too decayed to be extracted). The excavators wrote in their brief that “Jade vortex-shaped ornament is similar to the hat-shaped white pottery from the phase II of the Erlitou culture” [Chen, Lei, 2004], a conclusion that was gradually accepted by the Sichuan academic community and much cited by other scholars. The date of the Renshengcun cemetery overlaps with the Erlitou site for a considerable period. However, Erlitou culture pottery and representative Erlitou culture objects such as Yazhang牙璋 and the bronze decoration shaped brand beset with turquoises did not appear on the Chengdu plain until after phase II of the Sanxingdui culture [Xu, 2021]. Sanxingdui burials M14 and M21, where Yabi- Shaped ornaments were excavated,

date to the late period of Phase I. Aside from the “similar” form of the Yabi-shaped ornaments and the white pottery, there is no more evidence that the Erlitou civilization reached the Chengdu Plain in this period.

The hat-shaped white pottery 斗笠形白陶器 was excavated from a nobleman’s burial in the courtyard of building site 3 in the palace area of the Erlitou site, with three pieces placed above the skull of the tomb owner and a perforated turquoise bead in the round hole at the top of the white pottery, which the excavators speculate may have been used together [Xu, 2005].

There are some characteristic differences between the hat-shaped white pottery from the Erlitou site and the Yabi-shaped ornaments from the Rensheng village cemetery. Both were positioned above the deceased’s head in the burial. Regarding the collection of objects, the Erlitou white pottery and the turquoise beads appeared in pairs, while the Yabi-shaped ornaments had no corresponding variety. Morphologically, both the white pottery and the Yabi-shaped ornaments are centered and swirled in the plan and may share similar connotations. However, the two objects’ cross-sections are entirely different (fig. 1). As shown in the picture, white pottery has a tapering cross-section, whilst Yabi-shaped ornaments have a trapezoidal cross-section. The two have different three-dimensional shapes, making it difficult to classify them as the same type of item.

In the middle reaches of the Yangtze River, the Shijiahe site in Tianmen, Hubei Province is the largest, best-preserved, longest-lasting, and highest-ranking prehistoric settlement of the Late Neolithic period. Large prehistoric sites with trenches, ritual sites, and communal cemeteries have been discovered in this region, which is also famous for its numerous beautifully crafted jade and pottery sculptures. At the beginning of this century, the American archaeologist Falkenhausen and the Japanese archaeologist Kiyotaka Nishie noted the strong correlation between the bronze masks and human head sculptures excavated from the Sanxingdui ritual pits and the jade human head sculptures excavated from the Tianmen Shijiahe site in the middle reaches of the Yangtze River. [Falkenhausen, 2003; Nishie, 2003]. Falkenhausen says that the two

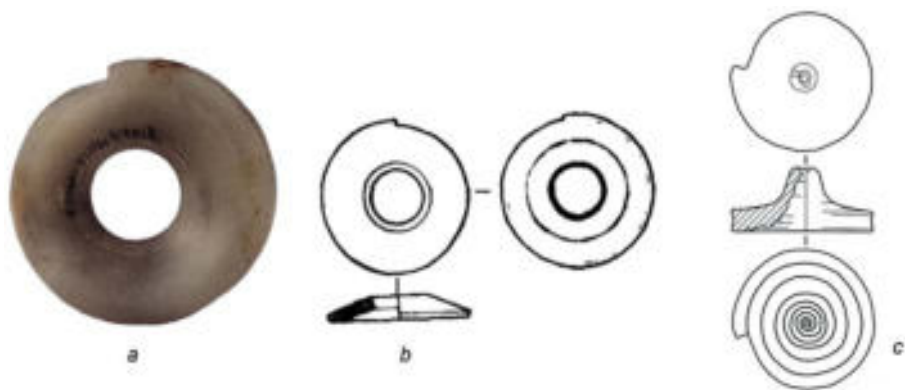

Fig. 1.

a, b – nephrite Yabi shaped ornaments excavated from M21 in Rensheng village; *c* – Line drawing of hat-shaped white pottery excavated from Erlitou site (after sanxingduichutuwenwuquanjilu; kaogu , 2004:2; erlitou 1999-2006).

are similar in how they show the five senses and are the same in how their heads are decorated and how they are put together as a whole.

Although the two archaeological cultures are not contemporaneous or even close in time, Falkenhausen still believes that there may have been some transcendent medium at work between them. This view is also accepted by a broader range of Chinese scholars [Wang, 2022a]. Other scholars have analyzed it in the context of the prehistoric city sites of the Chengdu Plain. They suggest that there was no tradition of city building in Sichuan before the Baodun culture, an archaeological culture on the Chengdu Plain that was contemporary with the first phase of the Sanxingdui culture and had very similar connotations. At the same time, the middle reaches of the Yangtze River had a fairly long history of city building. The city-building techniques used at the Baodun culture site were very close to those of the Shijiahe culture. It was likely that the Baodun culture was influenced by those from the middle reaches of the Yangtze [He, 2018]. In addition, phytoarchaeological research suggests that the ancient people of the Chengdu Plain migrated gradually from the northwestern part of the Chengdu Plain, where they initially grew only millet. At about the same time, about 4,500 years ago, rice cultivation techniques from the middle reaches of the Yangtze River were introduced to the Chengdu Plain. As a result, rice cultivation in the Chengdu Plain grew into an advanced form from the beginning, gradually eliminating millet as the principal food crop [Wan, Lei, 2013; Jiang, He, 2018].

In the meantime, a large quantity of pottery similar to Shijiahe culture has been found in the Baodun culture [He, 2018]. Although the archaeological data of the first phase of the Sanxingdui culture has not been fully published, excavators have written that typical pottery of the Shijiahe culture, such as high ring-footed vessel dou高圈足豆, was also found in the late phase of the Sanxingdui culture [Lei, 2018; Chen, 2018]. All indications point to the Shijiahe culture of the Yangtze River's middle reaches reaching the Chengdu Plain during the Late Neolithic. The frequent cultural interactions between the two places caused a change in the cultural landscape of the Chengdu Plain.

On this basis, we are inclined to believe that the cultural origins of the Yabi-shaped ornaments excavated from the Rengsheng Village cemetery came from the middle reaches of the Yangtze River. In 2015, the urn burial cemetery was discovered at the Tanjialing site, on the central terrace of the core area of the Shijiahe site. A total of 246 jade artifacts were excavated from five of the urn cemeteries, causing a sensation in the academic community because of their large number, novel shape, and exquisite craftsmanship. Furthermore, the W4 urn coffin unearthed three pieces of jade in the form of Yabi-shaped ornaments (fig. 2). All three are of nephrite texture and are like those excavated from the Rensheng village cemetery. They are all nearly circular, with a prominent tooth tip on the outer rim. The tooth tip creates the illusion of a rotating vortex, while the hole in the center of the circle indicates the vortex's center, hence the name was once given to the vortex-shaped jade. There are also differences between the Yabi-shaped ornaments excavated in the middle reaches of the Yangtze River and the Rengsheng Village cemetery. First, one or two holes were drilled through the rim of the Yabi-shaped ornaments excavated from Tanjialing Cemetery, which was very

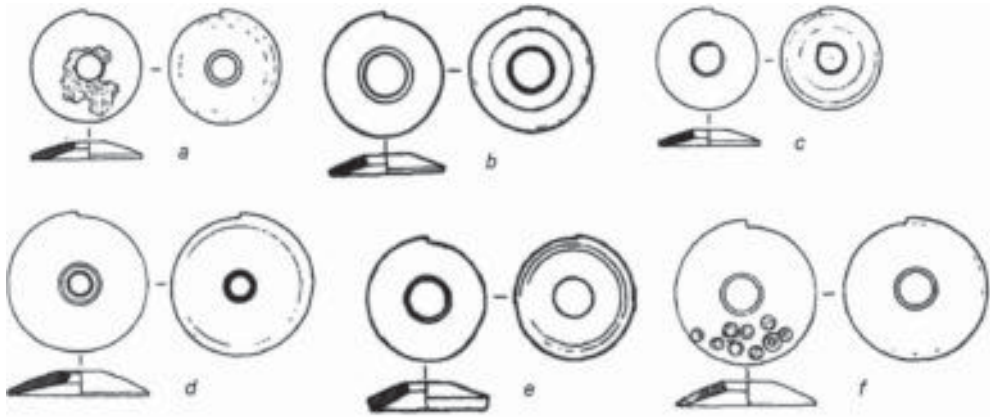

Fig. 2. Yabi-shaped ornaments excavated from Rengsheng Village Cemetery (after kaogu , 2004:2).

Fig. 3. Yabi-shaped ornaments excavated from Tanjialing Site (after shijiaheyizhen).

common in the Houshijiahe culture. The hole on the edge may have been used for tying the rope for hanging.

In contrast, Yabi-shaped ornaments from the Rinsheng Village cemetery have only one hole drilled in the center. Second, although the Yabi-shaped ornaments unearthed from both locations rotate in the same way, the direction of rotation is clockwise and counterclockwise, respectively, due to the varying diameters of the two sides. Thirdly, the difference in the size of the middle hole is pronounced; the data of the toothpick-shaped ware excavated from the Rengsheng village cemetery are not published in detail, only one (97GSDgM21:3) is published, and the hole diameter of the middle hole is 1.5~2.4 cm. From the line diagram (fig. 2), there were some differences between the size of the hole diameter of six pieces of Yabi-shaped ornaments and the ratio of hole diameter to diameter. The pipe drill still leaves some spiral line marks on the surface, which are much larger than the holes in the Tanjialing excavation.

The difference in the size of the central hole of the Yabi-shaped ornaments excavated from the two sites may suggest a change in the function or use of the objects. Still, there are other examples of similar jade with different hole sizes from different periods in the Neolithic period, so we cannot jump to conclusions. We believe that micro-trace studies can provide additional clues to this question.

In addition, the Yabi-shaped ornament numbered M21:5 (fig. 2, f) excavated from Rinsheng Village has nine honeycomb-shaped circular holes with diameters ranging from 0.6 to 1.2 cm drilled into its curved surface. The briefing said that the holes seem to have been burned by fire, which may be related to the act of divination. There is no comparable example of such a treatment in the Shijiahe culture, perhaps signaling a divergence in function and use.

Yabi-shaped ornaments were not a widely accepted type of jade during the Neolithic, only found in the Tanjialing urn burial at the Tianmen Shijiahe site and the Renshengcun cemetery at the Guanghan Sanxingdui site. The Tanjialing urn coffin belongs to the Houshijiahe culture in terms of age, 4200-4000 years ago, slightly earlier than or at the same time as the Rensheng village cemetery. The Rensheng Village Cemetery is the earliest site in the Chengdu Plain where jade artifacts appear. In the prehistory of Chengdu, the jade tradition that prevailed in the Central Plains was absent for a long time. There is reason to believe that it was under the influence of foreign cultures that jade of such a mature style emerged from the Chengdu plain. During the Late Neolithic, there were frequent interactions between the middle reaches of the Yangtze River and the Chengdu Plain. We trace the jade tradition of the Chengdu Plain back to the Houshijiahe culture, which seems to be the most plausible explanation that can be given. It is worth mentioning that only one of the eight Yabi-shaped ornaments excavated from the Rensheng village cemetery is made of nephrite, while the rest are made of materials that look very close to nephrite, such as serpentine and ivory.

Further, jade with the same mineral properties as the Yabi-shaped ornaments from Rensheng Village is also found in the Sanxingdui and Jinsha sites [Wang, 2022b]. We hope that in the future, we will be able to compare how Yabi-shaped ornaments are made so that we can find out if this kind of jade was made locally and learn more about how the early people of the Chengdu Plain knew about and used nephrite.

Conclusion

The previous scholars considered that the Erlitou culture may have influenced the jade excavated from the Renshengcun cemetery, which contradicts the understanding of the chronology of the Renshengcun cemetery. Archaeological studies have shown that the Shijiahe culture frequently interacted with the Chengdu Plain culture from 4500–4000 years ago. Based on this, we think that the Houshijiahe culture, which is near the middle of the Yangtze River, is more likely to have made the jade artifacts found in the Rensheng Village cemetery.

References

- Chen De'an.** Sanxingdui yizhi [Sanxingdui Site]. *Sichuan wenwu [Sichuan historical objects]*, 1991. P. 63–66. (In Chin.).
- Chen De'an, Lei Yu.** Sichuan guanghan sanxingdui yizhi renshengcun tukeng mu [Rensheng village cemetery of Sanxingdui site in Sichuan, Guanghan]. *Kaogu [Archaeology]*, 2004. P. 14–22. (In Chin.).

Chen De'an. Sanxingdui gucheng de zai ren shi [A new understanding of the ancient city of Sanxingdui], *Sanxingdui yanjiu di wu ji // Bashu shushe* [Sanxingdui Research // Bashu Publ.], 2018. N 5. P. 46–52. (In Chin.).

Falkenhausen Lothar von. Sanxingdui yizhi de xin renshi [New insights into the site of Sanxingdui], *Qiyi de tumu // Bashu shushe* [Spectacular curved eyes // Bashu Publ.], 2003. (In Chin.).

He Kunyu. Guan yu xinjin baodun yizhi juluoxing tai yan jiu de shou huo [The results of the ‘The research of the settlement of Baodun site in Xinjin’], *Sanxingdui yanjiu di wu ji // Bashu shushe* [Sanxingdui Research // Bashu Publ.], 2018. N 5. P. 68–77. (In Chin.).

Jiang Zhonghua, He Kunyu. Chengdu pingyuan shiqian juluo fenxi [Analysis of Prehistoric Settlements on Chengdu plain], *Sanxingdui yanjiu di wu ji // Bashu shushe* [Sanxingdui Research // Bashu Publ.], 2018. N 5. P. 21–34. (In Chin.).

Lei Yu. Yi nian cheng yi er nian cheng ju [In one year becomes a village, in two years becomes a town], *Sanxingdui yanjiu di wu ji // Bashu shushe* [Sanxingdui Research // Bashu Publ.]. 2018. N 5. P. 1–21. (In Chin.).

Nishie Kiyotaka. Guanyu chongjian sichuan gudaishi de jige wenti [On the problem of how long will it take to reconstruct ancient history of Sichuan] / *Fusang yu ruomu // Bashu shushe* [*Fusang yu ruomu (the book) // Bashu Publ.*], 2003. (In Chin.).

Sichuan wenwu guanliweiyuanhui, Sichuansheng bowuguan [Sichuan Relic Management Committee], [Sichuan Province Museum]. Guanghan sanxingdui yizhi [Sanxingdui site in Guanghan], *Kaogu xuebao* [*Archaeology Bulletin*], 1987. P.227–254. (In Chin.).

Song Zhimin. Sanxingdui yizhi renshengcun tukengmu de sikao [Debates on pit-tombs on Sanxingdui site in Rensheng village], *Sichuan wenwu* [*Cultural Heritage of Sichuan*], 2005. P. 40–43. (In Chin.).

Sun Hua. Shilun guaghan sanxingdui yizhi de fenqi [On the Periodization of Sanxingdui site in Guanghan], *Nanfang minzu kaogu // Sichuan keji chubanshe* [*Archaeology of Southern Ethnic Groups // Sichuan Science and Technology Publ.*], 1993. N 5. P. 10–24. (In Chin.).

Wan Jiao, Lei Yu. Guiyuanqiao yizhi yu chengdu pingyuan xinshiqi wenhua fazhan mailuo [The Guiyuanqiao site of Chengdu plain in context of Neolithic cultures development], *Wenwu* [*Culture*], 2013. P. 59–63. (In Chin.).

Wang Fang. Shixi gushu yuqi zhong de liangzhu yinsu [The analyses of impact of Liangzhu culture on jade items from Ancient Shu], *Chengdu kaogu yanjiu di er ji // Kexue chubanshe* [*The research of Chengdu archaeology // Science Publ.*], 2013. P. 155–167. (In Chin.).

Wang Fang. Cong shijia kan changjiang zhongyouyu wenhua dui gushu qingtong wenming yingxiang [The influence of Shijiahe, the jade culture of the middle stretches of Yangtze River, on the Bronze Civilization of Ancient Shu], *Jiangnan kaogu* [*Archaeology of Jiangnan*], 2022. (In Chin.).

Wang Fang. Gushu yu qiyu liao fenxi ji kuangyuan chandidiao cha qing kuang zong shu [The summary of analyses of jade materials of jade items from Ancient Shu and research on materials’ place of origin], *Sichuan wenwu* [*Culture of Sichuan*], 2022. P. 94–105. (In Chin.).

Xiao Xianjin, Wu Weixi. Sanxingdui yi zhirenshengcun tukengmu chutu yu shiqi chubu yanjiu [Preliminary study of jade and rock items from pit-tombs from Rensheng village of Sanxingdui site], *Sichuan wenwu* [*Culture of Sichuan*], 2010. P. 33–43. (In Chin.).

Xu Hong. Hehan yanshi erlitou yizhi zhong xinqu de kaogu xinfaxian [New archaeological discoveries in the central area of Erlitou site in Yanshi, Henan], *Kaogu* [*Archaeology*], 2005. P. 15–20. (In Chin.).

Xu Hong. Jiuge yu zhengjie sanxingdui wenhua shangxian de xueshu shi guan cha [The historical overview on issue and central point on the problem of Sanxingdui site upper chronological limit], *Sandai kaogu di jiu ji // Kexue chubanshe* [*Archaeology of the First Three Dynasties // Science Publ.*], 2021. N 9. P. 676–686. (In Chin.).

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.265-268
УДК 903.052

Liu Xiang

*School of Cultural Heritage, Northwest University
Xi'an, China
E-mail: liuxiangscofy@sina.com*

The Invention of Core-Casting Technology in the Eurasian Steppe

In the late third millennium BC, the socketed objects made by core-casting technology started to come out in West Siberia. The socketed objects represented by bronze spears, celts and socketed arrowheads quickly swept the entire Eurasian steppe, becoming the most popular objects across the Eurasian steppe during the middle and late Bronze Age.

Keywords: Seima-Turbino, spearhead, core-casting technology.

Лю Сян

*Северо-Западный университет
Сиань, Китай
E-mail: liuxiangscofy@sina.com*

Изобретение технологии литья со стержнем в Евразийской степи

В конце третьего тысячелетия до н. э. втульчатые предметы, изготовленные при помощи технологии литья со стержнем, начали появляться в Западной Сибири. Втульчатые объекты, которые представлены бронзовыми копьями, кельтами и втульчатыми наконечниками стрел, быстро распространились по всей Евразийской степи. Тем самым они стали самыми популярными предметами на территории Евразийской степи в период среднего и позднего бронзового века.

Ключевые слова: сейминско-турбинская культура, наконечники копья, технология литья со стержнем.

The origin and spread of Core-casting technology

In the late third millennium B.C., Seima-Turbino remains started to rise in the middle reaches of the Irtysh River. This culture was famous for the developed metal casting process and highly recognizable metal weapons and tools, the most representative of which was socketed objects such as spearheads and socketed celts.

A large number of cast bronze spearheads, celts and stone moulds have been unearthed from Seima-Turbino sites represented by the Seima Cemetery, Turbino Cemetery and Rostovka Cemetery, etc. This is the first time that such a large number of socketed objects have been discovered on the Eurasian steppe. Thus, many scholars have attributed the source of socketed object casting technology to Seima-Turbino remains.

Some researches mentioned, that during the Seima-Turbino Period, the bronze casting technology saw innovative progress, especially the invention of the core-casting technology, which made socketed objects become one of the most important object types across the entire Eurasian steppe [Chernykh, 2009]. However, previous discussions among scholars on the Seima-Turbino socketed object casting technology have been limited to conjectures and assumptions and failed to truly reveal the key to the casting of socketed objects, i.e. how to arrange the outer mould and the core.

By reviewing and studying the socketed objects, stone moulds and inner cores unearthed from the Eurasian steppe [Matyushchenko, 1973], this paper explores the origin and spread of core-casting technology on the Eurasian steppe and also its influence on the metal casting technology of China during the Bronze Age.

Both forged and cast bronze spearheads have been unearthed from the Seima-Turbino type sites. Chernykh has sorted this batch of bronze spearheads and divided them into ten types by the casting method and shape of the bronze spearhead [Chernykh, Kuz'minykh, 1989]. In order to study the casting technology of bronze spearheads, their types were merged and divided into three types.

Type-A, forged, with metal sheet forged around to form socketed part. The forged spearheads discovered at the Seima-Turbino sites are all made of arsenic copper, with small opposite holes under each socketed part.

Type-B spearheads, cast, forked spearheads of typical Seima-Turbino style. Whether there are opposite holes under the socketed part of each spearhead is closely related to the casting process. Regardless of spearheads unearthed from the Seima-Turbino cemeteries on the west or the east of the Ural Mountains, they are all made of bronze.

Type-C, cast, with diamond-shaped or circular cross sections of the blade ridges. Similar to type-A forged spearheads, these spearheads should be products made by imitating the shapes of the forged spearheads. Except for spearheads unearthed from the Rostovka Cemetery, which are made of bronze, the spearheads unearthed from other sites are all made of arsenic copper.

According to the published C-14 data, the chronology for type-B and type-C spearheads (or casting mould) unearthing sites of Rostovka Cemetery, Sopka-4 Cemetery and Preobrazhenka-6 Cemetery, located on the east of the Ural Mountains, was distributed from 2,336 - 1,919 B.C. and that for type-C spearheads unearthing sites of ShaitanskoyeOzero II Site and the Ust-Vetluga Cemetery were concentrated from 2,026 - 1,614 B.C.[Molodin, 2016].

By making thorough observation of the Seima-Turbino spearheads, the author finds that whether there are small opposite holes under the socketed part of each spearhead is probably related to the casting method. According to the details of the casting moulds and spearheads unearthed, the core setting methods can be divided into two types. The first method is to clamp the inner core with a mud core support in the outer

mould groove to fix the inner core and prevent the core from being displaced in the outer mould. There are small opposite holes under the socketed part of the spearhead cast by using this core setting method. The second method is to insert an inner core, which is thick in the upper part and thin in the lower part, into the outer mould, with the structure of the inner core similar to that of a mushroom.

Spearheads of type-A: Although there are small opposite holes under the socketed parts, forged spearheads do not fall within the scope of this discussion.

Spearheads of type-B: All spearheads of this type unearthed from Rostovka Cemetery, Seima Cemetery and Reshnoe Cemetery have small opposite holes under the socketed parts but there are no such holes under the socketed parts of Turbino Cemetery. It is worth noticing that the small holes under the socketed parts of the two spearheads discovered in the Turbino Cemetery were sawed rather than formed during casting [Chernykh, Kuz'minykh, 1989].

Spearheads of type-C: Only three spearheads unearthed from the Rostovka Cemetery and the spearhead with a "reinforced bar" from the Shaitanskoye Ozero II Site have small opposite holes under the socketed parts. And these four spearheads are all made of bronze. Spearheads of this type unearthed from Turbino Cemetery, Seima Cemetery, Ust-Vetluga Cemetery and Reshnoe Cemetery do not have opposite holes under the socketed parts. Moreover, one spearhead without small opposite holes was discovered from the Shaitanskoye Ozero II Site. All spearheads without opposite holes are made of arsenic copper.

It can be seen according to our restoration of spearhead and core setting methods.

Overall, spearheads unearthed from the east region of the Ural Mountains adopt the first core setting method and spearheads unearthed from the Ural Mountains and its west region adopt both two core setting methods. The selection of the core setting method is closely related to the alloy composition. Specifically, spearheads that adopt the first core setting method are all made of bronze and those that adopt the second method are mostly made of arsenic copper.

Seima-Turbino related remains in China

The casting process for 16 Seima-Turbino style barbed spearheads discovered in China has been published [Liu Xiang, 2017]. None of the 16 spearheads have opposite holes under the socketed parts. It can be seen that these spearheads adopt the second core setting method. Among them, the Seima-Turbino spearheads collected by Shanxi Museum of Arts and Crafts and Cultural Relics Management Office in Liaoning Chaoyang are quite similar to the spearheads of type-B mentioned above and also adopt the second core setting method. Similar spearheads were only unearthed from Turbino Cemetery.

Although no spearhead cast by using the first core setting method have been found in China, however stone moulds for casting spearhead that use the first core setting method have been discovered.

Shaped like a rectangular, the stone mould is 22.5 cm long, 10 cm wide and 5cm thick [Lin, 2014]. The spearhead made by this mould is shaped like a willow leaf and

is classified as the type-C in the classification above. The mouth of the socketed part is raised in a circle and there are two holes on one side of the stone mould for positioning and preventing the mould's displacement.

There are a pair of symmetrical grooves on both left and right sides of the spearhead's socketed part. These grooves are used to fix the inner core, which is similar to the first core setting method described above. There is also a mud core support on the inner core for fixing the inner core on the outer mould. By using this core setting method, the socketed part of spearhead will have small opposite holes.

The invention of the core-casting technology by the Seima-Turbino people made socketed objects, which were the most popular objects in the middle and late Bronze Age of the Eurasian steppe. Based on the study of spearheads and casting moulds unearthed from the Seima-Turbino cemeteries, the core setting methods could be divided into two types. The first type is to clamp the inner core with a symmetrical mud support in the outer mould groove. The socketed part of the spearhead cast by using this core setting method has small opposite holes. The second method is to directly insert a core, which is thick in the upper part and thin in the lower part, into the outer mould. The socketed part of the spearhead cast by using this core setting method has no small opposite holes.

All the 16 Seima-Turbino barbed spearheads discovered in China were cast by using the second core setting method; however, a stone mould for casting spearhead that was made by using the first core setting method was discovered in Xinjiang. The spearhead cast by this stone mould is similar to that unearthed from the Shaitanskoye Ozero II site, which dates from the 20th to the 18th centuries BC.

References

- Chernykh E.N.** Ancient metallurgy in the Eurasian steppes and China: problems of interactions, *Metallurgy and Civilization*, London: Archetype Publ., 2009.
- Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V.** Drevnyaya metallurgiya Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen), Nauka, 1989. (In Russ.).
- Kuzmina E.E.** Historical Perspective on the Andronovo and Early Metal Use in Eastern Asia, *Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River*, Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2004.
- Lin MC.** *The Tianshan Corridor on the Silk Road: Ancient Ruins and Collections of Cultural Relics in Changji, Xinjiang*, Cultural Relics Publishing House, 2014.
- Liu Xiang.** Casting Technology of Saima-Turbino Barbed Spearheads Discovered in China, *Silk and Porcelain Road*, VI, Commercial Press, 2017.
- Molodin V. I.** Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi (Tom 4), Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. (In Russ.).
- Solov'ev B.S.** Yurinskii (Ust'-Vetluzhskii) mogil'nik (itogi raskopok 2001–2004 gg.), In *Rossiiskaya Arkheologiya*, 2005. N 4. (In Russ.).

Лю Сян. <https://orcid.org/0000-0002-9541-0541>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.269-273
УДК 902

A.I. Seliutina¹✉, Hyeonggil Jang²

¹*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia*

²*Chungbuk Research Institute of Cultural Heritage
Daejeon, Republic of Korea
E-mail: selyutina.anna12@gmail.com*

The Evidence and Characteristics of Korean Peninsula Initial Upper Paleolithic and its Connections with Altai Region

This article presents the results of a study of the initial stage of the Upper Paleolithic of North and Northeast Asia on the materials of Denisova Cave, Kara-Bom, Ust-Karakol and Suyanggaе Loc. 6 sites. The Upper Paleolithic deposits of these sites accumulated during MIS 3 and MIS 2. Two lithic traditions of Altai Mountains belong to the beginning of the Upper Paleolithic: Kara-Bom and Ust-Karakol cultures. Lithic materials of these traditions correlate with the Upper Paleolithic tools of 1st–4th cultural layers of Suyanggaе Loc. 6 site. This site is located in Danyang, South Korea. Researches of recent years reveal the connections of Suyanggaе industry and Altai Upper Paleolithic traditions. This allows drawing parallels with the Upper Paleolithic industry of the Denisova Cave, since some of the relics from the East and South Chambers are attributed to the IUP period. Coexistence of these two types in the Altai region, however, does not deny the fact that they appear at different levels in the site of Suyanggaе Loc.6. Difficulty of applying the traditional IUP concept for Northeast Asia, which simply implies both chronological and cultural characteristics, is obvious. In order to explain this period from an Asian perspective, it is necessary to divide cultures into three regions: 1) traditional IUP region; 2) IUP convergence region, and 3) conservative. Before the discovery of Suyanggaе Loc.6 Korean Peninsula was evaluated as a conservative area where early blade-tool culture did not appear, but now this attribution has been revised.

Keywords: *Korean Peninsula, Suyanggaе Loc. 6, Initial Upper Paleolithic, Altai region, Kara-Bom tradition, Ust-Karakol tradition, Denisova Cave, Three IUP Variants Model.*

А.И. Селютина¹✉, Чан Хёнгиль²

¹ *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

² *Исследовательский институт культурного наследия Чхунбук
Тэджон, Республика Корея
E-mail: selyutina.anna12@gmail.com*

Доказательства и характеристики начального верхнего палеолита Корейского полуострова и его связи с Алтаем

Данная статья представляет результаты исследования начальной стадии верхнего палеолита Северной и Северо-Восточной Азии по материалам стоянок Денисова пещера, Кара-Бом, Усть-Каракол и Суянгэ-6. Верхнепалеолитические отложения в этих памятниках накапливались в течение МИС 3 и МИС 2. К началу верхнего палеолита относятся две каменные традиции Горного Алтая: кара-бомская и усть-каракольская культуры. Каменные материалы этих традиций коррелируют с верхнепалеолитическими орудиями из 1–4 культурных слоев стоянки Суянгэ-6. Эта стоянка расположена в Тяньане, Южная Корея. В исследованиях последних лет показана связь индустрии Суянгэ и традиций верхнего палеолита Алтая. Это позволяет провести параллель с верхнепалеолитической индустрией Денисовой пещеры, так как часть находок из Восточной и Южной камер относятся к периоду начального верхнего палеолита. Существование этих двух типов на Алтае, однако, не отрицает того факта, что они появляются на разных уровнях на стоянке Суянгэ-6. Очевидна трудность применения традиционной концепции начального верхнего палеолита для Северо-Восточной Азии, которая подразумевает как хронологические, так и культурные характеристики. Чтобы объяснить этот период с азиатской точки зрения, необходимо разделить культуры на три региона: 1) традиционный начальный верхнепалеолитический регион; 2) начальный верхнепалеолитический регион со сходствами и 3) традиционный. До открытия Суянгэ-6 Корейский полуостров оценивался как традиционная область, где ранняя культура лезвийных орудий не проявлялась, но теперь эта атрибуция была пересмотрена.

Ключевые слова: *Корейский полуостров, Суянгэ-6, начальный верхний палеолит Алтая, кара-бомская традиция, усть-каракольская традиция, Денисова пещера, модель трех вариантов начального верхнего палеолита.*

The question about existence of the Initial Upper Paleolithic in Northeast Asia, namely, on the Korean Peninsula, has always been debatable. Since the Initial Upper Paleolithic makes a transitional stage between the middle and the late one, the problem of identifying the Middle Paleolithic in Korea has also contributed to controversy. According to recent studies, however, Levallois technology is proven to have existed on the Korean Peninsula, making the results of identification of the Initial Upper Paleolithic culture there adequate.

The Upper Paleolithic on the Korean peninsula can be divided into early period of the Upper Paleolithic and later period of the Upper Paleolithic based on the appearance of blades and microblades. It is also known as the period around 25ka. Suyanggae Loc. 6 is one of the Korean sites showing a typical blade tool industry of the Initial Upper Paleolithic. Located in Danyang, Chungcheong province 4 layers of it were verified to be formed during MIS 3 (cultural layers 3,4) – MIS 2 (cultural layers 1,2) in the Upper Paleolithic. Each Paleolithic cultural layer, based on the aspect and absolute dates of the Stone Age group, shows a unique cultural image that can comprehensively view the technological system of the modern human stoneblade culture from the beginning of IUP (45–40 ka) and to the microblade stone industry. In Suyanggae Loc. 6, there are 4 cultural layers which include periods from the early stage of the Upper Paleolithic to the later period of the Upper Paleolithic. These layers were corresponded to 46~17ka.

Through these data it is possible to identify the aspect of change in the stone tool-making technique [Kim. et al., 2021].

According to the analysis of lithic complex in the 4th cultural layer, we can say that it was a workshop for acquiring blades and making tanged points. Three main attributes within this technological system are: 1) bifacial flaking system seen in a discoidal core with vestiges of Levallois technology, 2) emergence of the sub-wedge shaped core-making technique [Lee H.J., 2004], 3) change in the technological system, namely the size of the blade core and blade, is the indicator for the early stage of the Upper Paleolithic period [Lee H.J., 2020]. The absolute dating and this aspect of the lithic complex of 4th cultural layer show some features of the technological system of the IUP which is based on the early blade technology and which retains some characteristics of Levallois technique. Suyanggae's variant of lithic industry shows similar characteristics to the Kara-Bom variant which belongs to Altai Upper Paleolithic industries [Derevianko, 2005]. Two transitional industrial traditions from the Middle to the Upper Paleolithic are Kara-Bom and Ust-Karakol cultures, well-traced at the sites of the early stage of the Upper Paleolithic. On the basis of the Ust-Karakol in the Middle and Upper Paleolithic of Siberia, Mongolia, China, Korea, Japan, there were formed many cultures with end cores and wedge-shaped cores and microblades. Research in Altai revealed origins of this technical tradition in lithic processing, which, in various versions, was widely distributed in East and North Asia. Processing technology of stone raw materials within the framework of the Kara-Bom tradition was characterized by a combination of planar and volumetric parallel splitting in the context of obtaining blades, with subordinate value of Levallois splitting [Slavinsky, Rybin, Belousova, 2016]. The industries of the Kara-Bom tradition were characterized by a combination of Upper Paleolithic (scrapers, incisors, chisels, truncated chips, leaf-shaped bifaces) and Middle Paleolithic tool types (Levallois points, side-scrapers). It was assumed that traditions of Altai Mountains could serve as a source for the formation of a group cultural signs for the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia, Mongolia and Northeast Asia. Existence of two Altai lithic culture systems that appeared in the early stages of the Late Paleolithic in the Suyanggae Loc. 6 site has been confirmed. The 4th cultural layer of this site is a Kara-Bom type that produces large stone blades, and the 3rd cultural layer is the Ust-Karakol type that focuses on small and medium-sized stone blades. The Ust-Karakol cultural tradition was characterized by a combination of the following technological features: Levallois and radial splitting, technology for the production of blades with prismatic cores, microblades from cone-shaped and end cores, including wedge-shaped using the pressing technique.

Denisova Cave is a reference archeological site of the Middle and Upper Paleolithic in Altai region. The Upper Paleolithic industry of Denisova Cave is rich enough, some of the relics from the East and South Chambers are attributed to the IUP period. According to the absolute dates of the Pleistocene layers in the entryway zone of the South Chamber, layer 12 was formed in the second half of MIS 4, and layer 11 accumulated in the first half of MIS 3. The sediments of layer 9 are presumably associated with MIS 2 [Shunkov, Kozlikin, 2021]. Cultural and chronological analogues of the industry

of the Early Upper Paleolithic from the South Chamber are archaeological materials from layer 11 in the central hall, layer 11.1 in the eastern gallery, layers 8 and 7 on the entrance site of Denisova Cave. In Altai, similar lithic complexes were studied at the sites such as Ust-Karakol (layers 11–8), Anui-4 (layers 12 and 11) and others. These materials are associated with those identified in the Early Upper Paleolithic of Altai by the Ust-Karakol industrial variant. Therefore, we can draw parallels between layers 9 and 11 of the South Chamber of Denisova Cave with layers 1–4 of the Suyanggae Loc.6 site. Also, the features of the Ust-Karakol industrial tradition can be found both in the Upper Paleolithic layers of the Denisova Cave and the 3rd cultural layer of Suyanggae loc.6 site. However, while these two types coexist at a similar time in the Altai region, they appear at different levels in the site of Suyanggae Loc. 6. To be more precise, it can be shown as the last stage of the IUP, with some remains of technology, rather than a typical pattern of the IUP.

Technological system of the artifacts of the 3rd cultural layer reflects the characteristics of the Early Upper Paleolithic of Korean peninsula. According to the analysis of lithic complex in this layer, it is possible that it was a workshop for acquiring blades and making tanged points similar to the 4th cultural layer. The main characteristics of the stone tool technological system include the expansion of the medium and small blades, the emergence of the primitive microblade technological system [Lee S. W., 2020], continuity of using sub-wedge-shaped core for blades, and the vertical flaking for blades and its practical use for making tanged points. In particular, the biggest change in the blade technological system of the 3–4 cultural layers is the change in the size of the blade and the change in the complex technological system, including the selection of materials. This pattern is the result of complex modification of the increasing need for artifacts using in small and medium-sized blades of the change of economic activity of Suyanggae region. According to the recent research, it is difficult to apply the traditional concept of Initial Upper Paleolithic to Asian variants, which simply incorporated both chronology and cultural characteristics [Derevianko, 2010; Kuhn S., 2019]. Thus, in order to explain this period in Asian continent comprehensively, it is easy to understand the chronology of IUP using such a term as ‘Three IUP Variants Model’: 1) Variant I: Traditional IUP region, 2) Variant II: IUP hybridization region, 3) Variant III: Conservative region. This model is capable of setting the various cultural features of the IUP broadly, from the Middle-Upper Paleolithic transition to the Upper Paleolithic. In addition, it will be helpful for systematical understanding of the emergence of modern humans, the diversity of stone tool production systems and the convergence of regional industries [Lee H.J., 2018].

Before the excavation of the 3rd and 4th cultural layers of the Suyanggae Loc. 6, Korean peninsula was also estimated as a conservative area where the early stage of the blade tool industry did not appear, but now it is considered to be a region that has a unique stone tool making technology of Upper Paleolithic in East Asia, where the blade tool industry coexists with the pebble tool tradition [Lee H.J., 2015a; 2015b].

References

Derevianko A.P. Formation of Blade Industries in Eastern Asia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2005. Vol. 24. P. 2–29. (In Russ.).

Derevianko A.P. Three scenarios for the Middle to Upper Paleolithic transition. Scenario 1: the Middle to Upper Paleolithic transition in northern Asia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2010. Vol. 38. P. 2–38. (In Russ.).

Kim K. J., Kim J. Y., Kim K. W., Lee S. W., Woo J. Y., Lee Y. J., Jull T. Radiocarbon Ages of Suyanggae Paleolithic Sites in Danyang, Korea. *Radiocarbon*, 2021. Vol. 63. P. 1429–1444.

Kuhn S. Initial Upper Paleolithic: a (near) global problem and a global opportunity. *Archaeological Research in the Asia*, 2019. Vol. 17. P. 2–8.

Lee H.J. A Study of Technological Context Between Sub-wedge Shaped Core and Blade Tool Culture of Upper Paleolithic in Korea. *KomunHwa*, 2004. Vol. 63. P. 65–82. (In Kor.).

Lee H.J. Study of Character of Coexistence Model and Cultural Complexity system of Upper Paleolithic in Korea. *Journal of Korean Paleolithic Society*, 2015b. Vol. 32. P. 36–69. (In Kor.).

Lee H.J. The Study on Cultural Dynamics of Appearance and Dispersal of Modern Human of Initial Upper Paleolithic in Northeast Asia, *Journal of Korean Paleolithic Society*, 2018. Vol. 38. P. 21–41.

Lee H.J., Woo J.Y., Lee Y.J. A Study of Blade Technological System of Initial Upper Paleolithic in 4th Cultural Layer of Suyanggae Loc. VI. *Journal of Museum Studies*, 2020. Vol. 39. P. 83–112. (In Kor.).

Lee H.J. Study of origin and distribution of blade and microblade industry in Korea. *Journal of Korean Paleolithic Society*, 2015a. Vol. 31. P. 84–115. (In Kor.).

Lee S.W. Emergence of Microblade Culture in Suyanggae paleolithic site. *Journal of Museum Studies*, 2020. Vol. 39. P. 113–131. (In Kor.).

Shunkov M. V., Kozlikin M. B. Early Upper Paleolithic Stone Industry from the South Chamber of Denisova Cave: New Evidence. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2021. Vol. 38. P. 15–23. (In Russ.).

Slavinsky V.S., Rybin E.P., Belousova N.E. Variation in Middle and Upper Paleolithic techniques of lithic reduction at Kara-Bom, the Altai Mountains: Refitting studies. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016. Vol. 44. N 1. P. 39–50. (In Russ.).

Seliutina A.I. <https://orcid.org/0000-0002-6356-3287>

Jang H.G. <https://orcid.org/0000-0001-6763-7899>

doi: 10.17746/7803-0330-5.2022.274-286
УДК 902/904

Wang Yinchen

Northwest University
Xi'an, China

E-mail: nwuwangyinchen@outlook.com

The Remains of Afanasievo Culture Found in Northwest China: A Review

Afanasievo culture (3100–2500 BC) is the first archaeological culture of the Iron age in southern Siberia, which has an important influence on the origin and development of pastoralism in eastern Eurasian steppes. It is noteworthy that some remains of the Afanasievo culture have been found in Xinjiang and western Inner Mongolia. This paper reviews these remains, pointing out that Afanasievo culture mainly spread out along two mountain corridors, the western one was the Altai–Tarbagatai–West Tianshan corridor, and the eastern one was the Altai–Khangai.

Keywords: Eurasian Steppe, South Siberia, northwestern China, Xinjiang, Inner Mongolia, Early Pastoralism.

Ван Иньчэн

Северо-западный университет
Сиань, Китай

E-mail: nwuwangyinchen@outlook.com

Следы афанасьевской культуры, найденные на северо-западе Китая: обзор

В Южной Сибири Афанасьевская культура (3100 – 2500 гг. до н. э.) – первая культура железного века, которая оказала важное влияние на происхождение и развитие скотоводства в степях на востоке Евразии. Важно отметить, что следы афанасьевской культуры были найдены в Синьцзяне и на западе Внутренней Монголии. В данной статье рассматриваются эти следы, отмечается, что афанасьевская культура в основном распространена вдоль двух горных хребтов – Алтай–Тарбагатай–Западный Тяньшань на западе, Алтай–Хангай на востоке.

Ключевые слова: евразийские степи, Южная Сибирь, северо-западный Китай, Синьцзян, Внутренняя Монголия, раннее скотоводство.

The remains of Afanasievo Culture (3100–2500 BC) are mainly distributed in northwestern Altai and Minusinsk basin in Russia. Its cultural characteristics are mainly reflected in tumuli with round stone enclosures, human bone lying supine with flexed limbs, egg-shaped pottery with sharp or round bottom, and cedar needle-shaped patterns. There is a strong connection between Afanasievo people and Pit-Graves people in Volga-Ural, which is reflected in the characteristic of physical anthropology [Debets, 1948], genetic information [Allentoft, Sikora, Sjogren, 2015; Mathieson, Lazaridis, Rohland, 2015] and burial custom [Morgunova, 2014]. They might be the first people who herded the domesticated sheep in the eastern Eurasian steppe [Hermes Taylor, Tishkin, Kosintsev, 2020].

Except for Russia, some relevant remains have been found in Uzbekistan, Mongolia and China, roughly distributed in two lines (fig. 1). This paper has reviewed these remains, and preliminarily discussed cultural characteristics and the diffusion process of Afanasievo culture.

Relevant Remains Found in the West

There were seven relevant graves and one round stone enclosure found in the southern Altai, Tarbagatai mountain, Ili valley and Upper Zeravshan river basin (tabl. 1). A.A. Kovalev has written two papers to discuss the characteristics of relevant potteries, such as egg-shaped pots and burners [Kovalev, 2017; 2019].

On the southern Altai steppe, graves 21–22 of Ayituohan I can be recognized as the remains of Afanasievo culture, which were reflected in the round stone enclosure, human bone lying supine with flexed limbs, their heads to the west (fig. 2, 1), and similar funerary objects (egg-shaped pottery and burner, (fig. 3, 13)). However, stone slab coffins found in graves 21–22 of Ayituohan I (fig. 2, 2) could not be regarded as the cultural characteristic of Afanasievo culture because coffins were rare in Afanasievo's graves in the Russian Altai and Minusinsk basin. On the contrary, similar stone slab coffins were often found in the graves of Okunev Culture, Chemurchek Culture and Karakol Culture, which were the three main archaeological cultures in Sayan-Altai after Afanasievo culture. Human bones from Ayituohan I grave 22 can be dated from 2600 BC to 2500 BC (tabl. 2, fig. 4). In this period, Afanasievo culture was replaced by Okunev Culture in the Minusinsk basin [Polyakov, 2022], and Chemurchek Culture was raised in southeast Altai. In this background of cultural history, we assume that graves 21–22 of Ayituohan I could belong to Afanasievo people who went south to Altai. The new stone slab coffins might be important evidence to reflect the fact of cultural communication between different people in the Trans-Altai region.

In the Tarbagatai mountain and Ili valley, the cultural characteristics of the relevant remains are roughly similar to Afanasievo cultures, such as round kurgan, human bone lying supine with flexed limbs, and their heads to the west. But it's worth noting that the catacomb's construction was also found in these related graves. In addition, grave 15 in Songshugou cemetery was only found round kurgan that was built with ordinary sand and loess (fig. 2, 3), not the round stone enclosure. Besides, one pottery unearthed

Table 1. Relevant Remains Found in the West

Region	Site/ Cemetery	Monuments	Artefacts	Reference
Habahe county, Xinjiang, China	Ayituohan I Cemetery	Grave 21: round stone enclosure, 3 pits(A, B and C), stone slab coffins, human bone lying supine with flexed limbs, head to the west.	Pit A: egg-shaped pottery	Hu Xingjun, Zhang Jie, Hou Zhijun, 2017.
		Grave 22: round stone enclosure, late grave intrude into its pit, 2 human bones were buried in two layers, both were lying supine with flexed limbs, heads to the west.	egg-shaped pottery and burner	
Hoboksar County, Xinjiang, China	Songshugou Cemetery	Grave 15: round kurgan, human bone lying supine with flexed limbs, head to the west.	egg-shaped pottery, microlith	Alifujiang Niyazi, Ning Xing, 2018.
		Grave 16: round stone enclosure, catacomb, human bone lying supine with flexed limbs, head to the west.	egg-shaped pottery	
Tacheng City, Xinjiang, China	Abudula Reservoir Cemetery	No relevant burial was found	pottery fragments decorated with needle-shaped patterns	Hu Xingjun, Alifu, 2016.
Emin County, Xinjiang, China	Huoerjite Cemetery	Grave 9: round kurgan, human bone lying supine with flexed limbs.	flat bottom pottery	Wang Yongqiang, Hou Zhijun, Yan Xuemei, et al., 2018.
Yumin County, Xinjiang, China	Aletengyemule Reservoir Cemetery	Grave 74: round stone enclosure, human bone lying supine with flexed limbs, head to the west.	egg-shaped pottery	Hu Xingjun, Ai Tao, 2012.
Nilka County, Xinjiang, China	G218 III Grave 5	Pit A: pit-grave, human bone lying supine with flexed limbs, head to the west.	Flat bottom pottery	Telbayier, Liu Hanxing, Cao Yu, et al., 2020.
		Pit B: catacomb, human bone lying supine with flexed limbs, head to the west.	egg-shaped pottery with sharp bottom,	
		Pit C: catacomb, 2 human bones lying supine with flexed limbs, heads to the east.	stone tool	
Samarqand, Uzbekistan	Zhukov site	round stone enclosure, a 0.47-meter high stela was standing central.	spherical pottery, egg-shaped pottery and burner	Avanesova., 2012.

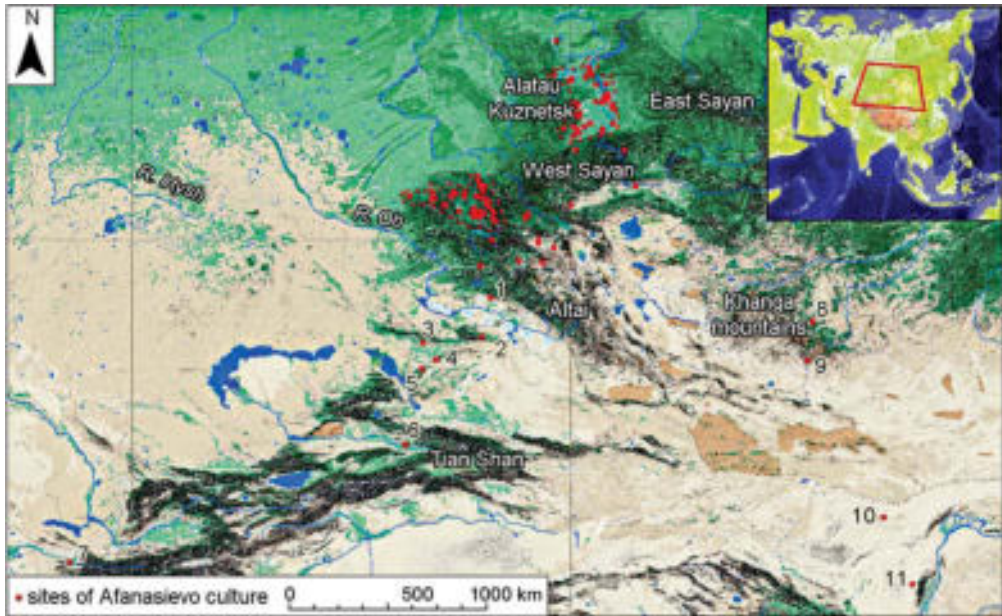

Fig. 1. Major Archaeological Sites Mentioned in the Text.

1 – Ayituohan I Cemetery (阿依托汗一号墓群); 2 – Songshugou Cemetery (松树沟墓地); 3 – Abudula Reservoir Cemetery (阿布都拉水库墓地); 4 – Huoerjite Cemetery (霍吉尔特墓地); 5 – Aletengyemule Reservoir Cemetery (阿勒腾也木勒水库墓地); 6 – G218 III (墩那高速III标段); 7 – Zhukov site (святилище Жуков); 8 – Altan sandal uul (Алтан сандал уул); 9 – Shatar chuluu (Шатар чулуу); 10 – Suhongtu Site (苏红图遗址); 11 – Toudaoshazi Site (头道沙子遗址).

Table 2. ^{14}C Dates of the Relevant Remains Found in the West (human bone samples, AMS)

Sample	Monuments		Lab number	^{14}C age (BP)	Reference
AYTHI_M22	Ayituohan I Cemetery		BA141956	4060±25	Hu Xingjun, Zhang Jie, Hou Zhijun, 2017.
SSGSD_M15	Songshu-gou Cemetery	Grave 15	Beta-473968	4370±30	Alifujiang Niyazi, Ning Xing, 2018.
SSGSD_M16		Grave 16	Beta-473968	4100±30	
ALTEML_M74	Aletengyemule Reservoir Cemetery Grave 74		BA120452	3940±40	Hu Xingjun, Ai Tao, 2012.
HJRT_M9	Huoerjite Cemetery Grave 9			4250±30	Wang Yongqiang, Hou Zhijun, Yan Xuemei, et al., 2018.
G218III_M5_A	G218 III Grave 5	Pit A		4280±30	Telbayier, Liu Hanxing, Cao Yu, et al., 2020.
G218III_M5_B		Pit B		4230±30	
G218III_M5_C_S		Pit C, southern human bone		4270±30	
G218III_M5_C_N		Pit C, northern human bone		4240±30	

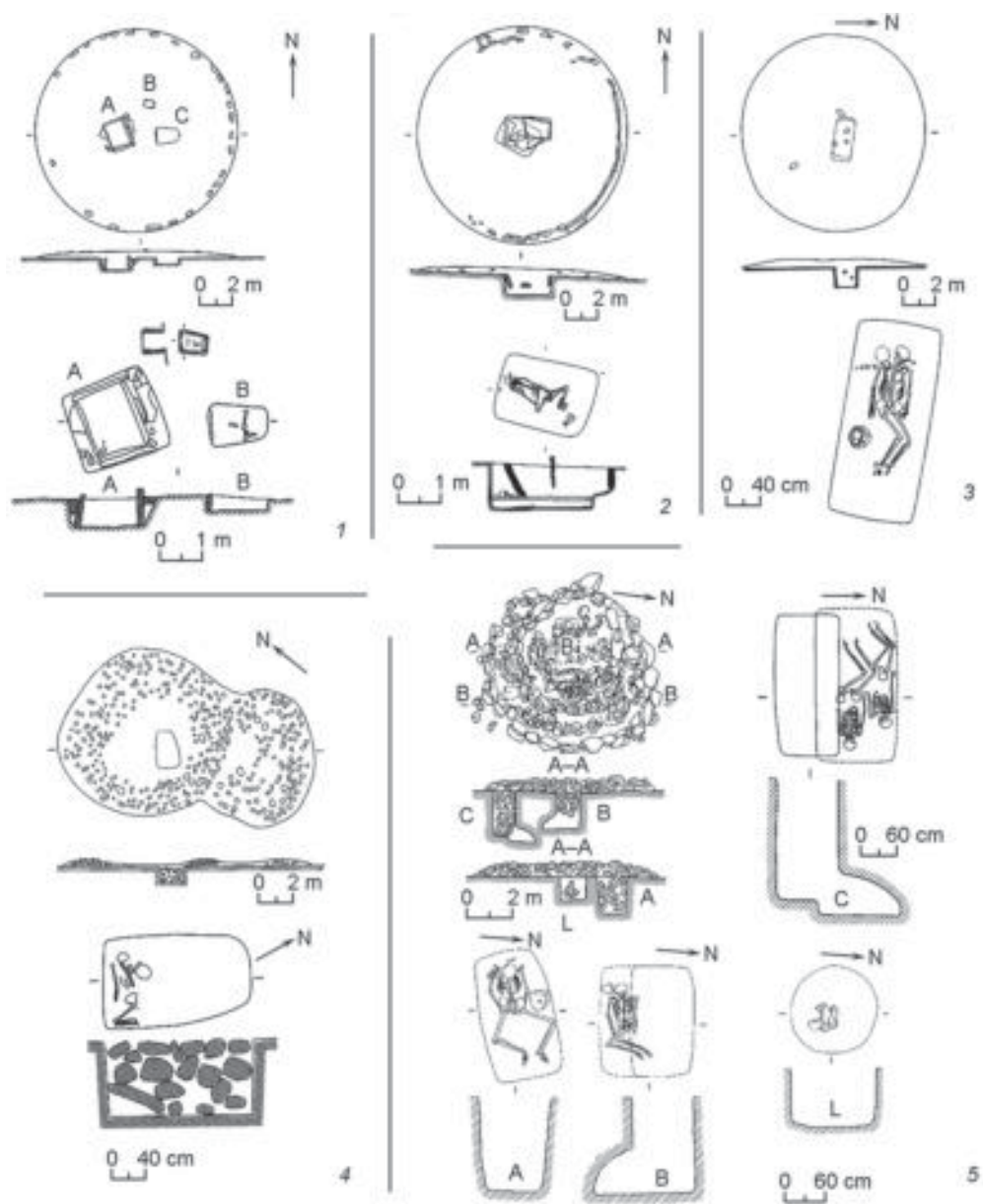

Fig. 2. Relevant Remains Found in the West.

1 – Aytuoan I grave 21; 2 – grave 22; 3 – Songshugou grave 15; 4 – Aletengyemule Reservoir grave 74; 5 – G218 III grave 5; [1: Hu Xingjun, Zhang Jie, Hou Zhijun, 2017: fig.47,48,52,53; 3: Alifujiang Niyazi, Ning Xing, 2018: fig.14; 4: Hu Xingjun, Ai Tao, 2012: fig. 21–22; 5: Telbayier, Liu Hanxing, Cao Yu, et al., 2020: fig.2.].

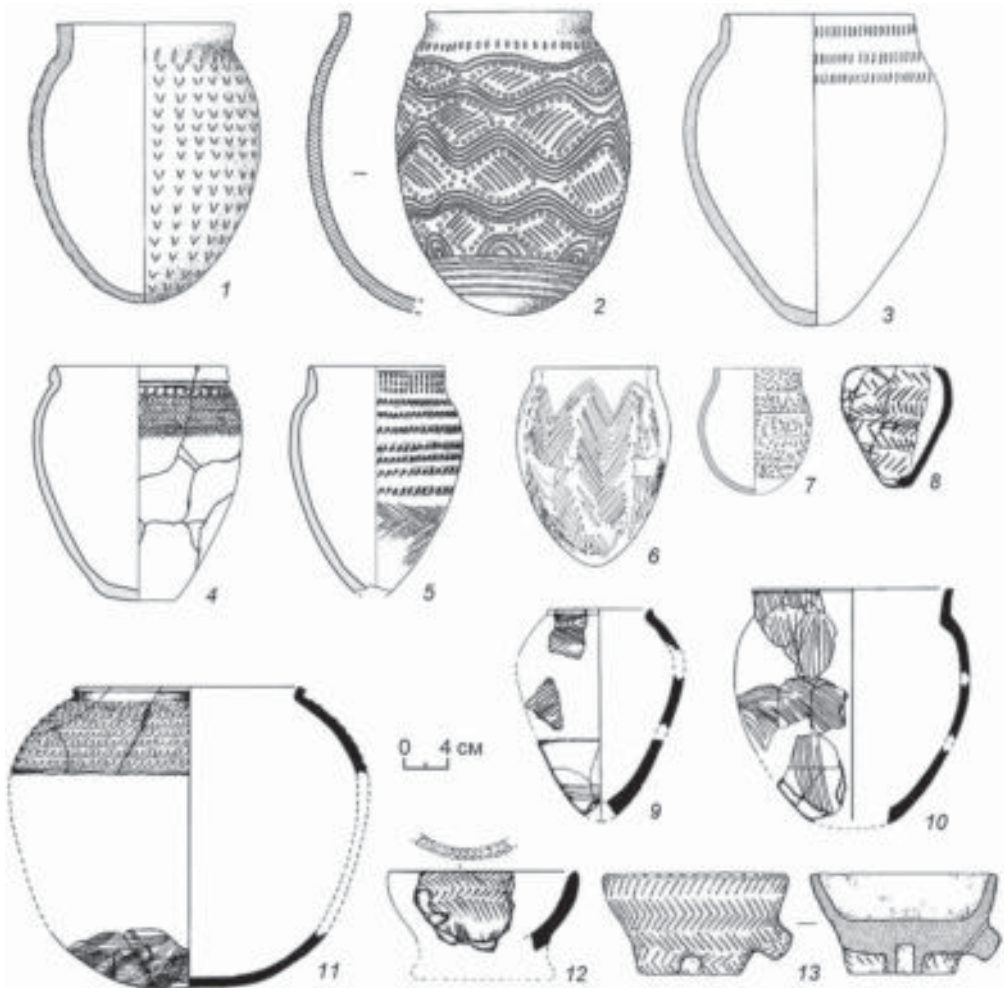

Fig. 3. Relevant Potteries Found in the West.

1-3, 5-10 – egg-shaped pottery (1 – Ayituohan I grave 21; 2 – grave 22; 3 – Songshugou grave 15; 1, 5 – G218 III grave 5B; 2, 6 – Songshugou grave; 1, 7 – Aletengyemu Reservoir grave 74; 1, 8-10 – from Zhukov site) ; 4 – flat bottom pottery (G218 III grave 5A; 2) ; 11 – spherical pottery (Zhukov site) ; 12, 13 – burner (12 – Zhukov site, 13 – Ayituohan I grave 22:2) . [1, 2: Hu Xingjun, Zhang Jie, Hou Zhijun, 2017, fig. 63; 3, 6: Alifujiang Niyazi, Ning Xing, 2018, fig.39; 4, 5: Telbayier, Liu Hanxing, Cao Yu, et al., 2020, fig.6; 7: Hu Xingjun, Ai Tao, 2012, fig. 55; 8-11: Avanesova., 2012, fig.2].

in Ili is similar to Afanasievo's egg-shaped pottery, but its bottom is flat (fig. 3, 4). This pottery is more likely to be an imitation.

Based on the comparison of pottery ornamentation, Kovalev argued that the relevant remains found in Xinjiang may be directly related to the vertical Pit-Graves culture in the western Eurasian steppe, and not necessarily formed by the influence of the Afanasievo culture in South Siberia [Kovalev, 2019].

Kovalev's opinion has some reasonable points. For example, the round kurgan built by sand and loess reflects more on the influence of Pit-Graves culture. However,

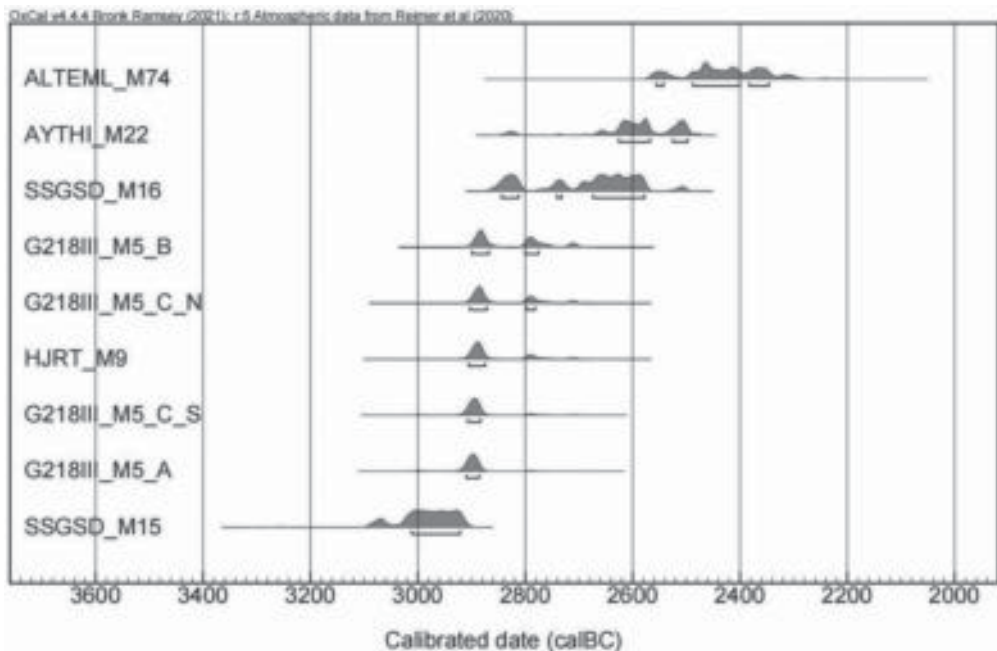

Fig. 4. Calibrated dates of Relevant Remains Found in the West.

on the whole, most of these graves have a round stone enclosure, which is one of the characteristics of the Afanasievo culture that is most different from the Pit-Graves culture. Therefore, the relevant remains in Tacheng and Ili should also belong to the Afanasievo people who went south to the Altai Mountain. It dates from 3100 BC to 2400 BC (tabl. 2, fig. 4), which is roughly in the same period as the Afanasievo culture. It also reflects that the Afanasievo people had been spreading along the mountain corridor of Altai, Tarbagatai and west Tianshan mountains. In this process, the Afanasievo culture not only absorbed other cultures' characteristics but was also accompanied by communication and integration between different people.

Research by Zhang Fan [Zhang, Ning, Scott, 2021] and V. Kuma [Kumar, Wang, Zhang, 2022] showed that the early Bronze Age people in north Xinjiang (e.g. Dzungaria_EBA1&2) represented by Ayituohan I graves 21–22 and G218 III grave 5 not only maintained close genetic distance with the Afanasievo people but also mixed with the genes of the North Asian people. Moreover, the mt-DNA and Y chromosome haplogroup of Songshugou grave 15 were been severally identified as A10 and C2b1, which were common in East and North Asian people (Table 3). Although this individual is not genetically related to the Afanasievo people, his grave, burial conditions and funerary objects still show a cultural link to the Afanasievo culture. It should be a good case to show the cultural exchange and mutual learning between different groups in funeral customs and material culture.

In the western end of the Tianshan mountains, Upper Zeravshan river basin, similar round stone enclosure and relevant potteries were also found in Zhukov site, Samarqand, Uzbekistan. A stela stands in the centre of this stone enclosure, surrounded

Table 3. DNA Information of Relevant Individuals in Xinjiang

Monuments	Sample	Mt-DNA haplogroup	Y haplogroup	Reference
Ayituohan I Grave 22	AYTH_M22B	U5a1a1	Q1b1	Zhang, F., Ning, C., Scott, A. et al., 2021.
	AYTH_M22C	T2d1a		
Songshugou Grave 15-16	SSG_M15_o	A10	C2b1	Kumar V., Wang W., Zhang J., et al., 2022.
	SSGM16	H2b		Zhang, F., Ning, C., Scott, A. et al., 2021
G218IIIM5	G218_M5_1	U5a1b	R1b1a2a2c1	Kumar V., Wang W., Zhang J., et al., 2022.
	G218M5-2	H15b1	R1b1a1a2a2	Zhang, F., Ning, C., Scott, A. et al., 2021
	G218M5-3N	U5a`b	Q1b1	
	G218_M5_3_o	R1b1	R1b1a2a1a	Kumar V., Wang W., Zhang J., et al., 2022.

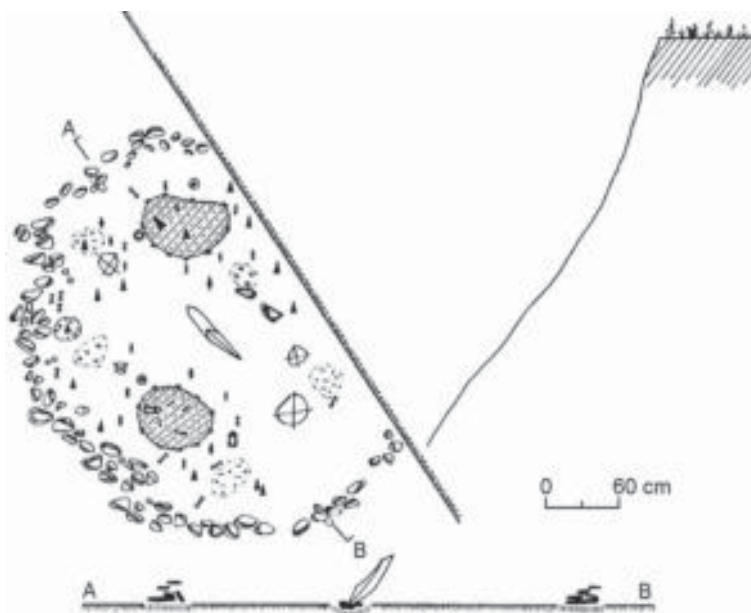

Fig. 5. Relevant Remains Found in the West Zhukov site [Avanesova, 2012, fig. 1].

by fire remains, stone tools, animal bones and potteries (fig. 5). This round stone enclosure is different from Afanasievo's enclosure which is for burial. Hence, N. A. Avanesova considered that the Zhukov site should belong as a ritual monument in the 3rd millennium BC [Avanesova, 2012]. It is noteworthy that the potteries yielded at the Zhukov site included spherical pottery, egg-shaped pottery and burner that are similar to Afanasievo's potteries in the Minusinsk basin [Lazaretov, 2017] in terms of category, morphological characteristics and decorative pattern. Can we conclude from

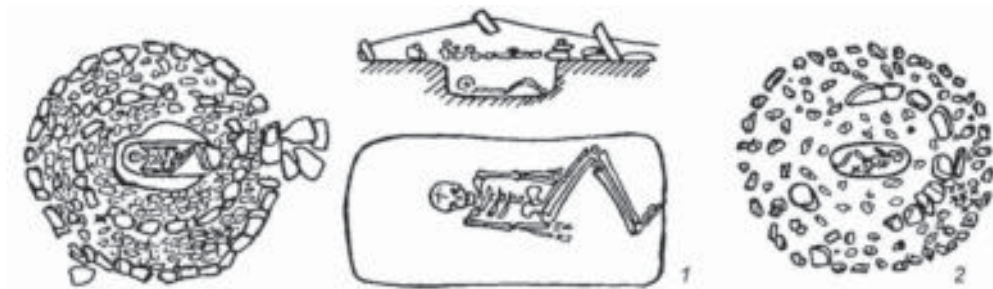

Fig. 6. Afanasievo's graves in Shatar chuluu.

1 – grave 2; 2 – grave 3 [Novgorodova, 1989].

Table 4. Relevant Graves Found in Khangai and Shatar Chuluu

Monuments		Kurgan(meter)	Pit(meter)	Human bone	Notes
Altan sandal uul	Grave 1	Diameter 4.3, height 0.2~0.3	Depth 1.1	flexed limbs, head to the east.	
	Grave 2	Diameter 4.1, height 0.3~0.35	Length width 1.4×0.6, depth1.5	flexed limbs, head to the east.	
	Grave 3	Diameter 4, height 0.3	Length width 1.3×0.7, depth1.4	flexed limbs, head to the west.	
Shatar chuluu	Grave 1	Diameter 10, height 0.7	Length width 2.8×2, depth1.7	flexed limbs, head to the east.	double round stone enclosure
	Grave 2	Diameter 6.5, height 0.35~0.4	Length width 1.5×0.9, depth0.7	flexed limbs, head to the west.	double round stone enclosure
	Grave 3	Diameter 7, Height 0.35~0.4	Length width 1.6×0.9, depth1.1	flexed limbs, head to the east.	Excavated in 1975, double round stone enclosure

this case that the Afanasievo people entered Central Asia along the Altai–Tarbagatai–West Tianshan mountain corridors? Perhaps we need more archaeological discoveries to this question systematically.

Relevant Remains Found in the East

There were six relevant graves and some potteries found in the Khangai mountains region and Alshaa league (Алшаа аймаг).

Altan sandal uul and Shatar chuluu respectively located in northern and southern Khangai. In 1971 and 1975, V.V. Volkov, who led a joint Soviet-Mongolian historical and cultural expedition, excavated six round stone kurgans at these two cemeteries [Volkov, 1980; Novgorodova, 1989. p. 81–85]. Although no more funerary objects were found, the structure of the graves and burial customs were consistent with the Afanasievo culture (fig. 6, tabl. 4).

Table 5. ¹⁴C Dates of Individuals in Shatar Chuluu

Sample	Monuments	Material	Lab number	¹⁴ C age (BP)	Sample
AT-26	Grave1	Human bone	OxA-36222	4410±31	Taylor W., et al., 2019
AT-25	Grave1	Human teeth	OxA-36221	4415±31	

Table 6. DNA Information of Relevant Individuals in Shatar Chuluu

Monuments	Sample	Mt-DNA haplogroup	Y haplogroup
Grave1(AT-26)	N1a1a1a1	R1b1a2a1a (R-P311)	Rogers L. L., et al., 2020, Jeong C., et al.,2020
Grave2(AT-25)	U5a1	J1a (J-CTS5368)	

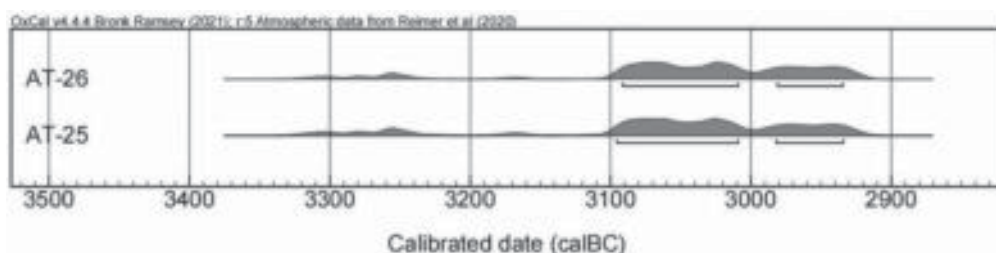

Fig. 7. Calibrated dates of Relevant Remains Found in Shatar chuluu.

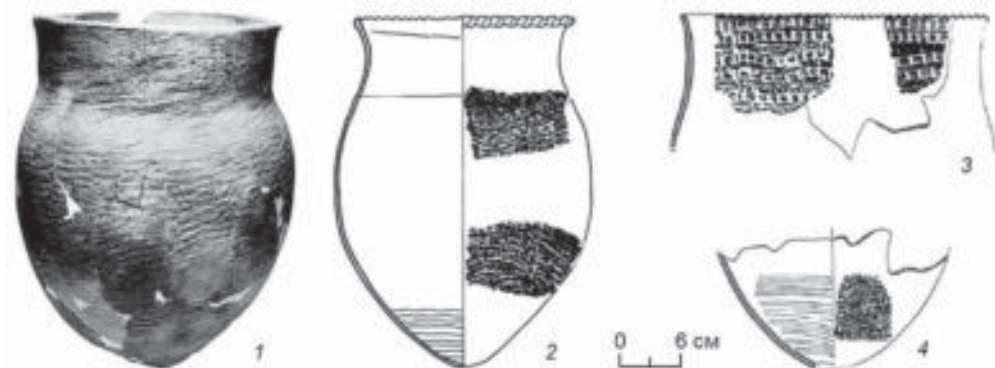

Fig. 8. Relevant Potteries Found in Mongolia and Inner Mongolia, China.

1 – stored in the Institute of History and Archaeology at the Mongolian Academy of Sciences; 2 – collected in the Toudaoshazi site; 3, 4 – collected in the Suhongtu site [1: Turbat Ts., 2016: fig. 27, 2: Wen Chenghao, Li Shuicheng, 2016b, fig.8, 3, 4: Wen Chenghao, Li Shuicheng, 2016a: fig.6].

W. Honeychurch investigated these two cemeteries in 2018 [Honeychurch, Rogers, Amartuvshin, 2021]. W. Taylor, L.L. Roger and Jeong Choongwon did some research about ¹⁴C dates and ancient genomes of the individuals from Shatar chuluu grave 1–2 [Taylor, Wilkin, Wright, 2019; Rogers, Honeychurch, Amartuvshin, 2020; Jeong, Wang, Wilkin, 2020]. The calibrated ¹⁴C datas from 3100 BC to 2900 BC (tabl. 5, fig.

7). The results of genetic tests are also consistent with Afanasievo people (tabl. 6). These pieces of evidence suggest that some of the Afanasievo people migrated from the Altai Mountains to the Khangai Mountains region in the hinterland of the Mongolian Plateau around 3000 BC.

Except for these six graves, there are two egg-shaped potteries and some fragments found in the Gobi Desert.

One of them was introduced in the Multi-volume catalogue “*Archaeological Relics of Mongolia VI: Ancient Ceramic Potteries of Mongolia*”. Ts. Turbat indicated that this egg-shaped pottery was black-grey in colour, decorated evenly with cord impressions (fig. 8, 1), and stored in the Institute of History and Archaeology at the Mongolian Academy of Sciences (МҮШИЯ ТАХ) [Turbat, 2016]. According to the author’s observation, this egg-shaped pottery had a high neck and round bottom, and the edge of its neck has jagged edge. Recent studies by Russian scholars show that similar high-neck egg-shaped pottery was common during the early phase of Afanasievo culture, especially in the remains of Russian Altai [Lazaretov, 2017; Polyakov, 2022], which were dated from 3100 BC to 2900 BC [Polyakov, Svyatko, Stepanova, 2018]. But it is puzzling that this egg-shaped pottery was decorated evenly with cord impressions which were commonly seen in potteries of North China in the 3rd millennium BC.

Other potteries (fig. 8, 2–4) were collected at Toudaoshazi and Suhongtu sites in Alshaa left banner (Алшаа зүүн хошуу), Inner Mongolia, China [Wen, Li, 2016a, 2016b]. They were similar to the above-mentioned egg-shaped pottery decorated with cord impressions (fig. 8, 1) and showed a cultural connection with the potteries in the early phase of Afanasievo culture. But the cord impressions were rarely found in the Afanasievo potteries of South Siberia, which might imply the influence of pottery decoration technology from North China. Above all, it is incredible that the Afanasievo egg-shaped potteries were brought into western Helan Mountain. The process of pottery spreading is still to be explored in the future.

Conclusion and Discussion

The archaeological remains mentioned above are generally distributed along two mountain corridors. The west corridor was the Altai–Tarbagatai–West Tianshan, there were found relevant remains linked with different phases of Afanasievo culture, which showed that Afanasievo people were active for a long time on this route. The east corridor was the Altai–Khangai corridor, there were found less relevant remains, they were only linked with the early phase of Afanasievo culture. But this route might be crossed the Gobi Desert and extended to the Helan Mountains in the southeast because of the potteries’ evidence found in Alshaa.

In general, the archaeological findings presented above show that the Afanasievo culture spread outwards mainly through mountain corridors, and might have contacts and communication with Central Asia and North China. The migration of Afanasievo people was the main factor in cultural spreading. The new raised early pastoralism and corresponding high protein diet might also have played an important role in the

migration of Afanasievo people, including but not limited to the relatively stable source of food such as meat and milk, and the motivation of seeking pasture. These questions are to be researched and explored in the future.

References

- Allentoft M.E., Sikora M., Sjogren K-G.** Population genomics of Bronze Age Eurasia // *Nature*, 2015. Vol. 522.
- Alifujiang Niyazi, Ning Xing.** Excavation of Songshugou Cemetery, Hoboksar County // *Cultural Relics of Xinjiang*, 2018. N1–2. P. 55–81. (In Chin.).
- Avanesova N.A.** Svyatilishche rannikh nomadov Zeravshana // In *Afnas'evskii sbornik*. Barnaul: Azbuka, 2012. N 2. P. 8–27. (In Russ.).
- Debets G.F.** Paleoantropologiya USSR, Moscow: AS USSR Publ., 1948. (In Russ.).
- Hermes Taylor R., Tishkin A.A., Kosintsev P.A.** Mitochondrial DNA of domesticated sheep confirms pastoralist component of Afanasievo subsistence economy in the Altai Mountains (3300–2900 cal BC) // *Archaeological Research in Asia*, 2020. N 24.
- Honeychurch W., Rogers L., Amartuvshin Ch.** The earliest herders of East Asia: Examining Afanasievo entry to Central Mongolia // *Archaeological Research in Asia*, 2021. N 26. P. 100264.
- Hu Xingjun, Ai Tao.** The Excavation of Aletengyemu Reservoir Cemetery in Yumin County // *Cultural Relics of Xinjiang*, 2012. N 3–4. P. 41–75. (In Chin.).
- Hu Xingjun, Alifu.** Excavation of Abudula Reservoir Cemeteries, Tacheng City // *Cultural Relics of Xinjiang*, 2016. N 1. P. 50–60. (In Chin.).
- Hu Xingjun, Zhang Jie, Hou Zhijun.** Excavation of N 1 Ayituohan Cemeteries, Habahe County // *Cultural Relics of Xinjiang*, 2017. N 2. P. 19–39. (In Chin.).
- Jeong C., Wang K., Wilkin S.** A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe // *Cell*, 2020. N 183. P. 1–15.
- Kovalev A.A.** Afanas'evskaya kul'tura v Sin'tszyane // *KSIA*, 2017. N 247. P. 245–265. (In Russ.).
- Kovalev A.A.** Rasprostranenie afanas'evskoi kul'tury na territorii Sin'tszyana: khronologicheskie ramki i tipologicheskie osobennosti // *Fenomeny kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoi i lesostepnoi polosy Evrazii: puti kul'turnogo vzaimodeistviya v V–III tys. do n.e. (sbornik nauchnykh statei)*, Orenburg: OGPU Press, 2019. P. 188–209. (In Russ.).
- Kumar V., Wang W., Zhang J.** Bronze and Iron Age population movements underlie Xinjiang population history // *Science*, 2022. N 376.
- Lazaretov I.P.** K otnositel'noi khronologii afanas'evskoi kul'tury Srednego Eniseya ili khorosho zabytoe staroe // In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii*, 2017. N 8. P. 8–34. (In Russ.).
- Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N.** Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // *Nature*, 2015. Vol. 528.
- Morgunova N.L.** O kharaktere kul'turnogo vzaimodeistviya naseleniya yamnoi kul'tury stepnogo Volgo-Ural'ya i afanas'evskoi kul'tury Altae-Sayanskogo regiona // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2014. N 3. P. 4–13. (In Russ.).
- Novgorodova E.A.** *Drevnyaya Mongoliya*, Moscow: Nauka, 1989. (In Russ.).
- Polyakov A.V.** *Khronologiya i kul'turogenез pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin*. Sankt-Peterburg: IIMK RAS, 2022. (In Russ.).
- Polyakov A.V., Svyatko S.V., Stepanova N.F.** A Review of the Radiocarbon Dates for the Afanasyevo Culture (Central Asia): Shifting Towards the “Shorter” Chronology // *Radiocarbon*, 2018. P. 1–12.
- Rogers L.L., Honeychurch W., Amartuvshin Ch.** Brief Communication: U5a1 Mitochondrial DNA haplogroup Identified in Eneolithic Skeleton from Shatar Chuluu, Mongolia // *Human Biology Open Access Pre-Prints*, 2020. P. 3–26.

Telbayier, Liu Hanxing, Cao Yu. Brief Report on the Excavation of the Ancient Tombs along the Nilke Section of the Dunmazha-Nalati Expressway in Ili Prefecture, Xinjiang // *Kao Gu*, 2020. N12. P. 3–20. (In Chin.).

Taylor W., Wilkin S., Wright J. Radiocarbon dating and cultural dynamics across Mongolia's early pastoral transition, *PLoS ONE*, 2019. N 14.

Turbat Ts. Neolithic and Eneolithic Ceramic Vessels // *Archaeological Relics of Mongolia VI Ancient Ceramic Potteries of Mongolia*, Ulaanbaatar, 2016. P. 24–31.

Wang Yongqiang, Hou Zhijun, Yan Xuemei. Archaeological Achievement of Xinjiang // *The Western Regions Studies*, 2018. N 3. P. 126–136. (In Chin.).

Wen Chenghao, Li Shuicheng. Preliminary Report on the Survey of the Suhongtu Site in Alxa Left Banner // *Archaeology and Cultural Relics*, 2016. N 1. P. 3–8. (In Chin.).

Wen Chenghao, Li Shuicheng. Preliminary Report on the Survey of the Toudaoshazi Site in the Alxa Left Banner, Inner Mongolia // *Archaeology and Cultural Relics*, 2016. N 1. P. 9–16. (In Chin.).

Volkov V.V. Kurgan afanas'evskogo tipa v Mongolin // *Arkheologiiin sudlal*, 1980. Vol. 9. P. 13–116. (In Russ.).

Zhang, F., Ning, C., Scott, A. The genomic origins of the Bronze Age Tarim Basin mummies // *Nature*, 2021. Vol. 599.

Список сокращений

АН РУз	– Академия наук Республики Узбекистан
АН СССР	– Академия наук СССР
АО	– Археологические открытия
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ВДИ	– Вестник древней истории
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение РАН
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИИАЭН ДВ	– Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИИФФ СО АН	– Институт истории, филологии и философии СО АН
ИМКУ	– История материальной культуры Узбекистана
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии РАН
КСИА	– Краткие сообщения института археологии
КФАН	– Каракалпакский филиал академии наук
МИА	– Материалы и исследования по археологии
ОАН	– Объект археологического наследия
ОНУ	– Общественные науки в Узбекистане
ПО	– Программное обеспечение
РА	– Российская археология
РФФИ	– Российский Фонд Фундаментальных Исследований
СА	– Советская археология
СВКНИИ	– Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
СМАЭ	– Сборник Музея антропологии и этнографии
СО АН	– Сибирское отделение Академии наук
СУБД	– Система управления базами данных
УрО РАН	– Уральское отделение РАН
FESU	– FarEastStateUniversity

Содержание

Белоусова Н.Е. Новая культурно-хронологическая последовательность стоянки Ануй-2: предварительные результаты	5
Ван Пэн. Бронзовое копье сейминско-турбинского типа из бассейна р. Янцзы в Китае и научная значимость этой находки	12
Головченко Н.Н. Историографический аспект изучения поликультурности населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа	18
Горлышкин Н.Е. К проблеме соотношения археологических и исторических источников по ранним этапам русского освоения Кузнецкой котловины	27
Гребенюк П.С. Археологические памятники на мысе Братьев (Северное Приохотье): предварительные результаты комплексного изучения	38
Денисенко В.Л. Погребальный обряд индо-скифов и кушан на территории Северной Индии	44
Кан Ин Ук. Полувековая история изучения археологии Кореи в Новосибирске и личность Ю.М. Бутина	55
Кудинова М.А. Золотые украшения одежды и головного убора в «степном» стиле из элитных погребений эпохи Западной Хань	65
Лада А.Р., Бессуднов А.А. Техника первичного расщепления древнейших пластинчатых комплексов верхнего палеолита Восточной Европы	77
Левина Е.В., Федорченко А.Ю. Основные этапы экспериментально-трасологических исследований в палеолитоведении Алтая	85
Ли Еюй. Происхождение населения культуры Сяохэ	103
Мадреймов Б.Ж. Палеолитические камнеобрабатывающие мастерские Устюрта (Новые данные о мастерской Есен 2)	116
Му Цзиньшань. Пазырыкская культура в Восточном Сибиряке: Сигоу ижи курган 1	125
Мурзина С.Р. Методика реставрации археологических находок из медных сплавов в сочетании с органическими материалами	136
Некраш А.А. Кости животных в погребальной практике носителей одиновской и кротовской культур (Барабинская лесостепь)	143
Панкина А.И., Соколова О.Ю., Казаков В.В. Апробация многопользовательского веб-приложения с настраиваемой системой наложения прорисовок петроглифов на примере плоскости Пангудэ (Ульсан, Южная Корея).	152
Сейтов Р.М. Образ «Северных варваров» в Японии в эпоху Токугава (1603–1868)	162

Селин Д.В., Чемякин Ю.П. Техничко-технологические традиции в гончарстве носителей калинкинской культуры на Барсовой Горе (по материалам селища Барсова гора III/20)	167
Сопова К.О. Статистическая фиксация массового керамического материала русских памятников Нового времени	185
Титова А.В. Китайские импортные предметы в материалах саргатской культуры	191
Трубникова В.Б. Китайские бронзовые зеркала в ранних сяньбэйских памятниках: хронология и традиция	197
Харитонов Р.М. Ретроспектива в оружейведении на примере бурятского традиционного лука	208
Храмцов М.В. Проблемы выделения липчинской культуры	220
Цембалюк С.И., Берлина С.В., Огнева Е.Д. Селище Старо-Лыбаево III. Новый памятник эпохи Средневековья из Притоболья (предварительные результаты)	227
Шишкина О.О., Сирюкин И.В. Наскальное искусство Нового времени на горе Тепсей	234
Даулицзын Ээрхаликэ. Археологическое изучение и исследования Наместничества Западного края в период династии Хань	242
Лю Цзялинь. Отражение связей регионов в нефрите: от Шицзяхэ до Сяньсиндуй	257
Лю Сян. Изобретение технологии литья со стержнем в Евразийской степи	265
Селютина А.И., Чан Хёнгиль. Доказательства и характеристики начального верхнего палеолита Корейского полуострова и его связи с Алтаем	269
Ван Иньчэнь. Следы афанасьевской культуры, найденные на северо-западе Китая: обзор	274
Список сокращений	287

Contents

Belousova N.E. New Cultural and Chronological Sequence of the Anui-2 Site: Preliminary Results	5
Wang Peng. A Seima-Turbino Bronze Spear Discovered in the Yangtze River Valley in China and Its Important Academic Significance	12
Golovchenko N.N. Historiographical Aspect of the Study of Policulturalism of the Population of the Upper Ob Basin of the Early Iron Age	18
Gorlyshkin N.E. To the Problem of Archaeological and Historical Sources Correlation During the Early Stages of the Russian Exploration of the Kuznetsk Basin	27
Grebenyuk P.S. Archaeological Sites at Cape Bratiev (Northern Priokhotye): Preliminary Results of a Comprehensive Study	38
Denisenko V.L. Funeral Rite of the Indo-Scythians and Kushans on the Territory of Northern India.	45
Kang In Uk. Half a Century of History of Studying the Archeology of Korea in Novosibirsk and the Role of Yu. M. Butin	55
Kudinova M.A. Golden Decorations of Clothes and Headdress in the “Steppe” Style From the Elite Tombs of Western Han epoch	65
Lada A.R., Bessudnov A.A. Knapping Technology of the Earliest Blade Industries of the Eastern Europe	77
Levina E.V., Fedorchenko A.Yu. Main Stages of Experimental Traceological Analysis in Altai Palaeolithic Studies	85
Li Yeyu. Origin of the Xiaohu Culture Population.	103
Madreymov B.J. Paleolithic Stone-Working Workshops of Ustyurt (New Data on the Esen 2 Workshop).	116
Mu Jinshan. Pazyryk Culture in Eastern Xinjiang: Sigou Yizhi Kurgan 1	125
Murzina S.R. Methodology of Conservation Copper Based Archaeological Finds in Combination with Organic Materials	136
Nekrash A.A. The Usage of Animal Bones in the Burial Practice in Odino and Krotovo Cultures of the Baraba Forest-Steppe	143
Pankina A.I., Sokolova O.Y., Kasakov V.V. Approbation of a Multi-User Web Application with a Customizable Overlay System Drawing of Petroglyphs on the Example of the Bangudae Rock Art Site (Ulsan, South Korea).	152
Seitov R.M. The Image of the “Northern barbarians” in Japan During the Tokugawa Era (1603–1868)	162

Selin D.V., Chemyakin Yu.P. Technique-Technological Traditions in the Pottery of the Kalinkino Culture on Barsova Gora (Based on the Materials of the Settlement of Barsova Gora III/20)	167
Sopova K.O. Statistical Description of the Mass Ceramic Materials on the Russians Sites of the Modern Age	185
Titova A.V. Chinese Trade Items in Sargat Culture.	191
Trubnikova V.B. Chinese Bronze Mirrors in Xianbei Early Sites: Chronology and Tradition	197
Kharitonov R.M. Retrospection in Weapons Science on the Example of the Buryat Traditional Bow	208
Khramtsov M.V. Problems of Allocation Lipchinsky Culture	220
Tsembalyuk S.I., Berlina S.V., Oгнеva E.D. The Settlement of Staro-Lybaevo III. A New Settlement of the Middle Ages from the Pritobolye (Preliminary Results) . . .	227
Shishkina O.O., Siryukin I.V. Rock Art of the New Time on Mount Tepsey	234
Dawulijiang Yeerhalike. Archaeological Investigations and Studies on the Protector-General of Western Regions in the Han Dynasty	242
Liu Jialin. Regional Interactions Reflected in Jade: From the Shijiahe to the Sanxingdui	257
Liu Xiang. The Invention of Core-Casting Technology in the Eurasian Steppe.	265
Seliutina A.I., Hyeonggil Jang. The Evidence and Characteristics of Korean Peninsula Initial Upper Paleolithic and its Connections with Altai Region	269
Wang Yinchen. The Remains of Afanasievo Culture Found in Northwest China: A Review	274

Научное издание

**Археологические культуры Сибири
в контексте кросс-культурных контактов в Евразии:
к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири
(1722 г.)**

Материалы Международной археологической конференции молодых исследователей
«Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов
в Евразии: к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.)»
(Новосибирск, 21–25 ноября 2022 г.)

Редактор *М.Н. Петрова*
Технический редактор *И.П. Гемуева*
Дизайнер *А.А. Фурсенко*
Дизайн обложки *Е.В. Молодин*

Подписано в печать 10.11.2022 г. Формат 70 × 100/16.
Усл. печ. л. 23,7. Уч.-изд. л. 21,24. Тираж 100 экз. Заказ № 564.

Издательство ИАЭТ СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090, Новосибирск
<http://www.archaeology.nsc.ru>